

В. П. Смирнов

**ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ
ВО ФРАНЦИИ
В ГОДЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

LE FRANC-TIREUR

Organe des Mouvements de Résistance Unis - Liberté - Égalité - Fraternité
Victoire de la Liberté

MUSSOLINI S'EFFONDRE! ET D'OI

Après vingt ans, la première dictature fasciste s'écroule.
L'axe est brisé, la débâcle de l'ennemi et des traités dénoncés.

L'UNION POPULAIRE DE LA RÉGION PARISIENNE

Travailleurs, réalisez votre Union dans l'action
Contre la domestication de vos Syndicats
Salut aux dévoués

JUIN 1941
N° 2

l'Humanité

M Hitler avait promis de gagner la guerre en 1941. Mais l'Armée Rouge, sous le commandement de notre grand Staline, a bouclé ses plans, et l'armée nazie est en recul sur tout le front de l'Est.

A tous les militants communistes!

Commandes, troupes, à la réalité présente

LIBÉRATION

ORGANE DES MOUVEMENTS DE RÉSISTANCE UNIS
DE CHEF: DE GAULLE; UN SEUL BUT: POUR NOS LIBERTÉS

La Jeunesse française répond: Merde

le Rassemblement du Peuple

La crise passera et d'abord est le symbole de la Résistance. A Munich en 1938, les hommes d'Hitler étaient...
A LIBÉRATION nous nous sommes alliés avec les ennemis de la collaboration, nous nous sommes alliés avec les ennemis de la collaboration, nous nous sommes alliés avec les ennemis de la collaboration...

Autres Organes des Mouvements de Résistance Unis
COMBAT
FRANC-TIREUR

l'Humanité

LA PRÉPARATION DE L'INSURRECTION ET LES TACHES DE L'HEU

Gabriel PERI Lucien SAMPAX ont été tués

par ordre du bandit Von STUELPNAGEL

FRANCE

COMITIQUE N° 10
Par suite de la situation...

LE POPULAIRE

ORGANE DU PARTI SOCIALISTE
RÉSISTEZ A LA DÉPORTATION!

Aidez nos camarades emprisonnés
Mars 1943

VIVE LA COMMUNE!

18 MARS 1943 !!

DÉFENSE DE LA FRANCE

VOIX DE MORTS

combat

LE PEUPLE A

A TOUS LES FRANÇAIS

В. П. Смирнов ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ
во ФРАНЦИИ
в годы
второй
мировой
войны

В. П. Смирнов

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ во ФРАНЦИИ

Глава 1

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Глава 2

**ПОДЪЕМ
ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Издательство
«Мысль»
Москва 1974

Глава 3

**ОБЪЕДИНЕНИЕ
СИЛ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Глава 4

**НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОССТАНИЕ**

9(М)72
С50

**Главная редакция
социально-экономической
литературы**

С $\frac{10603-071}{004(01)-74}$ 83-74

© Издательство «Мысль», 1974

ВВЕДЕНИЕ

Каждый год в августе Франция отмечает День освобождения. У могилы Неизвестного солдата под Триумфальной аркой, у мемориальных досок на стенах домов, у памятников павшим, так обильно рассеянных по французской земле, собираются немолодые и чем-то похожие друг на друга люди. Они надевают ордена, которые обычно не носят, говорят речи и возлагают цветы к могилам погибших героев. Эти люди — участники движения Сопротивления. Во время второй мировой войны они боролись за свободу, независимость и величие Франции. Героические, страшные и счастливые годы Сопротивления — их молодость, их слава, их гордость, нередко вершина жизненного пути.

Многое изменилось с тех пор. Жизнь стремительно идет вперед; ряды участников Сопротивления редеют, и само Сопротивление порой кажется молодому поколению легендой, относящейся к далекому прошлому. Прах одного из основателей Сопротивления, Ж. Мулена, ныне покоится в Пантеоне; именами героев Сопротивления названы улицы и площади французских городов. Французский народ чтит память Сопротивления, однако мысли и чувства его участников нередко окрашены горечью.

Послевоенная Франция оказалась далека от идеалов Сопротивления. Превратности послевоенной истории и политической борьбы сделали многих бывших соратников врагами. Но как бы далеко ни разошлись жизненные пути участников Сопротивления, их объединяют прочные узы. Они прошли сквозь огонь Сопротивления, и ничто не может полностью стереть этот отпечаток. Их руками и руками тех, кто погиб в битве за Францию, написана одна из самых ярких страниц французской истории — история движения Сопротивления.

В годы войны, когда Франция была оккупирована фашистскими государствами, а ее правители пресмыкались перед захватчиками, когда казалось, что Франция навсегда вычеркнута из списка великих держав, участники движения Сопротивления подняли знамя борьбы

против оккупантов и предателей. Вопреки национальной измене правящих классов они спасли честь своей страны и доказали, что французский народ не примирится с порабощением.

Движение Сопротивления внесло большой вклад в победу над гитлеризмом, ускорило освобождение Франции и открыло путь для ее возрождения в качестве великой, независимой, демократической державы. Окончательный разгром фашизма, стремительный подъем народных, демократических сил во главе с Коммунистической партией, глубокие политические и социально-экономические преобразования 1944—1946 гг. в значительной степени явились плодами Сопротивления.

6 Идеалы и традиции Сопротивления до сих пор остаются живой реальностью политической жизни Франции. Почти все французские политические партии, общественные и государственные деятели постоянно обращаются к опыту Сопротивления, черпают из него примеры и аргументы для обоснования своей политики. Наследниками Сопротивления считают себя самые разные политические группировки: от коммунистов до деголлевцев, от ультраколониалистов из правой террористической организации ОАС до левацких групп.

Подлинным и единственно последовательным защитником идеалов Сопротивления является Французская коммунистическая партия, которая была главным организатором и вдохновителем этого движения. Современная борьба ФКП против власти монополий, за мир, демократию и социализм продолжает и развивает лучшие традиции Сопротивления. В разработанной коммунистами программе передовой демократии, открывающей путь к социализму, содержатся многие положения, провозглашенные в свое время движением Сопротивления.

Советские люди относятся к французскому движению Сопротивления с глубоким уважением и интересом. В годы войны Советский Союз и Франция вместе с другими державами антигитлеровской коалиции боролись против общего врага. Во французских партизанских отрядах насчитывалось немало советских граждан. В СССР действовала французская авиационная эскадрилья «Нормандия — Неман».

Память о совместной борьбе против фашизма является общим достоянием народов Франции и СССР, укрепляет их дружбу и сотрудничество.

Будучи неотъемлемой частью истории Франции, французское Сопротивление одновременно является частью широкого международного движения. Как известно, в годы второй мировой войны движение Сопротивления существовало не только во Франции, но и во многих других странах Европы и Азии, оккупированных агрессорами или находившихся под властью фашизма. Движение Сопротивления охватило десятки государств, развернулось на огромной территории: от Франции до Филиппин, от Норвегии до Греции.

Несмотря на жесточайший террор со стороны оккупантов и их пособников, участники Сопротивления создали на территории своих стран сеть нелегальных организаций, занимавшихся политической, пропагандистской, разведывательной и военной деятельностью; организовывали партизанские отряды, а иногда и целые партизанские армии. Вовлекая в свою орбиту миллионы людей, движение Сопротивления нанесло тяжелые удары фашистским агрессорам и ускорило освобождение поработенных народов.

После окончания войны Сопротивление вышло на политическую арену как крупная общественная сила, наложившая глубокий отпечаток на последующие события. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма создала условия для бурного роста всех демократических, антифашистских сил, участвовавших в движении Сопротивления. Движение Сопротивления способствовало восстановлению независимости оккупированных стран и ослаблению внутренней реакции. В ряде государств Европы и Азии движение Сопротивления переросло в борьбу за победу социализма.

Новые события, происшедшие в послевоенный период, особенно распад колониальной системы империализма, позволяют рассматривать движение Сопротивления в еще более широкой исторической перспективе. Наблюдая за борьбой угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки, некоторые историки пришли к выводу, что «уроки европейского Сопротивления не были забыты заморскими народами»¹.

Во многих колониальных и полуколониальных стра-

¹ Н. Michel. Histoire de la Résistance en France. Paris, 1962, p. 5.

нах патриоты создавали свои нелегальные организации и вели длительную партизанскую борьбу против иностранных захватчиков-колонизаторов примерно теми же методами, что и участники Сопротивления. В некоторых случаях, например во Вьетнаме, Индонезии, на Филиппинах, борьба против иностранных колонизаторов была прямым продолжением сопротивления агрессорам, оккупировавшим эти районы в 1941—1945 гг. Все это наводит на мысль, что движение Сопротивления — фактор мирового значения, сравнимый по своим результатам и последствиям с крупнейшими историческими событиями прошлого. Изучение французского движения Сопротивления как части более широкого международного движения может дать материал для понимания общих процессов исторического развития.

* * *

Истории французского движения Сопротивления посвящена колоссальная литература. Общее количество опубликованных во Франции книг, статей, рецензий, заметок по истории Сопротивления превысило 30 тыс.¹ и с каждым годом возрастает. Только число крупных статей и книг к середине 60-х годов составляло около 1200 наименований². Изучением движения Сопротивления занимается особый Комитет по истории второй мировой войны при премьер-министре Франции, издающий научный журнал «Обзор истории второй мировой войны» и серию монографий «Дух Сопротивления».

Проблемы истории Сопротивления неоднократно обсуждались на международных конференциях историков и участников Сопротивления в Бельгии, Италии, Чехословакии, Польше, ГДР, Советском Союзе и в других странах. Они привлекли большое внимание XII и XIII международных конгрессов исторических наук. Значительный вклад в изучение французского движения Сопротивления внесли советские историки и журналисты, перу которых принадлежит свыше 100 печатных работ³,

¹ F. Grenier. Après «Les Patriotes de Bretagne» de Roger Le Nyaric. — «Cahiers du Communisme», 1966, N 10, p. 112.

² H. Michel. Bibliographie critique de la Résistance. Paris, 1964, p. 8.

³ См. «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». Указатель литературы, опубликованной в СССР на русском языке в 1939—1968 гг. Составитель В. И. Шишкин, под ред. П. Б. Уманского. Изд-во Казанского ун-та, 1969.

в том числе обобщающая монография И. А. Колоскова и Н. Г. Цырульникова, а также специальная глава в коллективной работе «История Франции»¹. Несмотря на это, изучение французского Сопротивления далеко не завершено. При огромном количестве работ по частным вопросам, обобщающие исследования пока редки и обычно не касаются теоретических проблем. Недостаточно изучено взаимовлияние национальных и классовых интересов внутри Сопротивления, вопросы идейно-политической борьбы; мало известна история отдельных организаций. Существенно осложняет работу историков закон, запрещающий доступ к документам французских государственных архивов в течение 50 лет с момента их составления.

Сейчас еще невозможно создать полную историю французского движения Сопротивления. Для этого необходимы усилия большого коллектива, способного разработать весь комплекс военных, политических, экономических и социальных проблем, связанных с Сопротивлением. В этой книге предпринята попытка дать общую картину французского Сопротивления и проследить его эволюцию. Основное внимание уделяется изучению целей, политики и тактики главных организаций Сопротивления, анализу классовых противоречий внутри этого движения. Проблемы, уже освещавшиеся советскими историками (политика правительства Виши, участие советских людей во французском движении Сопротивления, действия эскадрильи «Нормандия — Неман»), затрагиваются лишь попутно.

Автор работал в библиотеках и архивах Советского Союза и Франции, работники которых оказали ему чрезвычайно ценную помощь и содействие. Многие историки, сотрудники Комитета по истории второй мировой войны, участники французского движения Сопротивления поделились с ним документальными материалами или воспоминаниями. Всем им автор рад выразить самую искреннюю признательность.

Особенно благодарен автор генеральному секретарю Национального фронта П. Вийону, секретарю Национального фронта южной зоны М. Брон, председателю

---

¹ См.: И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960: «История Франции», т. 3, М., 1973, гл. 6.

и секретарю Парижского комитета освобождения А. Толле и А. Обадиа, членам Национального фронта Р. Пестури и Ж. Жюлиа, члену Национального совета Сопротивления Ж. Дебю-Бриделю, секретарям Национального совета Сопротивления П. Менье и Р. Шамбейрону, видным деятелям Сопротивления А. Френэ, Ж. Удару, Ф. Клозону, чьи воспоминания и личные архивы широко использованы в этой книге.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ХАРАКТЕР И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

10 Хотя понятие «движение Сопротивления» давно получило права гражданства, его строгое научное определение представляет немалые трудности. Слово «Сопротивление» появилось во Франции после поражения 1940 г., когда перед каждым французом встал вопрос: подчиниться немецко-фашистским захватчикам или сопротивляться им? В первых нелегальных листовках и газетах, в речах генерала де Голля из Лондона, в деятельности самих борцов Сопротивления этот термин употреблялся очень широко. Затем он перекинулся за границы Франции и вскоре получил всемирное распространение. Его точный смысл и значение вряд ли особенно беспокоили участников Сопротивления. Однако после войны положение изменилось. Вопрос о том, что такое Сопротивление, стал предметом острых дискуссий, вызванных сложностью проблемы и особенно развернувшейся во Франции классовой борьбой.

Движение Сопротивления завоевало такой огромный авторитет в массах, что все классы и партии освобожденной Франции стремились предстать в роли его организаторов, руководителей или хотя бы участников. Если партия или класс могли доказать свое активное участие в Сопротивлении, их морально-политический авторитет резко повышался; напротив, сторонники сотрудничества с оккупантами теряли доверие масс. Личная судьба множества французов также зависела от их отношения к Сопротивлению. В первые послевоенные годы участие в Сопротивлении нередко открывало путь к успешной карьере и во всяком случае означало почет и пенсию. Противникам Сопротивления, пособникам окку-

пантов грозила политическая дискредитация, а порой и судебное преследование. Понятно, что немало партий и лиц, не имевших никакого отношения к Сопротивлению, поспешили объявить себя его сторонниками. Даже руководители сотрудничавшего с гитлеровской Германией правительства Виши, которым грозило обвинение в государственной измене, заговорили о том, что они будто бы «сопротивлялись» оккупантам.

Признание обоснованности или необоснованности подобных претензий зависело от ответа на, казалось бы, простой вопрос: что такое движение Сопротивления? Этот вопрос приобрел большое политическое значение и обсуждался не столько в исторических исследованиях, сколько в политических и судебных дискуссиях, причем обычно ставился в заостренной, конкретно-политической форме: какие действия можно отнести к движению Сопротивления и кого следует считать его участником? Поиски шли в двух направлениях. С одной стороны, составлялся своего рода перечень актов Сопротивления, на основе которого выдавались официальные удостоверения его участникам. С другой стороны,— особенно в связи с проведением международных конференций по истории Сопротивления в конце 50-х — начале 60-х годов — обсуждались теоретические проблемы: в чем состоят цели, характер и сущность движения Сопротивления? К какому типу общественных движений оно принадлежит? Какие традиции продолжает?

Даже составление списка актов Сопротивления оказалось нелегкой задачей. По самому существу дела движение Сопротивления было очень многообразным. Его участники слушали иностранное радио, издавали нелегальные газеты и листовки, боролись за экономические требования трудящихся, собирали денежные средства, занимались разведкой, вели вооруженную борьбу, осуществляли множество других акций, которые внешне иногда носили легальный характер. Некоторые из них (например, слушание иностранного радио) сами по себе еще не давали оснований рассматривать их как акты Сопротивления.

Положение осложнилось тем, что после освобождения Франции в стране произошла серьезная перегруппировка классовых сил, выразившаяся, в частности, в расколе Сопротивления. Его буржуазные деятели, которые в 1943—1944 гг. вместе с коммунистами выступали

за освобождение Франции, теперь повели борьбу против Коммунистической партии. Начав с подчеркивания прежних разногласий с коммунистами, они стали ставить под сомнение подлинные цели Коммунистической партии и преуменьшать ее роль в Сопротивлении. Желая задним числом «исключить» Компартию из Сопротивления, буржуазные деятели стремились сузить его рамки: отказывались считать актами Сопротивления распространение коммунистической печати, экономические стачки и демонстрации в защиту повседневных требований трудящихся, хотя во время войны никто не отрицал их значения. Основными формами движения Сопротивления провозглашались антинемецкая пропаганда, диверсии, саботаж и особенно разведывательная деятельность в пользу Англии или «Свободной Франции», созданной в Лондоне генералом де Голлем.

На почве антикоммунизма произошло сближение буржуазных деятелей Сопротивления с их прежними противниками — сторонниками правительства Виши, которые ссылались на конфликты между Виши и Германией или на свои антинемецкие настроения как на доказательство принадлежности к Сопротивлению. В связи с этим были предприняты попытки «расширить» Сопротивление, представив его прежде всего как определенное умонастроение, не обязательно выражавшееся в конкретных действиях. К участникам Сопротивления предлагали причислить даже тех, кто ограничивался лишь «слушанием радио союзников, поддерживал свои и чужие надежды и сжимал кулаки в кармане, проходя мимо немецкого солдата»¹. Такая формулировка причисляла к участникам Сопротивления всех недовольных оккупационным режимом, даже если они не предпринимали никаких действий против оккупантов. Она могла быть использована для реабилитации вишистов и других злоупотреблений.

В последнее время пробивает дорогу понимание Сопротивления как совокупности *действий*, направленных против оккупантов и их пособников.

На Первой международной конференции по истории Сопротивления, состоявшейся в 1958 г. в г. Льеже (Бельгия), генеральный секретарь французского Комитета по

¹ «Cahiers internationaux de la Résistance» N 3, juillet 1960, p. 109.

истории второй мировой войны профессор А. Мишель, выступавший с основным докладом, предложил считать актами Сопrotивления все формы борьбы против оккупантов, в том числе пропаганду, стачки, демонстрации, разведывательную деятельность и вооруженную борьбу¹. Докладчик выделил в особый раздел (на наш взгляд, неосновательно) «официальное Сопrotивление» (т. е. конфликты между оккупантами и их вассалами типа правительства Виши), но признал, что «такого рода активность выходит за рамки европейского Сопrotивления»².

На Второй конференции историков Сопrotивления в Италии (Милан, 1961 г.) профессор А. Мишель заявил, что к Сопrotивлению относится «любая деятельность, какова бы ни была ее форма и мотивы, направленная против нацистских оккупантов в оккупированной стране»³. Глава советской делегации профессор Е. А. Болтин уточнил, что под словом «Сопrotивление» надо понимать «все формы и все средства борьбы против иностранных захватчиков, от открыто выраженного протеста до вооруженной борьбы»⁴. Такое уточнение приобретает важное значение, поскольку оно исключает из числа участников Сопrotивления тех, кто не принимал реального участия в борьбе против оккупантов, и — это следовало бы особо оговорить — пособников оккупантов типа Квислинга или правительства Виши.

В настоящей работе мы будем считать движением Сопrotивления все проявления борьбы французского народа против фашистских оккупантов и сотрудничавшего с ними правительства Виши.

Определение Сопrotивления как совокупности действий, совершенных его участниками, позволяет довольно ясно очертить границы этого движения. Однако оно не является исчерпывающим и должно быть дополнено указанием на сущность и характер движения.

¹ «European resistance movements 1939—1945. First International Conference on the History of the resistance movements held at Liege — Bruxelles — Breendonk 14—17 Septembre 1958» (далее — «First International Conference»). Oxford, 1960, p. 12—21.

² «First International Conference», p. 13.

³ «European resistance movements 1939—1945. Proceedings of the second international conference on the history of the resistance movements held at Milan 26—29 March, 1961» (далее — «Proceedings of the second international conference»). London, 1964, p. 576.

⁴ Ibid., p. 639.

Французские историки чаще всего видят в Соппротивлении «национальную реакцию против оккупантов»¹, или «продолжение борьбы против Германии и Италии»², которая велась Францией до заключения франко-германского перемирия 22 июня 1940 г. Участники международных конференций по истории Соппротивления высказывали по этому вопросу самые различные точки зрения. Одни историки видели в Соппротивлении скорее наследие прошлого — продолжение извечной борьбы народов за свое национальное освобождение, «национальную войну» против иноземных захватчиков. Они даже проводили параллель между участниками Соппротивления и Жанной д'Арк, которая в XV в. боролась против английской оккупации. Другие подчеркивали, что Соппротивление — «новая форма» народной борьбы, неизвестная даже в XIX в., суть которой состоит в войне против фашизма. Раздавались призывы «осветить религиозное значение Соппротивления» или видеть в нем продолжение многовековой борьбы человечества «за прогресс и более высокую человеческую цивилизацию»³.

Широко дебатировался вопрос: является ли Соппротивление национальным или интернациональным движением?⁴

В некоторых выступлениях ставился (хотя и не получил достаточного освещения) вопрос: не было ли Соппротивление «революционной войной»⁵, т. е. своеобразным революционным движением?

Наибольшие споры вызвала проблема принадлежности движения Соппротивления к типу национально-освободительных или к типу антифашистских, демократических движений. Представители одной точки зрения, взгляды которых выразил известный итальянский прогрессивный историк Р. Батталья на конференции участников Соппротивления во Флоренции и польский исто-

¹ R. Hostache. Le Conseil National de la Résistance. Paris, 1958, p. 360.

² H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance. Paris, 1962, p. 1.

³ «Cahiers internationaux de la Résistance» N 3, juillet 1960, p. 109; N 2, mars 1960, p. 29; N 3, juillet 1960, p. 29; N 2, mars 1960, p. 64.

⁴ «Conference internationale: Le caractère national et international de la Résistance pendant la deuxième guerre mondiale». — «Cahiers internationaux de la Résistance» N 8—10, mars 1963.

⁵ «First International Conference», p. 12.

рик С. Арнольд на конференции в Варшаве, полагали, что «по самому своему существу Сопротивление было антигитлеровским и антифашистским движением»¹, продолжавшим традиции демократического и антифашистского движения кануна второй мировой войны. Это массовое и во многих странах стихийное движение вело одновременно национальную войну против иностранных оккупантов и гражданскую войну против местных фашистов.

Представители другой точки зрения, защищавшейся, в частности, рядом французских делегатов, не соглашались с тем, что «борьба против фашизма и антифашизм были основной причиной рождения Сопротивления». Они видели в Сопротивлении национально-освободительное движение, «национальную войну», главной движущей силой которой был патриотизм². Резюмируя итоги дискуссии, профессор А. Мишель говорил: «Движение Сопротивления можно рассматривать с двух общих точек зрения: или как патриотическое движение в определенный исторический момент, или как составную часть широкой социальной эволюции»³.

Не было полного единогласия по этому вопросу и среди историков-марксистов. В 1944 г. М. Торез писал о «национальном Сопротивлении» во Франции⁴. Советские историки озаглавили изданный ими в 1962 г. сборник статей «Антифашистское движение Сопротивления»⁵.

В последнее время в ряде работ советских и зарубежных историков заметно стремление к синтетической характеристике движения Сопротивления, учитывающей его различные и порой противоречивые аспекты. На Первой международной конференции историков Сопротивления А. Мишель высказал мнение, что «Сопротивление является прежде всего патриотической борьбой за освобождение родины», но вместе с тем «борьбой за свободу и достоинство человека, против тоталитариз-

¹ «Cahiers internationaux de la Résistance» N 9—10, mars 1963, p. 20.

² «Cahiers internationaux de la Résistance» N 3, juillet 1960, p. III, 109.

³ «Proceedings of the second international conference», p. 629.

⁴ См. М. Торез. Избранные произведения. т. I. М., 1959, стр. 606.

⁵ См. «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962.

ма». Он считал Соппротивление «одновременно национальной войной, гражданской войной, психологической войной и революционной войной»¹.

На Второй международной конференции историков в Милане А. Мишель говорил, что целями участников Соппротивления были «иногда национальное освобождение оккупированной территории, иногда социальная революция, часто и то и другое». Если иметь в виду не отдельных лиц, а совокупность организаций Соппротивления, то, «бесспорно, патриотизм и антифашизм вместе или порознь были двумя движущими силами их действия»². В 1966 г. в докладе о социальных и экономических аспектах Соппротивления профессор А. Мишель заявил: «Соппротивление было в первую очередь патриотической борьбой и во вторую очередь революционной борьбой», движением «одновременно патриотическим и революционным»³.

Активное участие в обсуждении этих проблем приняли советские и французские историки-марксисты. В коллективном докладе, представленном профессором Е. А. Болтиным на Вторую международную конференцию историков в Милане, подчеркивался сложный характер движения Соппротивления, возникшего как закономерное «широкое народное движение во имя освобождения поработенных гитлеровцами стран и восстановления их национальной независимости»; движение, свидетельствующее о решающей роли народных масс в истории. Соппротивление «не было лишь национально-освободительной борьбой — оно представляло собой социальную, классовую борьбу», — указывалось в докладе. «Слияние национально-освободительных задач с задачами социального освобождения придавало движению Соппротивления революционную окраску»⁴. Сходную точку зрения высказали французские историки-марксисты В. Жоаннес и Ж. Виллар на международной конференции в Москве (1965 г.). Они считали, что

---

¹ «First International Conference», p. 2, 12.

² «Proceedings of the second international conference», p. 629, 576.

³ «Aspetti sociali ed economici della Resistenza in Europa». Milano — Varese, 1967, p. 20, 31.

⁴ Е. А. Болтин. Советский Союз и движение Соппротивления в Европе в годы второй мировой войны. — «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 5, 20.

французское Сопротивление «приобрело не только национальный, но и политический и социальный характер. Это была в одно и то же время патриотическая борьба против чужеземного ига, политическая борьба против установленного оккупантами и Виши фашистского режима, социальная борьба против сверхэксплуатации французского народа немецко-фашистскими захватчиками и правящими классами в лице правительства Виши»¹.

Поскольку в движении Сопротивления участвовали разные классы и существовали различные течения, между которыми имелись серьезные противоречия, возникает вопрос: не следует ли считать, что в действительности в каждой стране было не одно, а по крайней мере два Сопротивления — буржуазно-националистическое и антифашистско-демократическое? Применительно к Франции некоторые буржуазные историки говорят о «деголлевском Сопротивлении» и «коммунистическом Сопротивлении»²; усматривают в освободительной борьбе «конкуренцию двух Сопротивлений: одного — национального, другого — коммунистического»³. Такая точка зрения не представляется убедительной, ибо все группировки Сопротивления, несмотря на различия между ними, имели общие цели и боролись против общего врага. Постепенно они объединились в единые организации и выработали единую программу.

Периодизация движения Сопротивления, как это с полной наглядностью обнаружилось в ходе дискуссий на международных конференциях, зависит от его определения. Если Сопротивление — борьба против фашизма, то его начало следует датировать с момента прихода фашизма к власти, т. е. с 1922 г. — в Италии, с 1933 г. — в Германии, с 1936 г. — в Греции⁴. С этой точки зрения логичным является мнение, будто «движение Сопротивления началось в тех или иных формах задолго до второй мировой войны»⁵.

¹ «Вторая мировая война». Кн. 3. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966, стр. 278.

² R. Aron. Histoire de la libération de la France. Paris, 1959, p. 392.

³ R. Hostache. Op. cit., p. 75.

⁴ «Aspetti sociali ed economici della Resistenza in Europa», p. 36.

⁵ В. И. Клоков. О характере и периодизации движения Сопротивления в годы второй мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1961, № 5, стр. 80.

Если Сопротивление является частью войны, то его следует рассматривать в хронологических рамках второй мировой войны. В таком случае возникает вопрос о соответствии периодизации Сопротивления общей периодизации второй мировой войны. «Было Сопротивление отражением крупных военных столкновений или оно развивалось по своим внутренним законам?»¹ Положить в основу периодизации Сопротивления только события его внутренней истории или учитывать внешние факторы, например изменения международной обстановки? Так ставился вопрос на международном коллоквиуме историков в Вене (1965 г.). Историки-марксисты и многие буржуазные историки считают, что вследствие огромного влияния военных действий на развитие Сопротивления его периодизация должна учитывать и внутренние и международные события. Вместе с тем они высказывают различные точки зрения относительно периодизации всего движения Сопротивления в целом и движения Сопротивления во Франции².

Наиболее убедительной нам представляется периодизация французского движения Сопротивления, предложенная М. Торезом³, воспринятая советскими историками⁴ и разработанная в коллективном труде сотрудников Института имени М. Тореза «Французская коммунистическая партия в движении Сопротивления»⁵. Эта периодизация исходит из того, что движение Сопротивления представляло собой борьбу французского народа против фашистских оккупантов и их пособников. Отсюда вытекает, что хронологические рамки Сопротивления совпадают с периодом оккупации Фран-

¹ «Colloque international sur l'histoire de la Résistance en Europe». Méthodologie, documentation. Université de Vienne, 30 août 1965, p. 21.

² См., например, *Е. А. Болтин и Д. Э. Кунина*. Назревшие вопросы движения Сопротивления. — «Новая и новейшая история», 1961, № 5, стр. 70—71; *В. И. Клоков*. Указ. соч. — «Новая и новейшая история», 1961, № 5; *Г. Яблоньский*. Политическая и военная роль антифашистского движения Сопротивления, подпольной борьбы и партизанских действий в Европе во время второй мировой войны. — «Вторая мировая война». Кн. 3. Движение Сопротивления в Европе, стр. 37—38.

³ *М. Торез*. La France depuis la capitulation de Rethondes. — «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX. Paris, 1959.

⁴ *И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников*. Народ Франции в борьбе против фашизма.

⁵ «Le Parti communiste français dans la Résistance». Paris, 1967.

ции (июнь 1940 — сентябрь 1944 г.). Военные действия французской армии до июня 1940 г. или после сентября 1944 г. и связанные с ними действия отдельных патриотов следует рассматривать как операции регулярных войск, а не как движение Сопротивления.

Всю историю французского Сопротивления с июня 1940 по сентябрь 1944 г. можно разделить на четыре основных периода.

Первый период, который М. Торез считал «началом национального Сопротивления»¹, продолжался с момента капитуляции Франции до нападения фашистской Германии на Советский Союз, т. е. с июня 1940 до 22 июня 1941 г. Конечная дата этого периода связана не с внутренними, а с международными событиями, однако вступление СССР в войну оказало такое огромное влияние на борьбу поработенных народов, что даже буржуазные историки обычно не отрицают значение этой вехи для французского Сопротивления².

Второй период продолжался с 22 июня 1941 по ноябрь 1942 г., когда Советская Армия перешла в наступление под Сталинградом, англо-американские войска высадились в Северной Африке, немецкие захватчики оккупировали всю территорию Франции, а французские моряки затопили свой флот в Тулоне. Формально эти события также выходят за рамки внутренней истории Сопротивления, но именно они предопределили его дальнейшее развитие³.

Третий период начался в ноябре 1942 г. и завершился 6 июня 1944 г. высадкой англо-американских войск во Франции. Деятельность движения Сопротивления на этом этапе характеризуется широким развитием вооруженной борьбы, политическим и организационным объединением всех сил Сопротивления.

Четвертый период охватывает время от высадки англо-американских войск до освобождения Франции, т. е. период с 6 июня по сентябрь 1944 г. Это был период национального восстания, в ходе которого движение Сопротивления своими силами освободило значительную часть Франции.

---

¹ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 205.

² «Colloque international sur l'histoire de la Résistance en Europe», p. 22.

³ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 231.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ОККУПАЦИЯ И ВИШИ

20

Первые зачатки Сопротивления появились во Франции в мрачные дни лета и осени 1940 г., когда страна была глубоко потрясена неожиданной военной катастрофой.

В результате капитуляции Франции, оформленной заключением франко-германского и франко-итальянского перемирий (22 и 25 июня 1940 г.), немецко-фашистские войска оккупировали $\frac{2}{3}$ французской территории, включая Париж. Французская армия была разоружена и демобилизована (за исключением колониальных войск и небольшой «армии перемирия», предназначенной для «поддержания порядка»). Французский военный флот также подлежал разоружению. 1 800 тыс. французских военнопленных оставались в Германии «вплоть до заключения мира». Франция должна была выплачивать огромные оккупационные платежи в размере 400 млн. фр. в день.

Южная часть Франции (так называемая свободная зона) и французские колонии не подвергались оккупации. В «свободной зоне» сохранялось внешне самостоятельное французское правительство во главе с маршалом Петэном, резиденцией которого стал курортный городок Виши¹. Гитлер думал, что полная оккупация Франции при отсутствии французского правительства неминуемо приведет к переходу французского флота и огромной колониальной империи на сторону Англии,

¹ Политика правительства Виши подробно изучена в ряде печатных работ И. С. Киссельгофа и в его докторской диссертации «Вишистский режим во Франции в годы второй мировой войны». Пермь, 1966.

продолжавшей военные действия. Исходя из этих соображений он считал нужным сохранить правительство Петэна, способное обеспечить «нейтрализацию» флота и колоний.

Разъясняя необходимость переговоров о перемирии с правительством Виши, Гитлер говорил Муссолини: «Было бы гораздо хуже, если бы французское правительство отклонило германские предложения и отправилось в Лондон, чтобы продолжать войну, даже если не учитывать неприятной ответственности, которую в этом случае оккупирующие власти должны были бы взять на себя, в частности в административной сфере. Если бы мы даже оккупировали всю Францию, и то соглашение с французским правительством, действующим во Франции, было бы выгодно из-за французского флота»¹.

21

Первоначально оккупанты хотели «господствовать во Франции с наименьшими осложнениями, не вызывая слишком бурных проявлений национальных чувств»². Немецкое министерство пропаганды дало директиву прекратить «пропаганду ненависти против Франции»³. В октябре 1940 г. Гитлер встретился с Петэном во французском городке Монтуаре. Там они «пришли к соглашению относительно принципа сотрудничества» между Францией и Германией⁴. Гитлеровские пропагандисты принялись рассуждать о своих симпатиях к Франции, уважении к ее культуре, желании объединить в строительстве будущей «новой Европы» могучий немецкий дух и французскую утонченность. Однако и перемирие и «сотрудничество» с Францией были для Гитлера лишь маневром.

Разъясняя смысл соглашения в Монтуаре испанским государственным деятелям, министр иностранных дел Германии Риббентроп указывал, что, сотрудничая с Виши, «фюрер хочет попробовать таким путем получить то, что другими способами совершенно недостижимо. Вопрос состоит в том, чтобы, используя Петэна, пред-

---

¹ «Documents on German Foreign policy. 1918—1945» (далее — DGFP). Series «D», vol. IX. Washington, 1956, p. 608.

² Ж. Виллар. «Странная война» и предательство Виши. М., 1962, стр. 108.

³ «Kriegspropaganda 1939—1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium). Herausgegeben und eingeleitet von W. A. Boelcke. Stuttgart, 1966, S. 406.

⁴ «Le Temps», 28. X. 1940.

отвратить отпадение африканских колоний от Виши и тем самым от Испании и Германии, ибо в противном случае их можно будет снова завоевать только в тяжелой борьбе против французских и английских войск»¹.

22 Под флагом «сотрудничества» оккупанты поставили Францию под свой военный и политический контроль, подчинили себе французскую экономику, административный и полицейский аппарат. Благодаря системе закупок и военных заказов, финансируемых за счет оккупационных платежей, Германия извлекала до $\frac{3}{4}$ французского сырья и от 50 до 100% готовой продукции². По подсчетам французской правительственной комиссии, прямые и косвенные потери Франции от оккупации оцениваются в 1605815 млн. фр. в ценах 1938 г.³, тогда как стоимость всего промышленного производства Франции составляла в 1938 г. лишь 347 млрд. фр.⁴

Хозяиничанье оккупантов привело французскую экономику в бедственное состояние. В 1944 г. объем промышленного производства Франции составил лишь 38%, а объем сельскохозяйственного производства — 60% от довоенного уровня⁵. Цены на продовольствие в 6 раз превысили довоенный уровень⁶. Карточная система, введенная оккупантами и правительством Виши, не обеспечивала трудящимся даже минимального уровня питания. В стране вскоре начался голод, болезни. В результате войны и оккупации погибло 635 тыс. французов (в том числе 115 тыс. в ходе военных действий 1939—1940 гг.)⁷. Население Франции сократилось за эти годы на 3 млн. человек, с 41 млн. до 38 млн.⁸

Несмотря на официальное провозглашение принципа сотрудничества, Германия не доверяла вишистам и не

---

¹ DGFP, vol. XI, p. 378.

² «Trial of the Major war criminals before the international military tribunal» (далее — ИМТ), vol. VI. Nuremberg, 1947, p. 38—39.

³ «Commission consultative des dommages et des réparations. Dommages subis par la France et l'Union Française du fait de la guerre et de l'occupation ennemie (1939—1945)» (далее — «Dommages...»), t. I. Paris, 1951, p. 171.

⁴ «La France sous l'occupation» (Esprit de la Résistance). Par P. Arnoult, J. Billig, F. Boudot et autres. Paris, 1959, p. 64.

⁵ «Mouvement économique en France de 1938 à 1948». Paris, 1950; «Annuaire statistique de la France». Paris, 1966.

⁶ «La France sous l'occupation» (Esprit de la Résistance), p. 70.

⁷ «Dommages...», t. I, p. XVIII, XXIV.

⁸ «La France économique de 1939 à 1946. Annuaire de la vie économique française. 18-e année. Paris, 1947, p. 31.

собиралась рассмагривать их как полноправных партнеров. При помощи целой системы мер давления: прекращения связей между северной и южной зонами, использования оккупационных платежей, отказа допустить правительство Петэна в Париж, а иногда и при помощи прямых угроз оккупировать южную зону — Германия превратила правительство Петэна в своего вассала.

Если управление южной зоной и колониями оставалось в руках правительства Виши, то в северной, оккупированной, зоне хозяйничала немецкая военная администрация, с которой, по условиям перемирия, обязались «лояльно сотрудничать» местные французские власти. С первых дней оккупации в северной зоне был установлен военно-фашистский режим. Ордонансом оккупационных властей от 10 мая 1940 г., опубликованным в Париже 4 июля 1940 г., запрещались «скопления на улицах, издание и распространение листовок, организация общественных собраний и любые антинемецкие манифестации», а также слушание иностранного радио и помощь военнопленным. «Любое повреждение или расхищение сельскохозяйственных продуктов, боевых припасов и всевозможных устройств», порча объявлений оккупационных властей рассматривались как саботаж. «Всякое оскорбление немецкой армии и ее вождей», демонстрации, «любой злонамеренный отказ от работы, любая стачка или локаут» карались судом военного трибунала¹.

В июле 1940 г. парижская полиция, действовавшая по приказу оккупантов, арестовала 300 коммунистов², находившихся на нелегальном положении с момента запрещения Компартии французским правительством в сентябре 1939 г. К апрелю 1941 г. численность арестованных коммунистов составила 2098 человек³.

Систематическим преследованиям подвергались евреи и франкмасоны. Евреям запрещалось работать в оптовой и розничной торговле, в банках и страховых компаниях, в транспортных предприятиях, ресторанах, гостиницах, рекламных агентствах. «Еврейские заведения»

¹ *Législation de l'occupation. Recueil des lois, décrets, ordonnances, arrêtés et circulaires des autorités allemandes et françaises, promulgués depuis l'occupation*, t. I. Paris, 1940, p. 7, 29—30.

² М. Топез. Сын народа. М., 1960, стр. 167.

³ J. Duclos. Voici comment cela s'est passé. — «L'Humanité-Dimanche», 5. VIII. 1964.

в области экономики, торговли, финансов передавались под управление «арийских» комиссаров-администраторов¹. С мая 1941 г. начались облавы на евреев, которые выслались из Франции в немецкие концентрационные лагеря. По официальным данным, в 1940—1944 гг. по расовым мотивам из Франции было выслано 120 тыс. человек², основную часть которых составляли евреи.

Конечная цель немецко-фашистской оккупации состояла в расчленении и полном порабощении Франции. Оккупанты фактически аннексировали Эльзас-Лотарингию. Они намеревались создать свои базы на французском побережье Атлантики, присоединить к Германии северную Францию и Бургундию, сведя Францию к границам XVI в.³ Французскую колониальную империю предполагалось разделить между Германией, Италией и, возможно, Испанией. При этом Германия претендовала на французские владения: Того, Камерун, Конго, Чад, Французскую Экваториальную Африку, возможно, Дагомею и Мадагаскар. Италия должна была получить Тунис, часть колонии Чад и Французское Сомали. В случае привлечения Испании ей предполагалось отдать Марокко и Алжир⁴. Выражая общее мнение правителей фашистской Германии, Геббельс записал в своем дневнике: «Мы должны окончательно устранить политическое и военное могущество Франции с будущей шахматной доски Европы»⁵.

Гитлеровцы намеревались осуществить свои планы после победоносного окончания войны; когда Англия сложит оружие, отпадет надобность в нейтрализации французского флота и колоний, а с Францией будет подписан мирный договор. До этого момента они считали нужным «распространять среди французского народа и солдат убеждение, что Франция не будет уничтожена после победы «оси»», ибо, как говорилось в меморандуме верховного командования Германии, одобренном Гитлером, «это основная психологическая предпосылка для того, чтобы французские вооруженные си-

¹ «Législation de l'occupation», t. I, p. 313—314; t. II, p. 128—130; t. IV, p. 266—267, 421.

² «Dommages...», t. I, p. XVIII.

³ «Hitler's secret conversations. 1941—1944». New York, 1953, p. 358, 373, 382.

⁴ DGFP, vol. XI, p. 20—21, 250—255, 332, 484—491.

⁵ Цит. по: «Revue de Paris», octobre 1960; p. 94.

лы в колониях проявили желание сражаться против Англии»¹ и не перешли на сторону англичан.

Правительство Петэна, подписавшее перемирие с Германией, не знало об этих планах и руководствовалось своими соображениями. Летом 1940 г. руководящие деятели правительства Виши были уверены, что Англия не продержится более трех—пяти недель. Вопрос для них состоял лишь в том, кто—Англия или Франция—оплатит основные издержки войны и, в частности, удовлетворит колониальные притязания Германии? Решить этот вопрос в пользу французского империализма, в максимальной степени сохранив свои колонии и удовлетворив аппетиты немецкого фашизма за счет английских владений, — вот в чем видели вишисты свою задачу. Для этого нужно было сотрудничать с победителями, чтобы еще до разгрома Англии заключить с ними, согласно идее вице-премьера правительства Виши П. Лаваля, «возможно менее плохой мир»².

Была и другая, весьма важная причина, толкавшая французскую буржуазию к сотрудничеству с фашистской Германией, — страх перед революцией. Напуганные мощным движением Народного фронта, развернувшимся во Франции в 30-х годах, и растущим влиянием Коммунистической партии, вишисты видели в сотрудничестве с оккупантами надежную гарантию против революционных потрясений. Военный министр Виши генерал Хюнтцигер говорил главе немецкой военной администрации во Франции, что Петэн заключил перемирие, «чтобы спасти свою страну от революции и разрушения»³.

Правительство Виши восприняло официальное провозглашение политики сотрудничества как важный шаг в процессе постепенного перехода Франции от положения побежденной страны к положению партнера победоносной Германии. В Монтуаре Гитлер — в самой неопределенной форме — посулил сохранить за Францией ее главные колониальные владения, если правительство Виши примет участие в борьбе против Англии⁴. Вдохновленное этой перспективой, правительство Петэна

¹ DGFP, vol. XIII, p. 431.

² R. Aron. Histoire de Vichy. 1940—1944. Paris, 1954, p. 147.

³ «La délégation française auprès de la Commission allemande d'armistice». Recueil de documents publié par le gouvernement français (далее — DF), t. I. Paris, 1947, p. 108.

⁴ DGFP, vol. XI, p. 389.

усердно сотрудничало с оккупантами, выполняло немецкие военные заказы, снабжало Германию сырьем, горючим, продовольствием, предоставляло в ее распоряжение французскую рабочую силу. Вишистская полиция в тесном контакте с гестапо преследовала коммунистов и других участников Сопротивления.

После переговоров в Монтуаре правительство Петэна предложило Германии начать военные действия войск Виши против сторонников де Голля и против Англии в момент, «когда английские вооруженные силы оказали бы сопротивление наступательным операциям французских войск против восставших (т. е. присоединившихся к генералу де Голлю. — В. С.) колоний или когда английские самолеты подвергли бы бомбардировке французские военные заводы, работающие на Германию». По личному указанию Петэна правительство Виши разработало план наступательной операции «против взбунтовавшихся колоний в Экваториальной Африке» и английских колоний в Западной Африке¹. 10 декабря 1940 г. на совещании Лавалья с представителем немецкого военного командования генералом Варлимонтом план был одобрен². Отставка Лавалья 13 декабря 1940 г. задержала осуществление этого плана и вызвала острый конфликт между Германией и Виши. Он был ликвидирован в мае 1941 г., когда правительство Виши подписало секретные Парижские протоколы, оформившие его договоренность с Германией. Согласно Парижским протоколам, правительство Виши обязалось предоставить Германии военно-воздушные базы во французской подмандатной территории Сирии, разрешило итало-германским войскам использовать порты и железные дороги во французских владениях в Северной Африке, дало согласие на создание немецкой военно-морской базы в столице Французской Западной Африки — Дакаре³. Однако вскоре Германия, поглощенная подготовкой нападения на СССР, решила, что пока «не следует вызывать вооруженный конфликт между Францией и Англией или Соединенными Штатами Америки»⁴.

Со своей стороны правительство Виши не спешило официально отказываться от положения невоюющей

¹ DGFP, vol. XI, p. 401—402, 752—753, 839—840.

² DF, t. V, p. 449—461.

³ DF, t. IV, p. 472—473.

⁴ DGFP, vol. XII, p. 992.

стороны. Во французских правящих кругах, особенно среди финансистов и промышленников, наиболее тесно связанных с эксплуатацией колоний, с внешней торговлей, судостроением и морскими перевозками, «боялись зайти слишком далеко в сотрудничестве с немцами, стремились застраховать себя на будущее и не сжигать мостов, связывающих с англо-американцами»¹. Встречаясь с дипломатическими представителями США или с агентами Англии (дипломатические отношения с которой были разорваны после нападения английского флота на французские корабли в бухте Мерс-эль-Кебир 3 июня 1940 г.), правители Виши вопреки уже принятым по Парижским протоколам обязательствам обещали не предоставлять Германии военных баз, не допускать перехода французского флота и колоний на сторону фашистской «оси» и вообще сохранять «нейтралитет»².

Во внутренней политике правительство Виши проявило себя как режим фашистского типа. Его руководители, задолго до войны были связаны с фашистскими группами, ненавидели коммунизм, симпатизировали фашистской Италии и Германии. Поражение Франции они использовали для ликвидации республиканского строя и установления фашистских порядков. Созвав в Виши чрезвычайную сессию парламента, правительство Петэна потребовало пересмотреть конституцию Третьей республики, «понять и принять необходимость национальной революции»³, под которой подразумевался государственный переворот.

10 июля 1940 г. большинством в 569 голосов против 80 парламент предоставил «все полномочия правительству Республики, возглавляемому маршалом Петэном, для того чтобы обнародовать в одном или нескольких актах новую конституцию французского государства»⁴.

На следующий день Петэн опубликовал три первых «конституционных акта», коренным образом менявших политический строй Франции⁵. В соответствии с этими

¹ *M. Thorez. Op. cit., t. XIX, p. 214.*

² «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FR of USA), 1940», vol. II. Washington, 1955, p. 403, 412, 481.

³ «Annales de la Chambre des députés. Documents parlementaires. Session extraordinaire de 1940». Paris, 1940, p. 1.

⁴ «Journal officiel de la République Française» (далее — J. O.). Lois et décrets, 11. VII. 1940, p. 4513.

⁵ J. O., 12. VII. 1940, p. 4517—4518.

актами заседания парламента прекращались, а Петэн становился «главой государства», обладающим «всей полнотой правительственной власти», включая законодательную, исполнительную и судебную. Новый политический режим носил ярко выраженный характер личной власти. Конституционный акт № 2 впервые начинался формулой, ставшей затем традиционной: «Мы, маршал Франции, глава французского государства... постановляем...» Сходство с монархией довершал конституционный акт № 4, назначивший Петэну официального преемника — сначала Лавалья, а потом командующего флотом адмирала Дарлана.

Прикрываясь фальшивыми лозунгами «национальной революции», правительство Виши ликвидировало основные демократические свободы. Компартия, находившаяся на нелегальном положении, жестоко преследовалась. Политические партии и общенациональные профсоюзные центры запрещались. Парламент и местные органы самоуправления перестали функционировать. Республиканский строй был фактически уничтожен. Резко усилились государственно-монополистические тенденции в экономике. Руководство промышленностью и торговлей передавалось в руки так называемых организационных комитетов, сформированных правительством из крупнейших предпринимателей¹. В деревне аналогичную роль играли «сельскохозяйственные корпорации»², возглавляемые крупными земельными собственниками. Трудовые отношения должны были регулироваться «Хартией труда», которая запрещала стачки и служила «базой для создания корпораций»³. Молодежь проходила обязательную трудовую повинность в особых лагерях — «стройках молодежи», где подвергалась усиленной идеологической обработке.

Созданный Виши «Генеральный комиссариат по еврейским вопросам» проводил в жизнь «статут для евреев», имевший целью устранение евреев с руководящих постов в политической, административной, военной, промышленной и культурной сферах, а затем и «ликвидацию еврейского имущества»⁴. Церковь снова стала

¹ J. O., 18. VIII. 1940, p. 4731—4733.

² J. O., 7. XII. 1940, p. 6006.

³ J. O., 26. X. 1941, p. 4650—4656.

⁴ J. O., 18. X. 1940, p. 5323; 31. V. 1941, p. 2263.

пользоваться поддержкой государства. Идеи свободы, равенства, демократии осуждались и заменялись прославлением идей порядка, иерархии, повиновения. В стране установилась фашистская диктатура, выражавшая интересы наиболее реакционной части французской монополистической буржуазии, ориентировавшейся на немецкий фашизм.

Классовой опорой правительства Виши служили крупная буржуазия, аристократия, высшее чиновничество, генералитет — все правые силы Франции, напуганные успехами коммунизма и Народного фронта. Активно выступала в пользу вишистов католическая и протестантская церковь. В первое время правительство Виши поддерживали мелкая буржуазия и крестьянство¹.

Сокрушительный военный разгром и падение Третьей республики произвели ошеломляющее впечатление на массы населения. Это был полный крах — «крах материальный и моральный, экономический и политический. Наступил хаос: 10 миллионов человек — четвертая часть населения Франции — бродили по дорогам; замерли производство и торговля, остановился транспорт, прервалась почтовая и телеграфная связь»². Внезапно рухнули казавшиеся незыблемыми представления. Армия, республика, парламент, политические партии и демократические свободы, которыми так гордились французы, не выдержали столкновения с фашистскими державами. Государственный строй оказался прогнившим, министры — бессильными, генералы — бездарными. Широчайшие массы населения чувствовали себя обманутыми и преданными прежними, позорно обанкротившимися правителями. «Народ охватило оцепенение»³. Будущее казалось беспросветным. Германия победила, Франция лежала поверженной. Англия — единственная страна, продолжавшая в тот момент войну, — не имела крупной сухопутной армии и со дня на день ожидала вторжения.

Ощущение беспомощности и безнадежности способствовало росту «мессианских» настроений, характерных для периодов народных бедствий. В поисках «спасителя» многие французы обратили взоры к маршалу Петэну, который представлялся им человеком, прекратившим

---

¹ «Oeuvres de Maurice Thorez», p. 227—228.

² Ibid., p. 194.

³ Ibidem.

войну и обеспечившим Франции мир. Единственный оставшийся в живых маршал Франции¹ старательно сохранял облик далекого от политики честного старого солдата, который, по его собственному выражению, «принес себя в дар Франции, чтобы смягчить ее несчастья»². Невиданная в истории Франции, пропагандистская кампания быстро превратила Петэна из полубытового генерала времен первой мировой войны в «вождя и отца страдающей родины», ниспосланного самим провидением «спасителя» Франции, живое «воплощение отечества», сосредоточение всех добродетелей, «которому слепо повинуются и которого страстно любят»³.

Реальная картина политики Виши искажалась до неузнаваемости. Осуществленный Петэном фашистский переворот именовался «национальной революцией» в интересах «труда, семьи и отечества». Диктатура крупной буржуазии, воплощенная в правительстве Виши, изображалась как «конец современного капитализма»⁴. Пособничество оккупантам объявлялось «сотрудничеством», необходимым для заключения мира, возвращения военнопленных и возрождения страны.

Первое время эта пропаганда имела успех. «В 1940 г. после поражения, которое только что обрушилось на нашу страну, Петэн пользовался популярностью, далеко превосходящей все, что было известно в прошлом»⁵, — вспоминал Жак Дюкло. Эта популярность еще более возросла, после того как в декабре 1940 г. Петэн устранил из правительства своего заместителя Пьера Лаваля — циничного и продажного политикана, которого французы справедливо считали самым активным сторонником политики сотрудничества с фашистской Германией.

Сменивший Лавалья на посту «вице-премьера» и «наследника» Петэна адмирал Дарлан, как и Петэн, стремился к сотрудничеству с Германией, но действовал

¹ В 1940 г. кроме Петэна оставался в живых парализованный инвалид — маршал Франше д'Эспере. Он скончался в июле 1942 г.

² *Maréchal Pétain. La France nouvelle. Appels et messages. Paris, 1941, p. 16.*

³ «Le Temps», 1. III. 1941; «Paris-Soir», 1. XI. 1940; «Le Temps», 3. I. 1941; «La Croix», 17. V. 1941.

⁴ «L'Effort», 2. X. 1940.

⁵ *J. Duclos. Mémoires, t. III. Dans la bataille clandestine. Première partie. Paris, 1970, p. 53.*

более осторожно, чем Лаваль. Холодный, молчаливый, расчетливый карьерист, ненавидевший Англию, в которой он видел главного соперника Франции на море, Дарлан, согласно французской поговорке, всегда был готов «поспешить на помощь победе», т. е. перейти на сторону победителя. Именно поэтому его несомненная готовность к сотрудничеству с оккупантами возрастала или убывала в прямой зависимости от военных успехов Германии.

Поражение и оккупация Франции коренным образом изменили ее положение. Оккупация привела к утрате национальной независимости и установлению в стране фашистских порядков, создала реальную угрозу расчленения Франции. Резко ухудшилось положение трудящихся. Они лишились своих политических и профсоюзных организаций, возросла эксплуатация со стороны капиталистических монополий, политическим воплощением которых было правительство Виши.

В новых условиях первоочередными задачами для Франции стали национальное освобождение, восстановление демократических свобод, защита жизненных прав трудящихся. Решение этих задач было невозможно без ликвидации оккупационного режима и правительства Виши, без борьбы против финансовой олигархии. Борьба за национальное освобождение сливалась отныне с борьбой за демократические свободы и права трудящихся, приобретала антифашистский и антимонополистический характер. Национальное освобождение становилось, следовательно, условием разрешения не только национальных, но и демократических и антимонополистических задач. В требовании национального освобождения как в фокусе концентрировались устремления различных классов французского общества, всей французской нации. Национальное освобождение стало основной целью зарождавшегося во Франции движения Сопротивления. Главным организатором и вдохновителем движения Сопротивления была Французская коммунистическая партия. На территории Франции действовали также небольшие буржуазно-патриотические организации Сопротивления. За пределами Франции борьбу против оккупантов и Виши вела организация «Свободная Франция».

В то время как подавляющее большинство французской буржуазии поддержало правительство Петэна, небольшая группа военных и политических деятелей, оказавшихся в эмиграции, призвала к продолжению борьбы против Германии. Руководителем этой группы, известной под наименованием «Свободные французы», а позднее «Свободная Франция», был генерал Шарль де Голль, получивший впоследствии всемирную известность¹.

В 1940 г. генералу де Голлю исполнилось 50 лет. Он родился 22 ноября 1890 г. в интеллигентной буржуазной семье. Его отец Анри де Голль, доктор гуманитарных наук, доктор естественных наук и доктор прав, преподавал в колледже иезуитов, а затем руководил одной из привилегированных школ Парижа. В семье воспитывались чувства чести, верности долгу, религиозности, любви к Франции и симпатии к монархии. «Родина, Религия, Порядок, Бог и Король»²— так определил дух семьи один из биографов де Голля. К этому надо добавить культ военных доблестей и жажду реванша за поражение Франции во франко-прусской войне 1870 г.

С детства Шарль де Голль и его три брата готовились к военной карьере. Окончив в 1912 г. знаменитое Сен-Сирское военное училище, де Голль поступил на военную службу. Он участвовал в первой мировой войне, проявил большую личную храбрость, был трижды ранен, представлен к ордену, произведен в капитаны. В 1916 г. де Голль попал в плен к немцам, где пробыл больше года. После возвращения из плена он окончил военную академию. Затем работал в канцелярии маршала Петэна (с которым одно время был довольно близок), служил в различных воинских частях во Франции и ее колониях. Карьера де Голля складывалась не слишком удачно. Двенадцать лет он оставался капитаном и лишь незадолго до начала второй мировой войны получил звание полковника. Служебные аттестации утверждали, что де Голль «портит свои несомненные способности чрезмерной самоуверенностью, резкостью по отношению к мнениям других и манерами, напоминающими короля

¹ См. В. И. Антюхина-Московченко. Шарль де Голль.— «Новая и новейшая история», 1971, № 3, 4; Н. Н. Молчанов. Генерал де Голль. М., 1973.

² J.-J. Tournoix. Pétain et de Gaulle. Paris, 1964, p. 20.

в изгнании»¹. Всегда тщательно одетый, холодный, замкнутый, высокомерный, он не вызывал особых симпатий сослуживцев и не имел близких друзей.

Его политические взгляды сначала мало отличались от взглядов большинства французского офицерства, которое стояло на правых позициях, боготворило «нацию», осуждало «демократию», стремилось к «сильной власти» и враждебно относилось к парламентскому режиму. «Молчаливый, но отнюдь не безучастный свидетель всех перипетий политической жизни»², де Голль не принимал активного участия в политической деятельности, но неоднократно выступал в печати с размышлениями на военные темы. Наибольшую известность получили две его книги, в которых впервые проявилось незаурядное литературное дарование автора. В книге «На острие меча», посвященной Петэну и опубликованной в 1932 г., де Голль изложил свои заветные мысли о власти, роли «сильной личности» и методах руководства «толпой». В напоминающем Петэна стиле (приподнятом, сжатом, образном и несколько туманном) де Голль декларировал свою веру в решающую историческую роль «вождей» — «честолюбцев первого ранга», которые «не видят в жизни другого смысла, кроме желания наложить на события свой отпечаток; которые на берегах повседневности мечтают только о бурях истории»³. Яркими красками он живописал образ идеального «вождя», властного, сурового, молчаливого, загадочного для простых смертных, которые следуют за ним (порой со стонами и ропотом), ибо «эти политические животные нуждаются в организации, то есть в приказе и вождах»⁴.

В 1934 г. вышла в свет книга де Голля «За профессиональную армию», в которой, как утверждают его сторонники, он предсказал роль танковых войск в современной войне. Действительно, де Голль вслед за другими военными деятелями ряда стран доказывал, что «танк переворачивает всю тактику», но тогда он отрицал значение массовых армий, полагая, что «пришло время отборных солдат и избранных отрядов»⁵. Идеи де Гол-

¹ J.-J. Tournoux. Pétain et de Gaulle, p. 88.

² Ш. де Голль. Военные мемуары, т. I. М., 1957, стр. 33.

³ Charles de Gaulle. Le Fil de l'épée 2-e, éd. Paris, 1959, p. 159.

⁴ Ibid., p. 66.

⁵ Charles de Gaulle. Vers l'armée de métier. 2-e éd. Alger, 1944, p. 39, 50. Эта книга де Голля была переведена в Советском Союзе (Ш. де Голь. Профессиональная армия. М., 1935).

ля довольно широко, хотя по большей части недоброжелательно, обсуждались во французской печати и парламенте. В связи с этим стали портиться отношения автора с Петэном, являвшимся противником механизированных войск. Зато де Голль познакомился с Полем Рейно, крупным правым политическим деятелем, превратившим проекты де Голля в одну из главных тем своей политической кампании. В марте 1940 г. Рейно занял пост премьер-министра, а в мае де Голль получил командование танковой дивизией и звание временно исполняющего обязанности бригадного генерала. В возрасте 49 лет он стал самым молодым генералом французской армии. 6 июня 1940 г., после того как прорыв французской обороны немецкой армией у Седана воочию продемонстрировал значение бронетанковых войск, Рейно назначил де Голля заместителем военного министра.

Де Голль оставался членом правительства ровно 10 дней, в течение которых успел проявить себя противником капитуляции и сторонником союза с Англией. К этому времени относится окончательный разрыв де Голля с Петэном и личное знакомство с Черчиллем, имевшее огромное значение для его последующей деятельности. При встрече с Черчиллем де Голль сообщил ему о своем намерении, несмотря на поражение, продолжать войну за пределами Франции. Со своей стороны Черчилль, безуспешно пытавшийся убедить французских государственных деятелей обосноваться в колониях, перебазировать туда флот и продолжать войну вместе с Англией¹ решил поддержать де Голля, несмотря на его относительно небольшой чин и малую известность.

16 июня 1940 г., когда правительство Рейно ушло в отставку, уступив место Петэну, де Голль с помощью английского представителя генерала Спирса вылетел на английском самолете в Лондон. 18 июня де Голль произнес по лондонскому радио краткую речь, призвав французов продолжать военные действия. Эта речь, положившая начало деятельности де Голля в качестве главы «Свободной Франции», означала полный разрыв с правительством Виши. «По мере того, как в микрофон

¹ W. Churchill. The second world war, vol. II. London, 1951, p. 138—142.

летели слова, от которых уже нельзя было отречься, я чувствовал, что я заканчиваю одну жизнь, ту, которую я вел в условиях твердо стоящей на ногах Франции¹, — вспоминал позднее де Голль. Начиналась его новая жизнь, жизнь изгнанника, заочно приговоренного правительством Виши к смертной казни за «дезертирство» и «измену»; жизнь эмигранта, судьба которого зависела от исхода войны.

Речь 18 июня 1940 г. выдвинула де Голля на авансцену политической жизни и принесла ему огромную популярность, сохранившуюся до конца дней будущего премьер-министра и президента Франции. В глазах многих французов именно эта речь, неустанно пропагандируемая «Свободными французами», превратила генерала де Голля из малоизвестного военного в «человека 18 июня», инициатора движения Сопrotивления, «освободителя» страны, воплощающего собой саму Францию.

Де Голль начал свою знаменитую речь (текст которой был предварительно передан Черчиллю²) с сообщения о создании во Франции нового правительства, которое, ссылаясь на поражение, «вступило в сношения с врагом, чтобы прекратить борьбу». Не высказывая пока других обвинений в адрес правительства Петэна, де Голль доказывал, что, несмотря на поражение, вызванное, по его мнению, превосходством Германии в механизированных силах и особенно в тактике, положение Франции далеко не безнадежно. «Те же средства, которые нанесли нам поражение,— говорил де Голль,— могут в один прекрасный день обеспечить победу. Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать необъятную промышленность Соединенных Штатов. Эта война не ограничивается многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война».

Выразив уверенность что, «сраженные сегодня механизированными силами, мы сможем в будущем побе-

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 111.

² «Jean Oberlé vous parle». Paris, 1945, p. 28.

дить при помощи превосходящих механизированных сил», де Голль завершил речь программой практических действий. Он сказал: «Я, генерал де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, с оружием или без оружия; я приглашаю инженеров и рабочих—специалистов оружейной промышленности, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопrotивления не должно погаснуть и не погаснет. Завтра, как и сегодня, я буду выступать по радио Лондона»¹.

36

Яркая фраза о «пламени французского Сопrotивления» часто фигурировала в послевоенной литературе как доказательство желания де Голля организовать движение Сопrotивления на территории Франции. Но анализ этой речи и последующих выступлений не оставляет сомнений, что тогда де Голль думал «не о гипотетических подпольных действиях, в то время в сущности трудно вообразимых, но об участии французских вооруженных сил в битве, которую продолжает Великобритания, на условиях, которые предстояло определить, и на тех территориях, где их можно было воссоздать»².

Сначала мало кто слышал речь 18 июня и обратил на нее внимание³. Однако программное, а затем и пропагандистское значение речи было велико.

Речь 18 июня свидетельствовала о большой политической дальновидности де Голля. В момент триумфа гитлеровской Германии он понял мировой характер войны, предвидел поражение Германии и построил на этой предпосылке всю свою деятельность. Де Голль верно оценил расстановку мировых сил и ход последующих событий. Он призвал к продолжению войны против Германии и осудил — сначала еще в осторожной форме — капитулянтскую политику правительства Петэна.

В речи 18 июня де Голль впервые высказал основные идеи, которые он развивал и конкретизировал в последующих выступлениях. Исходным пунктом его аргумен-

---

¹ «Discours et messages du général de Gaulle (18 juin 1940—31 décembre 1941)». London, 1942, p. 1—2.

² H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance. Paris, 1962, p. 56.

³ Ibid., p. 725.

тации была простая, но необычная для французских политических деятелей мысль: битва за Францию лишь эпизод второй мировой войны, не имеющий решающего значения. «Франция проиграла сражение. Но Франция не проиграла войну»¹, — говорилось в распространяемом в Лондоне плакате, подписанном де Голлем. Франция может даже выиграть войну, если в день победы над Германией она окажется в лагере победителей. «В свободном мире еще не выступили необъятные силы. В один прекрасный день эти силы раздавят врага. Нужно, чтобы в этот день Франция участвовала в победе. Тогда она восстановит свою свободу и независимость. Такова моя цель, моя единственная цель!»² — писал де Голль. Он доказывал, что правители Виши совершили акт измены, подчинившись врагу и связав судьбу Франции с судьбой обреченной на поражение Германии. Он призывал всех «Свободных французов», желающих продолжать борьбу, разорвать позорное перемирие, осудить «сотрудничество» с врагом, отвергнуть политику правительства Виши, «которое является и может являться только оружием врага»³.

Свою основную задачу де Голль видел в организации в Англии добровольческих вооруженных сил, способных оказать помощь «любому французскому Сопротивлению, в какой бы части французской империи оно ни возникло». Долг патриотов, оставшихся во Франции, по его мнению, состоял в том, чтобы «пассивно сопротивляться всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁴. Вооруженные силы «Свободных французов» должны были, по мысли де Голля, представлять Францию в лагере победителей в войне против Германии. «Придет день, — говорил он, — когда наши армии, выкованные и закаленные вдали, присоединившись к армиям, которые создадут наши союзники и, может быть, еще и другие, с триумфом вернутся на французскую землю. И тогда, да, мы восстановим Францию»⁵.

В выступлениях генерала де Голля отразилось своеобразное военно-стратегическое понимание событий,

¹ «Bulletin officiel des forces françaises libres», 15. VIII. 1940.

² Ibidem.

³ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 25, 3, 4, 39—41, 17, 7.

⁴ Ibid., p. 7.

⁵ Ibid., p. 20.

характерное для человека, который убежден, что «меч — это ось мира»¹. Он тщательно анализировал военные и внешнеполитические факторы, но первое время почти не принимал во внимание факторы внутривнутриполитические и социальные. Де Голль призывал к борьбе против Германии и Италии; он апеллировал к «чести Знамени» и «величию Родины»², но не упоминал о демократических правах и свободах. В его речах говорилось о флоте, империи, армии, но не о положении трудящихся. Процесс освобождения Франции в это время представлялся де Голлю чисто военной операцией: завоевание Франции извне силами союзных войск. Ни вооруженного восстания, ни других активных действий французского населения в его первоначальных планах не предусматривалось.

Поскольку, по мнению де Голля, Франция не могла освободиться от оккупации собственными силами, проблема союзников приобретала в его концепции чрезвычайно важное, пожалуй, решающее значение. Главным союзником Франции де Голль считал Англию. Даже после потопления английским флотом французских кораблей в Мерс-эль-Кебире он счел нужным заявить: «...наши народы, наши великие народы, останутся связанными друг с другом. Они или оба погибнут или вместе победят»³. Очень большое значение де Голль придавал союзу с Америкой. По его словам, «в этой мировой войне ни один разумный человек не считает возможной победу свободы без помощи американского континента»⁴. Видимо, де Голль рассчитывал и на помощь Советского Союза. По свидетельству его близкого сотрудника М. Шумана, он был убежден, что «в один прекрасный день Германия объявит войну СССР»⁵. В своих публичных выступлениях военного времени де Голль, как и Черчилль, избегал антисоветских высказываний, не желая затруднять возможность контакта с СССР.

Вопросы послевоенного развития Франции сначала ставились де Голлем в самой общей форме. Он ограничивался краткими заявлениями о необходимости наказать изменников, восстановить свободу, независимость,

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 42.

² «Discours et messages du général de Gaulle», p. 8.

³ Ibid., p. 11.

⁴ Ibid., p. 16.

⁵ H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 95.

величие и счастье Франции. Де Голль говорил, что в результате победы над Германией «должна возникнуть новая Франция», утверждал, что «эта великая война является также великой революцией»¹, но не упоминал о необходимости восстановления республики и тем более о революционных или демократических преобразованиях в освобожденной Франции.

Таким образом, в начале лондонского периода своей деятельности генерал де Голль проявил себя как дальновидный и энергичный политик правого направления, стремящийся к победе над Германией и освобождению Франции. Не отрекаясь от своего класса и его интересов, он нашел форму их соединения с национальными интересами, осудил национальное предательство и стал бороться против него².

Отправляясь в Англию, де Голль намеревался создать там эмигрантское правительство или в крайнем случае Французский Национальный комитет, осуществляющий функции правительства. Однако достичь этой цели оказалось нелегко. Де Голль еще не был известен ни во Франции, ни за границей, он не представлял какой-либо общественной, политической или военной организации. В июне 1940 г. к нему присоединились лишь небольшие войсковые части, оказавшиеся в Англии: два батальона французской легкой дивизии, ранее эвакуированной из Норвегии, три небольших военных корабля и два десятка офицеров³. Англия, поддерживая де Голля, все же не хотела признавать его в качестве главы Национального комитета и тем более Временного правительства в эмиграции. Стремясь найти возможно менее обязывающую формулировку признания, английское правительство 28 июня 1940 г. заявило, что «признает генерала де Голля как главу «Свободных французов», которые, где бы они ни находились, присоединятся к нему, чтобы поддержать дело союзников»⁴. 7 августа 1940 г. Черчилль и де Голль подписали соглашение относительно организации, формирования и использования французских добровольческих сил в Англии⁵. Генерал де Голль обя-

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 35, 17.

² Подробнее см. *Н. Н. Молчанов*. Генерал де Голль, стр. 142.

³ *H. Michel*. Les courants de pensée de la Résistance, p. 15.

⁴ «The Manchester Guardian», 29. VI. 1940.

⁵ Текст соглашения см.: «Bulletin Officiel des forces françaises libres», 15. VIII. 1940.

зался сформировать «французские силы, состоящие из добровольцев», для борьбы «против общих врагов». Он осуществлял верховное командование этими силами в соответствии с «общими директивами британского командования», оговаривая, что его силы «никогда не обратят оружия против Франции». Английские власти должны были снабжать и финансировать французские добровольческие силы, сохраняя право «производить любое обследование и проверку, которые они сочтут необходимыми». Средства, предоставленные «Свободным французам», считались авансом, подлежащим в будущем погашению. Особой статьей де Голлю разрешалось «создать гражданский орган, включающий административные службы, необходимые для организации его вооруженных сил». Соглашение имело обратную силу и применялось с 1 июля 1940 г.

Подписание соглашения сопровождалось обменом письмами между Черчиллем и де Голлем. В соответствии с пожеланием де Голля, который учитывал, «что англичане могут, чего доброго, польститься на то или иное из наших заморских владений»¹, в опубликованном письме Черчилля говорилось: английское правительство «решило обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции, когда союзное оружие одержит победу»². В дополнительном секретном письме Черчилль по существу брал обратно это обязательство, уточняя, что «выражение «полное восстановление независимости и величия Франции» не имеет в виду в строгом смысле слова территориальных границ»³. Статью соглашения, согласно которой силы «Свободных французов» не обратят оружия против Франции, Черчилль требовал «истолковывать так, что она относится к Франции, свободной в выборе своего пути и не подвергающейся прямому или косвенному принуждению со стороны Германии. Таким образом, объявление правительством Виши войны Соединенному Королевству не представляло бы объявления войны Францией; возможны также другие аналогичные случаи»⁴.

Соглашение от 7 августа долгое время было юридической основой взаимоотношений Англии и «Свободных

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 122.

² «Bulletin Officiel des forces françaises libres», 15. VIII. 1940.

³ Ш. де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 349 (документы).

⁴ Там же.

французов». Не признавая прав де Голля на осуществление государственной власти и рассматривая «Свободных французов» как добровольцев на службе Англии, оно все же обеспечивало де Голлю регулярную финансовую поддержку и давало ему возможность создать помимо военного гражданский орган, который мог стать зародышем будущего правительственного аппарата.

Вопрос о взаимоотношениях «Свободных французов» с Соединенными Штатами Америки первоначально не поднимался ни с той, ни с другой стороны. Зная, что США поддерживают дипломатические отношения с Виши, и ощущая крайнюю слабость своего движения, генерал де Голль в первые месяцы даже не пытался установить прямой контакт с американским правительством. Со своей стороны правительство США не видело надобности в таком контакте. Для президента США Рузвельта и государственного секретаря Хэлла «правительство Петэна было законным правительством»¹ и претензии «Свободных французов» на роль представителей Франции казались им совершенно необоснованными. Руководящие деятели США заняли позицию, которая с юридической точки зрения казалась неуязвимой: «Самим французам должна быть предоставлена полная свобода, чтобы избрать — когда придет соответствующее время — свое собственное правительство»².

На практике это означало, что США продолжают поддерживать дипломатические отношения с правительством Виши, оставляя за собой возможность постоянного вмешательства в вопрос о будущем правительстве Франции. В соответствии с выработанной госдепартаментом доктриной «местных властей» Соединенные Штаты соглашались иметь дело с местными деголлевскими властями, которые фактически контролируют ту или иную территорию, но отказывались признавать центральные органы деголлевского движения³.

Первоначально движение «Свободных французов» не имело коллегиального руководящего органа. Генерал де Голль единолично принимал основные политические и административные решения (включая назначения и пе-

¹ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I. New York, 1948, p. 805.

² Ibid., p. 962.

³ FR of USA, 1940, vol. II, p. 641—642.

ремещения должностных лиц). Центральным исполнительным органом, всецело ему подчиненным, являлась «Главная квартира генерала де Голля», состоявшая из военных и гражданских органов управления. Военные органы включали военную канцелярию де Голля, вспомогательные службы и штаб, разделенный на традиционные для французской армии четыре отдела (бюро). Гражданские органы состояли из гражданской канцелярии де Голля, службы финансов, службы иностранных и колониальных дел, службы техники и вооружения, юридической службы, службы прессы и информации, службы по делам французов, проживающих за границей¹.

Структура гражданских служб напоминала структуру правительства, свидетельствуя о намерении де Голля превратить «Главную квартиру» в подобие центрального правительственного органа. Об этом говорит и появление 15 августа 1940 г. первого номера «Официального бюллетеня свободных французских сил», выполнявшего функции правительственного вестника.

В литературе распространено утверждение, будто среди «Свободных французов» были «в целом представлены все социальные слои, все религиозные или политические мнения»². Факты, однако, показывают, что в руководстве «Свободных французов» не было ни рабочих, ни крестьян, ни других представителей трудящихся. В первые месяцы там не было и представителей крупных монополий, видных военных и политических деятелей. Первоначально в руководстве имелся лишь один бригадный генерал (сам де Голль) и один вице-адмирал в отставке (адмирал Мюзелье, командовавший военно-морскими и военно-воздушными силами «Свободных французов»). Позднее к де Голлю присоединилось еще несколько высших офицеров, в том числе бывший губернатор Индокитая генерал армии Ж. Катру, бывший командующий французскими войсками в Сомали бригадный генерал П. Лежантийом, бывший начальник штаба французских войск в Сирии и Ливане полковник Р. де Лармина.

Руководящие посты в создаваемом де Голлем военно-административном аппарате занимали в основном офицеры среднего и низшего звена, адвокаты и журна-

¹ «Bulletin officiel des forces françaises libres», 15. VIII. 1940.

² Н. Michel. Histoire de la France libre. Paris, 1963, p. 23.

листы. Начальниками четырех бюро (отделов) штаба были капитан Готшо, капитан Деваврэн (более известный под псевдонимом Пасси), капитан де Отклок и капитан Бутон. Начальником штаба флота, подчинявшегося Мюзелье, являлся сначала майор Тьерри д'Аржанлье, морской офицер и в прошлом один из руководителей монашеского ордена кармелитов, затем капитан Мулек. Сухопутными частями, состоявшими первоначально из двух пехотных батальонов, командовал подполковник Магрэн-Вернерэ (более известный под именем полковника Монклара), профессиональный военный, офицер иностранного легиона. Видную роль играли и два других профессиональных офицера — капитан П. Кениг (впоследствии генерал армии) и капитан де Отклок (двоюродный брат начальника третьего бюро штаба), получивший позднее широкую известность под именем генерала (затем маршала) Леклерка.

Гражданские службы «Главной квартиры» подчинялись непосредственно де Голлю, а в его отсутствие — майору Антуану (псевдоним Фонтэн), в прошлом директору предприятий по производству электроэнергии. Среди руководителей гражданских служб выделялись Р. Плевен и Р. Кассэн. Ренэ Плевен, впоследствии министр и премьер-министр Франции, до войны занимался предпринимательской деятельностью. После капитуляции он присоединился к де Голлю, возглавив вместе со своим другом, банкиром П. Дени (псевдоним Раузан), финансовую службу «Свободных французов». Профессор Ренэ Кассэн, руководивший юридической службой «Свободных французов», выходец из семьи крупных торговцев, ранее был известным адвокатом, профессором юридического факультета Парижского университета, членом французской делегации в Лиге наций.

Руководители «Свободной Франции» считали себя защитниками национальных интересов. Их девизом были слова «Честь и Родина», а эмблемой, введенной по предложению адмирала Мюзелье, — лотарингский крест. Обычно они отрицали связь с какой-либо политической идеологией, но большинство офицеров, первоначально примкнувших к де Голлю, были противниками республиканского строя, Народного фронта и коммунизма¹. В радиопередачах «Свободных французов» сначала «не

¹ *H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 92—94.*

говорили о Французской республике, не упоминали о Свободе, Равенстве, Братстве»¹. Многие офицеры, особенно во Втором бюро, занимавшемся разведкой и контрразведкой, ранее были членами фашистских организаций «кагуляров» и «Аксьон франсэз» и даже в Лондоне продолжали изобличать «еврейско-марксистских агентов»². Немногочисленные деятели довоенных левореспубликанских партий (например, Р. Кассэн) примкнули к де Голлю в качестве частных лиц, а не в качестве представителей своих организаций.

Руководители «Свободных французов» сначала не могли действовать на территории Франции, поэтому основные усилия они направили на овладение колониями³. С первых дней своей деятельности де Голль обращался к руководству «незатронутой врагом Северной Африки» (где находились главные французские колонии), к губернаторам, администраторам, резидентам и другим руководителям вишистской колониальной администрации, предлагая им разорвать «омерзительное перемирие», одним из последствий которого, по его словам, «будет охлаждение и, вероятно, бунт туземцев»⁴. Де Голль предполагал, что французское население и администрация колоний, опасаясь перехода под власть Германии и оказавшись к тому же перед перспективой восстания местного населения, примкнут к «Свободным французам». Действительно, в ряде небольших колоний, особенно тесно связанных с Англией, возникло сильное течение в пользу продолжения войны. Там появились комитеты сторонников де Голля, располагавшие поддержкой части офицеров и чиновников колониального аппарата управления.

3 июля 1940 г. губернатор колонии Чад в Экваториальной Африке Ф. Эбуэ конфиденциально сообщил де Голлю о намерении примкнуть к «Свободным французам»⁵. В других районах Французской Экваториальной Африки — Конго, Убанги-Шари, Габоне, Камеруне — также сложилась благоприятная для де Голля об-

¹ *Am. Muselier. De Gaulle contre le gaullisme. Paris, 1946, p. 42.*

² *Ibid.*, p. 40.

³ *J. Soustelle. Envers et contre tout, t. I. Paris, 1947, p. 103.*

⁴ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 2, 14.

⁵ *A. Sicé. L'Afrique équatoriale française et le Camérout au service de la France. Paris, 1946, p. 106.*

становка. Даже в Северной и Западной Африке, наиболее тесно связанной с метрополией, деголлевцы рассчитывали на благожелательное отношение части вишистской администрации.

22 июля 1940 г. на сторону «Свободных французов» перешла первая французская колония — острова Новые Гебриды в Тихом океане, находившиеся под совместным управлением Англии и Франции¹. За ними последовали небольшие французские колонии в Индии и на Тихом океане. 3 августа 1940 г. Черчилль утвердил представленный де Голлем план, «цель которого состояла в том, чтобы поднять флаг «Свободных французов» в Западной Африке, оккупировать Дакар и таким образом объединить французские колонии в Западной и Экваториальной Африке под властью генерала де Голля, а позднее присоединить к ним французские колонии в Северной Африке»². С этой целью специальная делегация «Свободных французов», возглавляемая Р. Плевеном, отправилась в Экваториальную Африку. Решающие события произошли в течение трех дней. 26 августа Эбуэ официально объявил о присоединении Чада к генералу де Голлю. 28 и 29 августа члены специальной делегации Леклерк и Буаламбер, опираясь на примкнувшие к ним войска, захватили власть в Камеруне. Одновременно деголлевский Комитет действия в столице Французского Конго Браззавиле, возглавленный генералом А. Сисе, совершил при поддержке офицеров местного гарнизона государственный переворот и передал власть прибывшему туда де Лармина. В ночь с 29 на 30 августа деголлевцы, опираясь на часть войск, овладели колонией Убанги-Шари.

Это был огромный успех. В течение нескольких дней почти вся Французская Экваториальная Африка (за исключением Габона, присоединенного только в ноябре 1940 г.) перешла под контроль де Голля. «Свободные французы» получили наконец свою территорию, которую они, не колеблясь, называли французской.

Однако в сентябре 1940 г. деголлевцы потерпели серьезное поражение. Большая англо-французская экспедиция, имевшая целью захват Дакара и всей Запад-

¹ *H. Sautot. Grandeur et décadence du gaullisme dans le Pacifique. Melbourne, 1949, p. 22—27.*

² *W. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 420.*

ной Африки, окончилась провалом. Вопреки надеждам деголлевцев гарнизон Дакара остался на стороне Виши. Вмешательство английского флота не дало результатов. После двухдневной перестрелки, в ходе которой обе стороны понесли серьезные потери, англичанам и деголлевцам пришлось отступить.

46 Провал операции в Дакаре привел к серьезным политическим последствиям. В Англии и США его расценили как доказательство слабости, самонадеянности и некомпетентности руководства «Свободных французов». Авторитет де Голля был серьезно подорван. Разуверившись в его способности овладеть главными французскими колониями, Англия возобновила секретные переговоры и, по-видимому, пришла к соглашению с Виши о сохранении прежнего положения в основных французских колониях, прежде всего в Северной и Западной Африке¹. Это связывало «Свободных французов» и заставляло их направлять свои усилия на овладение лишь такими колониями, контроль над которыми мог помочь Англии в ведении войны на Средиземном море и в Африке. Главными целями «Свободных французов» стали теперь Французское Сомали и подмандатные территории Франции — Сирия и Ливан.

Наличие собственной территориальной базы в Экваториальной Африке позволило де Голлю приступить к созданию зачатков государственной власти. 29 августа 1940 г., сообщая о присоединении Экваториальной Африки, де Голль впервые официально выступил от имени «Свободной Франции»², а не только от имени «Свободных французов». 27 октября 1940 г. он подписал «Манифест относительно руководства усилиями французов во время войны» и «Ордонанс № 1 об организации общественных властей и учреждении Совета обороны империи»³.

Основное содержание Манифеста 27 октября состояло в доказательстве незаконности правительства Виши и необходимости власти генерала де Голля. В нем говорилось, что «собственно французского правительства более не существует», ибо «случайные руководители

---

¹ L. Woodward. British foreign policy in the Second world war. London, 1962, p. 94—102.

² «Discours et messages du général de Gaulle», p. 28.

³ «Journal Officiel de la France libre», 20. I. 1941.

страны» подчинились врагу. Необходимо, чтобы «новая власть взяла на себя задачу руководить усилиями французов в войне». Генерал де Голль готов ее возглавить. «Я буду осуществлять власть от имени Франции, и единственно с целью ее защиты, — заявил де Голль. — Я беру на себя торжественное обещание дать отчет о моих действиях представителям французского народа, как только он сможет свободно их назначить».

В опубликованном одновременно с Манифестом Ордонансе № 1 определялись полномочия созданного де Голлем правительственного органа — Совета обороны империи, в который вошли главные деятели деголлевского движения (Катру, Мюзелье, де Лармина, Леклерк, Кассэн и др.). Формально Совет должен был «от имени Франции осуществлять всю власть военного правительства на всех французских территориях, которые сражаются или будут сражаться»¹, но на деле вся полнота власти сохранялась в руках де Голля. Правда, теперь он должен был принимать решения «после консультации с Советом обороны», но лишь в том случае, «если таковая будет необходима». Начиная с Ордонанса № 1 законодательные акты «Свободной Франции» открывались характерной формулой: «Мы, генерал де Голль, Глава «Свободных французов», постановляем...» Демонстративное сходство этой формулировки с соответствующими формулами Виши подчеркивало личный характер вновь организуемой власти.

Важным конституционным документом «Свободной Франции» стала «Органическая декларация, дополняющая Манифест 27 октября 1940 г.»². В этой декларации, подписанной де Голлем 16 ноября, глава «Свободных французов» впервые провозгласил необходимость восстановления республики и подчеркнул незыблемость «Прав человека и гражданина». В отличие от Манифеста 27 октября «Органическая декларация» обвиняла «псевдоправительство Виши» не только в подчинении врагу, но и в том, что оно «уничтожило как по форме, так и по существу один раздел республиканской конституции за другим», пренебрегая «правами Человека и Гражданина и правом народа на свободное волеизъявление». В декларации подчеркивалось, что республи-

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 31.

² «Journal Officiel de la France libre», 20. I. 1941.

канская конституция 1875 г. «законно остается в силе» (хотя в принципе ее пересмотр считался полезным) и что «республиканская форма правления не может стать предметом предложения о пересмотре».

В «Органической декларации» не было прямых требований восстановить демократические свободы, да и признание республики выглядело еще декларативным актом, плохо гармонирующим с системой личной власти, практикуемой руководством «Свободных французов». Тем не менее «Органическая декларация» явилась крупным событием в политической эволюции «Свободной Франции», способствовавшим росту ее авторитета среди французского народа.

48

В первые месяцы после поражения Франции «Свободные французы» почти не имели связей с метрополией. Они не знали, что там уже складывается движение Сопротивления, и считали разведку и особенно радиопропаганду единственно возможными методами действий. В июле 1940 г. они получили возможность ежедневно выступать по английскому радио (под контролем английских властей) с двумя пятиминутными передачами. С этого времени миллионы французов каждый вечер с волнением слушали выступления главного диктора «Свободных французов» Мориса Шумана, призывавшего их высоко держать голову, верить в конечную победу, смело смотреть в глаза оккупантам¹. Передачи «английского радио» быстро приобрели огромное политическое значение. Именно они создали известность генералу де Голлю и стали главным каналом его влияния на Францию. Однако эти передачи, поддерживавшие надежду и патриотизм французов, исходили из концепции «пассивного сопротивления», были проникнуты духом пассивного выжидания и недоверия к активным боевым действиям. «Сражайтесь вместе с нами на своем месте», — говорил Шуман французам, но тут же добавлял: «Остерегайтесь отчаянных или преждевременных действий, которые были бы на руку тирану»².

Второе бюро штаба де Голля, посылавшее по заданию англичан агентов во Францию, первоначально не

¹ M. Schumann. *Honneur et patrie*. Paris, 1946, p. 19—20.

² Ibid., p. 20—21.

ставило перед ними задачу организовать движение Сопротивления. Десять таких групп, отправленных в течение года во Францию, ограничивались сбором разведывательных данных, представлявших интерес для английского командования. Им давалась директива «не убивать ни одного немецкого солдата или офицера по причине несомненных репрессий и не осуществлять преждевременно саботажа»¹. Лишь в апреле 1941 г. у руководителей Второго бюро, переименованного позднее в «Центральное бюро осведомления и действия» (БСРА), появилась мысль «развивать сопротивление французского народа» с целью в будущем осуществить «всеобщий саботаж вражеских тылов, чтобы облегчить высадку союзников на континенте»².

Не имея организационных связей с нарождающимся движением Сопротивления в метрополии, «Свободная Франция» все же оказывала на него значительное воздействие. Многие французские патриоты под влиянием радиопередач из Англии провозглашали себя деголлевцами, печатали и распространяли листовки, порой пытались бежать из Франции, чтобы присоединиться к «Свободным французам». В первом секретном докладе полиции Виши о деятельности сторонников де Голля во Франции с сентября по 15 ноября 1940 г. сообщалось, что «деголлевские листовки» и «надписи деголлевского направления» обнаружены в 16 городах северной и южной зоны, в частности в Париже, Лионе, Марселе, Бордо, Нанте, Монпелье, Виши, Тулузе, Лиможе и других крупных городах. В июле 1940 г. свыше 300 человек из состава военно-воздушных сил пытались бежать в Англию³.

Наряду с нелегальными газетами и листовками внутреннего Сопротивления во Франции стали распространяться листовки сторонников генерала де Голля, пропагандирующие его деятельность. Так, в октябре 1940 г.

¹ *H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 61.*

² *Col. Passy. Souvenirs, t. I. 2-e Bureau, Londres. Paris, 1947, p. 168.*

³ ЦГАОР, ф. ЗА-14, оп. 1, д. 1. Исползованные в книге материалы полиции Виши находятся в числе немецких трофейных документов, переданных Советским правительством правительству Франции в марте 1966 г. Микрофотокопии документов с согласия французской стороны хранятся в СССР (подробнее см. *Г. А. Белов. Передача архивных документов во Францию.— «Новая и новейшая история», 1966, № 4, стр. 187—188).*

полиция конфисковала в южной зоне листовку в стихах: «Если мы хотим спастись, последуем за де Голлем и его добровольцами. Если мы хотим, чтобы нас предали, последуем за Лавалем и его присными». В ноябре 1940 г. в Клермон-Ферране были найдены листовки, в которых говорилось: «Добрые французы, будем бороться за нашу Свободу и за Францию. Не будем презирать наших прежних союзников. Будем вместе с де Голлем»¹. В оккупированной зоне распространялись насмешливые, хотя и не очень складные, стишки: «Чтобы бороться с колорадскими жуками (так называли немцев во Франции.— В. С.), употребляйте порошок де Голля». В юго-западном районе оккупированной зоны ходило по рукам нечто вроде молитвы, по образцу «Патер ностер»:

Наш де Голль, сражающийся в огне,
Да будет прославлено Ваше имя.
Не оставляйте нас под их господством,
Но вызволите нас от бошей.
Да будет так!²

Широкое распространение получила пропагандистская кампания в пользу буквы «В» (от слова «виктуар» — победа), начатая весной 1941 г. бельгийским радио в Лондоне, а затем подхваченная английской и деголлевской пропагандой³.

Большой успех имел призыв «Свободной Франции» превратить введенный правительством Виши праздник Жанны д'Арк (11 мая 1941 г.) в патриотическую демонстрацию. «В день праздника Жанны д'Арк огромная толпа дефилировала перед ее памятником». Она заполнила все прилегающие улицы. «Немецкая полиция и гестапо беспомощно смотрели на нее», — сообщал один очевидец в письме к родственникам, перехваченном вишистской цензурой. Весьма характерно и окончание этого, сугубо личного письма: «Будем надеяться, что все это быстро пройдет и что де Голль вызволит нас отсюда... Целую вас и да здравствует де Голль!»⁴.

Резонанс выступлений сторонников де Голля усиливался тем, что полиция Виши, не мудрствуя лукаво, относилась к «деголлевским листовкам» все издания

¹ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 1.

² Там же.

³ «Jean Oberlé vous parle», p. 111—112.

⁴ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 6.

внутреннего Сопротивления и даже публикации Национального фронта, созданного по инициативе коммунистов¹. Сами сторонники де Голля во Франции порой плохо разбирались в его программе. Некоторые из них даже сохраняли веру в Петэна и считали, что де Голль и Петэн дополняют друг друга. Так, одна из обнаруженных полицией листовок предлагала: «Французы, докажите свою привязанность к Петэну, помогая де Голлю и Англии»².

На самом деле активность «сторонников бывшего генерала де Голля», как они официально именовались в переписке Виши, весьма тревожила правительство Петэна. Министр внутренних дел Виши Пейрутон в специальном циркуляре префектам подчеркнул, что «преступная деятельность сторонников бывшего генерала де Голля должна подавляться со всей энергией»³. С декабря 1940 по 22 апреля 1941 г. полиция Виши арестовала 167 человек по обвинению в «голлизме»⁴, однако это не остановило сторонников де Голля. Уже в течение первого года оккупации генерал де Голль и «Свободная Франция» получили широкую известность среди французских патриотов.

**ФРАНЦУЗСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ — ОРГАНИЗАТОР
И ВОДХНОВИТЕЛЬ
ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Решающую роль в развитии движения Сопротивления на территории Франции сыграла Коммунистическая партия. Еще в предвоенные годы ФКП возглавила борьбу французского народа против фашизма. Будучи вдохновителем антифашистского Народного фронта, Компартия вместе с другими группировками, входившими в него (социалистами, радикалами, профсоюзными объединениями), боролась за мир, хлеб и свободу. С 1936 г. ФКП выступала за создание широкого общенационального Французского фронта с целью защиты свободы и

¹ ЦГАОР, ф. ЗА-14, оп. 1, д. 2, 3, 4; 7, 8.

² Там же, д. 2.

³ Там же, д. 1.

⁴ Там же, д. 4.

независимости Франции. Загнанная в подполье в сентябре 1939 г., во время «странной войны», когда французские правящие круги, не желавшие воевать против Германии, готовили нападение на СССР и ликвидировали демократические свободы, Компартия, несмотря на клевету и репрессии, продолжала свою деятельность. Считая, как и другие коммунистические партии, «странную войну» войной империалистической, ФКП стремилась мобилизовать все силы французского народа для того, чтобы разгромить внутреннюю реакцию и предотвратить поражение Франции. 6 июня 1940 г., когда немецко-фашистские войска приближались к Парижу, ЦК ФКП предложил правительству «изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины», освободить арестованных патриотов, обезвредить вражеских агентов, «вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость»¹.

Анализ политической линии и практической деятельности ФКП полностью опровергает утверждения буржуазной историографии о том, что после поражения Франции и вплоть до нападения Германии на СССР коммунисты будто бы участвовали в движении Сопротивления лишь «в индивидуальном порядке», тогда как партийное руководство якобы «резко осуждало первые действия против оккупантов»². Факты доказывают, что Коммунистическая партия первой призвала к Сопротивлению и начала борьбу против оккупантов и вишистов. Летом 1940 г., когда правительство Петэна ликвидировало республику, а все буржуазные партии и Социалистическая партия распались, в подпольной печати был опубликован манифест ФКП «К народу Франции!»³ — первый на французской земле призыв к Сопротивлению. Переданный в печать 10 июля 1940 г. и доработанный в процессе печатания⁴, Манифест был подписан секретарями ЦК ФКП М. Торезом и Ж. Дюкло. В нем разоблачалась политика «недостойных правителей, ответственных за войну, поражение и оккупацию». Выражая

¹ М. Торез. Сын народа, стр. 160—161.

² Н. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 555.

³ «Peuple de France!» Специальный выпуск «Юманите» без номера и даты. Манифест был также опубликован в центральном органе Компартии журнале «Cahiers du Bolchévisme», 3-е trimestre 1940 и распространялся в форме листовок.

⁴ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 57.

«волю всего народа к независимости и его твердую решимость навсегда избавиться от тех, кто привел его к катастрофе», Компартия заявляла: «Франция, еще вся окровавленная, хочет жить свободной и независимой. Французский народ хочет сам решать, в соответствии со своими традициями и национальным характером, социальные и политические вопросы, возникшие в связи с предательством правящих классов. Франция не желает попасть в подчинение к вишистским авантюристам. Никогда столь великий народ не будет народом рабов... Франция не будет разновидностью колониальной страны; Франция с ее славным прошлым не станет на колени перед кучкой лакеев, готовых на любое грязное дело».

ФКП предупреждала, что «битые генералы, аферисты, политиканы с подмоченной репутацией» не могут возродить Францию. «Только в народе воплощаются великие надежды на национальное и социальное освобождение. И лишь вокруг рабочего класса, пламенного и великодушного, полного веры и отваги, потому что ему принадлежит будущее, только вокруг рабочего класса, руководимого Коммунистической партией, Партией честности, чести и героизма, может создаваться фронт свободы, независимости и возрождения Франции».

Манифест 10 июля призывал к объединению «всех честных французов, которые хотят, чтобы Франция возродилась и освободилась от цепей капитализма». Резко осуждая руководство политических партий, повинных в несчастьях страны, коммунисты обращались к рядовым социалистам, радикалам, католикам, членам профсоюзов; к рабочим, крестьянам, мелкому люду городов и деревень; «ко всем мужчинам и женщинам доброй воли» с предложением «повсюду в городах и деревнях объединяться в народные комитеты солидарности и взаимопомощи, чтобы помогать беженцам, нуждающимся, демобилизованным, безработным, больным и раненым». Компартия предлагала открыть предприятия, выпускающие продукцию широкого потребления, и возместить крестьянам потери, нанесенные войной. Она требовала восстановить демократические свободы, разрешить коммунистическую печать, освободить арестованных патриотов, отдать под суд виновников войны и поражения.

В Манифесте 10 июля выдвигалась широкая программа радикальных общественных преобразований, ко-

торые обеспечили бы подлинное возрождение Франции. Эта программа включала конфискацию всех военных прибылей; массовое обложение крупных состояний; национализацию шахт, железных дорог, банков и других крупных предприятий; передачу крестьянам «крупных земельных владений, принадлежащих банкирам, помещикам и другим эксплуататорам Народа»; предоставление независимости французским колониям. В соответствии с политической линией, выработанной еще во время «странной войны», ФКП высказывалась за установление «мира, сохраняющего полную и реальную независимость Франции». Она горячо поддерживала мирную политику Советского Союза и требовала «заключения франко-советского договора о дружбе».

54

Чтобы осуществить эту программу, говорилось в Манифесте, нужно «прогнать правительство изменников и лакеев», создать «правительство национального возрождения», т. е. «правительство Народа, черпающее свою силу в Народе, и только в Народе, действующее исключительно в интересах Народа». Это правительство должно спасти Францию, «обеспечить ее независимость в условиях мира», «освободить страну от цепей капиталистической эксплуатации и угнетения».

Манифест 10 июля 1940 г. имел огромное политическое значение. Напечатанный рабочим Р. Тираном в маленькой типографии на бульваре Понятовского в Париже, он в июле — августе 1940 г. разошелся по всей стране. Манифест определил цель борьбы — национальное и социальное освобождение и возрождение Франции, завоевание свободы и независимости для французского народа. Он указал руководящую силу этой борьбы — рабочий класс во главе с Коммунистической партией. В Манифесте был намечен стратегический план борьбы: союз всех патриотических слоев населения вокруг рабочего класса в едином фронте борьбы за свободу, независимость и возрождение Франции.

Политическая линия Манифеста 10 июля конкретизировалась в последующих заявлениях ФКП и на страницах ее подпольной печати. Нелегальные газеты и журналы, прежде всего центральный орган ФКП газета «Юманте», разъясняли народу, что «капиталисты предали Францию»¹, показывали, что правительство Виши —

---

¹ «L'Humanité», 14. VIII. 1940.

это «самое полное выражение плутократического капитализма», настоящее «правительство трестов». ФКП раскрыла подлинный смысл государственного переворота 10 июля, означавшего «установление во Франции режима, скопированного с режимов, созданных в Германии и Италии»¹.

Компартия резко осудила провозглашенную в Монтуаре политику «сотрудничества», представлявшую собой, по справедливой оценке «Юманите», «акт подчинения германскому империализму»². Она заявила категорический протест против аннексии Эльзаса и Лотарингии, против угрозы захвата Корсики, Ниццы, Туниса, против агрессии японского империализма в Индокитае³. Компартия заклеймила вишистское «правительство нищеты, рабства и измены, которое, не вымолвив ни единого слова, допустило аннексию Эльзаса, которое попирает свободу французов, чтобы получить поддержку иностранных штыков»⁴.

55

Верная традициям пролетарского интернационализма, ФКП неизменно выступала за дружбу с Советским Союзом. Она горячо приветствовала вступление в состав СССР новых советских республик, популяризировала успехи хозяйственного строительства и внешней политики СССР, показывала, что «каждый успех Советского Союза с радостью приветствуют трудящиеся всех стран, которые видят в нем великую надежду угнетенных народов»⁵.

Огромное внимание ФКП уделяла защите непосредственных интересов народных масс: требовала повышения зарплаты, улучшения снабжения, увеличения пенсий и пособий по безработице⁶. Коммунисты отстаивали справедливые требования рабочих, крестьян, мелких торговцев, ремесленников и вообще средних слоев населения, женщин, молодежи, солдат, военнопленных, интеллигенции и других групп трудящихся⁷. Компартия

---

¹ «L'Humanité» 17, 27. VII, 12. XII, 19. X. 1940.

² «L'Humanité» 30. XII. 1940.

³ «L'Humanité», numéro spécial, XI, XII. 1940.

⁴ «L'Humanité», numéro spécial, XII. 1940.

⁵ «L'Humanité», numéro spécial, I. 1941.

⁶ «L'Humanité», 9. VIII, 14. VIII, 18. VIII. 1940.

⁷ Брошюра «Paysan de France, redresse — toi!», листовки «Le Parti Communiste avec les classes moyennes», «Aux intellectuels français» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

предлагала «заставить платить богачей»¹, советовала трудящимся протестовать против произвола, устраивать стачки и демонстрации. «Никогда не забывайте, что в борьбе даже за самые скромные, частичные требования крепнет организация народных масс и растет их вера в нашу окончательную победу,—говорилось в разработанной ФКП программе социального и национального освобождения.—Отказаться от защиты своих требований означает укреплять цепи рабства; бороться за свои требования, напротив, значит ослаблять эти цепи»².

Как и все коммунистические партии, ФКП считала, что вторая мировая война на ее начальном этапе носит империалистический характер и победа любого из воюющих лагерей — англо-американского или итало-германского — была бы пагубна для Франции³. Характеризуя ситуацию, сложившуюся к началу 1941 г., руководители ФКП М. Торец и Ж. Дюкло писали в статье, посвященной 70-й годовщине Парижской коммуны: «Если оккупация Франции Германией достаточно доказала, что «новый европейский порядок» Гитлера означал бы для Франции скандальное порабощение, то не менее очевидно, что глубоко реакционное и антидемократическое движение де Голля и де Лармина также не преследует другой цели, кроме желания лишить нашу страну всякой свободы в случае английской победы. Итак, с двух сторон нам угрожает рабство, подчинение нашей страны диктатуре капитала, но есть другой путь спасения от угрожающих нам опасностей: путь, который в 1871 г. указала своим блестящим примером Парижская коммуна»⁴. Упомянувшееся тогда в документах ФКП «правительство народа» обычно рассматривалось коммунистами как «правительство социального и национального освобождения Франции», которое «передает заводы в коллективную собственность», отдаст землю крестьянам и будет правительством «беспощадной борь-

¹ «L'Humanité», 2. VIII. 1940.

² Листовка «Pour le salut du peuple de France!» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

³ M. Thorez et J. Duclos. Un an après le dechainement de la guerre impérialiste. — «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 65—69.

⁴ M. Thorez et J. Duclos. Les capitalistes d'aujourd'hui sont les dignes héritiers des Versaillais. — «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 85.

бы против капитализма»¹. В результате возникнет «Народная Республика, из которой выйдет новая Франция, Франция, избавленная от капиталистической эксплуатации, социалистическая Франция, которая даст всем хлеб, свободу и мир»².

Стремясь использовать возможности легальной работы в оккупированной зоне, коммунисты в первые недели после поражения Франции добивались легального выхода «Юманите» и возвращения в муниципалитеты ранее изгнанных коммунистов³. Как вспоминает Ж. Дюкло, «товарищи, вдохновлявшиеся, без всякого сомнения, добрыми намерениями и которые потом храбро сражались против оккупантов, пришли к мысли, что партийная пресса могла бы появляться легально, поскольку уже выходили многие другие журналы. Они предприняли демарши в этом направлении. Руководство партии осудило эти демарши, и их авторы признали свою ошибку»⁴.

57

Компартии пришлось тогда бороться против группы ренегатов и провокаторов во главе с бывшим секретарем ЦК ФКП М. Життоном, изменившим партии еще во время «странной войны». Життон и его сообщники распространяли лживые слухи и публиковали фальшивки с целью дискредитировать партию, представляли коммунистов как людей, якобы «барышничавших» с оккупантами⁵. ФКП заклеила Життона и его группу как предателей, предупредив, что они изготавливают фальшивые номера «Юманите» и «прямо оплачиваются оккупантами»⁶.

По мере продолжения войны и усиления оккупационного гнета призывы коммунистов к борьбе за свободу и независимость Франции приобретали все более конкретный характер. Коммунистическая печать показывала, что оккупанты вывозят из Франции уголь, сырье, продовольствие, предметы первой необходимости, выкачивают огромные суммы денег в качестве оккупационных платежей, высылают в Германию безработных, разоряют крестьян, мелких торговцев и ремесленников⁷.

¹ «L'Humanité», numéro spécial, I. V. 1941.

² «Pour le salut du peuple de France!»

³ «L'Humanité», 17. VII, 13. VII, 24. VII, 14. VIII. 1940.

⁴ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie. p. 55.

⁵ См. Ф. Бонт. Дорога чести. М., 1949, стр. 293.

⁶ «L'Humanité», 9. VIII, 26. IX, 12. XII. 1940.

⁷ «L'Humanité», 23. XII. 1940; 4. 13. I, 8. II, 18. III, 1. V. 1941.

В мае 1941 г. ЦК ФКП сделал новый шаг в борьбе против оккупантов и сплочении патриотических сил. В Обращении к народу, датированном 15 мая 1941 г., он призвал «всех французов, за исключением капитулянтов и предателей, объединиться в Национальный фронт борьбы за независимость Франции»¹. В Обращении ЦК ФКП содержалось исключительно важное положение: «Руководствуясь единственной заботой — осуществить единство Нации в борьбе за священное дело национальной независимости, Коммунистическая партия, ставя превыше всего интересы страны, торжественно заявляет, что для создания широкого фронта национального освобождения она готова поддержать любое французское правительство, любую организацию и любых людей, усилия которых будут направлены на действительную борьбу против национального гнета, испытываемого Францией, и против изменников, находящихся на службе у захватчиков». Коммунисты считали, что *«Национальный фронт борьбы за независимость должен объединиться вокруг основной силы — французского рабочего класса во главе с Коммунистической партией»*. Продолжая расценивать «войну между Германией и Англией» как войну империалистическую, Компартия высказывалась против вовлечения в нее Франции, выступая за мир, неотделимый «от борьбы против национального угнетения, за независимость нашей страны». Коммунисты предлагали добиваться эвакуации немецких войск, возвращения военнопленных, ликвидации оккупационных платежей, наказания изменников, восстановления демократических свобод, повышения жизненного уровня трудящихся. Компартия вновь требовала сократить налоги, конфисковать военные прибыли, ввести обложение крупных состояний, безвозмездно национализировать банки, страховые компании, шахты, железные дороги и крупные капиталистические предприятия, установить дружеские отношения с СССР. Коммунисты обещали «приложить все силы, чтобы объединить французов в общей борьбе за национальное освобождение», добиться, чтобы «Франция была Францией, а не нацистской колонией».

Значение призыва 15 мая 1941 г. очень велико. Он

¹ «Cahiers du Bolchévisme», 2-e et 3-e trimestre 1941, p. 21—27. Обращение ЦК ФКП распространялось также в форме листовки.

положил начало созданию Национального фронта, который «мало-помалу стал основной организацией французского движения Сопротивления»¹. По сравнению с Манифестом 10 июля 1940 г. идея Национального фронта получила дальнейшее развитие, сделавшее возможным ее практическое осуществление. Обращение 15 мая 1941 г. не требовало от участников будущего Национального фронта социалистических убеждений. Упоминаемое в обращении «правительство Народа» рассматривалось теперь как «выражение воли Нации, объединившейся в едином стремлении к освобождению от захватчиков и прислуживающих им предателей». Коммунисты выражали готовность поддерживать всех, кто борется с оккупантами, и хотя они критиковали движение «Свободных французов» и предостерегали от чрезмерных надежд на него, но все же не исключали возможности совместных действий со сторонниками генерала де Голля во Франции.

Чтобы полнее оценить политику Коммунистической партии, полезно обратиться к свидетельствам, исходящим из враждебного лагеря, со стороны оккупантов и вишистов. Хотя эти свидетельства часто неточны, порой заведомо искажены и проникнуты ненавистью к коммунизму, тем не менее они представляют большой интерес, ибо позволяют понять, как воспринимали и оценивали политику Компартии ее злейшие враги.

Известный агент Германии, редактор газеты «Эвр» М. Деа писал в ноябре 1940 г.: «Наши коммунисты стали националистами. Их подпольные листовки приводят к выводам, которые аналогичны высказываниям деголлевцев. Там только и речи, что об освобождении и о независимости Франции»². Префекты оккупированной зоны в секретных докладах правительству Виши, опубликованных после войны, сообщали, что коммунистические листовки «используют все, что может вызвать недовольство населения: антинемецкие чувства, дух независимости, недостаточность снабжения и заработной платы»³. Дарлан, выступая в мае 1941 г. по радио, предлагал обратить особое внимание на «тревожное

¹ «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 397.

² «L'Oeuvre», 6. XI. 1940.

³ DF, t. IV, p. 596.

сходство между деголлевской и коммунистической пропагандой»¹.

Патриотическая деятельность коммунистов вызывала тревогу оккупационных властей. В январе 1941 г., излагая содержание конфискованной при арестах коммунистической литературы, гестаповцы докладывали в Берлин, что коммунистическая пропаганда направлена не только против Виши, но и «равным образом против немецких властей и рейха». В докладе парижского гестапо, относящемся к концу января 1941 г., говорилось, что «Коммунистическая партия провозглашает свое намерение протянуть руку каждому французу, сохранившему чувство чести и принимающему близко к сердцу национальные интересы». В донесении от 24 февраля 1941 г. сотрудники гестапо, изучавшие содержание коммунистических газет и листовок, отмечали «яростные атаки последнего времени против оккупационных властей и немецкого правительства»².

60

Таким образом, даже оккупанты и вишисты не могли отрицать, что Коммунистическая партия ставила в центр своей деятельности борьбу за свободу и независимость Франции.

Проведение в жизнь политической линии, выработанной ЦК ФКП, было немыслимо без огромной организационной работы в исключительно трудных условиях. К моменту поражения Франции полицейские репрессии уже вырвали из рядов Коммунистической партии около 20 тыс. активных борцов. Война и поражение разбросали коммунистов по всей стране, нарушили связи между ними. Когда оккупанты вошли в Париж, там оставалось всего 180—200 коммунистов³. Лишь к сентябрю 1940 г. Центральному Комитету удалось собрать и перегруппировать основные кадры. Деятельность коммунистов осложнялась еще и тем, пишет Ж. Дюкло, что «победители спекулировали на антикоммунистической клевете предшествующего периода и пытались заставить поверить в своего рода молчаливое соглашение коммунистов с оккупантами. Коммунистам приходилось преодолевать одновременно не только удары врага,

---

¹ «Le Temps», 12. VI. 1941.

² «Recherches internationales à la lumière de marxisme», 1958, N 9—10, p. 85, 87, 76.

³ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 72.

но и определенную сдержанность общественного мнения»¹.

Все же «мало-помалу коммунисты, рассеянные поражением и исходом, перегруппировались. Партийная организация приспособилась к условиям борьбы против репрессий, создав группы из трех человек, строго изолированных друг от друга»². Благодаря умелому руководству и преданности рядовых коммунистов была успешно разрешена задача издания нелегальной литературы. Уже в первый год оккупации Компартия выпускала около 150 нелегальных газет и журналов³, предназначенных для различных слоев населения и часто выходящих значительными тиражами. Так, «Юманите» обычно печаталась тиражом 140 — 150 тыс. экземпляров, центральные партийные журналы «Кайе дю большевизм» и «Ви дю парти» — тиражом 20 — 30 тыс. экземпляров. Тираж центрального органа коммунистической молодежи газеты «Авангард» достигал 100 тыс. экземпляров, тиражи некоторых листовок — 200 — 300 тыс. экземпляров⁴.

61

Большую работу вели коммунисты в массовых организациях, прежде всего в профсоюзах и Народных комитетах. Выступая против роспуска ВКТ и проектов вишистской «Хартии труда», коммунисты советовали рабочим оставаться в местных и отраслевых профсоюзных организациях, сохранивших право на легальное существование, использовать их в борьбе за свои интересы, добиваться возвращения на руководящие посты исключенных активистов. Коммунисты резко критиковали социал-реформистское крыло бывшего руководства ВКТ, отказавшееся от принципов классовой борьбы, но выражали готовность сотрудничать с реформистами, осознавшими свои ошибки⁵.

В конце 1940 г. член руководства ФКП Б. Фрашон предложил видному деятелю профсоюзного движения

¹ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 72.

² «Histoire du Parti communiste français (manuel)», p. 390.

³ Подсчитано по: «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945». Bibliothèque Nationale. Paris, 1954.

⁴ «Sept ans de luttés ardentes au service du peuple contre l'hitlérisme et le fascisme, pour une France libre, démocratique et indépendante». Rapports du Comité Central pour le X congrès national du Parti communiste français (далее — «Sept ans...»). Paris, 1945. p. 187—191.

⁵ «L'Humanité», numéro spécial, VIII. 1940.

Л. Сайяну, принадлежавшему тогда к реформистскому крылу ВКТ, начать совместные действия против оккупантов и вишистов. 17 мая 1941 г. в Париже состоялась первая встреча коммунистов и реформистов, ранее входивших в руководство ВКТ. На этой встрече присутствовали видные деятели ВКТ социал-реформистского направления — Л. Сайян, Ш. Лоран, К. Пино и др. «В повестке дня стояли вопросы: единство действий против правительства Виши и оккупантов, защита профсоюзных свобод и требований рабочих»¹. Однако контакты развивались очень медленно, так как большинство социал-реформистов было настроено антикоммунистически.

62

Важной формой организации масс в первые месяцы после перемирия стали Народные комитеты. В Манифесте 10 июля 1940 г. ФКП предложила создавать Народные комитеты по всей территории Франции. Осенью 1940 г. только в Парижском районе насчитывалось 143 таких комитета². В зависимости от обстановки они выступали как комитеты предприятий, комитеты торговцев, женские комитеты, комитеты в защиту политических заключенных, комитеты демобилизованных, комитеты по улучшению снабжения, отопления и т. п.³ Иногда (например, в металлообрабатывающей и строительной промышленности Парижского района) Народные комитеты по существу выполняли функции профсоюзов. Ими руководили бывшие работники профсоюзов, среди которых находились прославившиеся впоследствии борцы Сопротивления А. Толле, А. Роль-Танги и др.

Народные комитеты были полуполюгальными организациями: они издавали нелегальные газеты и листовки и в то же время организовывали делегации к властям, составляли петиции, возглавляли стачки и демонстрации. Как видно из газет Народных комитетов, они добились увеличения заработной платы, военных пособий и пособий по безработице, требовали конфискации военных прибылей, немедленного возвращения военнопленных, выделения дополнительных продуктов и топлива для детей и стариков.

---

¹ A. Tollet. La classe ouvrière dans la Résistance. Paris, 1969, p. 162.

² «La Vie du Parti», octobre 1940, p. 11.

³ «La Vie du Parti», septembre 1940. Supplément au numéro 9, p. 8.

С течением времени функции Народных комитетов изменялись. Отчасти они слились с восстановленными в подполье профсоюзными организациями, отчасти превратились в комитеты Национального фронта. Некоторые Народные комитеты существовали в течение всей немецко-фашистской оккупации, оставаясь важной формой объединения народных масс¹.

Значительных успехов достигли коммунисты в работе среди интеллигенции. Осенью 1940 г. сотрудник ЦК ФКП П. Вийон вместе с преподавателями-коммунистами Ж. Соломоном и Ж. Политцером приступил к организации нелегального журнала для интеллигенции, стремясь привлечь ее к борьбе против оккупантов и вишистов². Созданный ими журнал «Свободный университет» заявил, что ставит своей целью «продолжать, несмотря ни на что, великие традиции культуры и свободы, которые были и остаются традициями французского Университета»³. Редакция журнала, в которой работали Ж. Политцер, Ж. Соломон, Ф. Жолио-Кюри, П. Ланжевен, Ж. Декурдеманш (Ж. Декур), стала центром патриотической деятельности в высшей школе.

В средней школе группа преподавателей-коммунистов развернула активную работу в защиту светского образования и прав учителей. Комсомольцы, обучавшиеся в высших и средних учебных заведениях, создали «Союз студентов и учащихся-коммунистов», руководителями которого были Ф. Лескюр, Ф. Коэн и др.

Так в повседневной борьбе закладывались основы Национального фронта, создавались предпосылки для объединения национальных сил, готовых отстаивать свободу и независимость страны.

Формы борьбы против оккупантов и вишистов зависели от конкретных условий времени и места. В первые месяцы после поражения главными методами борьбы были агитация, пропаганда, защита непосредственных, прежде всего экономических, интересов трудящихся. Приходилось начинать с простейших действий, например с петиций к властям. Рабочие делегации, ор-

---

¹ В Национальной библиотеке Парижа хранятся газеты различных Народных комитетов за 1940—1944 гг. «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945» N 82, 228, 652.

² J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 72.

³ «L'Université libre» N 1, novembre 1940.

ганизованные чаще всего Народными комитетами, требовали освобождения арестованных коммунистов, помощи безработным, беженцам и демобилизованным, борьбы с голодом и «черным рынком»¹. К осени 1940 г. в мэриях Парижского района побывало 220 делегаций Народных комитетов, предъявивших властям свои требования².

Постепенно возрождалось стачечное движение. Первое сообщение об успешной стачке рабочих появилось в «Юманите» в сентябре 1940 г. Затем такие сообщения публиковались регулярно. По далеко не полным данным коммунистической печати, за первый год оккупации произошло 20 забастовок, причем 13 из них — в оккупированной зоне³. Хотя эти стачки носили экономический характер и были непродолжительны, они имели важное значение для развития движения Сопротивления. «Борьба за хлеб насущный, против капиталистов-эксплуататоров — это часть борьбы за национальное освобождение нашей Франции, которую мы хотим сделать свободной и независимой»⁴, — говорили коммунисты.

Особенно важное значение приобретала подготовка к вооруженной борьбе против оккупантов и предателей. Еще летом 1940 г. ЦК ФКП направил секретаря коммунистической организации западных районов Парижа Ж. Бэйе в департаменты северной зоны для сбора брошенного оружия⁵. Такую же работу в Бретани проводил член ЦК ФКП М. Поль.

Осенью 1940 г. Коммунистическая партия создала первые боевые группы — Специальную боевую организацию (ОС).

По свидетельству Ж. Дюкло, «первая задача этих вооруженных групп состояла в том, чтобы охранять активистов в их повседневной борьбе: тех, кто распространяет листовки и выступает перед публикой, охранять стачечные пикеты, рабочие делегации и манифестации. В то же время ОС начала прямо наносить удары по

¹ «L'Humanité», 26. VII, 2. VIII. 1940; «La Voix des Femmes», II. 1941.

² «La Voix des Sans-travail», octobre 1940.

³ Подсчитано по данным «Юманите» и профсоюзной газеты «Ви увриер» за сентябрь 1940 — июнь 1941 г.

⁴ «La Vie du Parti», 2-e trimestre 1941, p. 32.

⁵ «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 81.

нацистской военной машине»¹. Поскольку в буржуазной историографии не прекращаются попытки поставить под сомнение патриотическую деятельность ФКП в 1940—1941 гг., полезно напомнить, что созданная Компартией и целиком состоявшая из коммунистов «Специальная организация» официально признана французским правительством организацией внутреннего Сопротивления, приравненной к боевым частям с момента ее возникновения в октябре 1940 г.² По ее образцу коммунистическая молодежь создала вооруженные отряды — «Батальоны молодежи». Вооруженные группы эмигрантов-антифашистов объединились в организацию «Рабочие-иммигранты» (МОИ), действующую под руководством Компартии³.

Группы ОС и «Батальонов молодежи» появились прежде всего в рабочих центрах — в Парижском районе, в департаментах Нор и Па-де-Кале, где Компартия пользовалась наибольшим влиянием. В департаментах Нор и Па-де-Кале с конца 1940 г. действовали боевые группы под руководством Феррари, Дебаржа, Апио; в Парижском районе ими руководили член ЦК ФКП П. Ребьер и секретарь Парижской организации коммунистической молодежи П. Жорж, прославившийся впоследствии под именем полковника Фабиена.

Трудной проблемой, которую пришлось решать в процессе подготовки к вооруженной борьбе, была проблема оружия. Коммунисты собирали оружие, брошенное французской армией при отступлении, извлекали взрывчатку из неразорвавшихся мин и снарядов, добывали динамит на шахтах и каменоломнях. Часть оружия, особенно взрывчатые вещества и бомбы, коммунисты изготовляли сами в нелегальных лабораториях, одну из которых возглавляла дочь известного писателя Ж.-Р. Блока, химик по образованию. Однако оружия постоянно не хватало, самодельные бомбы часто не взрывались, и первым партизанам-франтирерам порой приходилось осуществлять диверсии при помощи бутылок с бензином и гаечных ключей.

Развитию вооруженной борьбы мешал и ряд факто-

¹ J. Duclos. Voici comment cela s'est passé.— «L'Humanité-Dimanche», 5. VII. 1964.

² «Unités combattantes de la Résistance» (Bulletin Officiel du Ministère de la guerre). Paris, 1958, p. 9.

³ A. Ouzoulius. Les Bataillons de la jeunesse. Paris, 1967, p. 122.

ров морально-психологического характера. Действия партизан влекли за собой репрессии, от которых страдало население. Кроме того, вспоминал один из руководителей «Батальонов молодежи», А. Узульяс, «воспитанные в духе гуманизма и интернационализма товарищи выдвигали вполне естественные возражения. Некоторые говорили: «Немецкий солдат может быть антифашистом, например рабочим-коммунистом из Гамбурга». И они заключали: «Я хочу убивать только офицеров СС или гестаповцев». Вооруженная борьба «была тем более трудной, что большинство населения еще не понимало ее необходимости и в своей основной массе в это время осуждало действия франтиреров»¹.

Первые боевые действия ОС и «Батальонов молодежи» относятся к концу 1940 г. В ноябре 1940 г. в департаменте Нор они подожгли парк немецких автомашин, а в декабре пустили под откос немецкий поезд и взорвали электростанцию. В Бургундии в декабре 1940 и январе 1941 г. группы ОС организовали крушение трех поездов. Постепенно диверсии и саботаж получали более широкое распространение. По неполным данным, с августа 1940 по июнь 1941 г. на железных дорогах было проведено 29 диверсий (в том числе семь диверсий в течение 1940 г.)². 1 мая 1941 г. три человека из группы Феррари совершили первое покушение на немецких солдат в департаменте Нор³.

С конца 1940 г. сложились условия для более массовых выступлений против оккупантов. Антинемецкие настроения среди населения усиливались. Различные патриотические силы стали постепенно сближаться в целях совместной борьбы против оккупантов. Результатом этого процесса были два крупных (хотя и неравноценных) акта массовой борьбы против оккупантов: демонстрация парижских студентов 11 ноября 1940 г. и стачка шахтеров департаментов Нор и Па-де-Кале в мае — июне 1941 г.

В демонстрации 11 ноября 1940 г., организованной студентами-патриотами (в том числе коммунистами и деголлевцами) в годовщину победы над Германией 11 ноября 1918 г., участвовало несколько тысяч студентов и учащихся (от 3 до 10 тыс.). Они собрались на Ели-

¹ A. Ouzoulias. Op. cit., p. 119, 120.

² Ibid. p. 218, 475.

³ A. Copin. L'Aurore se lève au pays noir. Paris, 1966, p. 73.

сейских полях, у Триумфальной арки, где находится могила Неизвестного солдата. Вишистская полиция запретила демонстрацию и пыталась ее разогнать. На помощь полиции пришли немецкие войска, открывшие огонь по демонстрантам. Несколько человек было ранено, свыше 100 — арестовано. По приказу оккупантов университет был закрыт в течение пяти недель¹.

Несмотря на относительно скромные масштабы, демонстрация 11 ноября 1940 г. имела большое политическое значение. Это была первая открытая сравнительно массовая политическая демонстрация, направленная против оккупантов; первое открытое столкновение с немецко-фашистскими захватчиками. Расстрел демонстрации через несколько недель после встречи в Монтуаре нанес смертельный удар легенде о «корректности» оккупантов и подорвал влияние политики «сотрудничества». Как и последовавшая затем аннексия Эльзаса и Лотарингии, демонстрация 11 ноября стала одним из важнейших событий, вызвавших, по оценке М. Тореза, «взрыв национальных чувств»².

Еще более существенное значение имела стачка шахтеров департаментов Нор и Па-де-Кале в мае—июне 1941 г., охватившая 100 тыс. человек. Ее инициаторами были коммунисты, стремившиеся «достичь двойного результата: нанести удар вражеской военной машине и развернуть борьбу за лучшие условия работы и жизни, среди которых основную роль играет вопрос снабжения»³.

26 мая 1941 г. под руководством коммуниста М. Брюле началась забастовка на шахте «Дагомея». Стаечное движение быстро распространялось, и к началу июня, по данным вишистской администрации, «четыре пятых шахтеров района Нор — Па-де-Кале участвовали в стачке»⁴. На первый план шахтеры выдвинули экономические лозунги: они требовали увеличить нормы выдачи хлеба, маргарина, мыла, поднять заработную плату, уравнивать в правах рабочих, занятых под землей и на поверхности; отменить штрафы и сверхурочные

¹ Подробнее см.: *R. Josse. La naissance de la Résistance étudiante à Paris et la manifestation du 11 novembre 1940.* — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», juillet 1962, p. 1—31.

² *М. Торез. Избранные произведения*, т. I, стр. 569.

³ *A. Copin. Op. cit.*, p. 136—137.

⁴ *DF*, t. IV, p. 597.

работы. Одновременно коммунисты старались придать стачке патриотический характер, нанести удар оккупантам и Виши. Префект департамента Нор сообщал правительству Виши: многочисленные коммунистические листовки «ссылались как на трудности со снабжением и недостаточную заработную плату, так и на необходимость восстать против правительства Виши и немецкого рабства»¹. Оккупационные власти вместе с вишистской полицией арестовали свыше 300 стачечников, но не могли сломить сопротивление шахтеров, которых активно поддерживали женщины, занятые на соседних предприятиях. Лишь 9 июня 1941 г. по призыву руководителей забастовки рабочие вернулись в шахты. Они получили специальные продовольственные карточки, им улучшили снабжение, повысили заработную плату.

Значение стачки шахтеров вышло далеко за пределы экономической борьбы. Она не только нанесла тяжелый удар оккупантам, недополучившим свыше полумиллиона тонн угля, но и показала, что массовые забастовки возможны даже в условиях оккупации. Стачка мая—июня 1941 г. вдохновила трудящихся, стала предвестником будущих славных боев рабочего класса против немецко-фашистских оккупантов и их вишистских лакеев.

**ПЕРВЫЕ БУРЖУАЗНО-
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОПРОТИВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ
ФРАНЦИИ**

Поражение и оккупация ошеломили французов, но не смогли полностью сломить их волю. В то время как передовые силы рабочего класса под руководством ФКП начинали борьбу против оккупантов и вишистов, в других слоях населения также росли патриотические настроения. Напрасно французские лакеи Гитлера утверждали, что война уже выиграна Германией и Англию может спасти только чудо². Французские патрио-

¹ DF, t. IV, p. 598.

² «L'Oeuvre», 28. VIII. 1940.

ты отказывались примириться с поражением. Они высмеивали оккупантов, придумывали им оскорбительные прозвища («боши», «крысы», «саранча», «колорадские жуки»), слушали английское радио, укрывали бежавших из плена солдат и офицеров, иногда выпускали нелегальную литературу или собирали разведывательные данные в надежде использовать их против Германии.

Вскоре после капитуляции во Франции появились нелегальные листовки и брошюры, а зимой 1940/41 г. в Париже, Лионе, Марселе, Клермон-Ферране и других городах сформировались первые некоммунистические организации Сопротивления. По свидетельству одного из участников, «это были небольшие, замкнутые, изолированные группы, которые не знали друг друга, иногда случайно встречались и недоверчиво сближались, как мелкие примитивные племена в неведомом мире»¹. Обычно они возникали стихийно, под влиянием национальных чувств, оскорбленных самим фактом присутствия иностранных захватчиков на французской земле. «Отправным пунктом часто была встреча нескольких старых друзей, которые решали отныне видеться регулярно, чтобы «что-нибудь сделать»»².

Как правило, члены этих групп не знали о призывах Коммунистической партии и далеко не всегда были знакомы с выступлениями генерала де Голля. Поскольку связь между отдельными группами сначала отсутствовала, участники каждой организации были склонны считать себя зачинателями всего движения или по крайней мере авторами первых нелегальных листовок. На эту честь претендуют, например, лейтенант Д. Дотэн, автор нескольких листовок, появившихся в сентябре 1940 г.³, видный деятель деголлевского движения Э. Мишле, выпустивший листовку в июне 1940 г.⁴, известный журналист Ж. Тексье, опубликовавший в августе 1940 г. подпольную брошюру «Советы жителю

¹ A. Calmette. L'O. C. M. — Organisation civile et militaire. Histoire d'un mouvement de Résistance de 1940 à 1946. Paris, 1961, p. 33.

² G. Tillion. Première résistance en zone occupée. — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», avril 1958, p. 7.

³ D. Dautin. Patriotes sans nom. Historique de premier mouvement de la résistance française, s. a. sl., p. 11.

⁴ E. Michelet. Le gaullisme — passionnante aventure. Paris, 1962, p. 34.

оккупированной территории»¹. Из документов вишистской контрразведки видно, что существовало большое количество и других, еще не известных историкам, патриотических листовок, время появления и авторство которых сейчас трудно установить. Полицейские сводки Виши с конца 1940 г. регулярно отмечают появление надписей и листовок в 10—20 городах, среди которых неизменно фигурируют Париж, Лион, Марсель, Клермон-Ферран².

70

Осенью и зимой 1940 г. стали создаваться первые нелегальные газеты, вокруг которых сплотились небольшие группы единомышленников. В северной зоне владеец музыкального издательства Р. Дейсс с октября 1940 г. выпускал газету «Пантагрюэль». Служащий министерства снабжения социалист К. Пино с декабря 1940 г. издавал газету «Либерасьон» («Освобождение»). 15 декабря 1940 г. вышел в свет первый номер газеты «Резистанс» («Спротивление»), подготовленный сотрудниками Антропологического музея³.

По данным каталога подпольных периодических изданий, в конце 1940 г. во Франции существовало около полутора десятков, а в первой половине 1941 г. — до трех десятков газет и журналов различных некоммунистических групп Спротивления⁴.

Постепенно из многих мелких групп выделилось несколько более крупных организаций (или «движений» — *mouvements*). В 1940—1941 гг. в северной зоне их было три: группа «Музей человека», основанная сотрудниками Антропологического музея; группа «Либерасьон-Нор» («Освобождение-Север»), сложившаяся вокруг газеты «Либерасьон»; группа «Гражданская и военная организация» («Организасьон сивиль э милитэр» — ОСМ). В южной зоне насчитывалось четыре основных организации: «Либерте» («Свобода») и «Движение национального освобождения», впоследствии объединившиеся в группу «Комба» («Борьба»); «Последняя колонна», из которой выросла группа «Либерась-

¹ J. Texcier. *Ecrit dans la nuit*. Paris, 1945, p. VII.

² ЦГАОР, ф. ЗА-14, оп. 1, д. 1.

³ Подробнее см.: Л. М. Видясова. Подпольная печать движения Спротивления во Франции в годы второй мировой войны. — «Французский ежегодник». 1959. М., 1960, стр. 361.

⁴ «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945».

он-Сюд» («Освобождение-Юг»); «Франс-Либерте» («Франция-Свобода»), позднее именованная по названию выпускаемой ею газеты «Фран-Тирер» («Вольный стрелок»). Кроме того, в обеих зонах активно действовали службы английской, польской, американской, де-голлевской и других разведок. Созданные ими агентурные «сети» часто работали в тесном контакте, а иногда и сливались с группами Сопротивления.

Стремясь поднять боевой дух своих сторонников и увеличить свой авторитет, деятели Сопротивления нередко выступали от имени несуществующих центров и фантастически преувеличивали численность подпольных организаций. Руководители группы «Музей человека» давали понять, что только в Париже за ними идут «более 12 тысяч вооруженных людей»¹. Лейтенант Дотэн претендовал на представительство 30 тыс. человек². «Движение национального освобождения» уверяло, будто его поддерживают «десятки тысяч вооруженных людей». Но все рекорды побил представитель крошечной группки «Пантагрюэль», который на вопрос о численности его сторонников спокойно ответил: «Миллион»³.

На самом деле в течение первого года оккупации некоммунистические организации Сопротивления оставались мелкими локальными группами, «в пять, десять, двадцать человек»⁴. Во всех основных службах группы «Комба» даже в конце 1942 г. насчитывалось не более 150 человек⁵. В «Последнюю колонну» входила, по оценке ее руководителя, максимум сотня человек⁶; в ОСМ — несколько десятков⁷. Тиражи их газет первое время были крайне малы. «Либерасьон-Нор» сначала печаталась на пишущей машинке в семи экземплярах; «Информационный бюллетень», издаваемый «Движением национального освобождения», — в 12 экземплярах. Хотя каждый экземпляр многократно переписыв-

---

¹ A. Humber. Notre guerre. Paris, 1946, p. 50.

² D. Dautin. Op. cit., p. 9.

³ Ch. Pineau. La simple vérité. 1940—1945. Paris, 1960, p. 95.

⁴ E. d'Astier. De la chute à la libération de Paris. Paris, 1965, p. 46.

⁵ H. Michel. Histoire de la Résistance en France, p. 18.

⁶ «Témoignage d'E. d'Astier de la Vigerie».

⁷ A. Calmette. Op. cit., p. 33.

вался и перепечатывался, тираж этих газет к началу 1941 г. не превышал 300—500 экземпляров¹.

Учитывая, что центральный орган ФКП газета «Юманите» выпускалась в то время тиражом 140—150 тыс. экземпляров, а всего за первый год оккупации Компартия издала около 11 млн. экземпляров газет, брошюр и листовок², нельзя не признать, что масштабы деятельности всех других группировок Сопротивления, вместе взятых, были невелики по сравнению с масштабами деятельности коммунистов. Тем не менее их работа способствовала росту патриотических настроений в широких слоях населения, особенно в таких, которые настороженно или враждебно относились к коммунизму.

72

Выяснение классового состава некоммунистических организаций Сопротивления наталкивается на серьезные трудности. Условия подполья не позволяли вести строгий учет их членов. Сами руководители Сопротивления точно не знали числа своих сторонников. Присоединение патриотов к той или иной группировке зачастую носило случайный характер. Многие участники Сопротивления погибли, и состав ряда групп сильно изменился. Имена и биографии рядовых бойцов, как правило, неизвестны.

С большей или меньшей уверенностью можно судить лишь о руководящих кадрах основных организаций. Конечно, анализ персонального состава руководства не дает полной картины классового облика всей организации, но все же он имеет важное значение, потому что показывает, какие социальные слои играли ведущую роль в различных организациях. Анализируя с этой точки зрения руководящий состав основных группировок Сопротивления, следует прежде всего отметить, что утвердившееся в советской литературе наименование «буржуазные организации Сопротивления» не слишком удачно. Они вовсе не состояли из буржуазии и не выражали интересов класса буржуазии в целом. Французская крупная буржуазия и основная масса мелкой и средней буржуазии в это время поддерживали правительство Виши. Участники и руководители буржу-

---

¹ *H. Michel. Op. cit., p. 19.*

² «Sept ans...», p. 180—191.

азных организаций Сопротивления «вышли главным образом из среды мелкой буржуазии и средних классов»¹.

Руководителями группы «Музей человека» были два научных сотрудника музея, выходцы из России,— Б. Вильде и А. Левицкий². К ним присоединилась группа писателей, преподавателей, ученых (Ж. Кассу, К. Авелин, М. Абрахам, А. Юмбер); группа адвокатов (А. Симоно, Л.-М. Нордман, позднее Л. Амон); офицеры во главе с полковником ля Рошер и полковником Оэ. Среди членов организации имелись сторонники различных политических взглядов. Полковник ля Рошер привел с собой клерикалов, противников революции, даже монархистов. Полковник Оэ, в прошлом предприниматель, рекрутировал офицеров, промышленников, инженеров. Вильде и Левицкий были антифашистами и поддерживали связи в кругах преподавателей и адвокатов³. Нордман и Бросолет раньше принадлежали к Социалистической партии. Кассу, Авелин, Юмбер являлись сторонниками Народного фронта.

Другая сравнительно крупная группировка Сопротивления северной зоны, «Либерасьон-Нор», была создана деятелями профсоюзного движения реформистского толка, объединившимися после запрещения национальных профсоюзных центров в легальный Комитет экономических и профсоюзных исследований, который обосновался в Париже. Ее возглавил К. Пино, секретарь профсоюза работников банков и биржи. Кроме Пино в руководство входили секретарь профсоюза служащих Р. Лакост, секретарь профсоюза деревообделочников Л. Сайян, генеральный секретарь Конфедерации христианских профсоюзов Г. Тессье. Позднее к ним присоединились видные социалисты Ж. Тексье (автор «Советов жителю оккупированной территории»), Л. Лоран и А. Рибьер. Политически группа была довольно однородна, поскольку почти все ее сторонники стояли тогда на социал-реформистских позициях.

В руководстве ОСМ были в наибольшей степени представлены буржуазные элементы. Там преобладали

¹ «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 187.

² Б. Вильде и А. Левицкий посмертно награждены французским правительством медалью Сопротивления. В 1967 г. в г. Тарту, где с 1920 по 1926 г. учился Б. Вильде, открыта мемориальная доска («Правда», 6 сентября 1967 г.)

³ G. Tillon. Op. cit., p. 9, 34—35, 75.

офицеры, промышленники, служащие. Организация сложилась в декабре 1940 г. в результате слияния группы офицеров, руководимой капитаном Ж. Артюсом и полковником Эрто, и группы гражданских лиц во главе с М. Блок-Маскаром. Ж. Артюс до войны занимался промышленной деятельностью. Эрто был офицером контрразведки армии Виши. М. Блок-Маскар сделал карьеру в банковских и промышленных кругах. К руководящему ядру ОСМ принадлежали также предприниматели Лефоришон, Мейер, Бержерон, архитектор Сушер; полковник разведывательной службы Туни; секретарь Артюса, дочь русских эмигрантов В. А. Оболенская (Викки)¹. Большинство руководителей ОСМ до войны примыкало к правым и даже прямо фашистским организациям типа «Боевых крестов» и «Аксьон франсез». Однако там было несколько человек более левых взглядов — радикалов и даже социалистов².

В южной зоне раньше других появилось «Движение национального освобождения», на базе которого позднее возникла организация «Комба». Основателем «Движения» был офицер французской контрразведки капитан А. Френэ. Помимо Френэ в руководящий центр входили лейтенант М. Шеванс, офицер Второго бюро капитан Р. Гедон, служащая комиссариата по борьбе с безработицей Б. Альбрехт, позднее инженер и журналист К. Бурде. Почти все они ранее не занимались активной политической деятельностью, но по своим симпатиям чаще всего принадлежали к различным течениям правого национализма.

Другая довольно значительная группа Сопrotивления южной зоны, вошедшая позднее в организацию «Комба», сложилась вокруг газеты «Либерте». Ее основали преподаватели юридического факультета университета Нанси, работавшие после эвакуации в Лионе, Монпелье, Клермон-Ферране и других университетских городах. Руководил группой профессор-юрист граф Ф. де Мантон, в прошлом член небольшой католической партии «народных демократов». К руководящему ядру принадлежали также профессора юридического факультета

¹ В 1965 г. В. А. Оболенская вместе с другими соотечественниками, активно боровшимися против гитлеровской Германии, посмертно награждена орденом Отечественной войны первой степени («Правда», 19 сентября 1965 г.).

² A. Calmette. Op. cit., p. 7—14, 33—34.

П.-А. Тетжен, Р. Куртэн, братья Кост-Флорэ, адвокат Ж. Ренувен (брат известного историка П. Ренувена), позднее преподаватель истории и журналист Ж. Бидо. Почти все они до войны работали в католических организациях, осуждавших гитлеровский режим и мюнхенскую политику уступок Германии.

Основателем «Последней колонны» и «Либерасьон-Сюд» стал человек очень сложной политической биографии, бывший морской офицер и журналист, барон Э. д'Астье де ля Вижери, когда-то примыкавший к роялистам, а затем активный антифашист и сторонник Народного фронта. В руководство «Либерасьон-Сюд» вошли профессор Страсбургского университета (эвакуированного в Клермон-Ферран) философ Ж. Кавайес, журналист Ж. Рошон, предприниматели Коган и Зерафа, преподавательница истории социалистка Л. Обрак. Позднее д'Астье наладил контакт с видными деятелями распавшейся Социалистической партии и ВКТ, в частности с Д. Мейером и Л. Жуо¹. По своим политическим взглядам руководители «Либерасьон-Сюд» принадлежали к левому крылу французской интеллигенции. Они были антифашистами, республиканцами, демократами, иногда социалистами или прогрессистами.

Последняя относительно крупная группа южной зоны — «Фран-Тирер» действовала по преимуществу в Лионе. Ее возглавлял торговый служащий, затем директор небольшой фабрики Ж.-П. Леви. К руководству принадлежали также журналист Ж. Альтман, торговый служащий Н. Клавье, владелец швейной фабрики А. Авиэн, директор транспортной конторы Э. Пежо, преподаватель истории О. Пинтон и др.² Позднее к ним присоединился знаменитый историк М. Блок. По свидетельству Ж.-П. Леви, «маленькая группа, которая с конца 1940 г. распространяла в Лионе листовки, подписанные «Франция-Свобода», а позднее основала «Фран-Тирер», придерживалась левых взглядов. В ней были социалисты и симпатизирующие им радикалы и активисты из группы «Молодая Республика»³.

Подводя итоги, можно сказать, что ведущую роль в руководстве некоммунистических организаций Спротив-

¹ «Témoignage d'E. d'Astier de la Vigerie».

² «Témoignage de J.-P. Lévy».

³ J.-P. Lévy. Visage de la Résistance.— «France-Forum», juillet — août 1964, p. 30.

ления играли несколько близких друг другу социальных групп. Первой из них была интеллигенция, особенно интеллигенция гуманитарного профиля. Журналисты, адвокаты, профессура, научные работники, студенты занимали очень видное место в таких организациях, как «Музей человека», «Либерте», «Либерасьон-Сюд», отчасти «Фран-Тирер». Руководство многими организациями Сопротивления осуществляли офицеры, как правило, младших и средних чинов, нередко связанные с разведывательными и контрразведывательными органами. Они преобладали в руководстве ОСМ, где было особенно много офицеров и «технократов»¹, и в «Движении национального освобождения». Мелкие и средние предприниматели, их служащие и доверенные лица принимали участие в руководстве почти всеми основными организациями. В несколько особом положении находилась только «Либерасьон-Нор», руководство которой целиком состояло из активистов Социалистической партии и профсоюзов.

Среди руководящих кадров этих первых организаций не было рабочих или крестьян, но не было также крупных финансистов и промышленников. Отсутствовали видные политические или общественные деятели, министры, генералы, высшие чиновники. В своей профессиональной деятельности эти группы населения (интеллигенция, служащие, офицерство) обычно выполняли общегосударственные функции. В силу этого они были особенно чувствительны к национальным интересам и часто выступали как рупор широких слоев нации. Однако, хотя руководители Сопротивления по социальному происхождению, как правило, не принадлежали к буржуазии, они часто находились под влиянием буржуазной идеологии и проводили в жизнь политику, соответствующую интересам крупной буржуазии. В их деятельности сочетались патриотические устремления и защита классовых интересов буржуазии, поэтому руководимые ими организации целесообразно называть буржуазно-патриотическими.

Несмотря на отсутствие связи между различными организациями Сопротивления, они по существу руковод-

¹ «Le Parti Communiste Français dans la Resistance», p. 187.

ствовались общей программой, суть которой ясно выражена в названиях нелегальных газет: «Сопrotивление», «Освобождение», «Свобода». Все подпольные издания разоблачали гитлеровскую пропаганду, поддерживали патриотические чувства населения и надежду на разгром Германии. Резюмируя общее содержание патриотических листовок и надписей, вишистская контрразведка отмечала: «Вообще говоря, эти листовки и надписи представляют собой одновременно призыв в пользу Англии, изображаемой в качестве союзника Франции, и резкую критику нашего правительства, обвиняемого в том, что оно позволило рейху поработить себя»¹.

Знаменитые «Советы жителю оккупированной территории», написанные Ж. Тексье, предлагали французам соблюдать чувство собственного достоинства, не присмыкаться перед победителями, не разговаривать с ними, не посещать их развлечения, слушать английское радио. Тексье клеймил позором предателей, «разучившихся думать, как французы», и заявлял, что долг всех честных французов «независимо от всяких других соображений — сопротивление немецкому угнетению»². Листовка за подписью «Французский легион во Франции», обнаруженная полицией Виши в 14 департаментах южной зоны, также советовала слушать передачи «Свободной Франции» и сопротивляться оккупантам. «Нужно, чтобы французы взяли себя в руки и показали захватчикам, что еще есть мужчины и женщины, которые ни за что не согласятся подчиниться Гитлеру»³, — говорилось в ней. «Сохраним неизменной нашу любовь к Франции и французский дух, укрепим союз между французами, организуем наше сопротивление, по видимости пассивное, но в действительности живое и непримиримое»⁴, — предлагала другая, тоже широко распространенная в южной зоне листовка «Французское письмо № 1».

Вопреки пропаганде оккупантов и вишистов участники Сопrotивления доказывали, что основная причина тяжелого экономического положения Франции не английская блокада, а «систематический грабеж всех оккупи-

¹ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 1.

² *J. Texcier. Ecrit dans la nuit*, p. 13, 83.

³ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 1.

⁴ Там же.

рованных территорий немецкой армией»¹. Независимо от прежних симпатий или антипатий к Англии они единодушно утверждали, что рано или поздно Англия при поддержке США разгромит Германию, и тогда Франция вновь обретет свободу.

Все организации Сопротивления клеймили позором главного инициатора политики сотрудничества с оккупантами «гаулейтера Франции» Лавалю². Они осуждали (хотя и в разной степени) политику «сотрудничества», критиковали некоторые внутривластные мероприятия правительства Виши (например, антисемитские законы)³. Тем не менее общая оценка Виши нередко оказывалась у них положительной, а сам Петэн пользовался доверием буржуазных организаций.

78

В литературе делались попытки объяснить этот факт трезвым учетом обстановки, нежеланием «атаковать маршала в лоб»⁴, дабы не оттолкнуть массы населения. Однако на деле речь шла не об «атаках», а о поддержке Петэна. Буржуазные руководители групп Сопротивления, находясь под сильным влиянием вишистской пропаганды, видели в Петэне борца против немецких захватчиков⁵. Издаваемые ими газеты утверждали, будто Петэн «с восхитительной ясностью ума и неизрасходованной энергией стремится поддержать независимость Франции, сохранить все надежды французов»⁶. Они усматривали в изгнании Лавалю из правительства доказательство «сопротивления» Петэна требованиям оккупантов, распространяли фантастические слухи, будто он угрожал Германии возобновлением военных действий, и выражали пожелание, чтобы «Маршал держался хорошо»⁷. Лишь к концу первого года оккупации некоммунистические организации Сопротивления начали выражать беспокойство политикой Петэна, но в большинстве случаев еще не отказывали ему в доверии.

Отношения основных организаций Сопротивления с

---

¹ «Libération», organe des Français libres (далее — «Libération» Zone Nord — Z. N.), 15 mars, 1941.

² «Résistance», 15. XII. 1941.

³ «Résistance», 15. XII. 1940; «Liberté», 10. I. 1941.

⁴ M. Granet et H. Michel. Combat. Histoire d'un mouvement de Résistance. Paris, 1957, p. 58.

⁵ «Résistance», 15. XII. 1940; «Libération» (Z. N.), 12. I. 1941.

⁶ «Liberté», 10. I. 1941.

⁷ «Résistance», 15. XII. 1940.

движением «Свободная Франция» сначала носили чисто платонический характер. Некоторые организации, например «Либерте» и «Фран-Тирер», вообще не упоминали о «Свободной Франции». Другие («Либерасьон-Нор», группа «Музей человека») публиковали благожелательную информацию о ее деятельности. Однако все они еще не имели прямых связей с генералом де Голлем и не признавали его руководства.

Вплоть до начала Великой Отечественной войны отношение этих организаций Сопротивления к СССР оставалось недоверчивым, а часто и прямо враждебным. Однако газеты ряда организаций («Музей человека», «Либерте», «Движение национального освобождения») воздерживались от антисоветских выпадов и публиковали материалы о том, что «Россия сближается с Соединенными Штатами, ведет переговоры с Великобританией»¹ или что «СССР, кажется, предусматривает возможность конфликта с Германией»².

Почти все буржуазно-патриотические группировки проявляли большую враждебность к Коммунистической партии. В лучшем случае они не упоминали о коммунистах, в худшем — призывали бороться против них. Например, газета «Либерте», одобряя антикоммунистическую политику Петэна, заявила: «Вместе с ним мы будем бороться против коммунизма, который остается серьезной опасностью»³. Бюллетень «Движения национального освобождения», отмечая быстрый рост влияния коммунистов на севере Франции, предостерегал: «Если немцы эвакуируют этот район, надо будет опасаться очень бурного коммунистического движения»⁴.

Проблемы послевоенного устройства Франции, естественно, еще не занимали большого места в нелегальной литературе. Некоторые организации («Движение национального освобождения» или «Либерасьон-Сюд») вообще не поднимали таких вопросов; другие (например, ОСМ) туманно говорили, что «новые люди», враги прежнего режима, обеспечат возрождение Франции; третьи высказывались за «свободу людей и народов» и за «социальный прогресс»⁵.

¹ «Liberté», 10. I. 1941; «Résistance», 1. III. 1941.

² «Bulletin du 20 mai 1941».

³ «Liberté», 10. I. 1941.

⁴ «Bulletin du 27 mai 1941».

⁵ «Libération» (Z. N.), 15. III. 1941.

Основной формой деятельности некоммунистических организаций Сопротивления было издание нелегальной литературы и сбор разведывательных данных.

Условия французской политической жизни (широко распространенные журналистские навыки, наличие множества мелких, трудно контролируемых властями типографий) облегчали выпуск нелегальных газет и листовок. Кроме того, офицеры французской разведки и контрразведки, примкнувшие к движению Сопротивления, могли использовать в борьбе против оккупантов свои профессиональные знания. Не имея связей с массами и по большей части еще не стремясь к ним, буржуазно-патриотические организации Сопротивления не предлагали таких характерных для рабочего класса форм борьбы, как стачки или демонстрации.

80

Возможность вооруженной борьбы они также отвергали, хотя с осени 1940 г. патриоты, действовавшие по примеру коммунистов, все чаще уничтожали вражеские линии связи, совершали акты саботажа и диверсий¹, иногда даже предпринимали покушения на немецких солдат и офицеров². Буржуазным деятелям Сопротивления казалось, что вследствие огромного военного превосходства Германии попытки вооруженной борьбы могут привести только к бесполезной гибели патриотов и к массовым репрессиям против мирного населения. Отсюда вытекала основная идея их тактики: ждать высадки союзных войск, а до этого времени «ограничиваться задачами информации, перегруппировки и организации»³.

Политика пассивного выжидания, или аттантизма (от французского слова «аттандр» — ожидать), имела глубокие классовые корни. Буржуазные деятели боялись, что массовая вооруженная борьба приведет к росту влияния коммунистов, а затем к свержению власти буржуазии. Они предпочитали не вооружать массы, а ждать прихода английских войск, которые поддержали бы буржуазный строй. Так классовые интересы буржуа-

---

¹ В материалах местной вишистской печати содержится свыше 40 сообщений об актах саботажа и диверсий против оккупационных войск, совершенных в течение первого года оккупации, причем этот перечень далеко не полон.

² Первое сообщение об убийстве немецкого солдата появилось в центральной печати в сентябре 1940 г. («L'Oeuvre», 9. IX. 1940).

³ *Ch. Pineau. Op. cit., p. 89.*

зии вступали в противоречие с интересами нации, а политика атлантизма становилась тормозом для развития освободительной борьбы.

В первых нелегальных изданиях буржуазно-патриотических групп Сопротивления преобладали советы слушать английское радио, ждать английской победы, набираться терпения и даже проявлять корректность по отношению к оккупантам. «Они победители. Будь корректен с ними. Но не спешి предупредить их желания»¹, — писал, например, Ж. Тексье в «Советах жителю оккупированной территории». Передовая статья первого номера «Пантагрюэль» начиналась характерной фразой: ««Пантагрюэль» — это орган информации, а не тщетной борьбы против оккупирующей державы. Его цель — распространение новостей, полученных из Англии по радио, от отсутствия которых многие страдают»².

Другие организации Сопротивления занимали более решительную позицию. «Мы можем способствовать поражению немцев, и для французов нет более повелительного долга»³, — писала, например, газета «Либерте». Еще более определенно стремление к сопротивлению захватчикам выражено в газете «Резистанс». «Сопротивляться! Это крик, который исходит из сердца вас всех в несчастье, вызванном поражением Родины, — говорилось в передовой статье первого номера. — Это крик всех тех, кто не покорился, кто хочет исполнить свой долг»⁴.

Тем не менее в практической деятельности все эти организации оставались на позициях атлантизма. Даже «Либерте» и группа «Музей человека», в наиболее отчетливой форме выразившие мысль о необходимости борьбы против Германии, ограничивались пассивным сопротивлением. «Советы к действию», регулярно публикуемые «Либерте», предлагали лишь распространять нелегальную литературу, создавать местные организации, вести пропаганду. Члены организации предостерегались от опасности «преждевременной агитации, которая скомпрометировала бы будущее, привлекая слишком пристальное внимание врага»⁵.

¹ J. Texcier. Op. cit., p. 9.

² «Pantagruel», octobre 1940, N 1.

³ «Liberté», 25. XI. 1940.

⁴ «Résistance», 15. XII. 1940.

⁵ «Liberté» 10. I. 1941; 30. V. 1941.

Некоторым исключением выглядела «Последняя колонна». По словам Э. д'Астье де ля Вижери, он с самого начала считал необходимым приступить к боевым действиям, и в частности покарать лиц, сотрудничающих с оккупантами. Само название «Последняя колонна», навеянное отдаленной аналогией с «Пятой колонной», предназначалось «для активных действий: покушений, похищений, саботажа»¹. В конце 1940 г. «Последняя колонна» предприняла попытку вывести из строя железнодорожный состав, направляющийся в Италию². Однако вскоре аресты дезорганизовали деятельность «Последней колонны», и фактически в течение первого года оккупации она не вышла за рамки пропаганды.

82

При всей общности взглядов позиции буржуазно-патриотических организаций Сопротивления существенно отличались друг от друга. Главную причину этого ряд авторов видит в разделе Франции на зоны оккупации. Считается, что в северной зоне присутствие оккупационных войск заставляло участников Сопротивления «сражаться, а не философствовать или полемизировать», тогда как в южной зоне Сопротивление выдвигало на первый план политические проблемы, «сражалось против внутреннего режима так же, как против немцев, и выглядело революционной силой»³.

Несомненно, условия борьбы в двух зонах были различными, но не они являлись главными факторами, определявшими политический курс организаций Сопротивления. Все буржуазно-патриотические группировки независимо от зоны долгое время предпочитали «философствовать и полемизировать» в ожидании освобождения извне. С другой стороны, некоторые влиятельные организации южной зоны (например, «Либерте») не только не «сражались против внутреннего режима» Виши, но и поддерживали его. Отсюда следует, что позиции основных организаций зависели прежде всего не от зоны оккупации, а от других причин, в частности от со-

---

¹ E. d'Astier. *Sept fois sept jours*. Paris, 1947, p. 32.

² Ibid., p. 30—32.

³ M. Granet et H. Michel. *Op. cit.*, p. 26—27; R. Hostache. *Op. cit.*, p. 5—10.

циального состава и политической ориентации руководства.

Несмотря на политическую неоднородность буржуазно-патриотических групп Сопротивления, среди них можно выделить организации с преобладанием в руководстве правых или левых элементов. Изучение нелегальной печати также позволяет — с известной долей условности — наметить водораздел между правым и левым течениями. Организации вроде «Либерте», ОСМ или «Движения национального освобождения», в руководстве которых преобладали правые, видели в Германии прежде всего «наследственного врага» французской расы¹ и намеревались «бороться против всего немецкого народа»².

Правые организации Сопротивления осуждали гитлеровский режим, хотели уничтожить «нацистское могущество»³, восстановить в освобожденной Франции некоторые демократические свободы, однако на первый план они выдвигали национальные требования. Из правых организаций, пожалуй, только «Либерте» поставила защиту территориальной целостности Франции и ее империи рядом с борьбой против гитлеризма, за восстановление «французских демократических свобод». В передовой статье «Либерте» в январе 1941 г. говорилось: «Мы сражаемся за Страсбург, Мец, Ниццу, Корсику, за нашу империю; больше того, мы сражаемся за душу Франции, которая может погибнуть в нацистской Европе. Отстаивая французские свободы, мы боремся против Гитлера и его французских учеников, которые хотят навязать нашей стране тоталитарный режим, скопированный с диктаторских режимов». При этом «Либерте» не только не осуждала тоталитарный режим Виши, но, напротив, одобряла «великое дело национального обновления», предпринятое Петэном⁴, и критиковала тех, кто «компрометирует внутреннюю политику маршала»⁵. Другие правые организации также одобряли действия Петэна и вишистскую «национальную революцию», хо-

---

¹ «Liberté», 30. V. 1941.

² «Les Cahiers. Etudes pour une révolution française» (далее — «Les Cahiers de l'O.C.M.»), juin 1942, N 1, p. 50.

³ «Les Cahiers de l'O.C.M.», juin 1942, N 1, p. 12.

⁴ «Liberté» 10. I. 1941.

⁵ «Liberté», 25. XI. 1940.

тя и указывали, что «изгнание немцев, освобождение французской земли является первым условием национальной революции»¹.

Правые организации Сопротивления осуждали политический строй Третьей республики и клеймили «ужасное зло, которое борьба партий и вырождение парламентаризма причинили Франции»². Ответственность за поражение они возлагали на классовую борьбу и «режим партий», якобы ослабившие французское государство. В будущем они намеревались установить в стране «новый порядок», сочетающий «твердую власть» с сохранением личных свобод³.

84 Иных взглядов придерживались левые организации Сопротивления, например «Либерасьон-Нор» или «Либерасьон-Сюд». Они энергично атаковали гитлеровский режим, разоблачали его псевдореволюционную и псевдосоциалистическую демагогию. «Мы не устанем повторять: не существует нацистского социализма, не существует нацистской революции; существует только социальный регресс и подчинение народа государству и промышленным магнатам, против чего должны бороться все, кто еще верит в свободу и прогресс»⁴, — писала, например, «Либерасьон-Нор».

Левые организации более или менее определенно высказывались против правительства Виши, хотя долгое время воздерживались от критики маршала Петэна. Только маловлиятельная газета «Омм либр» («Свободный человек»), издаваемая социалистами в северных департаментах Франции, с самого начала выступала против «диктатуры Петэна—Лавалая», показывая, что правительство Виши уничтожает демократические свободы и социальные завоевания трудящихся⁵.

Зато «Либерасьон-Нор», в руководстве которой также преобладали социалисты, сначала рассматривала правительство Виши как «французское правительство», которое «сопротивляется» оккупантам⁶. Лишь весной 1941 г. она впервые заявила: «...правительство Виши — это немецкое правительство, так же как правительство

---

¹ A. Calmette. Op. cit., p. 12 note.

² «Liberté», 10. I. 1941.

³ «Les Cahiers de l'O.C.M.» N 1, juin 1942, p. 28—30.

⁴ «Libération» (Z. N.), 19. I. 1941.

⁵ «L'Homme libre», Octobre 1940.

⁶ «Libération» (Z. N.), 29, XI. 1940.

Гаха в Чехословакии было немецким правительством»¹.

Большое значение левые организации Сопротивления придавали восстановлению республики и демократических свобод после освобождения Франции². Они доказывали, что не республика и социальные завоевания рабочего класса, а измена правителей Франции, неспособность или алчность «двух групп, которые держали в руках нашу армию и наше вооружение: генерального штаба и тяжелой промышленности»³, явились причиной поражения. Особым программным радикализмом отличались «Либерасьон-Нор» и «Омм либр», в руководстве которых было много социалистов. Они предлагали бороться не только за «национальное освобождение», но и за «социальную эмансипацию»⁴, обещая «освободить Францию от нацистов, от трестов и от всех форм угнетения человека человеком»⁵. Однако, провозглашая социалистические лозунги, эти организации не указывали путей для их претворения в жизнь.

85

* * *

Анализ социального состава, политической линии и практической деятельности первых организаций Сопротивления показывает, что за освобождение Франции боролись различные классовые и политические силы.

Передовые слои французского народа сплотились вокруг рабочего класса и Коммунистической партии. Под руководством и по призыву Компартии рабочий класс первым начал борьбу против оккупантов и Виши во всех ее формах. Патриотизм рабочих был так очевиден, что даже католический писатель Ф. Мориак осенью 1941 г. записал в дневнике: «Только рабочий класс в своей массе остался верен поруганной Франции»⁶.

Вторую общественную группировку, боровшуюся против оккупантов, составляли буржуазно-патриотические организации Сопротивления. В их рядах были представлены буржуазные и мелкобуржуазные слои населения: часть интеллигенции, офицерства, служащих, мелких и

¹ «Libération» (Z. N.), 11. V. 1941.

² «L'Homme libre», Octobre 1940.

³ «Libération» (Z. N.), 30. III. 1941.

⁴ «L'Homme libre», Octobre 1941.

⁵ «Libération» (Z. N.), 9. III. 1941.

⁶ F. Mauriac. Le Cahier Noir. Paris, 1947, p. 18.

средних предпринимателей. Поскольку основная масса этих общественных групп первое время поддерживала правительство Виши, буржуазно-патриотические организации Сопротивления были очень слабы и малочисленны. По большей части они еще доверяли правительству Виши, особенно Петэну. Даже осуждая «нацистский режим» гитлеровской Германии, руководители этих организаций нередко высказывались в поддержку режима Виши, однотипного с гитлеровским режимом.

Основной формой деятельности буржуазно-патриотические организации считали распространение нелегальной печати, пропаганду, сбор разведывательных данных, иногда саботаж. В защите экономических интересов трудящихся они почти не участвовали, массовых форм борьбы типа стачек или демонстраций не пропагандировали. Боевые действия против оккупантов, по их мнению, были преждевременны.

Наряду с организациями внутреннего Сопротивления, действовавшими во Франции, за ее пределами существовало «внешнее Сопротивление» — движение «Свободная Франция», руководимое генералом де Голлем. Это движение рассчитывало опереться на колониальную империю и остатки французской армии, чтобы продолжать войну против фашистской «оси» на стороне Англии. В отличие от буржуазно-патриотических организаций внутреннего Сопротивления «Свободная Франция» с самого начала боролась не только против оккупации, но и против правительства Виши. Характерной чертой ее деятельности было стремление создать за пределами Франции эмигрантское правительство, армию и государственный аппарат, которые в момент освобождения сменили бы правительство Виши.

Интересы и устремления трех главных группировок французского Сопротивления: Коммунистической партии и примыкавших к ней организаций; буржуазно-патриотических организаций, действовавших на территории Франции, и движения «Свободная Франция» — существенно отличались, а иногда и противоречили друг другу. Тем не менее всех их объединяла общая цель — борьба за свободу и независимость Франции. Первоначально не связанные между собой, представляя разные классы французской нации, они в совокупности выражали интересы широких масс французского народа, стремившихся к освобождению своей страны.

ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ФРАНЦУЗСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ

87

Великая Отечественная война оказала глубокое влияние на ход мировых событий. С начала и до конца Великой Отечественной войны главные силы Германии и ее союзников были прикованы к советско-германскому фронту. От исхода военных действий на этом фронте зависела судьба всей Европы, и не только Европы. На полях сражений в Белоруссии и на Украине, под Москвой, Сталинградом и Курском решалась судьба мировой цивилизации, судьба всего человечества. Вероломно напав на Советский Союз 22 июня 1941 г., фашистские агрессоры, несмотря на первые военные успехи, все же не смогли добиться своей основной цели, сформулированной в «плане Барбаросса»: «...еще до окончания войны с Англией *победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию*»¹. Советский Союз отразил натиск агрессоров и нанес им тяжелые поражения под Москвой и Сталинградом. Полностью провалились расчеты гитлеровцев на политическую изоляцию СССР. После нападения Германии на Советский Союз сложилась антигитлеровская коалиция в составе СССР, Англии, США и ряда других государств.

В условиях войны с Советским Союзом позиция Германии по отношению к Виши определялась прежде всего желанием обеспечить свой тыл на западе при помощи «нейтралитета» Виши. «Важно вести дело таким образом, чтобы открытая война между Францией и Англией не вспыхнула в то время, когда это не в на-

¹ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. 1. М., 1952, стр. 356.

ших интересах, — писал Риббентроп Кейтелю 27 июля 1941 г. — Если бы открытая война между этими странами вспыхнула сейчас, когда мы связаны в России, это могло бы привести к попытке англичан овладеть французскими базами на западном побережье Африки, тогда как мы были бы не в состоянии эффективно помочь Франции отразить такие попытки в этих труднодоступных районах»¹.

Отсюда вытекала идея Гитлера: отложить расправу с Францией до окончания войны против СССР. «Он (фюрер) не хочет что-либо менять в тактике обращения с французами до тех пор, пока кампания на Востоке не будет закончена», — говорится в записи беседы Гитлера с немецким представителем в Париже Абецем 16 сентября 1941 г. После этого «он (фюрер) намерен в течение зимы увеличить оккупационные войска во Франции примерно до 50 дивизий (включая несколько бронетанковых дивизий). Тогда он сможет и будет откровенно говорить с этими господами из Виши. Прежде всего внутренняя политическая ситуация во Франции и сношения Виши с Соединенными Штатами найдут окончательное решение; вопрос об участии Франции в войне против Англии также не будет забыт»².

Правители Виши надеялись использовать войну против СССР, чтобы расширить сотрудничество с оккупантами и получить за это серьезные компенсации, перейдя из положения побежденной страны на положение партнера Германии. 30 июня 1941 г. правительство Виши, предварительно предупредив Германию, разорвало дипломатические отношения с СССР, причем по совету немецкого посольства³ мотивировало этот акт тем, что советские дипломаты якобы занимались «деятельностью, представляющей посягательство на общественный порядок и безопасность государства»⁴. В начале июля 1941 г. правительство Виши поддержало план создания «антибольшевистского легиона», члены которого в немецкой форме и под немецким командованием должны были участвовать в «крестовом походе» против СССР. 14 июля 1941 г. оно передало Германии две вербальные ноты, выражая готовность вступить в войну на стороне

¹ DGFP, vol. XIII, p. 34.

² Ibid., p. 519.

³ Ibid., p. 24, fn. 2.

⁴ «L'Oeuvre», 1. VII. 1941.

Германии при условии сохранения за Францией ее колониальных владений. Поскольку в провишистской литературе широко распространяется мнение, будто правительство Виши всеми силами сопротивлялось попыткам Германии втянуть Францию в войну¹, полезно напомнить содержание этих документов, впервые опубликованных в 1964 г. и обычно объединяемых под наименованием «нота 14 июля». Вишисты просили Италию и Германию заявить, что, «если в результате англо-американского нападения на Французскую Северную Африку Франция со всеми находящимися в ее распоряжении ресурсами примет участие в войне против Англии и Соединенных Штатов и в европейской освободительной войне против большевизма на стороне стран «оси», эти страны дадут Франции следующие заверения:

1) Франция сохранит свои территориальные владения в Европе в соответствии с положением, существовавшим в 1914 г. (т. е. откажется от Эльзас-Лотарингии. — *В. С.*);

2) Франция сохранит свои колониальные владения в Африке. Некоторые изменения, необходимые в рамках окончательного разрешения всего вопроса об африканских колониях, будут возмещены державами «оси» компенсациями по крайней мере такой же ценности» (за счет Англии. — *В. С.*). К ноте прилагались проекты конкретных соглашений между Францией, Италией и Германией, в том числе проект протокола о присоединении Франции к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии².

Демарш вишистов, предпринятый в момент, когда фашистские войска столкнулись с особенно упорным сопротивлением Советской Армии, вызвал крайнее раздражение в правящих кругах Германии, расценивших ноту 14 июля «как попытку французского правительства использовать в целях политического вымогательства видимые военные трудности рейха»³. Пересылая ноту 14 июля Гитлеру, Риббентроп приписал: «Необходимо раз и навсегда положить конец этим наивным французским попыткам шантажа»⁴. Абецу было прика-

¹ *R. Aron. Op. cit.*, p. 462, 467.

² *DGFP*, vol. XIII, p. 149, fn. 16.

³ «Pétain et les allemands». *Memorandum d'Abetz sur les rapports franco-allemands*. Paris, 1948, p. 107.

⁴ *DGFP*, vol. XIII, p. 143.

зано вернуть ноту в Виши, подчеркнув, что она «указывает на полное непонимание Францией своего положения как нации, разбитой Германией»¹. Немецкая комиссия по перемирию обвинила Виши в уклонении от взятых обязательств. Абец получил инструкции ограничить численность антибольшевистского легиона², чтобы не дать Виши повода изображать себя совоюющей стороной.

Провал планов Виши, связанных с нотой 14 июля, усилил разногласия в правящем лагере. Некоторые видные вишисты после начала Великой Отечественной войны пришли к выводу, что Германия не может одержать победу, и стали искать связей с Англией и США. Узнав о нападении Германии на СССР, глава вишистской администрации в Северной и Западной Африке генерал Вейган пригласил к себе американского консула Мэрфи и сказал, что, по его мнению, «Германия проиграла войну»³.

Бывший председатель французской комиссии по перемирию генерал Дуайен 16 июля 1941 г. направил правительству Виши меморандум, в котором в обычной для буржуазного деятеля манере писал, что правители Германии «не предвидели такого ожесточенного сопротивления русского солдата, такого страстного фанатизма населения, такой изнурительной партизанской войны в тылу, таких серьезных потерь». Поэтому, подчеркивал Дуайен, «перед лицом Германии, которая истощается и окончательный успех которой кажется все более и более сомнительным», следует «ограничить наше сотрудничество строгой необходимостью» и быть очень осторожными с Америкой, «которая представляет будущим арбитром мирового конфликта»⁴.

По мере того как победа фашистской Германии становилась все менее и менее вероятной, даже руководящие деятели Виши стали обдумывать перспективу перехода на сторону США или Англии, чтобы избежать революционных потрясений во Франции, сохранить власть в своих руках или по крайней мере спастись от наказания за сотрудничество с Германией. Как ныне

¹ DGFP, vol. XIII, p. 142.

² Ibid., p. 95.

³ R. Murphy. *Diplomat among warriors*. New York, 1964, p. 85.

⁴ DF, t. IV, p. 644—648.

стало известно, к их числу принадлежал «вице-премьер» и «наследник» Петэна адмирал Дарлан. 3 октября 1941 г. по поручению Дарлана его агент в Алжире тайно сообщил Мэрфи: «Дарлан, поставивший на немецкую карту, теперь видит, что он ошибся, и хочет изменить свою политику»¹. Однако другая часть вишистов, вдохновителем которой оставался Лаваль, по-прежнему стремилась к сотрудничеству с Германией и добивалась официального союза с ней. Победа Гитлера все еще казалась им не только наиболее вероятным исходом войны, но и главной гарантией против «коммунистической революции».

В апреле 1942 г. сторонники Лавалья одержали победу. По требованию оккупантов Петэн вновь назначил Лавалья главой правительства вместо Дарлана, сохранившего титул «наследника» и пост главнокомандующего вооруженными силами Виши. Сам Лаваль не скрывал, что его возвращение к власти символизирует стремление Виши к максимально тесному сотрудничеству с фашистской Германией. «Я желаю победы Германии, потому что без нее завтра повсюду установится большевизм»², — заявил он в радиоречи 22 июня 1942 г. 26 июня Совет министров Виши, проходивший под председательством Петэна, одобрил эту речь. «Все разногласия, все недоразумения, которые могли произойти между Пьером Лавалем и мной, рассеяны. Отныне мы согласны, и мы идем рука об руку»³, — сказал Петэн, выступая по радио.

В мае и августе 1942 г. Лаваль и Петэн предложили Риббентропу и Гитлеру вновь начать переговоры «относительно полного участия Франции на стороне Германии», в частности «рассмотреть возможность участия Франции в ее собственной обороне» (против Англии)⁴. Германия отказалась рассматривать эти предложения, но сотрудничество оккупационных властей с правительством Виши продолжалось.

¹ FR of USA, 1941, vol. II, p. 440—441.

² R. Aron. Op. cit., p. 525.

³ «Procès du maréchal Pétain». Compte-rendu in extenso des audiences transmis par le Secrétariat général de la Haut Cour de Justice (далее — «Procès du maréchal Pétain»). Paris, 1945. p. 204.

⁴ «Pétain et les allemands», p. 162, 182; Ср. «Procès du maréchal Pétain», p. 207.

Великая Отечественная война оказала исключительно большое влияние на чувства, мысли и настроения широких масс французского народа. До начала Великой Отечественной войны многие честные патриоты, желавшие бороться против оккупантов, считали эту борьбу бесполезной, так как не видели реальной силы, способной разгромить фашистские государства. «После 22 июня 1941 года патриоты сказали себе: «Мы не одни; с таким союзником, как советский народ, мы можем завоевать свободу, мы можем победить!»¹, — указывал Генеральный секретарь ФКП М. Торез.

92

Архивные изыскания и опросы свидетелей, предпринятые в 1965—1966 гг. французским Комитетом по истории второй мировой войны, показывают, что если многие французы сначала верили в победу Германии, то все же «те, кто желал быстрого крушения СССР, были немногочисленны»². Согласно данным Комитета, «у большинства антибольшевистски настроенных буржуа и крестьян патриотические чувства были слишком сильны для того, чтобы радоваться новой немецкой победе. Они скорее желали войны на истощение, которая ослабит обоих противников, оставляя Франции больше шансов на снисхождение в момент мирных переговоров»³. Как показывают итоги опросов, по мере успехов Советской Армии французские рабочие и крестьяне все более явно поддерживали СССР. «Деревенское население почти единодушно приветствовало известия о первых успехах русских в начале зимы 1941 г., хотя еще сохраняло — по крайней мере в южной зоне — чувство более или менее безрассудного доверия, которое оно питало по отношению к маршалу Петэну»⁴. Настроения крестьян разделяло рядовое духовенство, в то время как высшая духовная иерархия активно выступала против СССР. Глубокую веру в победу СССР высказывали передовые французские рабочие. «Теперь горизонт прояснился.

¹ М. Торез. Сын народа, стр. 168.

² Итоги этих изысканий изложены в статье: М. Baudot. L'opinion publique devant la propagande allemande et l'invasion de l'URSS. — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», octobre 1966, p. 75.

³ Ibid., p. 76.

⁴ Ibid., p. 77.

Весь мир взял себя в руки, и героическое сопротивление Красной Армии и советского народа воодушевляет наше мужество. Теперь мы знаем, что французский народ не изолирован, не предоставлен самому себе. Все свободные нации мира вступили в борьбу, чтобы стереть с лица земли позор гитлеризма»¹, — писали рабочие одного из заводов в августе 1941 г.

Показателем подлинных чувств французского народа может служить его отношение к антибольшевистскому легиону. Бывший министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур писал о настоящем «взрыве возмущения», вызванном известием о формировании легиона². Несмотря на огромное жалованье и всякого рода материальные льготы, в легион с трудом удалось набрать 4 тыс. человек. Это были «в подавляющем большинстве порочные и деклассированные элементы, неспособные к какой бы то ни было нормальной общественной жизни»³, окруженные всеобщим презрением. Когда 27 августа 1941 г. молодой рабочий П. Коллет совершил покушение на организаторов легиона, это «наэлектризовало всю страну»⁴. Даже жандармы, арестовавшие Коллета, говорили ему: «То, что вы сделали, — это великолепно. Мы всем сердцем с вами. Но вот видите, мы шпики»⁵.

Очень интересный материал о настроениях населения содержится в письмах французов, перехваченных вишистской цензурой и сохраненных в архивах полиции в качестве типичных примеров. Некоторые из них полны симпатии к СССР и надежды на быстрый разгром Германии. «Взгляни, как развиваются события в России, — писала, например, одна француженка мужу. — По отношению к России Фердонне и Обрехт из Штутгарта⁶ оказались плохими пророками, ибо вместо того, чтобы приблизиться к Москве и войти в нее, сегодня, 1 августа, Гитлер в сущности вынужден сражаться в Смо-

¹ «L'Unité malgré tout». Organe du Comité Populaire de l'Entreprise le Matériel Téléphonique, août 1941.

² J. Paul-Boncour. *Entre deux guerres*, t. III. Paris, 1946, p. 128.

³ «Les procès de collaboration». Paris, 1948, p. 31.

⁴ P. Mendès-France. *Liberté, liberté chérie*. New York, 1943, p. 419.

⁵ P. Collette. *J'ai tiré sur Laval*. Paris, 1946, p. 29.

⁶ Дикторы гитлеровского радио, выступавшие в радиопередачах из Штутгарта, предназначенных для французов.

ленске. До того момента, когда русские двинутся на Берлин, может быть, не так уж далеко, и мы будем вместе с ними»¹.

В других письмах встречаются отголоски настроений, характерных главным образом для буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, много лет находившихся под влиянием антисоветской и антикоммунистической пропаганды. «Все-таки чудно оказаться на стороне большевиков, — говорилось в одном из таких писем, датированном 26 июня 1941 г. — Это вроде того, как если бы Вельзевул объединился со св. Михаилом, чтобы победить Люцифера. Но основное состоит в том, чтобы раздавить бошей, и если москвиты помогут нам сделать это несколько быстрее, ну что ж, тем лучше»².

94

Еще в одном письме причудливо переплелись восхищение мужеством советского народа, ощущение краха прежних, весьма фантастических представлений об СССР и неизжитый страх перед «красной опасностью». «Гитлер вторгся в Россию, — писал автор письма 17 июля 1941 г. — Но там нашлось кому с ним поговорить, и не видно молниеносных маршей, как в других странах. Все ожидали, что красные не продержатся и восьми дней, что там произойдет революция, что все там разбегутся, как кролики из армии Корапа³ или итальянцы при Капоретто. Но каково! Они держатся очень хорошо, и вот уже три недели, как они остановили их в своих степях». А далее звучал характерный для буржуазных деятелей антикоммунистический припев: «Возникает вопрос, что случится с Европой в результате действий этой колоссальной русской армии, когда нацисты будут разбиты англичанами, — а это математически точно»⁴.

Наглядно проявившееся в этом письме противоречие между классовыми интересами буржуазии и национальными интересами Франции характерно для деятельности всего буржуазного крыла Сопrotивления.

С начала Великой Отечественной войны французское движение Сопrotивления сделало значительный шаг вперед: выросли ранее существовавшие организации

---

¹ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 6.

² Там же.

³ Корап — командующий 9-й французской армией, разбитой немецкими войсками в мае 1940 г. в районе Седана.

⁴ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 6.

Сопrotивления, появились новые органы подпольной печати, освободительная борьба приобрела более массовый характер. «Наблюдается появление известного числа новых (нелегальных. — В. С.) публикаций, — говорилось в сводке вишистской полиции за июль 1941 г. — В этом надо видеть следствие начала германо-советских военных действий»¹. Действительно, по далеко не полным данным во второй половине 1941 г. появилось около двух десятков новых изданий Коммунистической партии и примыкающих к ней организаций и примерно такое же количество новых газет и журналов буржуазно-патриотических групп Сопrotивления².

После разгрома оккупантами группы «Музей человека» и ее газеты «Резистанс» стали издаваться новые, сравнительно крупные органы подпольной печати: газета «Дефанс де ля Франс» («Защита Франции») и журнал «Кайе дю темуаньяж кретьен» («Свидетельства христианина»), выпускаемый католиками — сторонниками Сопrotивления. Ранее существовавшие в южной зоне группы «Либерте» и «Движение национального освобождения» в конце 1941 г. слились в единую организацию «Комба» («Борьба»), лидером которой стал А. Френэ. Весной и летом 1941 г. активисты распавшейся Социалистической партии (СФИО) по совету главного теоретика СФИО Л. Блюма, арестованного вишистами вскоре после поражения Франции, приступили к реорганизации своих сил. Во второй половине 1941 г. они создали в северной и южной зонах два «Комитета социалистического действия» (КАС)³.

Комитет социалистического действия северной зоны, в котором ведущую роль играли А. Рибьер, Р. Эврар, Р. Вердые и др., с декабря 1941 г. начал издавать нелегальную газету «Социализм и свобода». Комитет социалистического действия южной зоны, во главе которого стояли Д. Мейер, Ф. Гуэн, С. Бюиссон и др., летом 1941 г. напечатал листовку: «14 июля 1941 г. Свобода, Равенство, Братство. Да здравствует республика!»⁴ В

¹ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 6.

² Подсчитано по: «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945».

³ R. Verdier. La vie clandestine du Parti socialiste. Paris, 1944; D. Mayer. Les socialistes dans la Résistance. Souvenirs et documents. Paris, 1968.

⁴ R. Verdier. Op. cit., p. 9.

мае 1942 г. КАС южной зоны возобновил в подполье издание центрального органа СФИО — газеты «Попюлер».

Единственной организацией Сопротивления, сразу и полностью оценившей значение участия в войне Советского Союза, была Французская коммунистическая партия. 22 июня 1941 г. она обратилась к народу с воззванием, в котором говорилось: «Наш враг, угнетатель Франции Гитлер ведет войну против СССР. Вследствие этого каждый француз, достойный этого имени, отныне должен рассматривать себя как союзника СССР»¹. Как известно, вступление СССР в войну «завершило сложный процесс превращения войны в справедливую, освободительную»². Французская коммунистическая партия, как и все мировое коммунистическое движение, считала, что вторая мировая война превратилась в «войну народов против фашистского варварства»³. Коренным образом изменилась международная обстановка. «СССР, Британская империя и Соединенные Штаты объединились против Гитлера: такова политическая, экономическая и военная реальность нынешнего периода»⁴. Во Франции создались условия, способствовавшие сплочению всех патриотических сил. «В нынешней обстановке действия коммунистов ничем не отличаются от действий всех патриотов, — писал центральный коммунистический журнал «Ви дю парти» («Партийная жизнь»). — Мы добиваемся лишь чести быть среди самых пламенных, самых смелых и самых преданных борцов за освобождение Родины»⁵. Отложив обсуждение вопросов о социальных преобразованиях и будущем политическом устройстве Франции, вызывавших разногласия среди сторонников борьбы против Германии, Компартия развернула активную патриотическую пропаганду. Она обратилась к историческим традициям, к подвигам Жанны д'Арк, героев Великой французской революции и франко-прусской войны.

---

¹ «Hitler a attaqué l'Union Soviétique» («L'Humanité», édition spéciale, N° 119). Это воззвание напечатал рабочий А. Лежандр.

² История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 77.

³ «L'Humanité», 3. VIII. 1941.

⁴ «La Vie du Parti», 4-e trimestre 1941, p. 5.

⁵ Ibid., p. 14.

Коммунистическая печать широко освещала события на советско-германском фронте, помещала сообщения Советского информбюро, выступления руководителей СССР. Коммунисты выражали непоколебимую уверенность, что, несмотря на все трудности, Советский Союз победит¹. В мрачные дни осени 1941 г., когда буржуазная пресса была полна слухов о предстоящем падении Москвы, коммунисты уверенно заявили: «Гитлер будет разбит, и Россия будет могилой нацистской армии»².

В отличие от многих других организаций Сопротивления Компартия не ограничивалась выражением надежд и добрых пожеланий. Она считала, что «поддержка великой и справедливой войны советского народа всеми средствами — это священный долг для всех народов, которые любят свободу; это долг французского народа»³. Коммунисты стремились преодолеть настроение пассивного выжидания, вовлечь массы в активную борьбу против оккупантов и вишистов.

Особенно большое значение Компартия придавала развитию вооруженной борьбы. 17 июля 1941 г. «Юманите» напомнила строфу «Марсельезы», которая «звучит как приказ: «К оружию, граждане!»». Обращаясь к традициям франтиреров и партизан 1870 г., «Юманите» заявила: «Франтиреры 1941 года! Вставайте, чтобы изгнать врага со священной земли нашей Родины! Сейчас наступил подходящий момент, ибо наши братья из Красной Армии удерживают в СССР основные силы гитлеровцев. К оружию, граждане!»⁴.

Призывы ФКП встретили одобрение и поддержку передовых слоев французского народа. Видный деятель профсоюзного движения А. Толле рассказывает, что при первых известиях о нападении Германии на Советский Союз «на стенах появились надписи, на дверях около заводов были повешены плакаты, провозглашавшие к великой радости рабочих и всех французов: «Да здравствует СССР! Руки прочь от СССР!»» Активисты Коммунистической партии, профсоюзов, комсомола устраивали короткие митинги, распространяли множе-

¹ Листовка «L'URSS vaincra» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

² «L'Humanité», 28. IX. 1941.

³ «L'Humanité», 14. XI. 1941.

⁴ «L'Humanité», 17. VII, 15. VIII. 1941.

ство нелегальных газет и листовок, клеймивших гитлеровскую агрессию. Только руководство одного профсоюза деревообделочников издало за неделю 7800 газет и листовок, не считая листовок, напечатанных прямо на предприятиях¹.

В потоке этих листовок, еще не изученных историками, ясно проявились мысли и чувства передовых рабочих, молодежи, интеллигенции, твердо веривших, что «борьба советского народа — это борьба всего прогрессивного человечества против деспотизма и варварства»². Общество друзей Советского Союза заявило, что «всякий француз, любящий свою страну, желающий видеть ее свободной и независимой, находится на стороне СССР», потому что «Советский Союз — это надежда миллионов людей, которые хотят жить свободными и счастливыми»³. Группа «интеллигентов, друзей Советского Союза», узнав о фашистской агрессии, обратилась к французской интеллигенции со специальным воззванием, которое клеймило «это новое преступление варварских и кровавых легионов гитлеровского фашизма против независимости и свободы народов»⁴. Женщины департамента Па-де-Кале, выразив свою солидарность с советским народом, заявили: «Этот великолепный народ, борясь за свою независимость, борется также за нас. Наш долг ясен. Мы должны им помочь»⁵.

Рабочие ряда предприятий призвали своих товарищей немедленно включиться в активную борьбу против оккупантов. «Рабочая и крестьянская Красная Армия наносит фашистскому агрессору удары, от которых он не оправится. ...Поможем Красной Армии ускорить час освобождения Франции»⁶, — писали рабочие завода телефонного оборудования.

С большой силой прозвучал призыв к немедленным действиям в обращении группы рабочих к металлургам Франции. Напомнив, что солдаты Красной Армии бо-

---

¹ A. Tollet. La classe ouvrière dans la Résistance, p. 94.

² «La Vie Ouvrière», 28. VI. 1941.

³ «Russie d'aujourd'hui», juillet 1941, N 16.

⁴ Листовка «Appel aux intellectuels français» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

⁵ «La Menagère». Journal des Comités Populaires féminins du Pas-de-Calais, août 1941, N 4.

⁶ «L'Unité malgré tout». Organe du Comité Populaire de l'entreprise le Matériel Téléphonique, août 1941.

руются не только за свою страну, но и «за освобождение порабощенных народов, за освобождение Франции», рабочие прямо спрашивали своих товарищей: «А вы? Вы не можете ждать вызволения от советского народа, вооружая гитлеровских бандитов... Если вы вынуждены работать на них, пусть вашей постоянной заботой будет стремление привести в негодность то, что вы изготовляете»¹.

Уже в первые месяцы после нападения Германии на СССР рабочие организовали саботаж на предприятиях, работавших на Германию. Шахтеры департаментов Нор и Па-де-Кале снизили добычу угля на 40—50%². На заводах Рено, занятых производством военной техники для Германии, были забракованы 1200 грузовиков и много танков³. Прогрессивно настроенные рабочие, интеллигенты, молодежь считали своим долгом помочь Советскому Союзу в его борьбе против фашистской Германии.

С первых дней Великой Отечественной войны движение «Свободная Франция» (позднее — «Сражающаяся Франция») вслед за Англией высказалось за установление связей с Советским Союзом⁴. Де Голль поручил своим представителям немедленно установить контакт с советским послом в Лондоне И. М. Майским и передать ему, «что французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии» и что руководители «Свободной Франции» желали бы установить военное сотрудничество с Москвой⁵.

Сближение «Свободной Франции» с Советским Союзом определялось в первую очередь интересами борьбы против фашистской Германии. «Свободная Франция», так же как и Англия, была жизненно заинтересована в помощи со стороны СССР. Кроме того, летом 1941 г. «Свободная Франция» находилась в состоянии серьезно-

¹ Листовка «*Métallurgistes de France!*» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

² «*La Vie Ouvrière*», 15 X. 1941.

³ «*La Vie du Parti*», 4-е trimestre 1941, p. 21.

⁴ Подробнее см.: «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Советско-французские отношения...»). М., 1959.

⁵ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 651, 652 (документы).

го конфликта с Англией и США и де Голль полагал, что сотрудничество с Советским Союзом означало бы для «Свободной Франции» «некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам»¹.

Со своей стороны Советский Союз, исходя из задачи сплочения всех сил, способных бороться против гитлеризма, и продолжая курс на развитие традиционных дружественных отношений с Францией, решил признать «Свободную Францию» и оказать ей помощь. 26 сентября 1941 г. И. М. Майский специальным письмом уведомил генерала де Голля, что Советское правительство признает его «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились». Правительство СССР выражало твердую решимость «после достижения нашей совместной победы над общим врагом обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции», причем, в отличие от Англии, не сопровождало это заявление никакими оговорками. Советский Союз обещал «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками»². Генерал де Голль с благодарностью принял это обещание и со своей стороны обязался от имени свободных французов «бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом»³.

Соглашение с Советским Союзом значительно укрепило позиции «Свободной Франции» внутри страны и на международной арене. Впервые (после установления связей с Англией) «Свободная Франция» была признана правительством великой державы. Ее зависимость от Англии уменьшилась, возможности для проведения самостоятельной политики существенно возросли.

Пропаганда «Свободных французов», ранее проявлявшая определенную сдержанность по отношению к Советскому Союзу, стала гораздо благожелательнее. 2 октября генерал де Голль первый раз упомянул «героические русские армии» наравне с вооруженными силами Англии. 21 октября он отметил «героическое и умелое сопротивление наших русских союзников». После перехода Советской Армии в контрнаступление под Москвой

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 252.

² «Правда», 28 сентября 1941 г.; см. также «Советско-французские отношения...», стр. 47.

³ «Советско-французские отношения...», стр. 48.

и Ростовом де Голль приветствовал ее успехи, подчеркнув, что «в первый раз, начиная с первого дня войны, немецкие армии отступают»¹. Главный диктор «Свободной Франции» М. Шуман откликнулся на эти события взволнованной речью. «В первый раз, начиная с первого дня войны, немецкие танковые дивизии сегодня отступают,— говорил он 6 декабря 1941 г.— Это разбиты немецкие танки, это брошены немецкие пушки, это непобедимая армия «третьего рейха» в беспорядке бежит от Ростова к Таганрогу и от Таганрога к Мариуполю. Как изменились времена!»²

Высоко оценивая борьбу советского народа против фашистских агрессоров, многие французские патриоты приходили к мысли о необходимости союза с СССР. В начале 1942 г. эту мысль со всей силой высказал генерал де Голль. Необходимость франко-русского союза «становится очевидной при каждом новом повороте истории», провозгласил он в речи 20 января 1942 г. «Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией. Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака бездны к солнцу величия»³.

Позиция генерала де Голля, выраженная в этой речи, отвечала интересам французского народа. Она благотворно повлияла на общественное мнение Франции и на буржуазных деятелей Сопротивления.

Для буржуазно-патриотических организаций Сопротивления было нелегко сразу определить свою позицию по отношению к Великой Отечественной войне. Многие буржуазные деятели Сопротивления в прошлом сами поддерживали идею «крестового похода против коммунизма» и представляли себе большевиков в виде «человека с ножом в зубах». Единодушно осуждая вербовку в антибольшевистский легион, одобряя покушение П. Коллета, призывая французам не оказывать никакой помощи Германии, буржуазные деятели Сопротивления все же долго не хотели видеть, что национальные инте-

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 71, 77, 79, 108.

² M. Schumann. Op. cit., p. 113—114.

³ «Советско-французские отношения...», стр. 56.

ресы Франции требуют союза с СССР. Позиция нелегальной газеты «Вау дю Нор» («Голос Севера»), заявившей 25 июля 1941 г.: «...русский народ является союзником врагов Германии. Воевать против России — значит воевать против Франции»¹, — далеко не была общепризнанной.

Некоторые организации Сопротивления, в частности «Либерасьон-Сюд» и «Фран-Тирер», сначала избегали высказывать свое отношение к Советскому Союзу. Другие организации, например «Комба», в это время пропагандировали так называемую теорию двух врагов, утверждавшую, будто Германия и СССР являются двумя врагами Франции, в схватку которых французы не должны вмешиваться. «В германо-советской войне у Франции нет никаких интересов, — писали, например, руководители «Комба» в июле 1941 г. — Она не должна желать или способствовать ни немецкой победе, ни русской победе. Она заинтересована в длительной войне, истощающей одновременно обоих противников, которые по разным причинам являются врагами Франции»². Чудовищное несоответствие этих утверждений реальной действительности было настолько очевидным, что сами руководители «Комба» вскоре пересмотрели свои позиции, признав, что «возможно более длительное русское сопротивление, это условие нашего освобождения»³, и, следовательно, «враг, единственный враг, с которым надо сражаться сегодня, — это Германия»⁴.

Основным фактором, предопределившим изменение их взглядов и глубоко повлиявшим на позиции всех организаций Сопротивления, была успешная борьба Советского Союза против фашистских захватчиков. В первые дни после начала Отечественной войны руководители буржуазно-патриотических организаций считали наиболее вероятной победу Германии, хотя, по их собственным словам, «не могли не сравнивать нынешнее положение с 1812 годом, когда Наполеон, занятый войной против Англии, также проник (!) в Россию»⁵. Вскоре они с удивлением обнаружили, что Германия, которая

¹ «La Voix du Nord». Organe de la Résistance de la Flandre française, 25. VII. 1941.

² «Les Petites Ailes de France». Ed. de Paris. 8. VII. 1941.

³ «Liberté», 25. VII. 1941.

⁴ «Les Petites Ailes de France». Ed. de Paris, 10. VII. 1941.

⁵ «Les Petites Ailes de France». Ed. de Paris, 1. VII. 1941.

за год до этого молниеносно разгромила французскую армию, не может справиться с Советским Союзом. «После 14 дней битвы военное положение русских тяжелое, но оно далеко не такое безнадежное, как его представляют немецкие сообщения и немецкие газеты на французском языке», — отмечала печать Сопротивления. «Немецкие солдаты воображали, — писала одна из газет, — что они совершат триумфальную прогулку вплоть до Москвы. Теперь они должны разочароваться». «Идет пятая неделя германо-русской войны, и вопреки единодушным предсказаниям нашей прессы Красная Армия все еще держится и наносит армиям рейха кровавые потери», — с удовлетворением отмечала другая газета. Все чаще и чаще нелегальные газеты признавали «исключительную храбрость русского солдата, который не сдается никогда», подчеркивали, что немцы несут «ужасающие потери», а «сопротивление русской армии великолепно»¹.

Под влиянием этих событий лидеры буржуазно-патриотических групп Сопротивления стали высказывать надежду, что Советский Союз (или, как они предпочитали писать, Россия) сумеет отразить натиск врага. Уже 30 июля 1941 г. одна из газет группы «Комба» объединила сообщения с советско-германского фронта общим заголовком «Начало конца или германо-русская война»². Другая газета этой организации в августе 1941 г. слышала «в шуме сражений в России треск, предвещающий окончательное крушение гитлеровского колосса»³. Как вспоминал видный политический деятель Франции П. Мендес-Франс, «бесчисленное множество французов, которые никоим образом не были коммунистами, стали возлагать свои надежды на Красную Армию»⁴.

В конце 1941 г., после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, эти настроения стали преобладающими. По данным Комитета по истории второй мировой войны, основанным на изучении архивов ви-

¹ «Libération» (Z. N.), 5. VII. 1941; «La Voix du Nord», 14. VII. 1941; «Les Petites Ailes». Tirage de la zone libre, 30. VII. 1941; «Résistance». Journal de la libération nationale, 15. VIII. 1941; «La Voix du Nord», VIII. 1941.

² «Les Petites Ailes». Tirage de la zone libre, 30. VII. 1941.

³ «Résistance», 15. VIII. 1941.

⁴ P. Mendès-France. Op. cit., p. 418—419.

шистской цензуры, «к 31 декабря (1941 г.—В. С.) данные контроля за перепиской категоричны: СССР стал единственной надеждой рабочих и патриотов. Дело России сливается с делом Франции»¹.

Под давлением фактов многие деятели Сопротивления убедились, что их прежние представления о коммунизме и Советском Союзе оказались неверными. Они должны были отметить «единство русского народа вокруг своего правительства» и признать, что «коммунистическая идеология, без сомнения, проникла в массы глубже, чем мы думали»². Но, даже признавая необходимым «странный по видимости союз» между Францией, Англией и СССР, соглашаясь, что англо-советское сотрудничество «означает поражение Германии и освобождение нашей страны»³, буржуазные деятели Сопротивления продолжали считать истинными союзниками Франции только Англию и США. Некоторые организации так и не преодолели своего страха перед «красной опасностью» и по-существу не желали отказаться от главной идеи печально знаменитой мюнхенской политики — превратить фашистскую Германию в «оплот против большевизма».

Весной 1942 г. газета «Дефанс де ля Франс» открыто заявила, что считает нежелательным полный разгром Германии силами Советской Армии. «Позволить Германии рухнуть означало бы распространить мощь СССР вплоть до Рейна, — рассуждала газета. — Что стало бы тогда с Францией и другими нациями Западной Европы при наличии подобного коммунистического блока на их границах, учитывая необычайный престиж, который приобрел бы коммунизм — победитель нацизма — в глазах народных масс»⁴.

Однако такие откровенно антисоветские взгляды не были преобладающими даже среди буржуазно-патриотических группировок Сопротивления. Их руководители все-таки сознавали, что «большинство французов с глубокой радостью следит за отступлением немцев в России. Для них поражение нацистов — это освобождение

¹ M. Baudot. Op. cit., p. 76.

² «Libération» (Z. N.), 5. VII. 1941; «Les Petites Ailes», Tirage de la zone libre, 30. VII. 1941.

³ «Libération» (Z. N.), 31. VIII, 14. IX. 1941.

⁴ «Défense de la France», 20. III. 1942.

ние Европы, освобождение Франции»¹. Лидеры буржуазно-патриотических группировок сами радовались поражению гитлеровцев, хотя часто не могли или не хотели преодолеть застарелой вражды к советскому государственному и общественному строю. Лишь постепенно они приходили к признанию огромной роли СССР в победе над фашизмом. Особенно большое впечатление произвела на них оборона Сталинграда. «Его сопротивление далеко превзошло самые великолепные примеры истории,— писала газета «Комба».— Это Верден 1916 года, это Мадрид 1937 года, это незабываемое зрелище одного из городов, в которых воплощается душа народа»². Осенью 1942 г. «Либерасьон-Нор» посвятила обороне Сталинграда взволнованную передовую статью, несомненно отражавшую мысли и чувства огромного большинства французского народа. В статье говорилось: «*Сталинград держится!* Тонны взрывчатки, тысячи бомб обрушиваются на город, превращенный в руины и охваченный пламенем. Орудия бьют в упор, бомбардировщики пикируют на дома, превращенные в крепости,— *Сталинград держится!* Когда машины отказывают и останавливаются перед препятствиями, люди, покрытые гарью пожаров и кровью своих товарищей, сходятся врукопашную. Улица или дом, потерянные вечером, отвоевываются утром.

Сталинград держится! И немцы ничего не понимают. Они не понимают, но знают, что эта невероятная оборона вместе с обороной Воронежа окончательно разрушает планы их верховного командования.

...Французы, когда в следующие дни, склонившись над вашим радиоприемником, вы снова услышите эти простые слова: *Сталинград держится!* — подумайте о том, сколько страданий, героизма и надежды скрывается за ними»³.

К этому времени основная масса бойцов Сопротивления и большинство их руководителей уже видели в СССР своего союзника в борьбе за освобождение Франции.

¹ «Libération» (Z. N.), 18. I. 1942.

² «Combat», janvier 1943.

³ «Libération» (Z. N.), 25. IX. 1942.

Создание антигитлеровской коалиции, реальная перспектива победы над фашистским блоком, объективные потребности освободительной борьбы в самой Франции привели к сближению позиций основных группировок французского Сопротивления. Существовавшие между ними противоречия исчезли или потеряли прежнее значение.

Инициативу объединения всех патриотических сил, готовых бороться против оккупантов и Виши, взяла на себя Коммунистическая партия. Развивая лозунг Национального фронта, выдвинутый в Обращении ЦК ФКП от 15 мая 1941 г., коммунистическая печать уточнила его программу таким образом, чтобы она стала приемлемой для всех патриотов — «от деголлерцев до коммунистов»¹. В призывах к формированию Национального фронта, опубликованных в «Юманите» летом 1941 г., фигурировали только общенациональные требования. Главная задача Национального фронта должна состоять «в антинемецких действиях с целью освободить Родину от иностранного угнетения и измены», — указывала «Юманите». В его рядах могут объединиться «деголлерцы, коммунисты, атеисты, верующие, рабочие, крестьяне, интеллигенты; французы, принадлежащие к любым социальным слоям, — вообще все патриоты в совокупности»². Ограничив задачи Национального фронта такими требованиями, под которыми мог подписаться любой честный француз независимо от его политических и религиозных убеждений, Компартия предложила реальную политическую основу для объединения всех национальных сил.

Продолжая подготовительную работу, начатую еще до нападения Германии на СССР, коммунисты «установили контакт с несколькими видными деятелями, чтобы призвать к борьбе против бошей и к созданию Национального фронта»³. Как сообщает Ж. Дюкло, велись переговоры с деятелем Социалистической партии журналистом П. Броссолетом, бывшим генеральным секретарем христианских профсоюзов А. Тиксье, представи-

¹ «L'Humanité», 29. VII. 1941.

² «L'Humanité», 3. VIII. 1941.

³ J. Duclos. Les communistes dans la bataille pour la libération de la France. Rapport présenté au Comité central du Parti communiste français le 31 août 1944. Paris, 1944, p. 5.

телями духовенства (преподобным отцом Филиппом и каноником церкви Сен Франсуа — Ксавье монсеньором Шевро), с крупным хирургом профессором Дебре (отец видного государственного деятеля Франции М. Дебре). Большую роль в организации Национального фронта сыграли такие деятели науки и культуры, как Ф. Жолио-Кюри, журналисты Ф. Журдан и Р. Моблан, врач Р. Лейбович и др.¹

Летом 1941 г. в подпольной печати появились сообщения о возникновении Организационного комитета Национального фронта. В обращении, опубликованном от его имени², говорилось, что в начале июля 1941 г. состоялось учредительное собрание, на котором присутствовали: «1. Авторитетные представители рабочих организаций и политических группировок. 2. Полномочные представители крестьян из различных районов Франции. 3. Представители средних классов (торговцы и ремесленники). 4. Выдающиеся представители Университета, искусства и науки. Среди участников этого собрания, имевшего огромное значение для будущего Франции, находились атеисты, известные деятели католической церкви, представители протестантской церкви, духовенства, а также коммунисты».

Участники собрания единодушно заявили: «Долг всех наших соотечественников состоит в том, чтобы объединить свои усилия и бороться плечом к плечу, чтобы вновь завоевать независимость Франции». Они подчеркнули, что «все французы, достойные этого имени, должны быть на стороне СССР, Англии и всех врагов гитлеризма, которые сражаются за освобождение Родины».

Организационный комитет отказался признавать предательское правительство Виши, осудил политику атлантизма и призвал всех французов немедленно начать борьбу против оккупантов и предателей. «Речь идет не о том, чтобы только ожидать освобождения страны от побед России или Англии. Да, эти победы обеспечат нашу свободу, но каждый француз должен стремиться приблизить этот час в интересах Франции», — указывалось в обращении Комитета.

¹ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 133.

² Листовка «Un événement politique considerable. Le Front National de lutte pour l'indépendance de la France est constitué» (Archives de la Bibliothèque Marxiste. Позднее опубликовано в «Cahiers du Bolchévisme», 2-е et 3-е trimestre 1941).

В программе немедленных действий, принятой Организационным комитетом, говорилось:

«Мы призываем всех французов и француженок действовать совместно и всеми средствами:

1. Чтобы помешать использованию ресурсов Франции немецкой военной машиной;

2. Чтобы помешать французским заводам работать на Гитлера и поддерживать все требования рабочих, которые, защищая свой хлеб и хлеб своих детей, служат интересам Франции;

3. Чтобы помешать нашим железным дорогам перевозить в Германию наши национальные богатства и продукты нашей промышленности;

108

4. Чтобы организовать сопротивление крестьян поставкам сельскохозяйственных продуктов угнетателям родины;

5. Чтобы организовать борьбу против гитлеро-вишистских репрессий, каждый участник Национального фронта, будь он атеист или верующий, радикал или коммунист, должен пользоваться поддержкой всех;

6. Чтобы распространять литературу, призывы и документы Национального фронта и систематически разоблачать ложь врага;

7. Чтобы распространять и возбуждать перед лицом врага и его приспешников патриотические чувства, волю к борьбе за освобождение Франции».

Обращение завершалось строками «Марсельезы»: «К оружию, граждане! Формируйте батальоны! Вперед, вперед, пусть кровь врагов окропит наши нивы!»

Создание Национального фронта (НФ) и принятая им программа действий явились чрезвычайно важным событием в объединении патриотических сил. Впервые после начала войны Коммунистической партии удалось добиться союза с другими патриотическими элементами в рамках единой организации. «Несомненно, вначале Национальный фронт был больше выражением воли к объединению, чем конкретной реальностью, но эта идея настолько отвечала требованиям момента, что она не замедлила быстро приобрести силу и размах»¹.

С первых дней своего существования Национальный фронт проявил себя активной политической силой, обратившись к различным слоям населения с призывом

¹ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 134.

к единству. Так, напомнив об арестах священников-патриотов и о предательстве некоторых сановников католической церкви, сотрудничавших с оккупантами, он провозгласил: «Французские католики, к нам! За свободу и независимость Франции!»¹ В письме «Французам армии перемирия»² Национальный фронт предлагал солдатам и офицерам вступать в его ряды, чтобы «поставить свою храбрость, знания, силу и оружие на службу тех сил, которые ведут ту же борьбу, что и весь французский народ, с целью выбросить бошей с нашей земли». Накануне годовщины победы над Германией 11 ноября 1918 г. Национальный фронт предложил превратить этот день в «великий день борьбы за независимость Родины», дать «торжественную клятву довести до конца общую борьбу за освобождение Франции, против главаря бандитов Гитлера, врага всех французов»³.

Решающую роль в организации и укреплении Национального фронта сыграла Коммунистическая партия. Подготовительную работу по его созданию проделали Ж. Жером, А. Мерсье, П. Вийон (до его ареста в октябре 1940 г.) и другие коммунисты⁴. Компартия предоставила Национальному фронту страницы своей печати, выделила опытных пропагандистов и организаторов для работы в его органах, помогла установить связи с Народными комитетами и другими демократическими организациями.

Летом и осенью 1941 г. на местах стали возникать комитеты и секции Национального фронта, объединяющие его сторонников по месту жительства или по профессиям. Имеющиеся в распоряжении исследователей данные не раскрывают сколько-нибудь полной картины этой кропотливой работы и позволяют привести лишь отдельные примеры, которые дают основание предполагать, что процесс окончательного оформления Национального фронта, опирающегося на разветвленную сеть местных комитетов и секций, потребовал значительного времени.

¹ Листовка «Catholiques français» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

² Листовка «Français de l'armée de l'armistice» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

³ Листовка «Jeunes français et jeunes françaises» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

⁴ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 133.

Первое косвенное упоминание о возникновении секции НФ мы находим в газете «Свободный Университет», которая с 1 июля 1941 г. приняла подзаголовок: «Орган Университетской секции Национального фронта за независимость Франции»¹. В результате патриотической демонстрации 14 июля 1941 г., организованной по инициативе коммунистов, был создан студенческий Комитет Национального фронта. В нем сотрудничали деголлерцы, католики, протестанты и коммунисты². 19 сентября 1941 г. в подполье образовался Организационный комитет Национального фронта молодежи, в котором объединились «молодые деголлерцы, коммунисты, католики, протестанты», решившие поставить превыше всего «борьбу за независимость угнетенной Родины»³.

Одновременно началась работа по организации комитетов Национального фронта на предприятиях. Народные комитеты молодых рабочих парижского предместья Витри, опубликовав Обращение Организационного комитета НФ, заявили: «Народные комитеты молодых рабочих Витри полностью присоединяются к *Национальному фронту борьбы за независимость Франции*. Мы берем обязательства без передышки сражаться за освобождение нашей страны»⁴.

Народный комитет рабочих железнодорожных мастерских Фоли-ля-Гаронн, присоединившись к Национальному фронту, призвал рабочих саботировать перевозки немецких войск⁵. «Вместе с Национальным фронтом независимости Франции вступим в битву за свободу и независимость нашей Родины»⁶, — заявили Народные женские комитеты департамента Па-де-Кале.

Осенью 1941 г. в нелегальной печати появились первые сообщения о возникновении комитетов Национального фронта в деревне (в Нормандии)⁷. Несомненно, это

¹ «L'Université libre» (Organe de la Section Universitaire du Front National pour l'indépendance de la France), 1. VII. 1941.

² «La Vie du Parti», 4-e trimestre 1941, p. 31.

³ Листовка «Jeunes Français et jeunes françaises» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

⁴ «Le jeune Prolo» (Organe des comités populaires des jeunes ouvriers de Vitry) N 1, août 1941.

⁵ «La Voix des cheminots» (Organe des comités populaires des cheminots des ateliers de la Folie-la Garonne) N 2, août 1941.

⁶ «La Menagère» (Journal des Comités Populaires féminins du Pas-de-Calais) N 4, 2 août 1941.

⁷ «La Vie du Parti», 4-e trimestre 1941, p. 56.

были лишь первые попытки. Создание широкой сети комитетов и секций Национального фронта на местах, как и выработка его окончательной организационной структуры, относится к более позднему времени.

По мере развития движения Сопротивления его буржуазные деятели начинали понемногу пересматривать свои прежние антикоммунистические взгляды и осознавать патриотический смысл деятельности ФКП. Они убеждались, что все французы, «каковы бы ни были их прежние распри, сегодня объединены одним общим стремлением — сопротивляться»¹, и поэтому «все подлинные французы, те, которые хотят спасти Родину, должны объединиться в борьбе против врага № 1 — Германии»².

Анализируя этот процесс, «Либерасьон-Нор» писала: «Мало-помалу чуть ли не у всех французов формируется и реализуется идея, что первая задача, от решения которой зависят жизнь или смерть, — это прежде всего Освобождение. Когда немцы уйдут, у французов будет время рассмотреть в своем кругу новые формы своей экономической и социальной жизни. Так создается единство, которое на первый взгляд может показаться негативным, но основа которого — солидарность всех против иностранных угнетателей — настолько прочна, что завтра она может стать конструктивной и всеохватывающей»³.

Хотя мысль о необходимости единства действий с Коммунистической партией с трудом укладывалась в сознании буржуазных деятелей Сопротивления, она постепенно пробивала себе дорогу.

Первой изменила свою позицию газета «Либерасьон-Нор». 21 сентября 1941 г. в передовой статье под заголовком «Необходимость французского единства» она впервые прямо предложила всем патриотам, включая коммунистов, объединиться в борьбе за освобождение Франции. «Единственный основной вопрос, по которому невозможен никакой компромисс, — это вопрос о независимости Родины и, следовательно, об освобождении территории, всей территории, — говорилось в статье. — Для этого освобождения необходимо сотрудничество всех:

¹ «Défense de la France» N 2, 10 septembre 1941.

² «Résistance» N 8, troisième numéro d'août 1941.

³ «Libération» (Z. N.), 3. VIII. 1941.

Англии, СССР, Соединенных Штатов, демократов, коммунистов, всех, кому угрожает гегемония нацистской Германии и кто намерен ей сопротивляться; наконец, всех тех, кто еще сохранил чувство чести»¹.

В том же направлении, хотя и более медленно, изменялись взгляды других некомунистических организаций Сопротивления. В первых номерах «Либерасьон-Сюд», «Либерте», «Фран-Тирер», появившихся после нападения фашистской Германии на СССР, еще не было упоминаний о возможности совместных действий с ФКП, но зато имелось осуждение коммунизма, «большевизма», пролетарской диктатуры и «диктатуры одной партии». Лишь в октябре 1941 г. «Либерасьон-Сюд», высказав неодобрение «коммунистической диктатуре», все же заявила: «Будем готовы, как коммунисты, жертвовать своей жизнью»². Эта статья, как и статья следующего номера, выражала удовлетворение единством нации, однако обходила молчанием конкретный вопрос о единстве действий с коммунистами.

Еще медленнее меняли свои позиции другие организации Сопротивления. «Дефанс де ля Франс» сожалела, что те, «кто во Франции хочет сопротивляться, поворачиваются к коммунизму или к загранице», и советовала своим единомышленникам противодействовать этому процессу³. Орган «Комба», газета «Веритэ», ознакомившись с призывом Организационного комитета Национального фронта, разразилась передовой статьей, требовавшей не допускать сотрудничества с коммунистами: «Пусть антинемецки настроенные французы остерегаются...— писала «Веритэ».— Пусть они никогда не вступают в «Национальный фронт независимости Франции». Пусть они идут к нам, руководствуясь нашим девизом: «Мы французы и французами останемся!»»⁴.

К концу 1941 г. антикоммунизм буржуазных деятелей Сопротивления был поколеблен, но не исчез. Признавая в принципе необходимость объединения всех национальных сил, они на практике чаще всего уклонялись от единства действия с коммунистами.

¹ «Libération» (Z. N.), 21. IX. 1941.

² «Libération» Zone Sud (Z. S.), N 4, décembre 1941.

³ «Défense de la France» N 4, décembre 1941.

⁴ «Vérités», 25. IX. 1941.

Если Коммунистическая партия и Национальный фронт стали влиятельным центром притяжения патриотических сил, то другим таким центром было движение «Свободная Франция». К лету 1941 г. «Свободная Франция» располагала значительными территориями в Африке и на Тихом океане, имела небольшую армию, вела успешную пропаганду. Признание со стороны Советского Союза позволило де Голлю послать в Москву миссию связи и положить начало военно-политическому сотрудничеству с СССР.

Осенью 1941 г. США получили от де Голля согласие на размещение американских военно-воздушных баз на островах Тихого океана, находившихся под контролем «Свободной Франции». В свою очередь правительство США разрешило де Голлю создать в Вашингтоне «организованное представительство без определенного дипломатического статута»¹, которое выполняло функции дипломатического представительства «Свободной Франции» в США. На «Свободных французов» было распространено действие американского закона о «ленд-лизе», сначала — «как часть помощи Великобритании»², затем — с 11 ноября 1941 г. — как мера помощи в обороне «любых французских территорий, находящихся под контролем Французских добровольческих сил («Свободных французов»)»³. Однако положение «Свободной Франции» все еще оставалось неустойчивым, тем более что летом и осенью 1941 г. ее отношения с Англией резко ухудшились.

В июне 1941 г. «Свободная Франция» вместе с Англией приняла участие в давно готовившейся операции по овладению странами Леванта, т. е. Сирией и Ливаном, в то время подмандатными территориями Франции. В ответ на прибытие немецких военных самолетов в Сирию (в соответствии с Парижскими протоколами, подписанными Виши) английские войска вместе с отрядами «Свободных французов» начали военные действия против армии Виши в странах Леванта.

---

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 578, 579 (документы).

² FR of USA, 1941, vol. II, p. 578.

³ «Documents on American Foreign Relations», vol IV. World Peace Foundation. Boston, 1952, p. 178, fn. 1.

Разбив вишистские войска, англичане 14 июля 1941 г. подписали с ними перемирие в крепости Сен-Жан-д'Акр. Согласно его условиям, вся полнота власти в Сирии и Ливане переходила в руки английского командования. О «правах» Франции в этих государствах ничего не говорилось. Оружие и снаряжение капитулировавшей вишистской армии целиком передавалось англичанам, а не «Свободным французам». Как считал де Голль, «по сути дела текст соглашения означал полную передачу Сирии и Ливана англичанам»¹. Узнав о перемирии, де Голль заявил протест Черчиллю и потребовал отмены условий перемирия. Конфликт достиг такой остроты, что де Голль (не консультируясь с другими руководителями «Свободной Франции») даже поставил вопрос о ликвидации соглашения 7 августа 1940 г., которое обязывало его подчиняться общим директивам английского командования. В конце концов английское правительство пошло на уступки. Оно заявило, что «Великобритания не имеет никаких интересов в Сирии и Ливане, кроме желания выиграть войну», и обещало не посягать каким-либо образом на позиции Франции в этих районах. Сверх того, английское правительство заключило с де Голлем так называемое «Пояснительное соглашение»², которое несколько изменяло условия перемирия в Сен-Жан-д'Акр с учетом пожеланий де Голля. На практике английские власти, ссылаясь на требования войны, по-прежнему сохраняли контроль над наиболее важными районами стран Леванта и, по свидетельству генерального комиссара «Свободной Франции» в Сирии и Ливане генерала Катру, «действовали так, как если бы никакого соглашения и никакой декларации о невмешательстве не существовало»³.

Конфликт де Голля с Англией вызвал кризис в руководстве «Свободной Франции», ибо ряд ее видных деятелей усматривал в единоличных действиях де Голля опасность губительного для «Свободной Франции» разрыва с Англией. Узнав, что соглашение 7 августа 1940 г. поставлено де Голлем под вопрос, делегация «Свободной Франции» в Лондоне (в том числе Мюзелье, Кас-

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 217.

² Там же, стр. 534, 551, 545—548.

³ *Gén. Catroux. Dans la bataille de Méditerranée.* Paris, 1949, p. 173—174.

сэн и д'Аржанлье) телеграфировала де Голлю: «...мы не можем, не подвергаясь огромному риску, открыто объявить по собственному почину недействительным договор, имеющий для нас как по существу, так и по форме жизненное значение». Делегация выразила неудовлетворение тем, что де Голль принимает важные решения от имени Совета обороны, даже не заслушав мнения семи его членов из девяти¹. Когда де Голль в начале сентября 1941 г. вернулся с Ближнего Востока в Лондон, его политика подверглась резкой критике со стороны группы активных деятелей «Свободной Франции» во главе с командующим флотом «Свободной Франции» адмиралом Мюзелье. Они упрекали де Голля за ошибки, которые могли привести к разрыву с Англией, и предлагали ограничить его власть. Странники Мюзелье поддерживали контакт с английским правительством. Последнее со своей стороны, по свидетельству Мюзелье, считало целесообразным создать коллегиальный руководящий орган — «Исполнительный комитет, состоящий из ограниченного числа активных деятелей, которые, тесно сотрудничая, помогали бы генералу де Голлю и не давали бы ему совершать новые ошибки»².

18 сентября 1941 г. Мюзелье направил де Голлю письмо с проектом закона о создании Исполнительного комитета «Свободных французов» в составе 5 человек. Рассчитывая на поддержку английских властей (особенно английского адмиралтейства, где у него были прочные связи), Мюзелье намеревался возглавить Исполнительный комитет и взять руководство «Свободной Францией» в свои руки. Де Голлю он предлагал оставить почетные, но лишённые реальной власти посты председателя всего движения, председателя Совета обороны империи, ограниченного консультативными функциями, и номинального верховного главнокомандующего (при сохранении военных министерств под контролем Мюзелье)³. Чтобы добиться этой цели, Мюзелье даже пригрозил де Голлю разрывом, в результате которого, по его словам, флот «Свободной Франции» перестанет подчиняться де Голлю и будет действовать «в тесном сотрудничестве с британским адмиралтейст-

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 550 (документы).

² Am. Muselier. Op. cit., p. 226.

³ Ibid., p. 227—228.

вом»¹. Однако де Голль сумел заручиться поддержкой Черчилля, отстранил Мюзелье, взял в свои руки формирование Исполнительного комитета и сохранил за собой единоличное руководство «Свободной Францией».

24 сентября 1941 г. он подписал Ордонанс № 16 о «новой организации общественных властей «Свободной Франции»»². От имени «Народа и Французской империи» де Голль учреждал Национальный комитет, призванный «фактически и временно осуществлять функции государственной власти» до тех пор, «пока не будет создано представительство французского народа, способное независимо от врага выражать волю нации». Совет обороны империи терял числившиеся за ним правительственные функции и окончательно превращался в консультативный орган. В будущем предполагалось созвать Консультативную Ассамблею с целью «знакомить Национальный комитет в возможно более широкой степени с национальным общественным мнением».

Новая перестройка руководящих органов «Свободной Франции» не затронула личной власти генерала де Голля. Он стал председателем Национального комитета, сохраняя, как подчеркивалось в Ордонансе № 16, роль «вождя «Свободных французов»». Кроме де Голля в Национальный комитет вошло восемь национальных комиссаров, обладающих «единолично или коллегиально всеми прерогативами, которые в нормальных условиях возлагались на французских министров». На деле Национальный комитет «Свободных французов», который вскоре стал именовать себя Французским национальным комитетом (ФНК), мало походил на обычный Совет министров с его системой принятия решений большинством голосов. Все решения принимались от имени Национального комитета лично де Голлем, независимо от того, соглашалось с ним большинство национальных комиссаров или нет. Законодательная власть осуществлялась де Голлем. Де Голль назначал и увольнял всех должностных лиц «Свободной Франции». Национальные комиссары несли перед ним ответственность и могли быть в любой момент смещены со своих постов.

В первый состав Национального комитета вошли ближайшие сотрудники де Голля: Р. Плевен, которому

¹ *Col. Passy. Op. cit.*, p. 231.

² «*Journal Officiel de la France Libre*», 14. X. 1941.

поручалась координация деятельности гражданских комиссариатов; Р. Кассэн (комиссар юстиции и общественного образования); генерал Лежантьём (комиссар по военным делам); Т. д'Аржанлье (комиссар без портфеля); М. Валэн (комиссар по делам авиации). Вместе с ними заседали новые деятели, сравнительно недавно присоединившиеся к де Голлю: комиссар по иностранным делам М. Дежан (в прошлом начальник личной канцелярии премьер-министра Франции Э. Даладье) и комиссар внутренних дел, труда и информации, бывший управляющий банком «Креди колониаль» А. Дьетельм. Адмирал Мюзелье занял второстепенный пост национального комиссара военного и торгового флота, а затем был заменен генералом Катру.

26 сентября 1941 г. правительство Англии признало Национальный комитет свободных французов¹ в качестве «представителя всех свободных французов, где бы они ни находились»². Одновременно в правительственном вестнике «Свободной Франции» было опубликовано письмо И. М. Майского с сообщением о признании генерала де Голля Советским правительством. Затем последовали признания ФНК со стороны находившихся в Лондоне эмигрантских правительств Бельгии, Чехословакии, Польши, Греции, Югославии и Голландии.

Правительство США в тот момент не признало Национальный комитет и, хотя поддерживало с ним неофициальные контакты, не упускало случая подчеркнуть, что считает законным правительством Франции только правительство Виши.

Конфликт с Англией особенно ясно показал руководителям «Свободной Франции» необходимость поддержки со стороны французского народа. В поисках этой поддержки они обратились к движению Сопротивления, первые сведения о котором стали проникать в Лондон летом 1941 г.³ В публичных выступлениях генерала де Голля летом и осенью 1941 г. появились краткие упоминания о том, что во Франции возродился «дух сопро-

¹ В опубликованном правительственным вестником ФНК тексте: «Национальный Комитет Свободной Франции».

² «Journal Officiel de la France Libre», 30. XII. 1941.

³ См. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 287.

тивления» и «вся Франция поднимается в сопротивлении»¹. К осени 1941 г. де Голль уже оценил значение Сопротивления как мощного военного и морально-политического фактора. «Мало-помалу создается широкое французское Сопротивление, и мы вправе считать, что оно будет оказывать все большее и большее влияние на военные действия и что в день окончательного триумфа союзников оно поставит французскую демократию, обновленную испытаниями, в уровень с победой», — говорил он 2 октября 1941 г. Предугадывая большую роль Сопротивления, де Голль стремился поставить его под свой контроль, подчеркивая, что Национальный комитет должен «объединить все французское Сопротивление, внутри и во вне страны»².

118

С июля 1941 г. БСРА приступила к переброске во Францию так называемых «групп действия», которые наряду с разведывательными преследовали и политические цели. Как видно из инструкций, полученных руководителем одной из «групп действия» — Форманом, их главная политическая задача состояла в установлении контроля над организациями Сопротивления. Форман должен был наладить связь с группой «Либерте», о существовании которой стало известно в Лондоне, и преобразовать ее в четырнадцать отдельных районных организаций, охватывающих всю южную зону; каждую организацию разделить на отрасли, занимающиеся подготовкой военизированных групп, информацией, саботажем и пропагандой³.

В октябре 1941 г. Форман сумел встретиться с руководителями «Либерте» Тетженом и де Мантоном, но они не проявили никакого желания выполнять его требования. Другие «группы действия» также не добились своих целей. «По правде сказать, практические результаты, которые мы получили от всех этих миссий, были почти равны нулю»⁴, — вспоминал начальник БСРА полковник Пасси.

Неудачи «групп действия» показали, что организации Сопротивления, пользовавшиеся полной самостоя-

---

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 63, 67.

² Ibid., p. 74.

³ M. Foot. SOE in France. An Account of the Work of the British Special Operation Executive in France. 1940—1944. London, 1966, p. 166.

⁴ Col Passy. Op. cit., t. I, p. 221.

тельностью, нельзя поставить под контроль простым приказом из Лондона. Единственный реальный путь заключался в их политическом объединении вокруг ФНК на основе конкретной политической программы. В октябре — ноябре 1941 г. де Голль выступил с рядом речей, свидетельствующих о его намерении демократизировать программу «Свободной Франции». В этих речах де Голль решительно высказывался против фашистского «тоталитаризма» Германии и Италии. Не сомневаясь, что в результате войны «весь экономический, политический, социальный и моральный порядок не может не претерпеть глубоких изменений», он предлагал строить будущий мир «на священных основах человеческой свободы, суверенитета народов и сотрудничества наций»; сделать так, чтобы в будущем «каждый имел возможность жить независимо от его расы или его мнений, даже в том случае, если он инвалид, болен или стар»¹. В речи де Голля от 15 ноября 1941 г., наиболее полно излагавшей обновленную политическую программу «Свободной Франции», в числе «девизов свободных французов» впервые официально фигурировали «Свобода, Равенство, Братство». Подчеркивая политический смысл этого нововведения, де Голль заявил: «Мы говорим «Свобода, Равенство, Братство», потому что хотим остаться верными демократическим принципам, которые дал нашим предкам гений нашей нации и которые являются ставкой в этой войне не на жизнь, а на смерть»².

Официально провозгласив верность демократическим принципам, де Голль облегчил возможность объединения всех патриотических сил на демократической основе. Для того чтобы практически приступить к объединению различных группировок Сопротивления под руководством ФНК, де Голль направил во Францию особые «политические миссии».

Первой из них была миссия И. Моранда, в прошлом активиста христианских профсоюзов, который после поражения Франции добрался до Лондона и присоединился к генералу де Голлю. 5 ноября 1941 г. Моранда был сброшен с парашютом в южной зоне, в районе Тулузы. Ему поручалось выяснить взгляды и намерения группи-

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 106, 80, 72.

² Ibid., p. 99.

ровок Сопrotивления, нелегальных политических партий и профсоюзных организаций, чтобы подготовить их объединение и присоединение к генералу де Голлю. Используя прежние знакомства, Моранда довольно быстро наладил связь с деятелями Социалистической партии и реформистских профсоюзов, участвовавших в движении Сопrotивления. Он познакомился с деятельностью «Либерасьон-Сюд» и позднее вошел в состав ее руководства. Однако Моранда не сумел добиться присоединения к де Голлю группировок Сопrotивления, лидеры которых питали большие сомнения относительно намерений главы «Свободной Франции». Решение этой задачи выпало на долю выдающегося деятеля французского Сопrotивления Ж. Мулена.

Жан Мулен, прах которого ныне покоится в Пантеоне, родился в 1899 г. в семье преподавателя истории, радикал-социалиста, горячего республиканца¹. Обладая большими способностями и исключительной волей, он сделал блестящую административную карьеру. В возрасте 39 лет Мулен стал самым молодым во Франции префектом департамента и начальником канцелярии министра Народного фронта, видного деятеля левого крыла партии радикал-социалистов П. Кот. Мулен «был человеком Народного фронта»², убежденным антифашистом, который стремился помочь республиканской Испании и выступал против позорной капитуляции в Мюнхене.

После поражения Франции правительство Виши сместило Мулена с должности префекта, и он посвятил себя организации движения Сопrotивления. В апреле—мае 1941 г. Мулен познакомился с Френэ, подробно обсудил с ним положение в организациях Сопrotивления и сообщил о своем намерении поехать в Лондон, к генералу де Голлю, чтобы доставить ему сведения о рождающемся французском Сопrotивлении. 9 сентября 1941 г. Мулен через Испанию и Португалию тайно выехал в Лондон и 20 октября добрался до своей цели.

По приезде в Лондон Мулен представил доклад британским властям и генералу де Голлю. Этот доклад,

¹ *H. Michel. Jean Moulin l'unificateur. Paris, 1964, p. 16.*

² *P. Meunier. Jean Moulin, Chef de la Résistance intérieure. — «L'Avenir de la Côte d'Or», juillet 1964, N 4.*

текст которого долго оставался неизвестным¹, заслуживает подробного рассмотрения, ибо он позволяет судить не только о взглядах Мулена и состоянии сил Сопротивления, но и о характере информации, на основе которой руководители «Свободной Франции» принимали свои решения. Мулен сообщал, что «население Франции теперь все больше и больше начинает сознавать силу Сопротивления и жаждет сбросить иго». В стране создались и активно действуют различные организации Сопротивления. «Другие группировки также ведут борьбу, с той же более или менее осознанной идеей освобождения страны. На первом месте мы должны упомянуть Коммунистическую партию, которая далеко превосходит всех своей активностью».

Конкретные сведения о деятельности организаций Сопротивления, почерпнутые, видимо, главным образом из беседы с Френэ, показывают, что информация Мулена была далеко не полной и не всегда точной. Называя себя — без особых оснований — посланником трех группировок южной зоны² («Либерте», «Движение национального освобождения» и «Либерасьон»), Мулен утверждал, что они «составляют главные организации Сопротивления захватчику во Франции», имеют свои ячейки, «грубо говоря, во всех департаментах как в оккупированной, так и в не оккупированной Франции» и работают «в трех главных направлениях: пропаганда, прямые действия и военные действия».

На самом деле эти организации занимались лишь разведывательной и пропагандистской деятельностью, причем только «Движение национального освобождения» имело ячейки в северной зоне, да и то не во всех департаментах. Реально существовавшие в оккупированной зоне организации Сопротивления остались тогда неизвестными Мулену. По-видимому, он не знал и о существовании группы «Фран-Тирер», действовавшей в южной зоне, а группу «Либерасьон-Сюд», от имени которой выступал, знал только понаслышке³.

Однако при всех пробелах и характерных для прак-

¹ Только в 1966 г. был опубликован английский перевод доклада Мулена, хранившийся в архивах английской разведки (*M. Foot. Op. cit., Appendix E. p. 489—498*).

² Эти организации формально не уполномочивали Мулена на поездку в Лондон и, возможно, не знали о ней.

³ *H. Michel. Jean Moulin l'unificateur, p. 48.*

тики Сопротивления преувеличениях общие контуры организаций Сопротивления и тенденции их развития были обрисованы в докладе правильно. Говоря об отличии организаций Сопротивления друг от друга, Мулен подчеркивал, что их основная цель заключается в освобождении страны. «Мы можем также прибавить — как естественное следствие — присоединение к делу Англии и генерала де Голля», — осторожно заметил Мулен.

122

Излагая планы дальнейшей деятельности групп Сопротивления (расширение пропаганды и саботажа, создание «бригад мстителей» и боевых групп «с целью возможного сотрудничества с союзниками на французской территории»), Мулен особенно подчеркивал значение вооруженной борьбы. Указывая, что «сотни тысяч французов» готовы воевать на стороне Англии, Мулен заявил: «Было бы безрассудно и преступно не использовать этих солдат, которые готовы на самые большие жертвы в случае широких операций союзников на континенте».

Наряду с военными Мулен выдвигал и политические аргументы, продиктованные классовыми интересами буржуазии. Если бойцы Сопротивления «не будут организованны, дисциплинированы, не будут подчиняться приказам и плану действий, если никакая организация не обеспечит их оружием, могут случиться две вещи, — говорилось в его докладе. — С одной стороны, мы будем свидетелями изолированных действий, обреченных на несомненный провал. С другой стороны, мы толкнем в руки коммунистов тысячи французов, которые горят желанием служить».

Решающим условием всех дальнейших успехов Сопротивления Мулен считал немедленную и всестороннюю помощь со стороны английского правительства и генерала де Голля. Он просил оказать организациям Сопротивления политическую и моральную поддержку, предоставить в их распоряжение средства связи и финансовую помощь (первоначально в размере 3 млн. фр. в месяц), наконец, обеспечить поставки оружия: на первой стадии — револьверов и автоматов, на второй — винтовок и пулеметов.

Доклад завершился характерной припиской:

«Следует ясно заявить, и я настаиваю на этих пунктах:

1. Что простой факт предоставления денег и оружия движению не предполагает пока возрастания численности и значения некоторых актов насилия. Цель состоит, во-первых, и прежде всего, в том, чтобы усилить пропаганду и организовать возможные совместные действия на будущее.

2. Что не может быть вопроса о помощи революционному движению против правительства Виши (по крайней мере без предварительного согласования с Лондоном). Вопрос состоит единственно в борьбе против немцев и вишистов, причем последние должны рассматриваться как противники лишь постольку (и в той мере), поскольку они помогают врагу».

Доклад Мулена и его личность произвели сильное впечатление как на английские власти, так и на генерала де Голля. Мулен оказался первым представителем внутреннего Сопротивления, прибывшим в Лондон. Это был не рядовой боец, а крупный чиновник и администратор, в классовом отношении близкий к де Голлю, обладавший большими связями и ценной информацией. Полученные от Мулена сведения впервые дали руководителям «Свободной Франции» более или менее правильные представления о движении Сопротивления, которое до этого времени «рассматривалось в Лондоне только как резерв для вербовки агентов, занимающихся сбором разведывательных данных»¹. В то же время Мулен в решающей степени способствовал объединению сил Сопротивления вокруг де Голля. Прибыв в Лондон как представитель внутреннего Сопротивления, он вернулся во Францию как делегат де Голля с задачей объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение руководству «Свободной Франции».

24 декабря 1941 г. де Голль вручил Мулену предписание: «Назначаю префекта Ж. Мулена своим представителем и уполномоченным Национального комитета в неоккупированной непосредственно зоне метрополии. Мулену поручается осуществить в этой зоне единство действий всех лиц, сопротивляющихся врагу и его пособникам. В выполнении своего задания Мулен отчитывается лично передо мной»². Согласившись выполнять директивы де Голля, Мулен стал вторым (после Моран-

¹ Н. Michel. Jean Moulin l'unificateur, p. 48.

² Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 780 (документы).

да) политическим эмиссаром «Свободной Франции» на территории метрополии. Его задачи и полномочия были значительно шире, чем задачи всех остальных агентов «Свободной Франции». Он получал в свое распоряжение значительные финансовые средства, радиостанцию, агентов связи и подчинялся лишь генералу де Голлю. В ночь на 1 января 1942 г., захватив микрофотокопию предписания де Голля и 500 тыс. фр., Мулен в сопровождении радиста и связного спрыгнул с парашютом в южной Франции, недалеко от города Монпелье. Связи «Свободной Франции» с движением внутреннего Сопротивления стали приобретать систематический характер.

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

Когда началась Великая Отечественная война, немецко-фашистские оккупанты стремились компенсировать ослабление своих сил во Франции массовым террором против поработанного населения. С тактикой «корректного обращения» с населением было покончено. В ночь на 22 июня 1941 г. органы гестапо во Франции провели массовые облавы на коммунистов и прогрессивных деятелей, сочувствовавших Советскому Союзу.

14 августа 1941 г. командующий оккупационными войсками во Франции генерал Штюльпнагель обнародовал приказ, официально карающий «всякую коммунистическую деятельность» смертной казнью¹. Смертная казнь могла также применяться к участникам забастовок и любых действий, «нарушающих мир на производстве»². Однако волна террора и угроза смертной казни не остановили коммунистов. Коммунистическая партия первой из всех организаций Сопротивления призвала французский народ к вооруженной борьбе против оккупантов и Виши.

Коммунисты и комсомольцы стали расширять масштабы боевых действий вооруженных групп ОС, групп антифашистов-эмигрантов (МОИ), «Батальонов молоде-

¹ «L'Oeuvre», 15. VIII. 1941.

² «Législation de l'occupation...», t. VI, p. 430.

жи», численность которых сначала была очень невелика. По свидетельству А. Узюльяса, на первом собрании членов «Батальонов молодежи» Парижского района в августе 1941 г. было представлено около двух десятков боевых групп¹, состоящих из двух-трех человек. Таким образом, число активных бойцов «Батальонов молодежи» Парижского района не превышало 50—60 человек. Общая численность всех участников организации «Батальонов молодежи» Парижского района, включая лиц, занимавшихся разведкой, добычей оружия, обеспечением связи и т. п., определяется примерно в 200 человек². Отряды, действовавшие в департаментах Нор и Па-де-Кале, были еще меньше. Если мы учтем, что кроме «Батальонов молодежи» существовали группы ОС и МОИ, то можно прийти к выводу, что общая численность боевых групп летом 1941 г. составляла несколько сот человек.

Наряду с французскими коммунистами и комсомольцами в этих группах сражались антифашисты самых различных национальностей: испанцы, немцы, итальянцы, венгры, поляки, евреи, армяне и др. В группе, командиром которой был Ж. Брюстлейн, кроме французов воевали евреи и алжирцы. Во всей своей деятельности они были тесно связаны с немецкими антифашистами. В группе, руководимой И. Керменом, сражались немецкие, итальянские и испанские антифашисты. Так с первых дней боевой деятельности проявился глубокий интернационализм коммунистов.

Наиболее простой и распространенной формой вооруженной борьбы сначала были диверсии на предприятиях и железных дорогах, обслуживавших оккупантов. После нападения Германии на Советский Союз их количество резко увеличилось. Если с августа по декабрь 1940 г. было зарегистрировано семь диверсий на железных дорогах и 46 повреждений, вызванных бомбардировками английской авиации, то с июля по декабрь 1941 г. отмечено 148 диверсий при практически неизменном количестве бомбардировок (42)³.

В августе 1941 г. коммунисты организовали ряд покушений на немецких офицеров в Париже, чтобы при-

¹ А. Ouzoulias. Op. cit., p. 118.

² «Témoignage d'A. Ouzoulias».

³ А. Ouzoulias. Op. cit., p. 475.

дать вооруженной борьбе широкий политический резонанс. Члены «Батальонов молодежи» М. Ле Берр и А. Манюэль ночью убили немецкого офицера. Оккупационные власти предпочли не сообщать об этом покушении, и оно осталось малоизвестным. Зато следующее покушение, организованное группой, в которую входили Фабиен, Ж. Брюстлейн, А. Гэскен и Ф. Залкинов, стало известно всей стране. Утром 21 августа 1941 г. на станции метро «Барбес-Рошешуар» Фабиен застрелил немецкого офицера¹. Оккупационные власти и правительство Виши развернули по этому поводу шумную пропагандистскую кампанию, используя покушение как предлог для усиления репрессий и официального введения системы заложников. 23 августа правительство Виши приняло закон о борьбе «против коммунистической и анархистской деятельности»,² предусматривавший смертную казнь для коммунистов. Вопреки обычным нормам правосудия этому закону, лживо датированному 14 августа, чтобы скрыть его связь с выстрелом Фабиена, придавалась обратная сила. 7 сентября 1941 г. правительство Виши учредило Государственный трибунал, ведению которого подлежали все действия, могущие «нарушить порядок, внутренний мир, общественное спокойствие, международные отношения или вообще повредить французскому народу»³. Трибунал получил полномочия приговаривать обвиняемых к смертной казни без права обжалования, а безгранично широкая формулировка обвинения могла быть использована против любого патриота, несогласного с правительством Виши.

Выступая по радио, Петэн назвал действия патриотов «преступными» и призвал население помогать в поисках «виновных»⁴. В свою очередь оккупанты объявили заложниками, отвечающими жизнью за безопасность немецких солдат и офицеров, всех французов, находя-

¹ Во многих работах это событие датируется 23 августа, по-видимому, по дате немецкого объявления, извещавшего о покушении. Однако в самом тексте объявления ясно указано, что покушение произошло 21 августа (см. сборник документов: *P. Bourget et Ch. Lacretelle. Sur les murs de Paris. Paris, 1959, p. 65*).

² *J. O.*, 23. VIII. 1941, p. 3550—3551.

³ *J. O.* 10. IX. 1941, p. 38 S 1.

⁴ *F. Paepcke. Quelques discours du maréchal Pétain. Leipzig, 1942, p. 64.*

щихся под арестом. 16 сентября 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования Германии фельдмаршал Кейтель издал специальный приказ, который, как выяснилось на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, действовал всю войну и касался «всех оккупированных территорий на Востоке и на Западе», включая Францию¹. В приказе Кейтеля, в частности, говорилось: «...следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия»².

В октябре 1941 г., после того как боевые группы ОС во главе с Ж. Брюстлейном и П. Ребьером организовали новые успешные покушения на немецких офицеров в городах Нант и Бордо, оккупанты приступили к массовым расстрелам заложников. 21 октября было объявлено о расстреле 50 заложников близ Нанта (в концентрационном лагере около г. Шатобриан), а 23 октября — 50 заложников в Бордо³. Оккупанты грозили расстрелять еще 100 заложников, если в течение трех дней не будут найдены участники покушений. Большинство заложников, погибших под пулями гитлеровцев, были коммунистами, арестованными и выданными на расправу вишистской полицией по списку, составленному министром внутренних дел Виши П. Пюше.

Все коммунисты пошли на смерть с исключительным мужеством, пением «Марсельезы» и возгласами: «Да здравствует Франция! Да здравствует Россия! Да здравствует Коммунистическая партия! Долой Гитлера!» Доктор Тенин крикнул по-немецки: «Вы увидите, как умирает французский офицер!» Секретарь профсоюза металлистов Парижского района Ж.-П. Тембо воскликнул: «Да здравствует немецкая коммунистическая партия!»⁴.

¹ IMT, vol. VI, p. 123.

² «Преступные цели — преступные средства». М., 1963, стр. 82. Ср. DGFP, vol. XIII, p. 541—543.

³ P. Bourgel et Ch. Lacretelle. Op. cit., p. 75—76.

⁴ F. Grenier. Ceux de Chateaubriant. Paris, 1961, p. 51—84, 92.

Расстрелы в Шатобриане и Бордо глубоко потрясли всю Францию. Впервые была расстреляна такая большая группа заведомо невиновных, пользовавшихся большим авторитетом людей, причем казнь ожидала еще 100 заложников. Французы были возмущены, и правительство Виши поняло, что на него ляжет ответственность за смерть патриотов. Петэну пришлось обратиться к Гитлеру с просьбой не расстреливать оставшихся заложников, так как правительство Виши хочет само «найти и наказать виновных»¹.

Оккупанты тоже были встревожены неожиданным для них подъемом национальных чувств французов. Абец доложил в Берлин, что казнь оставшихся заложников вызовет «возмущение репрессиями, которые, по мнению местного населения, непропорционально велики». Абец предлагал отложить казнь, используя в качестве предлога провокационное утверждение, будто население помогает оккупантам в розыске преступников². С согласия Гитлера оккупационные власти опубликовали официальное сообщение, в котором лживо утверждалось, что якобы французское население помогло арестовать участников покушения и поэтому оставшиеся заложники не будут казнены, а родственников доносчиков освободят из плена³. На деле это был очередной пропагандистский маневр. Расстрелы заложников продолжались. 15 декабря 1941 г. был расстрелян редактор «Юманите» Г. Пери. В предсмертном письме он писал: «Пусть мои друзья знают, что я остался верным тому идеалу, которому служил всю жизнь; пусть мои соотечественники знают, что я умираю за то, чтобы жила Франция». В марте 1942 г. гитлеровцы расстреляли члена Политбюро ЦК ФКП Пьера Сема-ра. За несколько минут до расстрела он заявил: «Я жду смерти спокойно; я покажу моим палачам, что коммунисты умирают, как патриоты, как революционеры»⁴. Всего за время войны под пулями оккупантов погибло 29 660 французских патриотов, расстрелянных в качестве заложников, в том числе 11 000 заложников — в Париже⁵.

¹ DGFP, vol. XIII, p. 684.

² Ibid., p. 685.

³ P. Bourget et Ch. Lacretelle. Op. cit., p. 76.

⁴ «Письма расстрелянных коммунистов». М., 1949, стр. 23, 21.

⁵ IMT, vol. VI, p. 135.

После начала Великой Отечественной войны не только коммунисты, но и некоторые участники буржуазно-патриотических организаций Сопротивления пришли к мысли о необходимости более активной борьбы против захватчиков. Печать ряда группировок Сопротивления стала доказывать, что, не участвуя в борьбе, Франция лишает себя права быть среди держав-победительниц. «Если мы будем только ждать возвращения целостности нашей территории от усилий других наций, воюющих против Гитлера, мы откажем себе в праве говорить на равных в день Мирного договора; станем должниками, которым оказывают милостыню, причем не бескорыстно»¹, — писала, например, газета «Резистанс». Предлагая «ждать спасения не от заграницы, а от самих себя»², буржуазно-патриотические организации Сопротивления расширили рекомендуемые ими методы «пассивного сопротивления». К известным методам: пропаганде, бойкоту, разведывательной деятельности — прибавились саботаж в промышленности и на транспорте, отказ продавать немцам продовольствие, наказание изменников-коллаборационистов. Однако призывов к стачкам, массовым демонстрациям и вооруженной борьбе еще не было. Лидеры буржуазно-патриотических организаций не верили в успех вооруженной борьбы. Они боялись «хаоса», «беспорядков»³, «анархии»⁴ и предпочитали отложить активные боевые действия до «дня икс», т. е. до высадки во Франции англо-американских войск, которые помогли бы буржуазии удержать власть.

Особенную остроту вопрос о вооруженной борьбе приобрел после первых покушений на немецких солдат и офицеров и последовавших за ними расстрелов заложников. Казни заложников вызвали во Франции взрыв возмущения и желание отомстить палачам. Как признавал главный агент БСРА в северной зоне полковник Реми, «расстрелы пробудили французов»⁵. После первых расстрелов заложников вишистская полиция обнаружила рукописные «голлистские листовки» мест-

¹ «Résistance», 15. VIII. 1941.

² «Défense de la France», 15. VIII. 1941.

³ «Libération» (Z. S.) N 2, août 1941.

⁴ «Défense de la France». Décembre 1941.

⁵ Rémy. Mémoires d'un agent secret de la France Libre, t.I. Juin 1940 — juin 1942. Paris, 1947, p. 456.

ного происхождения, «угрожающие коллаборационистам и ставящие в порядок дня саботаж и убийство чинов оккупационных войск»¹.

Негодование и протест против расстрелов заложников, возмущение позицией вишистской «официальной Франции», которая «покрыла себя позором и трусостью»², выразила вся нелегальная печать. Вместе с тем газеты основных буржуазно-патриотических организаций Сопротивления выступили против преждевременных, по их мнению, покушений на немецких солдат и офицеров. Наиболее категорично высказалась «Либерасьон-Нор»: «Мы считаем абсолютно бесполезными изолированные покушения, совершаемые против личного состава оккупационных войск, — говорилось в ее передовой статье. — Убийство немецкого солдата где-нибудь ночью на перекрестке никак не может повлиять на судьбу войны. Этот акт никак нельзя сравнивать с необходимым саботажем техники, транспорта и особенно военного производства. Итак, наша позиция совершенно ясна: в настоящий момент мы не советуем предпринимать какие-либо индивидуальные действия, кроме саботажа»³. Газета «Дефанс де ля Франс» опубликовала специальное «извещение», в котором говорилось: «Французы, вы еще не самые сильные. Умейте ждать. Уничтожение немцев преждевременно. Платить десятью за одного — это слишком дорого. Сохраняя нетронутой вашу ненависть, сохраняйте также ваше хладнокровие. Наш день придет!»⁴.

Против покушений на немецких солдат и офицеров выступили руководители «Свободной Франции». В речи по радио 23 октября 1941 г. де Голль, осудив Виши и признав, что «абсолютно оправданно, что французы убивают немцев», все же дал приказ «не убивать немцев». Оправдывая такую тактику, он говорил: «Это необходимо по одной, но очень веской причине: в настоящий момент врагу было бы слишком легко дать отпор путем убийств наших временно безоружных бойцов. Напротив, как только мы будем в состоянии все вместе перейти в атаку извне и изнутри, вы получите желан-

¹ ЦГАОР, ф. 3А-14, оп. 1, д. 5.

² «Vérités», 5. X. 1941.

³ «Libération» (Z. N.), 29. IX. 1941.

⁴ «Défense de la France» N 2, 10 septembre 1941.

ные приказы. До этого момента — терпение, подготовка, решимость»¹.

Массовые расстрелы заложников поставили сложные проблемы и перед коммунистами. «Вражеская пропаганда обвиняла нас в том, что мы проливаем кровь своих товарищей. Пытались обратить против нас ненависть, которую нацисты вызвали расстрелами заложников»², — говорил Ж. Дюкло в речи на Пленуме ЦК ФКП 31 августа 1944 г. У некоторых участников вооруженной борьбы возникали сомнения, не являются ли покушения на немецких солдат и офицеров переходом к тактике индивидуального террора, отвергаемого коммунистами. «Не все парни еще хорошо поняли, что война состоит в том, чтобы уничтожить врага. И что, прежде чем получить возможность уничтожить его целыми полками, надо было действовать своими собственными силами и расправляться с врагами поодиночке»³, — вспоминал Ж. Брюстлейн.

131

Коммунистическая партия должна была тогда бороться против двух ошибочных тенденций. «С одной стороны, против тех, которые говорили: «Все для вооруженной борьбы» — и пренебрегали другими формами сопротивления, создавая опасность отрыва партии от масс. С другой стороны, против тех, у кого политическое сознание отставало от имеющихся возможностей, кто говорил: «Никаких индивидуальных действий», не замечая, что изолированные действия составляли лишь начало и что они были необходимы для подготовки подлинно народной вооруженной борьбы в последующие годы»⁴.

Руководство Коммунистической партии преодолело ошибочные взгляды и твердо взяло курс на сочетание всех форм борьбы против оккупантов и предателей, при всемерном расширении вооруженной борьбы. Боевые организации были перестроены. «Руководство Коммунистической партии отделило вооруженные группы взрослых и молодежи от политической организации, чтобы

---

¹ «Discours et messages du général de Gaulle», p. 84—85. В мемуарах де Голля приведен измененный текст этой речи: «Немцев открыто не убивать» (*Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 291*).

² J. Duclos. Les communistes dans la bataille pour la libération de la France, p. 5.

³ «Humanité-Dimanche», 20. VIII. 1950.

⁴ «Le Parti communiste français dans la Résistance», p. 158.

лучше обеспечить их безопасность»¹. Одновременно группы ОС, «Батальонов молодежи» и МОИ объединились в одну военную организацию. В октябре 1941 г. Компартия сформировала Национальный военный комитет, сосредоточивший в своих руках руководство всеми вооруженными группами.

С октября 1941 г. Национальный военный комитет издавал газету под характерным названием «Мститель». Ее редактором был известный деятель профсоюзного движения Э. Энафф, бежавший из концентрационного лагеря в Шатобриане накануне нападения Германии на Советский Союз. По образцу Национального военного комитета постепенно создавались районные (департаментские) и межрайонные (областные) военные комитеты, являвшиеся органами военного руководства на местах. Важнейшим из них был Комитет Парижского района.

132

Объединенная военная организация некоторое время сохраняла наименование «Специальной организации» (ОС). Затем она называлась «Особые работы» (ТР) и, наконец, в начале 1942 г. в соответствии с традициями французских франтиреров 1870 г. и советских партизан² приняла название «Французские франтиреры и партизаны» (ФТП или ФТПФ). С этого времени газета «Мститель» сменила название на «Франс д'Абор» («Франция прежде всего»).

Несмотря на террор, группы франтиреров и партизан постепенно расширяли боевые действия. Согласно немецким документам, обнаруженным Комитетом по истории второй мировой войны, только в декабре 1941 г. в Парижском районе было зарегистрировано 221 покушение против оккупантов³.

Конечно, по сравнению с потерями немецко-фашистских войск на фронтах второй мировой войны и особенно на советско-германском фронте эти цифры невелики. Однако даже ограниченные партизанские действия вынуждали немецкое командование держать в стране добавочные контингенты войск, подрывали моральный дух оккупантов, ослабляли немецкий тыл. Действия партизан имели не только военное, но и полити-

¹ A. Ouzoulias. Op. cit., p. 139.

² J. Duclos. Mémoires, vol. III. Première partie, p. 9.

³ Chronologie de la Résistance Française (1940—1945). Paris, 1959, p. 22.

ческое значение. Они доказывали, что народы оккупированных стран не покорились захватчикам и продолжают борьбу за свободу.

Вооруженная борьба во Франции приобрела новый размах после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 года. Первое крупное поражение фашистской Германии и последующее наступление Советской Армии, продолжавшееся до весны 1942 г., а также вступление в войну Соединенных Штатов Америки — все это убедило французских патриотов, что «окончательный результат не вызывает больше сомнений: Гитлер не будет диктовать свою волю Европе»¹.

Коммунисты считали, что уже весной 1942 г. во Франции сложились необходимые условия для массовой освободительной борьбы и создания второго фронта. «Число немецких солдат, находящихся во Франции, сравнительно с числом французов и француженок, решивших действовать и сражаться, чтобы покончить с ними, крайне невелико, — писала «Юманите» 1 мая 1942 г. — Мы видим, что создаются благоприятные условия для развертывания широких и мощных действий народных масс против захватчиков. Эти действия могут облегчить создание второго фронта против Гитлера на Западе и, следовательно, значительно приблизить час крушения нацизма, час вызволения Родины»². Коммунистическая печать советовала рабочим готовить всеобщую стачку, устраивать уличные демонстрации под охраной боевых групп; захватывать продовольственные склады, магазины и раздавать продукты населению. Она предлагала крестьянам сопротивляться реквизициям с вилами и ружьями в руках, развертывать массовую вооруженную борьбу. «Пусть повсюду земля горит под ногами захватчиков, пусть их патрули на демаркационной линии не чувствуют себя в безопасности; пусть их часовые слышат, как ночью бродят вокруг них неуловимые враги; пусть горят заводы, пусть взрываются машины, пусть поезда сходят с рельс, пусть течет кровь бошей, пусть начнется наказание изменников»³, — призывали

¹ «Libération» (Z. N.), 25. I. 1942.

² «L'Humanité», 1. V. 1942.

³ «Cahiers du Bolchévisme», 1-er et 2-e trimestre 1942, p. 13.

коммунисты. Добиваясь всемерного расширения вооруженной борьбы, Компартия подчеркивала, что отдельные боевые операции приобретают особый смысл и значение в связи с перспективой «всеобщего ополчения народа против захватчиков»¹ и национального освободительного восстания.

Впервые вопрос о национальном восстании был поставлен в «Юманите» в мае 1942 г. «Коммунисты должны понять, — говорилось в майском выпуске «Юманите», — что их долг состоит в том, чтобы бороться уже сейчас, с решимостью и инициативой, во главе народных масс, воспитывая ненависть к захватчикам и предателям, так, чтобы завтра можно было осуществить восстание всей Нации, чтобы завоевать Свободу и Независимость, чтобы изгнать захватчиков с французской земли»². В течение лета 1942 г. Коммунистическая партия неоднократно указывала, что национальное восстание является главной целью освободительной борьбы. «Цель, которой мы должны достичь, чтобы освободить страну, — это вооруженное восстание всего народа против захватчиков, — подчеркивала «Юманите» в июле 1942 г. — Такое восстание может быть лишь результатом подготовительной работы и предварительных действий, осуществляемых группами франтиреров и партизан, которые являются авангардом вооруженного народа»³.

Таким образом, Коммунистическая партия первой из всех группировок Сопротивления, действовавших во Франции, выдвинула идею национального вооруженного восстания и предложила начать подготовку к нему.

Национальное восстание могло иметь наибольшие шансы на успех в момент обещанной правительствами Англии и США в течение 1942 г. высадки союзных войск во Франции. В связи с этим коммунисты подчеркивали, что «момент для создания второго фронта на западе Европы никогда не был столь благоприятным»⁴ и что активная

¹ «Cahiers du Bolchévisme», 1-er et 2-e trimestre 1942 p. 77.

² «L'Humanité», mai 1942. Numéro spécial.

³ «L'Humanité», 10. VII. 1942.

⁴ «L'Humanité», août — septembre 1942. Numéro spécial.

вооруженная борьба французского народа облегчит и ускорит высадку союзников.

Летом 1942 г., когда основные силы фашистской армии вели наступление на советско-германском фронте, Коммунистическая партия потребовала от всех коммунистов «поставить на первый план проблему быстрого развития движения франтиреров и партизан»¹. В качестве первого шага в этом направлении она приняла решение направить в партизанские отряды 10% своих членов. В партийных организациях началась «широкая кампания набора добровольцев, которые вольются в отряды франтиреров и партизан»². В ходе этой кампании партии пришлось преодолеть серьезные трудности. Зная, как трудна и опасна вооруженная борьба (в среднем в Париже франтирер мог «продержаться» до ареста и гибели около шести месяцев)³, «некоторые активисты» говорили, что товарищи, направляемые в партизанские отряды, «приносятся в жертву»⁴. С другой стороны, находились работники, считавшие, что все коммунисты должны уйти в партизанские отряды. Они забывали, что Коммунистическая партия — «это политическая организация, деятельность которой распространяется на все вопросы, касающиеся жизни страны, и которая не может ограничиваться только военными вопросами»⁵.

135

Партийное руководство осудило эти ошибочные тенденции и потребовало «принять энергичные меры, чтобы действительно обеспечить немедленное вступление 10% членов различных партийных организаций в отряды ФТП»⁶. Компартия призывала «не давать покоя неприятелю»; вооружаться отнятым у врага оружием; «сражаться, сражаться и сражаться»⁷. Осенью 1942 г., когда вооруженная борьба достигла большой остроты, «Франс д'Абор» выдвинула получивший широкую известность лозунг: «Каждому — по башу»⁸. Для того чтобы придать партизанскому движению возможно более массовый характер, было решено принимать в отряды

---

¹ «La Vie du Parti», août 1942, p. 5.

² «L'Humanité», 31. VII. 1942.

³ A. Ouzoulias. Op. cit., p. 112.

⁴ «La Vie du Parti», août 1942, p. 8.

⁵ Ibid., p. 5.

⁶ Ibidem.

⁷ «L'Humanité», 31. VII. 1942.

⁸ «France d'Abord», octobre 1942. Numéro spécial.

франтиреров не только коммунистов, но и патриотов других политических убеждений. В результате боевые группы Коммунистической партии постепенно стали превращаться в широкую патриотическую организацию, дополнявшую в военной области деятельность Национального фронта.

Главный удар руководство ФТП наносило по наиболее уязвимому месту противника — его транспорту. Постоянными диверсиями и саботажем на железных дорогах и каналах, нападениями на паровозы, баржи, пароходы, автомашины они стремились парализовать немецкие военные перевозки. Чаще всего франтиреры применяли простейшие массовые средства борьбы, доступные даже безоружным патриотам: отвинчивание гаек на железных дорогах, порчу стрелок, тормозов и других важных деталей. Операции планировались таким образом, чтобы выводить из строя одни и те же, наиболее дефицитные детали, наносить одновременные удары по ряду железных дорог, добиваясь изоляции целых районов.

В ходе боевых операций были выработаны и проверены на опыте основные принципы тактики партизан — тесная связь с населением, быстрота, подвижность, действия мелкими группами. Важнейшим условием успеха партизанских действий коммунисты справедливо считали связь с массами. Без нее небольшие и плохо вооруженные группы франтиреров не могли бы противостоять превосходящим силам полиции и тем более регулярных войск. Только помощь со стороны населения, которое укрывало и кормило партизан, спасала их от разгрома.

Как указывалось в центральном печатном органе ФТП, низовой тактической единицей франтиреров и партизан являлась боевая группа из семи-восьми человек, делившаяся на два звена: головное и поддерживающее. Звенья должны были действовать по преимуществу из засады; внезапно нападать и стремительно исчезать, не вступая в невыгодные оборонительные бои¹.

Постепенно на практике установилось деление партизан на две категории: «сидячих» и «летучих». «Сидячие» партизаны оставались на легальном положении, днем работали, а ночью проводили боевые операции.

---

¹ «France d'Abord», octobre 1942. Numéro spécial.

«Летучие» партизаны находились на нелегальном положении, постоянно передвигались (обычно на велосипедах) и осуществляли операции в самых различных районах. «Сидячие» и «летучие» партизаны сохраняли контакт друг с другом, объединялись для проведения боевых операций, нередко действовали под общим командованием.

В июне 1942 г. в Парижском районе был создан первый партизанский лагерь, подобный тем, которые позднее назывались «маки». В нем находилось около десятка партизан во главе с М. Ле Берром, которые действовали во всем Парижском районе¹. Сходный характер носили и операции отряда «Вальми», руководимого Фабиемом. Действия этих отрядов в стычках с полицией осенью 1942 г. предвосхищали те методы партизанской войны, которые в 1943—1944 гг. широко распространились по всей Франции.

Успехи Советской Армии, ожидание высадки союзных войск во Франции, пример коммунистов, которые успешно вели вооруженную борьбу, не могли не повлиять на позиции буржуазных деятелей Сопротивления. Они учитывали, что рядовые участники Сопротивления «все хотят сражаться»², и старались приспособить свою тактику к новым условиям. В апреле 1942 г., после того как Лаваль вернулся в правительство Виши, генерал де Голль впервые официально призвал вести борьбу «всеми средствами», включая национальное восстание. «Долг каждого француза и каждой француженки состоит в том, чтобы активно бороться всеми средствами, находящимися в их распоряжении, одновременно и против самого врага, и против вишистов, которые являются сообщниками врагов,— говорил де Голль, выступая по радио 18 апреля 1942 г.—Национальное освобождение не может быть отделено от национального восстания»³. Хотя мысль о национальном восстании никак не конкретизировалась, а затем долго не повторялась де Голлем, сам факт ее провозглашения был весьма знаменателен. Признание необходимости националь-

¹ A. Ouzoulias. Op. cit., p. 277, 341.

² M. Granet et H. Michel. Combat, p. 161.

³ Général de Gaulle. La France n'a pas perdu la guerre. New York, 1944, p. 148.

ного восстания и борьба «всеми средствами» объективно воспринимались как выступление против атлантизма, способствовали активизации вооруженных действий.

К лету 1942 г. наметились серьезные сдвиги в деятельности буржуазно-патриотических организаций Сопротивления. Их печать стала публиковать сведения о стачках и демонстрациях, призывать к мщению фашистским палачам, с одобрением отзываться о фактах вооруженной борьбы. На страницах нелегальных газет появляются заявления, что «пропаганда — это лишь прелюдия к действиям», что французский народ должен участвовать в борьбе, ибо «никто другой не освободит его от цепей, никто другой не уничтожит его врагов и внутренних коллаборационистов»¹.

138

В значительной степени эти сдвиги объяснялись общим подъемом освободительной борьбы и надеждами на скорое освобождение, однако важным фактором, толкавшим буржуазных деятелей Сопротивления к новой тактике, были и классовые интересы буржуазии. Руководители буржуазно-патриотических организаций опасались, что освобождение Франции будет сопровождаться глубокими социальными потрясениями, исход которых трудно предугадать. «Мы знаем, — писала «Фран-Тирер», — что, когда вражеские колонны будут отступать, в стране произойдут огромные потрясения. Эти потрясения сбросят с пьедестала прогнивших идолов Виши. Но каковы будут дальнейшие порывы изголодавшегося и ожесточившегося народа, никто не может с уверенностью предвидеть»². Лидеры буржуазных группировок Сопротивления, по их собственным словам, «дрожали при мысли о гражданской войне»³. Единственный путь для ее предотвращения они видели в том, чтобы «канализировать» стихийные порывы народа, возглавить и контролировать их. Главной предпосылкой успеха этого плана был захват власти в момент освобождения Франции. «Чтобы избежать беспорядков и гражданской войны, мы видим одно, и только одно средство, — откровенно заявляли лидеры «Фран-Тирер». — Это немедленное взятие власти сильным правительством»⁴. Взятие власти они представляли себе в

¹ «Libération» (Z. S.), 3. VI. 1942; «Le Franc-Tireur», juillet 1942.

² «Le Franc-Tireur» N 2 de mars 1942.

³ «Libération» (Z. N.), 25. I. 1942.

⁴ «Le Franc-Tireur» N 2 de mars 1942.

виде военного переворота или восстания, осуществляемого в момент освобождения страны англо-американскими войсками. Для этого нужно было располагать вооруженными силами, способными захватить важнейшие государственные посты и не допустить к власти коммунистов.

Летом 1942 г. «Комба», уже имевшая небольшие «добровольческие группы», которые возглавил адвокат Ж. Ренувен, приступила к организации так называемой «Тайной армии». В отличие от добровольческих групп она не должна была участвовать в текущих боевых операциях. Члены «Тайной армии» давали лишь обещание в нужный момент выступить с оружием в руках¹. Отсутствие оружия и боевого опыта делало такое выступление малоэффективным в военном отношении. Однако оно могло сыграть большую роль в захвате власти.

Параллельно с «Тайной армией» руководство «Комба» создало особую «Службу проникновения в администрацию» (НАП). Служба НАП должна была вербовать сторонников среди вишистской администрации «с тройной целью: сбора сведений, отбора будущих кадров для освобожденной Франции и подготовки внутреннего восстания»² (т. е. захвата власти). Высший смысл ее деятельности заключался в том, чтобы «обеспечить завоевание власти без смут и потерь при помощи ряда небольших дворцовых переворотов»³.

Начало широкой вооруженной борьбы буржуазно-патриотические организации откладывали до высадки союзных войск в Европе. В ожидании этого момента патриотам советовали ограничиваться саботажем, сохранять «методическое, обдуманное, дисциплинированное терпение», ожидая, что «оружие прибудет вовремя, в тот день, когда оно нам понадобится»⁴, вместе с соответствующими приказами. Фактически лишь добровольческие группы «Комба», в которых было немало рабочих, иногда нападали на предателей и коллаборационистов. В октябре 1942 г. «Комба» впервые сообщила о действиях этих групп, осуществивших шесть взры-

¹ M. Granet et H. Michel. Op. cit., p. 159.

² R. Hostache. Op. cit., p. 237.

³ H. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 304.

⁴ «Libération» (Z. N.), 4. IV. 1942; «Le Franc-Tireur», septembre 1942.

вов и покушений против центров фашистской пропаганды и имущества заядлых коллаборационистов в Ницце и Лионе¹. Однако боевые группы «Комба» не нападали на оккупантов (которых не было в южной зоне), а масштабы их действий против коллаборационистов оставались ограниченными.

Мало внимания буржуазно-патриотические организации уделяли таким формам массовой борьбы, как стачки или демонстрации, тем более, что сил у них было недостаточно. Только «Либерасьон-Сюд» ввела в своей газете специальный раздел «Сопrotивление рабочих и крестьян» и в апреле 1942 г. впервые предварила сведения о стачках и демонстрациях заголовком: «Пример для подражания»². В специальных «Советах крестьянам» «Либерасьон-Сюд» рекомендовала представлять властям заниженные данные об урожае и поголовье скота, прятать продовольствие, продавать его непосредственно потребителям, срывать реквизиции³.

Другие буржуазно-патриотические организации в это время еще не делали попыток установить связь с массами трудящихся.

ОСУЖДЕНИЕ ВИШИ И ПРИЗНАНИЕ ДЕ ГОЛЛЯ

С начала Великой Отечественной войны, и особенно после возвращения к власти Лаваля, престиж правительства Виши и лично Петэна постоянно падал. Все обещания, которые давал Петэн в момент прихода к власти, оказались невыполненными. Франция не получила мирного договора, основная масса французских военнопленных оставалась в Германии, жизненный уровень населения резко снизился. Вопреки надеждам вишистов оккупанты не только не предоставили Франции каких-либо компенсаций за «сотрудничество», но, напротив, еще более увеличили свои требования. Почти вся французская промышленность работала теперь на Германию. Оккупанты беззастенчиво грабили Францию, выкачивали из нее сырье, продовольствие, промышленные товары. Выступая на совещании немецких комис-

¹ «Combat», octobre 1942.

² «Libération» (Z. S.), 5. IV. 1942.

³ Ibidem.

саров по управлению оккупированными территориями 6 августа 1942 г., Геринг цинично говорил: «Сотрудничество с господами французами я рассматриваю лишь следующим образом, пусть они поставляют нам все, что могут до предела своих возможностей. Если они это сделают добровольно, я скажу, что я сотрудничаю. Если они поглощают все сами, тогда они не сотрудничают»¹.

С лета 1942 г. в связи с тяжелыми потерями на советско-германском фронте гитлеровцы при содействии правительства Виши приступили к массовому вывозу (депортации) французских рабочих и молодежи в Германию. Сначала эта кампания проходила под лживым лозунгом «замены пленных»: за каждого трех рабочих, прибывших в Германию, было обещано возвращение одного военнопленного. Поскольку агитация в пользу «замены пленных» не дала ожидаемых результатов, правительство Виши под нажимом Германии 4 сентября 1942 г. приняло закон об обязательной трудовой повинности (СТО): мужчины с 18 до 50 лет и незамужние женщины с 21 года до 35 лет могли привлекаться «к исполнению любых работ, которые правительство сочтет полезными для высших интересов нации»². В течение 1943 г. на основе закона о СТО правительство Виши неоднократно проводило «трудовые мобилизации» рабочих, служащих, учащихся и студентов на принудительные работы в Германию. К лету 1944 г. в Германии работало 963 тыс. французских рабочих и военнопленных. Кроме того, 735 тыс. рабочих были использованы в строительстве немецких оборонительных сооружений на территории Франции³.

Сотрудничество правительства Виши с оккупантами не ограничивалось областью экономики. Летом 1942 г. руководители вишистской полиции заключили соглашение с начальником гестапо во Франции генералом Обергом, в котором указывалось, что «французская полиция будет действовать в том же духе, как и немецкая полиция, то есть будет бороться против коммунизма и всех саботажников». Полиция Виши обязывалась «способст-

¹ Goering et «collaboration»: Un beau document. — «Cahiers d'histoire de la guerre», N 4, Mai 1950, p. 80.

² J. O., 13. IX. 1942, p. 3122.

³ «Dommages...», t. I, p. XVIII.

воват поддержанию порядка и безопасности оккупационных армий», оказывать помощь «службам рейхсфюрера СС и полиции, употребляя все средства, находящиеся в ее распоряжении»¹. В июле 1942 г. генерал Оберг издал зверский приказ о казни родственников участников Сопротивления. Родственники — мужчины по восходящей и нисходящей линиям, а также двоюродные братья старше 17 лет подлежали расстрелу; родственники по женской линии — каторжным работам². В августе — октябре 1942 г. органы гестапо и вишистской полиции совместно разработали и осуществили ряд операций против сил Сопротивления, в том числе против отрядов ФТП и группы «Вальми». Глава немецкой военной администрации официально выразил правительству Виши благодарность «за помощь, оказанную французской полицией при аресте террористов» (т. е. участников Сопротивления)³. По заданию оккупантов полиция Виши организовала массовые облавы на евреев, проживавших в южной зоне, и выдала их оккупационным властям. Все эти действия, и особенно откровенное признание Лавалья в том, что он желает победы Германии, вызвали серьезное замешательство в буржуазных и мелкобуржуазных слоях населения, ранее поддерживавших Виши.

Особенно тяжелый удар по престижу Виши нанесла депортация французских рабочих и молодежи в Германию, которая коснулась сотен тысяч, а затем и миллионов семей. Ореол «патриота» и «отца нации», созданный вокруг Петэна, стал рассеиваться. Массы населения начали сознавать, что правительство Петэна является пособником оккупантов. «На протяжении 1942 г. социальная база петэнизма непрерывно сужалась... — писал М. Торез. — Многие из тех, кто поддерживал его в самом начале, стали переходить к активному сопротивлению»⁴.

Этот процесс нашел отражение в позиции буржуазно-патриотических организаций Сопротивления, которые

¹ «Procès Oberg-Knochen». Tribunal Militaire de Paris, 1954—1955 (Archives du C.J.D.C. Dossier CCCLXIV. Fasc. 2, p. 49, 51—52).

² P. Bourget et Ch. Lacretelle. Op. cit., p. 95. После окончания войны французский суд приговорил Оберга к смертной казни, однако он был помилован и в 1962 г. освобожден из тюрьмы.

³ «Procès Oberg-Knochen», p. 56, 59—60.

⁴ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 227—228.

вплоть до 1942 г. еще не порвали связей с вишистами и верили, будто Петэн «продолжает делать то, что он всегда делал: сопротивляться, спасать интересы Франции»¹. О серьезном влиянии провишистских настроений среди правых деятелей Сопротивления свидетельствует факт негласных переговоров, которые состоялись в феврале 1942 г. между руководителями «Комба» и министром внутренних дел П. Пюше. Переговоры начались после того, как полиция Виши арестовала большую группу активистов «Комба» и через них передала главному лидеру «Комба» А. Френэ предложение о встрече².

Во время встреч с Френэ 6 и 14 февраля 1942 г. Пюше, который, видимо, начал сомневаться в способности Германии выиграть войну, уверял своего собеседника, что правительство Виши ведет «двойную игру» и отстаивает интересы Франции³. В ответ Френэ зачитал меморандум о политике «Комба», утвержденный на заседании ее руководящего комитета. Меморандум исходил из идеи, что «перед лицом неминуемого поражения рейха действия правительства и Сопротивления должны неизбежно соединиться». Руководство «Комба» выражало готовность «прекратить в своей нелегальной газете атаки против личности маршала Петэна и постепенно смягчить атаки против его министров»⁴. По словам Френэ, Пюше не дал никакого ответа на этот меморандум, и переговоры прекратились. Факт переговоров Френэ с властями Виши стал известен участникам Сопротивления и вызвал их глубокое негодование.

Возвращение в правительство Лаваля, которого все патриоты считали явным предателем и немецким агентом, рассеяло последние иллюзии почитателей Петэна. «У нас нет больше правительства»⁵, — заявила «Либерасьон-Нор» после назначения Лаваля. «Французы, вы поняли? Между вами и правительством Виши нет ничего общего»⁶, — откликнулась «Фран-Тирер». Правые организации Сопротивления, ранее поддерживавшие Петэна, отказывались понимать, «как Маршал мог со-

¹ «Défense de la France», 13. I. 1942.

² M. Granet et H. Michel. Op. cit., p. 92.

³ «Témoignage d'H. Frenay». Ср. P. Pucheu. Ma vie. Paris, 1948, p. 196.

⁴ Passy. Op. cit., t. II, p. 101.

⁵ «Liberation» (Z. N.), 18.IV. 1949.

⁶ «Le Franc-Tireur», avril 1942.

гласиться с возвращением Лаваля», который является «самым непопулярным и самым презираемым человеком во Франции»¹. Особенно возмутила патриотов печально знаменитая речь Лаваля от 22 июня 1942 г., «его гнусная речь, его отвратительная речь»² с пожеланиями победы Германии. Теперь даже лидеры «Комба» не сомневались, что «Виши идет от преступления к преступлению». Обращаясь к тем, кто еще верит в маршальские «звезды, навсегда покрытые грязью», они заклинали: «Если вы не порвете с ними (с вишистами.— В. С.) и на этот раз, вы будете прокляты народом, и тогда берегитесь наказания»³.

К осени 1942 г. основные организации Сопротивления уже не сомневались, что правительство Виши «желает немецкой победы, то есть окончательного поражения Франции, ее расчленения и порабощения»⁴. Они поняли, что «Петэн царствует, а Гитлер правит»⁵, и поэтому «сопротивление немецкому угнетению и сопротивление правительству Виши отныне сливаются в одно»⁶. Их прежние симпатии к Петэну исчезли, а связи с Виши были окончательно разорваны.

Осуждение правительства Виши всеми организациями Сопротивления способствовало сплочению патриотических сил, которого добивались коммунисты. Исключительно важную роль в борьбе за единство сыграл Национальный фронт, который постепенно превратился в крупную силу. Количество его печатных изданий возросло в 1942 г. в три раза по сравнению с 1941 г. и превысило два десятка газет и журналов⁷. Деятельность Национального фронта охватила обе зоны. В каждой из них был создан свой руководящий комитет, поддерживавший связь с руководящим комитетом другой зоны.

В 1942 г. в Руководящий комитет Национального фронта северной зоны входили: профессор Ф. Жолио-

¹ «Défence de la France», 21. IV, 1. V. 1942.

² «Libération» (Z. S.), 14 juillet 1942.

³ «Combat», juillet 1942.

⁴ «Le Populaire», 15. IX. 1942.

⁵ «Combat», octobre 1942.

⁶ «Les Cahiers» (O.C.M.), juin 1942, p. 62.

⁷ Подсчитано по: «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945».

Кюри, профессор А. Валлон, архитектор Ф. Журдэн, настоятель Кармского монастыря отец Филипп, инженер П. Лебрен, радикал-социалист Пернэ, член христианско-демократической партии М. Андре, коммунист П. Вийон (бежавший из концлагеря в январе 1942 г.) и др. Председателем Национального фронта северной зоны был выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии Ф. Жолио-Кюри, который в 1942 г. вступил в Коммунистическую партию. Генеральным секретарем Национального фронта являлся П. Вийон.

Руководящий комитет Национального фронта южной зоны возглавлял член ЦК ФКП Ж. Марран, депутат парламента и мэр Иври. Генеральным секретарем была активная деятельница антифашистского движения, впоследствии член Коммунистической партии и депутат парламента — М. Брон. В состав Руководящего комитета Национального фронта южной зоны, кроме того, входили: журналист лионской газеты «Прогресс» антифашист Ив Фарж; член руководства группы «Фран-Тирер» Ж. Альтман; член руководства «Комба» Ж. Бидо; видный деятель партии радикал-социалистов, депутат парламента Ж. Годар; бывший член «Боевых крестов» Ж. Бунэн; представитель «Республиканской Федерации» депутат Бюржо; председатель «Лиги прав человека» социалист В. Баш и др. Все они вступили в Национальный фронт не как представители своих партий, а «как борцы, активно сражающиеся против немецких захватчиков и вишистских предателей»¹. Это обстоятельство придавало Национальному фронту силу и сплоченность, которой были лишены другие объединения, созданные на основе представительства различных самостоятельных организаций.

Разумеется, внутри Национального фронта имелись разные точки зрения, и сам процесс объединения патриотов не всегда проходил быстро и гладко. Даже некоторые патриоты, желавшие вступить в Национальный фронт, высказывали опасения и делали оговорки относительно сотрудничества с коммунистами и предлагаемой ими программы действий. Судя по сообщениям нелегальной печати, одни из них выступали против немедленных индивидуальных боевых действий, считая,

¹ M. Thorez. Le Combat pour la république et pour l'indépendance nationale.— «Cahiers du Communisme», 1947, N 11, p. 1119.

что следует проводить лишь операции, которые «могут значительно ослабить наступательные или оборонительные силы оккупантов». Другие подчеркивали, что «Национальный фронт не должен быть филиалом одной партии», и предлагали «воздерживаться от всякой сепаратной пропаганды»¹.

Коммунисты, работавшие в организациях Национального фронта, стремились преодолеть колебания и предубеждения части своих соратников. «История учит, — говорили они, — что народ нельзя привести в действие простым нажатием кнопки. Для этого нужен целый ряд предварительных мер, имеющих более или менее широкий и более или менее насильственный характер». В частности, действия франтиреров и партизан важны не только своими чисто военными результатами, но и тем, что они «поднимают боеспособность нашего народа». Только опыт вооруженной борьбы и массового народного движения может подготовить всеобщее вооруженное восстание. Те, кто думают, что отказ от борьбы приведет к прекращению репрессий, наивны и недалёковидны. Если ждать крупных операций, то может случиться, что в момент национального восстания у Сопrotивления не окажется сил для того, чтобы воспользоваться удобным моментом. «Следовательно, надо действовать, бить врага повсюду и всеми средствами»².

Коммунисты выражали полное согласие с тем, что Национальный фронт и его руководящие органы должны включать патриотов любых политических и религиозных взглядов, но возражали против попыток лишить их права высказывать свое мнение. Они указывали, что политические дискуссии, в которых будут участвовать все патриоты, включая коммунистов, облегчат вовлечение в Национальный фронт патриотов, придерживающихся разных убеждений, а главное — «позволят нации судить о том, кто прав, чтобы выбрать свой путь»³.

Под влиянием коммунистов патриоты других политических убеждений постепенно преодолевали свои сомнения и колебания. В течение 1942 г. комитеты Национального фронта уже действовали во многих городах и районах Франции. Судя по сохранившимся номерам не-

¹ «L'Université libre», 13, 27. VIII. 1942.

² «L'Université libre», 13. VIII. 1942.

³ «L'Université libre», 27. VIII. 1942.

легальных газет, издаваемых этими комитетами, в северной зоне наиболее активно работали организации Национального фронта Парижского района, Нормандии, Бретани, департаментов Кальвадос, Шаранта, Эр¹. В южной зоне самые крупные организации Национального фронта сложились в Лионе, Гренобле, Лиможе, Клермон-Ферране и Тулузе².

Кроме местных организаций существовали организации Национального фронта по профессиям: например, Национальный фронт писателей, Национальный фронт учителей, Национальный фронт врачей, Национальный фронт юристов, Национальный фронт почтовых работников и т. п. Все они издавали свои печатные органы³ и вели деятельную пропаганду. Особенно активно действовал Национальный фронт писателей, инициаторами которого были писатели-коммунисты Д. Декурдеманш (псевдоним Ж. Декур) и Л. Арагон.

В феврале 1942 г. Национальный комитет писателей подготовил свой первый Манифест, призывавший «всех французских писателей объединиться в Национальном фронте для защиты и прославления французской литературы»⁴. Созданная Комитетом газета «Леттр франсэз» («Французская литература») требовала от писателей занять свое место в освободительной борьбе, отказаться от политики аттантизма, «стать одновременно героями и бардами» освободительной борьбы, «способствовать своим талантом поголовному ополчению нации»⁵.

Существенные сдвиги произошли в профсоюзном движении. В то время как клика профсоюзных предателей во главе с Беленом поддержала лозунг «замены пленных», многие деятели реформистского крыла ВКТ, следовавшие за Жуо, выступили против депортации. На этой почве они сблизились с прогрессивными профсоюзами, руководимыми коммунистами, и решились на сотрудничество с ними. В июле 1942 г. «Ви увриер» опу-

¹ «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945» N 20, 355, 364, 499, 622, 866, 953.

² «Témoignage de M. Braun».

³ «Catalogue des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945» N 38, 235, 442, 529, 552, 570.

⁴ «Les lettres françaises» N 1, septembre 1942.

⁵ Ibidem.

бликовала обращение профсоюзных деятелей различных направлений, призывавшее «всеми средствами противодействовать депортации в Германию», усиливать сопротивление захватчикам, саботировать промышленные поставки, останавливать «производство, предназначенное для врага». Как подчеркнула «Ви увриер», это был первый после раскола 1939 г. совместный документ, одобренный «профсоюзными деятелями всех направлений, включая христианские профсоюзы»¹. Формально соглашение касалось только одного конкретного вопроса — борьбы против депортации, но оно включало призывы к саботажу и сопротивлению захватчикам, которые давно уже отстаивали коммунисты.

Действенным средством сплочения национальных сил оказались патриотические демонстрации в дни 1 мая, 14 июля, 20 сентября (годовщина победы под Вальми) и 11 ноября (годовщина победы над Германией в первой мировой войне). Эти дни, как правило, отмечались всей Францией, и таким образом создавались благоприятные условия для объединения патриотов различных политических направлений. Даже в том случае, если организации Сопротивления не согласовывали своих действий, их одновременное участие в демонстрации фактически было проявлением единства. Особенно показательны в этом отношении демонстрации 1 мая и 14 июля 1942 г., организаторами которых были, с одной стороны, Коммунистическая партия и Национальный фронт, с другой — буржуазно-патриотические организации Сопротивления. В архивах вишистской полиции сохранились донесения, наглядно показывающие, как шел процесс сближения различных патриотических сил. Примером может служить первомайская демонстрация в Лионе, в которой участвовали десятки тысяч людей. Эта демонстрация готовилась в течение нескольких недель подпольной прессой всех направлений. «С утра город Лион был заклеен листовками и афишами, созывавшими демонстрантов». Вечером в назначенный час на одной из площадей Лиона вокруг статуи Республики стали собираться демонстранты. «Сначала было особенно много школьников», — говорится в полицейском донесении. Затем «довольно большое количество мужчин и женщин зрелого возраста, буржуаз-

---

¹ «La Vie Ouvrière», 18. VII. 1942.

ного облика, казалось знакомых друг с другом»; наконец, «очень быстро собралась толпа рабочего вида: личности в рабочей одежде со своими велосипедами». Некоторое время толпа молча демонстрировала перед статуей Республики, потом раздались звуки «Марсельезы». Появились значки Коммунистической и Социалистической партий, «не считая надписей, сделанных чернилами на полотне: «Комба», «Фран-Тирер», «Либерасьон», «Веритэ», то есть названий наиболее распространенных в районе подпольных газет, сотрудничество с которыми таким образом афишировали носители этих надписей». Демонстранты двинулись по главной улице, громогласно скандируя: «Да здравствует де Голль! Да здравствует де Голль! Да здравствуют Советы!» В их настроении наблюдалась «очень ясная эволюция: сначала чисто деголлевские (для одних) и республиканские (для других) лозунги становились все более и более коммунистическими». Полиция не решилась вмешаться, и «3000 человек: республиканцев, деголлевцев и коммунистов — в течение часа были бесспорными хозяевами улицы»¹.

Еще более широкий размах приняло празднование 14 июля 1942 г. Несмотря на то что правительство Виши и оккупанты в этот день запретили демонстрации, они все же состоялись в Париже, Марселе, Лионе и многих других городах. В Париже тысячи людей собрались на площади Республики и у могилы Неизвестного солдата на площади Звезды. Демонстрации состоялись в пригородах Парижа (Булонь и Сен-Дени), «в многочисленных городах и деревнях оккупированной зоны». В южной зоне «к грандиозным демонстрациям Марселя и Лиона прибавились демонстрации в Сент-Этьенне, Гренобле, Шамбери. По всей Франции 14 июля раздавался один клич: «Хлеба и оружия!»²

В октябре 1942 г., после того как закон о СТО сделал реальной угрозой массового вывоза французских рабочих и молодежи в Германию, буржуазно-патриотические организации Сопротивления решили выступить единым фронтом с коммунистами. 16 октября 1942 г. по инициативе Национального фронта в Лионе была издана листовка против депортации, которую подписали

¹ ЦГАОР, ф. ЗА-14, оп. 1, л. 7.

² «L'Humanité», 24. VII. 1942.

Коммунистическая партия, Национальный фронт, «Комба», «Либерасьон» и «Фран-Тирер». Это был первый случай, когда буржуазно-патриотические организации Сопротивления не только фактически, но и формально установили единство действий с коммунистами¹.

Большие усилия по объединению организаций Сопротивления предпринимали руководители «Свободной Франции». Они понимали, что если бы «Свободной Франции» удалось объединить под своим руководством организации Сопротивления, то ее позиции в спорах с Англией и США значительно бы укрепились.

150

Такое объединение нужно было «Свободной Франции» и по другим причинам. В случае высадки англо-американских войск в Европе, которая была обещана в 1942 г., возникал вопрос: какая власть установится в освобожденной Франции? Генерал де Голль стремился к свержению правительства Виши, но в то же время боялся возможного, по его мнению, «коммунистического переворота»². Он не питал полного доверия к Англии и США, ставившим под сомнение его авторитет, и хотел иметь на территории Франции свои военные и политические организации, которые могли бы не только бороться против оккупантов и Виши, но и обеспечить захват власти в момент освобождения. Создать такие организации помимо Сопротивления не представлялось возможным. С политической точки зрения объединение вокруг генерала де Голля всех сил, выступавших против оккупантов и вишистов, было главной гарантией его успеха в борьбе за власть.

С начала 1942 г. руководители ФНК приступили к практическому решению важнейшей задачи: объединить под своим руководством все организации Сопротивления, устранить или нейтрализовать враждебные группировки, подготовить кадры для овладения решающими постами в государственном аппарате. Первые шаги в этом направлении были сделаны Ж. Муленом, которому предстояло добиться присоединения организаций Сопротивления южной зоны к «Свободной Франции» и организовать из них «Тайную армию».

Вернувшись во Францию, Мулен довольно быстро су-

¹ «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 192.

² Ш. де Голль. Военные мемуары, т. 2. М., 1960, стр. 9.

мел вступить в контакт с уже знакомыми ему деятелями Сопротивления южной зоны. В Марселе, на квартире сестры Ж. Бидо, он встретился с Френэ, который давно мечтал о связи с Лондоном. Мулен «привез нам рукописное письмо де Голля, радиостанцию, деньги,—вспоминал позднее Френэ.—Мы были взволнованы до слез и не скрывали их»¹. Затем Мулен виделся с де Мантоном, Ж. Бидо и другими лидерами «Комба». При помощи Моранда он познакомился с руководителями «Либерасьон-Сюд» и «Фран-Тирер», а также с организаторами Комитета социалистического действия южной зоны². Всем этим деятелям Мулен обещал финансовую поддержку и связь с Лондоном. Половину денежного фонда в 500 тыс. фр. Мулен передал «Комба»; другие организации также получили денежные субсидии. Взамен Мулен требовал выполнения инструкций де Голля, которые предусматривали подчинение организаций Сопротивления Лондону.

Большинство руководителей Сопротивления не сразу согласились с требованиями Мулена. Симпатизируя «Свободной Франции», они все же не собирались (по выражению Френэ) «стоять по стойке смирно», когда речь идет о приказах ФНК³. Тем не менее Мулен с железным упорством и исключительной энергией шел к цели. Регулярно встречаясь с руководителями организаций Сопротивления, Мулен убеждал их «направлять деятельность своих групп в соответствии с планом военных действий в день икс, который будет разработан в Лондоне по соглашению между штабом генерала де Голля и штабом союзников. По мере возможности он старался добиться, чтобы отдельные операции, если они имеют достаточно серьезное значение, предпринимались только с согласия Лондона». Мулен обещал вооружить участников Сопротивления, но при условии, чтобы лишь половина полученного из Лондона оружия «была использована для вооружения боевых групп и немедленных действий; другая половина оставалась бы в резерве для подготовки широких действий в день икс»⁴.

Далеко идущие последствия имело создание Муленом специализированных организаций, которые обслужива-

¹ *Passy*. Op. cit., t. III, p. 392.

² *H. Michel*. Jean Moulin l'unificateur, p. 64—65.

³ *Passy*. Op. cit., t. III, p. 399—400.

⁴ *Passy*. Op. cit., t. I, p. 227.

ли все Соппротивление, но подчинялись только делегату ФНК. Главная из них — Служба воздушных и морских операций (СОАМ или СОА) начала действовать весной 1942 г. и ведала связями с Лондоном. В ее распоряжении находились радиостанции. Она выбирала тайные аэродромы; занималась отправкой, получением и распределением всех грузов, прибывавших из Лондона в южную зону. Подчиненные Мулену офицеры СОА были прикомандированы к «Либерасьон-Сюд», «Комба» и «Фран-Тирер». Через них направлялись все телеграммы и заявки организаций Соппротивления на деньги, оружие и снаряжение. Сами руководители Соппротивления, несмотря на неоднократные просьбы, не получали радиостанций, не имели прямой связи с Лондоном, не могли вмешиваться в распределение полученных средств и, следовательно, во всех этих жизненно важных вопросах зависели от Мулена.

Второй специализированной организацией, основанной Муленом, было Бюро информации и печати (БИП). В задачи этой службы, которую возглавил Ж. Бидо, входили, с одной стороны, распространение полученных из Лондона пропагандистских материалов, с другой — сбор сведений, интересующих «Свободную Францию». Укомплектованная опытными журналистами, она быстро выросла в крупное нелегальное агентство печати, связанное со всеми организациями Соппротивления и регулярно снабжавшее Лондон ценной информацией.

Третьей специализированной организацией, в создании которой Мулен сыграл решающую роль, явился так называемый Генеральный комитет исследования (ГКИ). Его основная цель состояла в подборе кадров и разработке планов захвата власти и послевоенного устройства Франции. Первоначально в ГКИ вошли четыре человека: известный деятель партии радикал-социалистов, бывший депутат парламента профессор-юрист П. Бастид; один из руководителей «Либерасьон-Сюд», глава профсоюза государственных служащих Р. Лакост; видный лидер «Комба» профессор-юрист Ф. де Мантон; докладчик Государственного совета адвокат А. Пароди. Генеральным секретарем ГКИ стал член руководства «Комба» П.-А. Тетжен. Впоследствии в работе ГКИ приняли участие многие другие деятели Соппротивления, по преимуществу правых взглядов, и его состав увеличился до нескольких десятков человек.

Большое политическое значение имели связи Мулена с руководителями профсоюзного движения. При его содействии сторонники Жуо из руководства Всеобщей конфедерации труда и часть руководителей Французской конфедерации трудящихся христиан организовали комитет под громким названием — «Французское рабочее движение» (МОФ). Влияние этого комитета на предприятиях было невелико, но Мулен широко финансировал его пропаганду, и некоторые выступления МОФ получили большой политический резонанс. В первом же заявлении, посвященном демонстрации 1 мая 1942 г., лидеры МОФ решительно выступили в поддержку де Голля. Действуя от имени всех французских трудящихся, они провозгласили: «Наш представитель, представитель французского народа, генерал де Голль сражается на стороне союзников»¹. Постепенно влияние Мулена на организации Сопротивления южной зоны возрастало и они начинали склоняться к признанию руководства де Голля.

Объединение организаций Сопротивления северной зоны первоначально не планировалось, потому что в Лондоне далеко не сразу узнали об их существовании. Главный агент «Свободной Франции» в северной зоне полковник Реми в отличие от Мулена не имел политических заданий, с отвращением относился к политике² и в основном занимался разведывательной деятельностью. Однако в ходе этой работы Реми встречался с представителями организаций Сопротивления северной зоны, обеспечивал их связь со «Свободной Францией», снабжал деньгами и в конечном счете содействовал присоединению этих группировок к генералу де Голлю. В начале 1942 г. П. Броссолет познакомил Реми с руководителями «Либерасьон-Нор» и ОСМ, которые согласились собирать разведывательные данные для «Свободной Франции». Реми предоставил им крупные денежные субсидии из находившегося в его распоряжении ежемесячного фонда в 150 000 франков³.

Контакты Реми не ограничивались буржуазно-патриотическими организациями. В марте 1942 г. его заместитель Ф. Фор впервые встретился с представителями

¹ «Libération» (Z. N.), 1. V. 1942.

² Remy. Mémoires d'un agent secret de la France Libre, t. I, p. 401.

³ A. Calmette. Op. cit., p. 35—36.

франтиреров и партизан, являвшихся, по признанию Реми, «единственной подпольной вооруженной организацией, которая действительно боролась против немцев». Как свидетельствует Реми, «в Лондоне живо заинтересовались возможностью вступить в прямые отношения с франтирерами и партизанами и через них с Коммунистической партией, которая играет выдающуюся роль в борьбе против захватчиков»¹. Де Голль дал инструкции вести переговоры с коммунистами и установить с ФТП сотрудничество в области военной и разведывательной деятельности, «если коммунисты согласятся выполнять приказы генерального штаба союзников»².

Трезво оценивая влияние Коммунистической партии, де Голль хотел привлечь на свою сторону эту мощную силу, сохранив за собой общее руководство. Объясняя позднее причины, по которым он пошел на сотрудничество с коммунистами, де Голль писал: «...я считал, что их участие явится существенным вкладом в ту своеобразную войну, которая велась в условиях оккупации. Но следовало добиться, чтобы они действовали как часть единой организации и, скажу без обиняков, под моим руководством». Стремясь отстранить коммунистов, которые «упорно стремились объединить все Соппротивление», де Голль «решил не допускать, чтобы они смогли занять доминирующее положение» и «очутиться у руководства»³.

В качестве противовеса влиянию коммунистов де Голль предполагал использовать другие политические группировки, прежде всего буржуазно-патриотические организации Соппротивления. С начала 1942 г., когда исчезли разногласия в оценке правительства Виши, отделявшие эти организации от «Свободной Франции», их руководители стали искать связей с де Голлем. Учитывая тягу рядовых членов своих организаций к единству, они пришли к выводу, что в случае дальнейшего промедления объединение сил Соппротивления может произойти помимо их воли, возможно под руководством Коммунистической партии и Национального фронта. Желая избежать такого поворота событий и не имея достаточных сил, чтобы самим стать центром объедине-

¹ *Remy*. Op. cit., t. I, p. 404, 449.

² *Passy*. Op. cit., t. II, p. 65.

³ *Ш. де Голль*. Указ. соч., т. 1, стр. 295.

ния, они предпочитали признать власть де Голля, «ибо,—вспоминал Пино,— нам нужно было зная, если не вождь»¹. Очень важным фактором, способствовавшим признанию власти де Голля, был страх буржуазных деятелей Сопротивления перед возможностью революционных потрясений. В лице генерала де Голля они увидели человека, способного обеспечить захват власти в момент освобождения Франции и сохранить ее в руках буржуазии. Рассуждая о преимуществах власти де Голля, «Фран-Тирер» заявляла: «Во-первых, он уже существует и тем самым избавит нас от периода колебаний и смут, которые были бы для нас губительны. Во-вторых, он доказал до войны и во время войны свой патриотизм, прозорливость и энергию»².

В феврале 1942 г. «Либерасьон-Сюд» впервые заявила, что «в настоящее время есть только один вождь — генерал де Голль, символ французского единства и воли»³. Весной 1942 г. даже те группировки, которые раньше рекомендовали правительству Виши «не оставлять московским и голлистским элементам реальную или мнимую монополию на антинемецкие действия»⁴, стали утверждать, что де Голль «представляет волю французского народа и символизирует его сопротивление угнетателям»⁵.

Многие видные деятели Сопротивления старались попасть в Лондон, чтобы лично познакомиться с де Голлем и получить более полное представление о «Свободной Франции». В марте 1942 г. при помощи Реми в Лондон были доставлены Пино и Броссолет. Собственными силами добрались до Англии д'Астье и Симон (основатель группы «Вальми»).

В это время «Свободная Франция» вновь столкнулась с серьезными политическими затруднениями, вызванными ее спорами с Англией по колониальным вопросам. Весной 1942 г. английское правительство, по-прежнему не допускавшее «Свободных французов» к управлению Сирией и Ливаном, нанесло им новый удар. 4 мая

¹ Ch. Pineau. Op. cit., p. 156—157.

² «Le Franc-Tireur» N 2 de mars 1942.

³ «Libération» (Z. S.), 15. II. 1942.

⁴ «Vérités», 5. IX. 1941.

⁵ «Combat», mars 1942, N 2.

1942 г. Англия без ведома де Голля высадила свои войска на острове Мадагаскар, который тогда входил в колониальную империю Франции и управлялся властями Виши.

Захват Мадагаскара создавал чрезвычайно опасный для «Свободной Франции» прецедент. Возникла угроза, что при овладении другими французскими колониями Англия и США снова отстранят «Свободных французов» и, возможно, захватят эти территории. Французский национальный комитет заявил протест, настаивая на передаче Мадагаскара под управление «Свободных французов», но безуспешно. Более того, когда де Голль сказал Черчиллю, что «установление английской администрации на Мадагаскаре ущемляет права Франции», Черчилль с яростью закричал: «Вы говорите, что вы — Франция! Вы не Франция! Я не признаю вас Францией, не признаю, что в вашем лице имею дело с Францией!»¹ Желая оказать давление на де Голля, Черчилль намекнул, что помимо ФНК можно «найти власть, представляющую не меньшую ценность»², и некоторое время даже обдумывал вопрос о сокращении субсидий «Свободной Франции»³.

Правительство США, недовольное тем, что «Свободные французы» в декабре 1941 г. овладели островами Сен-Пьер и Микелон, которые находились под контролем Виши⁴, с удовольствием наблюдало за обострением разногласий между Англией и «Свободной Францией», советуя англичанам устранить строптивного генерала. Через несколько дней после высадки англичан на Мадагаскаре заместитель государственного секретаря США С. Уэллес заявил английскому послу, что движение, руководимое де Голлем, пришло в упадок и поэтому Англия и США должны подумать о создании нового Французского национального комитета, который представлял бы «все течения, существующие во французском народе». По проекту Уэллеса, «такой комитет не имел бы никакой исполнительной власти» и не возглав-

---

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 44.

² Там же.

³ L. Woodward. Op. cit., p. 122, fn. 1.

⁴ Захват островов Сен-Пьер и Микелон нарушал соглашение о неприкосновенности французских колониальных владений в западном полушарии, заключенное между США и Виши.

лялся бы де Голлем, который, «очевидно, стал бы членом такого комитета и, возможно, был бы признан главнокомандующим военными и морскими силами «Свободных французов»»¹. Состав комитета предлагалось пополнить сторонниками США, а его резиденцию перенести в Вашингтон.

Английское правительство отклонило этот проект², но положение де Голля оставалось неустойчивым. В поисках поддержки он решил обратиться, с одной стороны, к Советскому Союзу, а с другой — к движению Сопротивления. В мае 1942 г. состоялись переговоры генерала де Голля с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым посетившим Лондон и Вашингтон. Нарком иностранных дел СССР выразил «свое сочувствие движению свободных французов и желание Советского правительства оказать ему поддержку». Он сказал, что Советское правительство желало бы видеть суверенитет французского народа «полностью восстановленным и Францию возрожденной во всем ее прежнем величии и блеске»³.

В результате переговоров СССР и «Свободная Франция» пришли к соглашению о совместных действиях. Как пишет де Голль, ««Свободная Франция» должна была толкать американских и английских союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе», а Советское правительство соглашалось поддержать в Вашингтоне и Лондоне стремления «Свободной Франции», направленные на восстановление суверенитета французского народа. «Что касается будущего, то Франция и Россия договаривались об объединении своих усилий при установлении мира»⁴.

Поддержка со стороны СССР существенно усилила позиции де Голля, который летом 1942 г. сумел добиться заверений, что английское правительство «не имеет никаких притязаний ни на одну из территорий Французской империи» и «уверено в том, что такова же точка зрения американцев». Объясняя причину этой разрядки, де Голль писал генералу Катру: «В конечном счете я полагаю, что недавняя поездка Молотова в Лондон и

¹ FR of USA, 1942, vol. II, p. 512—513.

² Ibid., p. 514, 517, 518.

³ «Советско-французские отношения...», стр. 80.

⁴ Ш. де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 257.

Вашингтон явилась для нас действительной поддержкой и что требования русских относительно открытия фронта на Западе еще в этом году заставили отложить в сторону планы, которые вынашивались раньше»¹.

Прибытие в Лондон деятелей внутреннего Сопротивления оказало серьезную помощь де Голлю. Особенно важное значение имел визит Пино, который, по словам Пасси, «был поворотным пунктом в отношениях между Национальным комитетом в Лондоне и первыми зачатками французского Сопротивления»². Прибыв в Лондон в марте 1942 г., в разгар конфликтов де Голля с Англией и США, Пино в самой категорической форме заявил деятелям ФНК и представителям английского правительства, что французское Сопротивление признает власть де Голля³, хотя в действительности этого еще не было.

158

Заявление Пино и доставленный им проект первомайского Манифеста МОФ, именованный де Голлем «представителем французского народа», были немедленно использованы английским правительством для того, чтобы отклонить план устранения де Голля, предложенный Америкой⁴. По свидетельству Броссолета, заявление Пино и Манифест МОФ имели «крайне важное значение» в отношениях де Голля с английским правительством, в частности «в переговорах с Иденом относительно Мадагаскара»⁵.

В ходе встреч с руководителями «Свободной Франции» Пино обещал добиваться объединения организаций Сопротивления под властью де Голля, но подчеркнул, что такое объединение возможно лишь на основе ясной политической программы, ибо участников Сопротивления не полностью удовлетворяли декларации де Голля и они не соглашались «без достаточных гарантий доверить свое будущее человеку с неизвестным политическим прошлым». В соответствии с предварительной договоренностью с Френз, д'Астье де ля Вижери, Филиппом и другими руководителями Сопротивления Пино пытался «объяснить генералу де Голлю, что нужно занять

---

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 1, стр. 734, 735 (документы).

² Passy. Op. cit., t. II, p. 64.

³ Ch. Pineau. Op. cit., p. 154—155, 178.

⁴ FR of USA, 1942, vol. II, p. 518.

⁵ Passy. Op. cit., t. II, p. 220.

политическую позицию, твердо высказаться за демократию, дать французам перспективу будущего, которая противостояла бы перспективам Виши»¹, т. е. выступить с политическим манифестом, обращенным к Сопротивлению.

Де Голль согласился с этим предложением, но составленный им проект Манифеста не удовлетворил Пино. По его словам, «осуждение Третьей республики было там таким суровым, что, не называя никого, оно затрагивало всех деятелей, которые ею руководили»², а теперь участвовали в Сопротивлении или хотели присоединиться к «Свободной Франции». Социально-экономические проблемы в этом проекте вообще не упоминались. Под влиянием критики Пино де Голль пошел на уступки и трижды переделывал текст Манифеста. Его окончательный вариант был вручен Пино 28 апреля 1942 г. прямо на аэродроме, за несколько часов до возвращения во Францию. Текст Манифеста сохранялся в тайне до лета 1942 г., пока он не был опубликован в нелегальной печати. После этого де Голль официально обнародовал Манифест в выступлении по радио 23 июня 1942 г.³

В первой части Манифеста де Голль клеймил измену вишистов и заявлял, что священный долг каждого француза «сделать все, чтобы способствовать освобождению Родины путем разгрома захватчиков». Он считал необходимым «смелое и глубокое внутреннее обновление» освобожденной Франции. Осуждая как режим Виши, так и режим Третьей республики, де Голль утверждал, что «французский народ отвергает оба этих режима. Объединяясь для победы, он в то же время собирает силы для революции». Далее в Манифесте говорилось, что конец войны должен означать «полное восстановление целостности территории Франции, ее империи, ее достоинства, восстановление полного суверенитета нации». Французский народ должен быть хозяином в своем доме. «Как только французы будут освобождены от вражеского угнетения, все их внутренние свободы должны быть им возвращены. После изгнания врага с нашей территории все мужчины и женщины избе-

¹ Ch. Pineau. Op. cit., p. 132.

² Ibidem.

³ Ch. de Gaulle. Discours de guerre, t. I, p. 260—264.

рут Национальную Ассамблею, которая сама решит судьбы нашей страны». Вражеские руководители, злоупотреблявшие правом войны, а также изменники подлежат наказанию. «Тоталитарная система» и «система коалиции частных интересов», которые действовали во Франции, «должны быть одновременно и навсегда ликвидированы».

Де Голль предлагал уничтожить «механическую организацию человеческих масс», созданную врагами; добиться, «чтобы в мощном обновлении ресурсов нации и империи посредством направляемой техники извечный французский идеал Свободы, Равенства и Братства нашел отныне такое претворение в нашей стране, чтобы каждый был свободен в своих убеждениях, своих верованиях, своих действиях; чтобы каждый человек в начале своей общественной деятельности имел равные с другими шансы на успех; чтобы каждый пользовался уважением всех, а в случае необходимости и помощью с их стороны».

160

В целом Манифест свидетельствовал о признании демократических принципов руководителями ФНК, хотя слово «демократия» в нем не употреблялось, а многие формулировки страдали чрезмерной расплывчатостью. В Манифесте де Голля содержался ряд обязательств, которых добивались руководители организаций Сопротивления. В нем впервые давалось обещание создать после освобождения Франции полномочную Национальную Ассамблею, которая будет избираться не только мужчинами, но и женщинами.

В общей форме было обещано восстановление демократических свобод и проведение социально-экономических преобразований, но их конкретное содержание не раскрывалось.

Укрепление связей с организациями внутреннего Сопротивления, поддержка со стороны СССР, героизм воинских частей «Свободных французов», участвовавших в военных действиях против немецких войск в Африке (в районе Бир-Хакейм), позволили де Голлю сделать еще один шаг на пути превращения ФНК во Временное правительство. В середине июня 1942 г. руководители ФНК передали Англии, Советскому Союзу и США официальное предложение переименовать «Свободную Францию» в «Сражающуюся Францию». Под «Сражающейся Францией» они предлагали понимать «совокуп-

ность французских территорий и граждан, которые не признают капитуляции и которые, где бы они ни находились, способствуют имеющимся в их распоряжении средствами освобождению Франции в результате общей победы союзников»¹. Предлагая отнести к «Сражающейся Франции» всех французских граждан, ведущих освободительную борьбу, «где бы они ни находились», ФНК как бы делал заявку на представительство всего французского народа, а не только контролируемых им колониальных территорий.

Эту же цель преследовала предложенная «Сражающейся Францией» новая формулировка статуса ФНК: «Французский национальный комитет — руководящий орган Сражающейся Франции, который лишь один имеет право организовывать участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны»².

Советский Союз пошел навстречу пожеланиям ФНК и полностью согласился с его проектом. Англия и США тоже признали «Сражающуюся Францию», однако их формулы признания, как справедливо отметил советский посол при союзных правительствах в Лондоне А. Богомолов, были «проникнуты одной мыслью — признать де Голля как «символ», но не как правительство»³. Соединенные Штаты Америки признали желательным «оказание Французскому национальному комитету, являющемуся символом французского Сопrotивления вообще державам оси, всяческой военной помощи и поддержки», но не отказались от «доктрины местных властей»⁴. Английское правительство, приняв проект ФНК за основу, не согласилось с важнейшим положением о том, что «лишь один» ФНК может организовывать участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы. Это означало, что англичане сохраняют за собой возможность признания других французских властей кроме ФНК.

Летом и осенью 1942 г., когда все французские патриоты ожидали высадки англо-американских войск на тер-

¹ «Советско-французские отношения...», стр. 82.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 390—391 (документы).

ритории Франции, объединение буржуазно-патриотических организаций Сопротивления вокруг генерала де Голля пошло быстрыми темпами. Вернувшись во Францию, Пино познакомил с Манифестом де Голля видных политических деятелей довоенной Франции, находившихся в оппозиции к правительству Виши: лидера радикалов Э. Эррио и лидера Социалистической партии Л. Блюма. Пино передал Манифест де Голля руководителям основных организаций Сопротивления и договорился о его публикации в нелегальной печати. Большую помощь оказал де Голлю Э. д'Астье де ля Вижери, совершивший летом 1942 г. пропагандистскую поездку в США. Э. д'Астье убеждал своих слушателей, что невозможно представить Сопротивление без де Голля, что этот человек стал необходимым «символом» и что его судьба неразрывно связана с судьбой Франции¹.

Манифест де Голля, заверения Пино, Э. д'Астье и других деятелей Сопротивления в значительной степени рассеяли сомнения относительно личности и планов де Голля. Некоторые видные деятели Третьей республики начали присоединяться к «Сражающейся Франции». 5 мая 1942 г. Блюм, находившийся в Риомской тюрьме, нелегально отправил письмо в Лондон, в котором утверждал, что де Голль «первым пробудил во Франции волю к Сопротивлению и продолжает ее олицетворять», а поэтому должен возглавить будущее «переходное правительство» Франции. Блюм защищал де Голля от обвинения в диктаторских устремлениях, заранее брался гарантировать демократичность его будущего правительства, но все же считал необходимым «присутствие рядом с генералом де Голлем таких людей, личность и характер которых наиболее очевидным образом воплощали бы республиканскую законность и традиции»². В июле 1942 г. в Лондон прибыл А. Филип, выступавший в роли представителя «Либерасьон-Сюд» и Социалистической партии. Он был введен в состав ФНК и назначен комиссаром по внутренним делам³.

Осенью 1942 г. в Лондон вместе с Броссолетом (который стал одним из руководителей БСРА) приехал заместитель председателя «Боевых крестов» Ш. Валлен,

¹ «Témoignage d'Astier de la Vigerie».

² L. Blum. Oeuvres., t. II, p. 350, 353.

³ «Journal Officiel de la France Combattante», 28. VIII. 1942.

разочаровавшийся в прогерманской и провишистской политике этой группировки. Выступая по лондонскому радио, Валлен заявил о поддержке «Сражающейся Франции»¹.

Буржуазно-патриотические организации Сопротивления одна за другой примыкали к де Голлю. Публикуя Манифест де Голля, они сопровождали его более или менее определенными заявлениями о присоединении к «Сражающейся Франции». Категоричнее всех высказалась «Либерасьон-Сюд», которая снабдила Манифест заголовком: «Наши задачи, определенные нашим вождем»². Такие организации, как «Фран-Тирер», ОСМ, Комитет социалистического действия, сопроводили свое признание оговорками, смысл которых особенно ясно выразила газета «Фран-Тирер»: «Мы целиком с генералом де Голлем в его борьбе за освобождение страны, но мы будем против него, если после этого освобождения он — в противоречие с тем, что всегда утверждал, — вздумал бы установить диктатуру»³.

Практическое объединение буржуазно-патриотических организаций Сопротивления произошло под руководством Мулена. В начале августа 1942 г., когда руководители ФНК еще надеялись на скорое вторжение англо-американских войск на территорию Франции, Мулен получил из Лондона директиву создать Координационный комитет, объединяющий действия организаций Сопротивления южной зоны. Предполагалось, что в комитет войдут представители организаций Сопротивления, а возглавит его Мулен. Каждую организацию, согласно директиве, следовало разделить на два сектора: военный и гражданский. Военный сектор будет выполнять военные задания Лондона и «помогать оружием гражданским лицам, которым поручено захватить административную машину»⁴. Гражданскому сектору надлежало «организовать взятие власти», т. е. прежде всего составить список общественных деятелей, «которые по данному сигналу возьмут в руки административную организацию страны»⁵.

---

¹ *Passy. Op. cit.*, t. II, p. 85.

² «*Libération*» (Z. S.), 3. VI. 1942.

³ «*Le Franc-Tireur*», juin 1942.

⁴ *Passy. Op. cit.*, t. II, p. 126.

⁵ *Ibidem*.

К осени 1942 г. Мулен добился согласия руководителей «Комба», «Фран-Тирер» и «Либерасьон-Сюд» на объединение. Прибыв в Лондон, Френэ и Э. д'Астье после ряда совещаний с де Голлем подписали протокол 2 октября 1942 г., воспроизводивший основное содержание августовской директивы де Голля Мулену. В соответствии с протоколом «три организации южной зоны признали власть генерала де Голля как политического и военного вождя Сражающейся Франции», выразили готовность координировать свои действия и согласились, что «именно Национальному комитету принадлежит право в согласии с руководителями этих организаций определять рамки этой координации»¹.

Было решено создать в южной зоне Координационный комитет в составе лидеров «Комба», «Либерасьон-Сюд» и «Фран-Тирер». Мулен назначался его председателем. В каждом районе южной зоны (а затем и в каждом департаменте) предполагалось создать единое руководство из представителей «Комба», «Либерасьон-Сюд» и «Фран-Тирер». Было условлено, что каждая из трех главных буржуазно-патриотических организаций южной зоны «вольет свои военизированные группы в «Тайную армию», высшие кадры которой могут рекрутироваться вне самих организаций», а глава будет назначен генералом де Голлем². Всем остальным организациям Сопротивления предлагалось «присоединять своих сторонников к одному из этих движений и вводить свои боевые отряды в части организуемой Тайной армии»³. На пост командующего «Тайной армией» Френэ выдвинул кандидатуру генерала Делестрена, который не участвовал в движении Сопротивления, но был известен своими патриотическими настроениями. Де Голль, ранее служивший под начальством Делестрена, согласился, и ничего не подозревавший Делестрен стал временно исполняющим обязанности командующего будущей «Тайной армией». Он должен был заседать в Координационном комитете и выполнять его решения, но подчинялся непосредственно де Голлю и его штабу. Руководство «Сражающейся Франции» брало на себя финансирование всех этих организаций, обещало снаб-

¹ *Passy*. Op. cit., t. II, p. 264.

² *Ibid.*, p. 272.

³ *Ш. де Голль*. Указ. соч., т. 2, стр. 438 (документы).

дить их средствами связи, инструкторами, оружием и снаряжением.

Подписав соглашение с де Голлем, Френэ и д'Астье сделали крупный шаг на пути к объединению сил Сопротивления, но фактически отказались от политической самостоятельности. Объединение совершилось на основе признания власти де Голля и, как видно из условий соглашения, на базе политики атлантизма. Ни Координационный комитет, ни «Тайная армия» не предполагали немедленно развернуть борьбу против оккупантов и предателей. Свою главную задачу они видели в овладении властью в момент освобождения Франции. Протоколом от 2 октября 1942 г. Координационному комитету поручалось «изучать общие директивы для политической деятельности организаций Сопротивления и готовить кадры для политического и экономического управления освобожденной территорией»; составить «в охранительном и революционном духе» список лиц подлежащих устранению, и «список участников Сопротивления, которых можно будет использовать»¹. Руководство местных организаций также должно было прежде всего подготовить списки лиц, предназначенных для занятия руководящих должностей в масштабе района и департамента. В протоколе специально указывалось: «Следует уже сейчас предусмотреть кандидатуры префектов, начальников полиции, директоров радиостанций, журналистов, которые безотлагательно займут свои посты в момент освобождения»². «Тайная армия» должна была начать боевые действия только в день высадки союзников («день икс») и действовать по заданиям Лондона. Ее военная роль состояла главным образом в организации массовых диверсий в день высадки, а политическая — в обеспечении планов захвата власти.

---

¹ Passy. Op. cit., t. II, p. 265.

² Ibid., p. 266.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СИЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ
БУРЖУАЗИИ. СОЗДАНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ

166 После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом наметился коренной перелом в ходе всей второй мировой войны¹. Поражение Германии и ее союзников на Восточном фронте создало благоприятные условия для организации второго фронта в Западной Европе. Однако правительства США и Англии вопреки своим обязательствам открыть его в Европе в 1942 г. высадили десант в Северной Африке.

8 ноября 1942 г. крупные силы англо-американских войск под командованием генерала Эйзенхауэра высадились на территории Алжира и Марокко. Находившиеся там вишистские войска после недолгого сопротивления сложили оружие. В ответ фашистская Германия 11 ноября 1942 г. оккупировала южную зону и перебросила свои войска в Тунис. Вишистская «армия перемирия» была разоружена и распущена. Французский военный флот, находившийся в гавани Тулона, отказался подчиниться Германии. Французские моряки затопили свои корабли. Правительство Виши лишилось последних признаков суверенного государства: свободной территории, флота и армии. Окончательно превратившись в марионетку фашистской Германии, оно потеряло былое влияние среди населения. Даже часть крупной буржуазии, ранее поддерживавшей правительство Виши, «решила перейти от ориентации на Германию к ориентации на США»².

¹ «История второй мировой войны. 1939—1945», т. I. М., 1973, стр. XXVI.

² М. Торез. Сын народа, стр. 172.

Руководство вишистской армии и администрации в Северной и Западной Африке, возглавленное прибывшим туда адмиралом Дарланом, перешло на сторону союзников. 25 декабря 1942 г. Дарлан был убит, причем мотивы этого убийства до сих пор остаются невыясненными. После убийства Дарлана французскую армию и администрацию в Северной Африке возглавил генерал Жиро, провозгласивший своей целью борьбу против фашистской Германии. Солдаты и офицеры распушенной оккупантами «армии перемирия» стали создавать свои нелегальные организации, искать связи с участниками Сопrotивления.

В самом правительстве Виши произошел раскол. Несколько министров, выступавших против прямого участия Франции в военных действиях на стороне Германии (в том числе министр юстиции Бартеlemi и министр военно-морского флота Офан), вынуждены были подать в отставку. Власть сосредоточилась в руках Лавалья, который оттеснил Петэна на второй план, но сам находился в полной зависимости от оккупантов.

Ссылаясь на увеличение расходов, вызванное захватом южной зоны, Германия увеличила размеры получаемых ею оккупационных платежей с 400 млн. до 500 млн. фр. в день¹. Огромные потери Германии на советско-германском фронте заставили оккупантов резко расширить масштабы депортации французских и вообще иностранных рабочих. С января 1943 по июль 1944 г. гитлеровский уполномоченный по рабочей силе Заукель трижды приезжал во Францию, требуя отправить в Германию 1 220 тыс. рабочих и перевести 2 млн. рабочих на французские военные заводы, выполнявшие немецкие заказы².

Вишистская полиция была окончательно поставлена под контроль гестапо. 24 ноября 1942 г. между Виши и Германией была достигнута договоренность о том, что «французская полиция должна осуществлять операции, которые будут затребованы главой немецкой полиции»³. Согласно секретному докладу Абеца, только за 1943 г. во Франции «по обвинению в голлистской, марксистской и другой враждебной рейху деятельности

¹ «Dommages... Part imputable à l'Allemagne», t. II, p. 162.

² Ibid., t. IX, p. 91—93.

³ «Procès Oberg-Knochen». Fasc. 2, p. 62 (Archives du CJDC).

было арестовано 35 тыс. человек немецкой полицией и 9 тыс. человек французской полицией». Кроме того, значительное количество участников Сопrotивления арестовывалось по лживым обвинениям в уголовных преступлениях, так что общее количество патриотов, арестованных в 1943 г. немецкой и вишистской полицией, составило, вероятно, около 50 тыс. человек¹.

Существенную помощь оккупантам оказывало репрессивное законодательство Виши, предназначенное для борьбы против французских патриотов. Законом от 18 ноября 1942 г. все лица, обвиненные в действиях, которые «совершены, чтобы благоприятствовать коммунизму, анархии или подрывной деятельности социального и национального порядка», предавались суду специальных трибуналов, имевших право выносить смертные приговоры и немедленно приводить их в исполнение². По закону от 5 июня 1943 г. наказанию подлежали не только непосредственные участники «коммунистической, анархистской, террористической или подрывной деятельности», но и «члены любой ассоциации и любого объединения, каково бы ни было число их членов, созданного в этих целях». Специальные суды, организованные по типу военно-полевых трибуналов, могли приговорить обвиняемых к смертной казни, причем с лицами, захваченными на «месте преступления», расправлялись немедленно и без всякого следствия³. Все предшествующее законодательство, гарантирующее права обвиняемого, отменялось. Закон распространялся на 10-летний период, предшествующий его изданию. По существу и по форме закон 5 июня 1943 г. полностью разрывал с основными принципами буржуазно-демократического правопорядка. Это был террористический закон, создававший юридическую основу для произвола полиции и кровавой расправы с участниками Сопrotивления.

Поскольку Петэн, постепенно склонявшийся к мысли о неизбежности поражения Германии, по мнению оккупантов, перестал проявлять должное рвение и даже пытался отделаться от Лавала, Риббентроп в декабре 1943 г. потребовал, «чтобы отныне все предстоящие изменения законов своевременно представлялись на одоб-

¹ «Procès Oberg-Knochen». Fasc. 2, p. 99—100.

² J. O., 30. XI—1. XII. 1942, p. 3961—3962.

³ J. O., 24. VI. 1943, p. 1714—1715.

рение правительства рейха»¹. Петэн принял требования оккупантов. Из правительства Виши, по-прежнему возглавляемого Лавалем, были устранены все лица, внушавшие оккупантам хотя бы малейшие подозрения. В письмах к Гитлеру от 11 и 18 декабря 1943 г. Петэн вновь провозгласил свое желание сотрудничать с фашистской Германией в борьбе «против коммунизма и терроризма» (т. е. против движения Сопrotивления. — В. С.). Он официально обещал, что «изменения в законах будут отныне до их публикации представляться оккупационным властям»². Однако гитлеровцы уже утратили доверие к Петэну. Многие лица из его окружения: генерал Лор, Бутилье, генерал Порт дю Тейль — были устранены или арестованы. Немецкая полиция арестовала и выслала в Германию ряд крупнейших финансистов и банкиров, обвиненных в связях с союзниками. Высылке в Германию подверглись 23 высших офицера и 20 политических деятелей, заподозренных в намерении организовать сопротивление или бежать в Алжир. В мае 1944 г., накануне высадки союзников во Франции, было арестовано еще 95 генералов и 14 префектов Виши³.

К этому времени правительство Петэна — Лавалю превратилось в прямую агентуру фашистской Германии. Оно держалось только на штыках оккупантов и послушно выполняло их приказы.

Высадка союзников в Северной Африке, оккупация южной зоны, создание администрации генерала Жиро с центром в Алжире по-новому поставили вопрос о единстве патриотических сил. Социально-политическая база движения Сопrotивления существенно расширилась. За пределами Франции под руководством генерала Жиро возник новый политический центр, призывавший к борьбе против Германии. Это обстоятельство серьезно осложнило положение «Сражающейся Франции», которая была отстранена от участия в высадке в Африке и не допущена к управлению освобожденными территориями.

На конференции в Касабланке (январь 1943 г.) Рузвельт и Черчилль приняли решение объединить группи-

¹ L. Noguères. Le véritable procès du Maréchal Pétain. Paris, 1955, p. 582—583.

² Ibid., p. 596—597.

³ «Procès Oberg-Knochen». Fasc. 4, p. 216, 220—222.

ровки, руководимые Жиро и де Голлем, однако на пути к этому объединению возникали серьезные трудности¹. Администрация Жиро в основном состояла из сторонников правительства Виши, которые перешли на сторону США, но отнюдь не стали демократами или антифашистами. Политические взгляды Жиро и его сторонников, получившие в исторической литературе наименование «жиродизма»², были достаточно реакционны. До конца своих дней Жиро утверждал, будто «некоторые принципы» вишистской национальной революции «очень хороши»³. Вишистов он считал честными патриотами и первое время заявлял, что его главная цель заключается в том, чтобы «освободить Францию и ее вождя»⁴ (т. е. Петэна.— В. С.). В феврале 1943 г. под давлением общественного мнения Жиро освободил из тюрьмы 27 депутатов-коммунистов, а затем еще около 400 коммунистов, однако декрет о запрещении Компартии не был отменен. Жиро оставил в силе основы вишистского законодательства, запрещал стачки, не допускал деятельности политических партий и профсоюзов. К демократическим принципам Жиро относился с недоверием. Он утверждал, что проблемы государственной политики неминуемо «ускользают от понимания толпы», что толпа должна подчиняться «суровой дисциплине», а свобода не должна превращаться в «распущенность»⁵.

В своих первых публичных выступлениях Жиро старался не затрагивать политических вопросов и говорил только о победе в войне. «Я прошу всех объединиться вокруг меня, чтобы обеспечить успех наших армий при поддержке наших союзников,— заявил Жиро, вступая на пост гражданского и военного главнокомандующего.— Лишь одно имеет значение: Франция и ее империя. У нас одна цель — победа»⁶. Позднее Жиро писал: «Для меня было важно одно: вести войну как можно энергичнее, освободить Францию как можно быстрее.

¹ Подробнее см.: Л. М. Видясова. Операция «Торч» и противоречия между западными союзниками в связи с образованием ФКНО («Французский ежегодник», 1966. М., 1967).

² Н. Michel. Le giraudisme.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale» N 35, juillet 1959.

³ Gén. Giraud. Un seul dut, la victoire. Paris, 1949, p. 176.

⁴ «Discours et messages du général Giraud», Alger, 1943, p. 12.

⁵ Ibid., p. 11, 12.

⁶ Ibid., p. 4.

Лозунг «Одна цель — победа» резюмировал всю мою деятельность»¹.

Жиро не выступал от имени Франции, считал ненужным создавать французское правительство в эмиграции и вообще не придавал большого значения политическим или социальным проблемам, простодушно полагая, что после победы над Германией «он урегулирует социальные вопросы при помощи броневиков»². Исходя из старого принципа французских военных, согласно которому армия должна быть «вне политики», Жиро не раз повторял: «Я достаточно безразличен к тому, что называют политикой. Для меня есть только одна политика: союз французов перед лицом врага»³. В принципе Жиро не возражал против объединения со «Сражающейся Францией», но, командуя крупной армией и далеко превосходя бригадного генерала де Голля по званию, он считал само собой разумеющимся, что сравнительно слабые силы «Сражающейся Франции» должны перейти в его подчинение.

171

Иными были позиции генерала де Голля. Он выступал за объединение с Жиро, но считал, что оно должно произойти вокруг «Сражающейся Франции». Провозгласив себя единственными законными представителями французского народа, руководители ФНК хотели создать в результате объединения Временное правительство или какой-то другой орган центральной власти, которому будут подчинены все французские силы, борющиеся против Германии. Сам де Голль намеревался встать во главе будущей центральной власти, предоставив Жиро в лучшем случае пост главнокомандующего. Де Голль и его соратники сознавали, что поддержка со стороны движения Сопротивления — их главный шанс на победу в конфликте с Жиро. Они решили как можно быстрее объединить все силы Сопротивления и при их помощи ослабить политические позиции Жиро.

В начале 1943 г. в Париж нелегально выехали руководители БСРА Пасси и Броссолет, имевшие задачу объединить организации Сопротивления северной зоны и добиться от них заверений в солидарности с де Голлем. После кратковременного пребывания в Лондоне и консультаций с де Голлем получили новые задания ге-

¹ *Gén. Giraud. Op. cit., p. 124.*

² *M. Granet et H. Michel. Combat, p. 111.*

³ «Discours et messages du général Giraud», p. 8.

нерал Делестрен и Мулен. Делестрен должен был провести в жизнь решение об организации «Тайной армии». На Мулена возлагалась исключительно важная политическая миссия: объединить все организации Сопротивления и партии, выступавшие против оккупантов и Виши, в едином Национальном Совете Сопротивления, который, в частности, мог бы поддержать де Голля в борьбе против Жиро.

Чтобы обеспечить возможно более широкую поддержку ФНК, в Лондон были приглашены политические и профсоюзные деятели, пользующиеся авторитетом во Франции и за ее пределами. В январе 1943 г. в Англию прибыл Ф. Гренье, уполномоченный Центральным Комитетом ФКП «представлять партию при движении «Сражающаяся Франция» во главе с генералом де Голлем с целью сотрудничать в усилении борьбы за освобождение Франции»¹. Затем приехали видные деятели Социалистической партии Ф. Гуэн, В. Ориоль, А. Ле Трокер; руководители реформистских профсоюзов Ж. Бюиссон и М. Пуэнбеф; депутат партии радикал-социалистов А. Кей; лидер правой Республиканской Федерации Л. Марэн. Все они примкнули к «Сражающейся Франции».

Тем временем де Голль начал переговоры об условиях объединения с Жиро, выдвигая в качестве главного из них крайне неприятное для Жиро, но исключительно популярное среди патриотов требование полной ликвидации остатков вишистского режима в Африке. 23 февраля 1943 г. ФНК направил Жиро подробный меморандум, в котором утверждал, что «естественным процессом объединения в части, касающейся Северной и Западной Африки, было бы их включение в Сражающуюся Францию»². В качестве предварительных условий ФНК требовал официально аннулировать франко-германское перемирие 1940 г.; устранить с руководящих постов «людей, которые несут большую личную ответственность за капитуляцию и сотрудничество с врагом»; ликвидировать вишистские порядки и восстановить на

¹ «L'Humanité», 13. I. 1943.

² Полный текст меморандума 23 февраля 1943 г. опубликован в воспоминаниях генерала Катру (стр. 343—347). В публикации, осуществленной генералом де Голлем, отсутствуют многие важные положения этого документа (см. *Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 526—529*).

освобожденных территориях основные демократические свободы. Руководители ФНК считали необходимым немедленно создать «центральную временную власть», осуществляющую функции Временного правительства вплоть до освобождения Франции, учредив при ней Консультативный совет французского Сопротивления. После освобождения они обещали «обеспечить свободное волеизъявление народа через всеобщее голосование для избрания национального представительства», которое создаст правительство и выработает конституцию.

Поставленный перед необходимостью ясно определить свое отношение к Виши, Жиро проконсультировался с представителями Англии и США и 14 марта 1943 г., по его собственному признанию, «произнес первую демократическую речь в своей жизни»¹. Объявив вишистское законодательство лишенным законной силы и разрешив деятельность органов местного самоуправления в Алжире, Жиро заявил, что после освобождения Франции французский народ, «сохраняя порядок в рамках восстановленных свобод», получит возможность избрать «свое Временное правительство в соответствии с конституционными законами республики»².

В письме к де Голлю от 1 апреля 1943 г. Жиро предложил использовать для формирования будущего правительства входивший в состав конституции Третьей республики закон Тревенека от 15 февраля 1872 г. Этот закон предусматривал, что если парламент окажется не в состоянии осуществлять свои функции, то генеральные советы департаментов должны будут назначить делегатов, собрание которых возьмет на себя прерогативы парламента и сформирует правительство. Реальная власть вплоть до освобождения Франции и формирования Временного правительства должна была, по мысли Жиро, остаться в руках главнокомандующего, «ответственного перед союзным командованием за поддержание порядка на освобожденных территориях». По мере освобождения французской территории там будет восстанавливаться законодательство Третьей республики, но с характерной оговоркой: «в соответствии с принципами и практикой, существующими в Северной Африке»³.

¹ *Gén. Giraud*. Op. cit., p. 120—121.

² «Discours et messages du Général Giraud», p. 31—32.

³ *Gén. Giraud*. Op. cit., p. 134—157.

Поскольку эта система предусматривала сохранение власти главнокомандующего (т. е. Жиро), она была неприемлема для «Сражающейся Франции». В то же время лидерам ФНК стало ясно, что пока невозможно полностью устранить Жиро от руководства. После совещания де Голля с генералом Катру, возглавлявшим миссию связи при Жиро, ФНК предложил «компромиссный выход, состоящий в установлении сопредседательства в правительственном органе, другими словами, в установлении диархии Жиро — де Голль»¹. Правительства Англии и США дали согласие на этот проект, который затем был принят Жиро.

3 июня 1943 г. после 3-дневных переговоров между Жиро и де Голлем в Алжире был подписан ордонанс, учреждающий Французский комитет национального освобождения (ФКНО), и принята его учредительная декларация. В декларации говорилось: «Генералы де Голль и Жиро в качестве председателей, генерал Жорж, генерал Катру, г-да Массигли, Моннэ, Филип в качестве членов образуют Французский комитет национального освобождения, который будет впоследствии пополнен другими членами. Сформированный таким образом Комитет является центральной французской властью. Комитет руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсюду. В соответствии с этим он осуществляет французский суверенитет на всех территориях, находящихся вне власти врага. Он обеспечивает руководство всеми интересами Франции и их защиту во всем мире»². По существу ФКНО брал на себя функции Временного правительства, но, учитывая позицию Жиро и возражения США, официально не называл себя правительством. Он даже обещал передать свои полномочия «Временному правительству, которое будет сформировано в соответствии с законами республики, как только освобождение территории метрополии позволит это сделать, и самое позднее — после полного освобождения Франции»³.

Задачи ФКНО определялись следующим образом: «В тесном сотрудничестве со всеми союзниками Комитет будет продолжать совместную борьбу в целях пол-

¹ *Gén. Catroux. Op. cit., p. 355.*

² «*Journal Officiel de la République Française*», 10. VI. 1943.

³ *Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 578 (документы).*

ного освобождения французских территорий и территорий союзников до победы над всеми враждебными державами. Комитет торжественно обязуется восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим, полностью уничтожив режим произвола и личной власти, навязанный в настоящее время стране». Комитет «служит французскому народу». Он выступает за объединение «всех национальных сил» и «необходимое обновление страны». Комитет «призывает всех французов следовать за ним, для того чтобы Франция вновь обрела в борьбе и победе свою свободу, свое величие и свое традиционное место среди великих союзных держав»¹.

7 июня 1943 г. были сформированы комиссариаты ФКНО (т. е. министерства), а состав Комитета расширен. По предложению де Голля членами ФКНО стали дополнительно Р. Плевен, А. Бонне, А. Дьетельм и А. Тиксье; по предложению Жиро — Р. Мейер, М. Кув де Мюрвиль и Ж. Абади. Численность ФКНО возросла до 14 человек, причем 9 из них ранее принадлежали к «Сражающейся Франции». На самом деле преобладание сторонников де Голля было еще более значительным, потому что Ж. Моннэ и М. Кув де Мюрвиль заранее дали знать, что «считают необходимым объединение Франции во главе с генералом де Голлем»².

Формирование ФКНО завершило собой важный этап в деле объединения французских патриотических сил. Произошло слияние двух группировок, ставивших своей целью борьбу против Германии. Под руководством ФКНО объединились почти все бывшие французские колонии. Был создан единый руководящий центр, обладающий довольно значительными военными силами и пользующийся авторитетом среди движения Сопротивления. «Все французы с радостью приветствуют реализацию союза всех французских сил для борьбы против фашистского врага и видят в Комитете фактическое правительство Франции»³, — писала «Юманите», комментируя известие об образовании ФКНО. Советская печать расценила соглашение Жиро — де Голля и формирование ФКНО как «большой шаг вперед на пути к

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 578—579 (документы).

² Там же, стр. 540.

³ «L'Humanité», 11. VI. 1943.

полному объединению всех французских сил, стремящихся к освобождению Франции»¹.

Вместе с тем несомненно, что «в своем первоначальном виде Французский комитет национального освобождения был детищем компромисса»², а в его практической деятельности имелось немало слабостей и недостатков. Программные документы ФКНО носили слишком общий и абстрактный характер. Советская печать, опубликовавшая декларацию ФКНО³, справедливо указывала, что эта декларация «ни одним словом не заикается о виновниках поражения Франции, она даже не упоминает Петэна и Лавалья, ничего не говорит о наказании французских изменников»⁴. Ни в декларации, ни в ордонансе не упоминались такие важнейшие вопросы, как отношение к вооруженной борьбе и национальному восстанию; отношение к рабочему движению, политическим партиям и профсоюзам; не затрагивались проблемы социально-экономических преобразований и послевоенного устройства Франции.

176

Основной недостаток ФКНО состоял в том, что он не включал в себя представителей внутреннего Сопротивления, а его связь с демократическими партиями и организациями была совершенно недостаточной. Все члены ФКНО (за исключением социалиста А. Филипа и деятеля реформистских профсоюзов А. Тиксье) принадлежали к буржуазии. Большую роль в первом составе Комитета играли военные: генерал де Голль, генерал Жиро, генерал Катру и генерал Жорж. За исключением генерала де Голля, все они были генералами высшего ранга и до войны принадлежали к армейской верхушке.

Гражданские члены ФКНО в подавляющем большинстве вышли из крупной и средней буржуазии. От руководства «Сражающейся Франции» в ФКНО вошли предприниматель Плевен, член правления ряда промышленных компаний Дьетельм, профессор Лилльского университета и профессиональный дипломат Р. Массигли, профессор истории, член Высшего совета научных исследований А. Бонне. Еще более очевидным было пре-

---

¹ «Правда», 5 июня 1943 г.

² М. Торез. Избр. произв., т. 1, стр. 591.

³ «Правда», 9 июня 1943 г.

⁴ А. Галин. Об условиях возрождения Франции. — «Война и рабочий класс», 1943, № 3, стр. 21.

обладание крупной буржуазии среди членов ФКНО, введенных по предложению Жиро. Ж. Монне задолго до второй мировой войны стал крупным банкиром и предпринимателем. Р. Мейер был связан родственными узами с французской ветвью династии Ротшильдов, являлся председателем международного общества по производству спальных вагонов, членом правления или советником ряда французских и иностранных компаний. М. Кув де Мюрвиль до войны занимал ряд ответственных постов в министерстве финансов. В целом в составе ФКНО было гораздо больше представителей крупной буржуазии, нежели в руководстве «Свободной Франции» или в составе лондонского ФНК. Этот факт отражал общую тенденцию: постепенный переход французской крупной буржуазии на сторону союзников, ее поворот от поддержки Виши к поддержке де Голля.

По инициативе генерала де Голля ФКНО принял ряд мер по ликвидации остатков вишистского режима в Африке. Генерал-губернаторы, назначенные Виши, а затем утвержденные США, были смещены со своих постов, несмотря на возражения союзных властей. На Северную и Западную Африку были распространены ордонансы, уже действовавшие на территориях «Сражающейся Франции».

6 июля 1943 г. ФКНО одобрил весьма важный ордонанс «О законности действий, совершенных для дела освобождения Франции». Этот ордонанс объявил законными «все акты, совершенные после 10 июня 1940 г. для дела освобождения Франции, даже в том случае, если они вели к нарушению существовавших в то время законов»¹. 10 августа 1943 г. де Голль предложил предать суду бывшего министра внутренних дел Пюше и некоторых других вишистов, находившихся в Алжире. Несмотря на возражения Жиро, ФКНО постановил начать процесс Пюше².

Очень важное значение имели мероприятия ФКНО, отменившие запрет Коммунистической партии и облегчившие положение трудящихся масс. 1 июля 1943 г. Жиро и де Голль подписали ордонанс об амнистии, кото-

¹ «J. O. de la République Française», 10. VII. 1943.

² *Gén Giraud*. Op. cit., p. 268—269.

рый отменил запрещение деятельности Компартии¹. Компартия получала право на легальное существование; судебные преследования против коммунистов аннулировались; лица, арестованные на основании антикоммунистических законов, освобождались.

Летом 1943 г. ФКНО сделал первые шаги в области социального законодательства. 19 июля были восстановлены двухнедельные оплачиваемые отпуска для рабочих². Учитывая, что стоимость жизни в Северной и Западной Африке, даже по официальным данным, возросла по сравнению с довоенным временем на 180%, ФКНО ордонансом от 14 августа 1943 г. отменил декрет о замораживании заработной платы. Генерал-губернаторы получили право (после консультации с профсоюзами и предпринимателями) увеличивать ставки заработной платы до 25%. Размеры пенсий также были несколько увеличены³.

178

Ликвидация остатков вишистского режима и нежелание де Голля считаться с просьбами союзников о снисхождении для тех или иных бывших вишистов вызвали беспокойство Англии и США, которое еще более возросло после того, как де Голль потребовал разделения функций главнокомандующего и сопредседателя ФКНО, т. е. фактически удаления Жиро с поста сопредседателя. По инструкциям Рузвельта генерал Эйзенхауэр пригласил к себе де Голля и Жиро и заявил, что «Жиро должен оставаться главнокомандующим с сохранением прежних личных и абсолютных полномочий как в отношении военных операций, так и в отношении организации и управления вооруженными силами»⁴. Де Голль протестовал, угрожал отставкой, но вынужден был в тот момент отступить. Африканская армия осталась под командованием Жиро, силы «Сражающейся Франции» — под командованием де Голля.

Чтобы усилить давление на де Голля, Англия и США задержали решение вопроса о дипломатическом признании ФКНО, причем Рузвельт даже предлагал Черчиллю порвать с де Голлем⁵.

Напротив, Советское правительство уведомило Лон-

---

¹ «J. O. de la République Française», 1. VII. 1943.

² «Bulletin du C.F.L.N.» N 2, p. 56.

³ «J. O. de la République Française», 14, 21. VIII. 1943.

⁴ Ш. де Голль. Указ соч., т. 2, стр. 591 (документы).

⁵ «Eden Memoirs», p. 394.

дон, что оно «не находит целесообразным откладывать признание Комитета, так как такое откладывание отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»¹. Советская печать выступила в поддержку ФКНО. Напомнив, что СССР в свое время признал ФНК, журнал «Война и рабочий класс» подчеркивал: «Тем больше оснований для положительного отношения к Французскому Комитету сейчас, когда объединение охватило гораздо более широкие круги французов, готовых вести борьбу против Гитлера»².

Убедившись, что непризнание со стороны Англии и США не оказывает желаемого влияния на политику ФКНО, Черчилль заколебался. После споров с Иденом, выступавшим за признание ФКНО, он присоединился к этой точке зрения³. Решающим аргументом было соображение, «что если западные союзники будут удерживать Комитет на расстоянии, то Советский Союз тем не менее его признает и Комитет будет ориентировать свою политику на Россию»⁴.

179

27 августа 1943 г. Англия, США и СССР одновременно опубликовали заявления о признании ФКНО, содержание которых существенно отличалось друг от друга. Английское правительство заявило, что признает ФКНО «как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть», а также как орган, способный «обеспечить руководство французскими усилиями в войне в рамках межсоюзнического сотрудничества». Еще более ограниченной была американская формула признания. Правительство США повторило основные положения английского проекта, но подчеркнуло, что его заявление «не представляет собой признания правительством Соединенных Штатов правительства Франции или Французской империи»⁵.

Урезанным и ограниченным формулировкам Англии и США противостояла советская формула признания,

---

¹ «Советско-французские отношения...», стр. 164.

² Н. Николаев. Французский вопрос ждет своего разрешения.— «Война и рабочий класс», 1943, № 6, стр. 21.

³ «Eden Memoirs», p. 396—398.

⁴ А. Функ. La reconnaissance du C.F.L.N.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», janvier 1959, p. 39.

⁵ «Советско-французские отношения...», стр. 190, 191.

полностью учитывавшая пожелания руководителей ФКНО. Советский Союз признал Французский комитет национального освобождения «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании», решив обменяться с ним полномочными представительствами¹.

Признание ФКНО тремя великими державами антигитлеровской коалиции окончательно закрепило его положение на международной арене. В течение нескольких последующих недель Комитет был признан еще 19 правительствами, в том числе Канадой, Китаем, Швецией, Бразилией, Чили и другими странами Латинской Америки². С признанием ФКНО завершился первый этап его деятельности. Французский комитет национального освобождения превратился в общепризнанный руководящий центр, вокруг которого объединялись все французские патриоты, желавшие бороться за свободу и независимость своей родины.

Очень большое влияние на деятельность ФКНО оказали высадка англо-американских войск в Италии, падение фашистского режима Муссолини и освобождение Корсики. Как известно, высадив свои войска в Италии, Англия и США поддержали королевское правительство маршала Бадольо, а фактическое управление освобожденными территориями передали в руки союзной военной администрации — АМГОТ.

Руководители ФКНО, стремившиеся овладеть властью в освобожденной Франции, увидели в действиях союзников опасный прецедент. Они опасались возможного сговора Петэна с англо-американцами (по образцу Дарлана или Бадольо) и не желали допускать систему АМГОТ во Франции. Предотвратить сговор вишистов с союзниками и не допустить появления системы АМГОТ руководители ФКНО могли только при помощи организаций Сопротивления. Однако их настораживала активность и самостоятельность внутреннего Сопротивления. Падение Муссолини, сопровождавшееся мощными заба-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. 1. М., 1946, стр. 402.

² «Bulletin du C.F.L.N.» N 2, p. 77—78.

стовками итальянских рабочих, и особенно освобождение Корсики в результате вооруженного восстания, руководимого Национальным фронтом и поддержанного войсками генерала Жиро; оживило страх буржуазных деятелей Сопrotивления перед народом. Им казалось, что освобождение Корсики наглядно показывает путь, которым трудящиеся смогут прийти к власти во Франции. Комиссар ФКНО по внутренним делам А. Филип, посетивший Корсику после освобождения, утверждал, будто «коммунисты, опираясь на участников Сопrotивления, восстанавливают муниципалитеты по своему усмотрению и овладевают средствами информации»¹. В связи с этим усилились антикоммунистические настроения и углубились противоречия как внутри движения Сопrotивления, так и в политике ФКНО.

Публично адресуя корсиканским патриотам «слова любви и гордости Франции»², де Голль назначил своего сторонника Ш. Люизе префектом Корсики и поручил ему «немедленно отправиться туда с достаточно сильным отрядом»³. Прибыв на Корсику, Люизе постарался разоружить партизанские отряды и передать охрану порядка в руки полиции и жандармерии. Воспользовавшись событиями на Корсике, в ходе которых Жиро оказал помощь Национальному фронту как «единственной организации, способной приступить к действиям»⁴, де Голль добился его устранения с поста сопредседателя Национального комитета. Де Голль обвинил Жиро в самочинных действиях, в результате которых коммунисты якобы получили «монопольное положение» на Корсике⁵, а члены ФКНО, которые «боялись, что договоренность Жиро с Национальным фронтом, где большинство составляли коммунисты, приведет последних к власти»⁶, поддержали де Голля.

Став единоличным руководителем ФКНО, де Голль стремился сплотить Сопrotивление под своим руководством и опереться на него. Главной политической базой для такого сплочения была борьба против Виши, за демократические преобразования, которых требовали уча-

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 172.

² Ch. de Gaulle. Discours de guerre, t. 2, p. 131.

³ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 168.

⁴ Gén. Giraud. Op. cit., p. 246, 260—262.

⁵ См. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 167.

⁶ J. Soustelle. Envers et contre tout. Paris, 1950, t. 2, p. 283.

стники Сопротивления. 3 сентября 1943 г. Французский комитет национального освобождения по инициативе генерала де Голля принял принципиальное решение «привлечь к судебной ответственности маршала Петэна, а также членов или бывших членов так называемого правительства Французского государства». Кроме того, привлекались к ответственности высшие чиновники колониальной администрации, «которые своими действиями препятствовали участию подведомственных им французских территорий в войне на стороне союзников и тем самым нанесли ущерб внешней безопасности государства»¹.

Чтобы придать ФКНО более демократический облик, было решено ввести в его состав представителей движения Сопротивления и политических партий, а также создать в Алжире Временную Консультативную Ассамблею. Ордонанс от 17 сентября 1943 г., учредивший Консультативную Ассамблею², возлагал на нее задачу «наиболее полно, насколько это позволяют существующие условия, выражать национальное общественное мнение». В Ассамблею должны были войти 40 представителей организаций Сопротивления из метрополии; 12 представителей Сопротивления из-за пределов метрополии; 12 представителей генеральных советов освобожденных департаментов и колоний; 20 бывших членов сената и палаты депутатов, не голосовавших за Петэна. Ассамблея подлежала роспуску в тот момент, «когда будет создано собрание, имеющее право назначить Временное правительство».

В декабре 1943 г. число делегатов Ассамблеи от внутреннего Сопротивления было увеличено до 49, от внешнего — до 21 человека³. Делегаты стали пользоваться правом депутатской неприкосновенности, а члены ФКНО обязались отвечать на их запросы. По образцу парламента Третьей республики при Ассамблее учреждался ряд комиссий: иностранных дел, финансов, обороны, заморских территорий, народного образования, здравоохранения, экономики и социальных дел, государственных реформ, информации и пропаганды, внутренних дел. Они изучали проекты ордонансов и декретов,

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 656, 657 (документы).

² «J. O. de la République Française», 23. IX. 1943.

³ «J. O. de la République Française», 16. XII. 1943.

представленных ФКНО, готовили доклады, которые служили базой для дискуссий на пленарных заседаниях¹.

Консультативная Ассамблея оказалась довольно представительным собранием. Хотя делегаты Национального фронта и ФТП по вине агентов БСРА не смогли прибыть в Алжир, в составе Ассамблеи все же находилось 8 коммунистов, вырвавшихся из тюрем Алжира или прибывших из Франции. В Ассамблее заседали представители Социалистической и Радикальной партий, деятели Республиканской Федерации и Демократического Альянса, видные руководители движения Сопротивления. Наличие представительного органа, обсуждающего важнейшие проблемы национально-освободительной борьбы, явилось шагом к демократизации политической системы, созданной ФКНО, и существенно укрепило позиции Комитета внутри страны и на международной арене. В том же направлении шли преобразования в составе ФКНО.

183

6 ноября 1943 г. Комитет принял официальное решение ввести в свой состав «представителей основных политических течений и организаций Сопротивления во Франции, с тем чтобы Комитет более точно отражал общественное мнение страны и Консультативной Ассамблеи, а также для того, чтобы обеспечить духовную сплоченность и единство действий в работе Комитета»². 9 ноября 1943 г. был утвержден список новых членов ФКНО. Де Голль стал единственным председателем Комитета, Жиро и его сторонники устранились. Наряду с прежними членами ФКНО, поддерживавшими де Голля, в его состав впервые вошли представители организаций Сопротивления и некоторых политических партий. Э. д'Астье де ля Вижери стал комиссаром внутренних дел; Ф. де Мантон — комиссаром юстиции; А. Френэ — комиссаром по делам депортированных, военнопленных и беженцев; Р. Капитан — комиссаром народного просвещения. Национальными комиссарами были назначены два социалиста (А. Филип и А. Ле Трокер), два радикал-социалиста (П. Мендес-Франс и А. Кэй), один из бывших депутатов Республиканской Федерации — Л. Жакино³.

¹ E. Katz-Blamont. *L'Assemblée consultative provisoire*. Alger, 1944, p. 19.

² «J. O. de la République Française», 11—13. XI. 1943.

³ Ibidem.

Однако если участие представителей Соппротивления в работе ФКНО имело положительное значение, то его состав все же далеко не полностью отвечал требованиям патриотических сил. В ФКНО не были представлены ни Национальный фронт, ни Всеобщая конфедерация труда, ни даже Коммунистическая партия, хотя вопрос об участии коммунистов в ФКНО был предметом продолжительных переговоров¹. Еще 25 августа 1943 г. генерал де Голль направил представителю ЦК ФКП Ф. Гренье конфиденциальное письмо с предложением войти в правительство. 28 сентября он повторил, что «Комитет, несомненно, был бы заинтересован, чтобы в нем была представлена Коммунистическая партия»². В начале ноября 1943 г. Коммунистическая партия сообщила де Голлю, что «она могла бы войти в состав Французского комитета национального освобождения при условии, что ее делегат или делегаты будут обладать реальной исполнительной властью, позволяющей действовать, а не будут иметь только более или менее представительный характер»³. В качестве основы для совместной деятельности Компартия предлагала следующую программу: использовать для ведения военных действий все средства, которыми располагает Франция, в частности вооружить французских патриотов, «этих солдат без униформы, действующих в метрополии»; наказать «предателей, которые уже находятся в руках французских властей»; осуществлять «демократическую и социальную политику, которая позволит мобилизовать энергию народа на ведение войны»; добиваться «единства всех французов и всего населения империи на основе понимания и удовлетворения законных требований широких масс населения колоний»; усилить роль «Франции в блоке Объединенных Наций на основе уважения независимости Франции и восстановления ее величия». Компартия указывала, что право выбора кандидатов для замещения предложенных постов должно принадлежать ЦК ФКП⁴.

Де Голль согласился с программой, выдвинутой Ком-

¹ Их краткий обзор содержится в политическом отчете ЦК ФКП X съезду партии («Sept ans...», р. 40—41).

² Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 643 (документы).

³ Ф. Гренье. Вот как это было (Воспоминания). М., 1960, стр. 159.

⁴ Там же, стр. 160. Ср. «L'Humanité», 3. XII. 1943.

партий, и после ряда дискуссий с предложенными ЦК ФКП кандидатурами. В печати даже появилось сообщение о том, что членами ФКНО стали депутаты-коммунисты Л. Мидоль и Э. Фажон¹. Однако это сообщение оказалось преждевременным. Де Голль взял обратно свое согласие, предлагая коммунистам второстепенные посты и желая вопреки демократическим принципам самолично выбрать тех лиц, которые войдут в ФКНО от имени Коммунистической партии². Только в апреле 1944 г., когда приблизилось освобождение Франции, этот вопрос был решен. 4 апреля 1944 г. Ф. Гренье стал комиссаром по делам авиации, а Ф. Бийу — государственным комиссаром ФКНО³. Однако, желая затруднить деятельность руководства Компартии, де Голль не разрешил въезд в Алжир. Генеральному секретарю ФКП М. Торезу⁴, находившемуся тогда в Советском Союзе.

Участие коммунистов в составе ФКНО имело важное принципиальное и практическое значение. Впервые в истории Франции коммунисты вошли в состав правительства. Их участие создало условия для превращения ФКНО во Временное правительство и обогатило французских коммунистов опытом правительственной деятельности.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ

События ноября 1942 г. — «наступление Красной Армии под Сталинградом, высадка союзников в Северной Африке, оккупация всей Франции, героический подвиг тулонских моряков — привели к новому резкому подъему движения национального Сопротивления»⁵.

После оккупации южной зоны и окончательной дискредитации правительства Виши массы населения стали выходить из состояния «оцепенения». Огромную роль в этом процессе сыграла борьба против депортации.

¹ «L'Humanité», 19. IX. 1943.

² См. Ф. Гренье. Указ. соч., стр. 161.

³ «J. O. de la République Française», 6. IV. 1944.

⁴ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XIX, p. 179—182.

⁵ М. Торез. Избранные произведения, т. 1, стр. 582.

С вступлением в силу законов Виши об обязательной трудовой повинности «сопротивление рабочих и молодежи приняло массовый характер»¹. Тысячи молодых рабочих, студентов, служащих, которым в первую очередь грозила отправка в Германию, всячески старались уклониться от нее.

Уклоняющиеся от мобилизации (рефрактеры) пользовались поддержкой и симпатиями всего населения. Рабочие устраивали стачки и демонстрации протеста против вывоза молодежи в Германию. Крестьяне снабжали рефрактеров продовольствием. Патриотически настроенные предприниматели представляли в полицию неверные списки наличного персонала, порой выплачивали зарплату своим рабочим, уклонявшимся от отправки в Германию². Даже вишистские чиновники иногда доставали для них фальшивые документы.

По мере расширения масштабов депортации и применения оккупантами массовых облав многие рефрактеры стали убежать из городов и скрываться в сельской местности. На языке того времени это называлось «уйти в маки» (от корсиканского слова «маки» — густой кустарник, в котором в прежние времена корсиканцы спасались от полиции). С конца 1942 — начала 1943 г. в малонаселенных лесных и горных районах Франции появились первые лагеря маки, созданные главным образом молодыми рабочими и студентами, скрывавшимися от депортации. Ушедшие в маки лица (макизары) фактически оказывались на нелегальном или полунелегальном положении. Они охотно устанавливали связи с Сопротивлением, а иногда даже формировали свои вооруженные отряды, располагавшиеся в труднодоступной местности, например в Альпах или в Савойе³.

Глубокие перемены в настроениях масс населения привели к быстрому росту всех организаций Сопротивления. Особенно существенно изменились численность и социальный состав буржуазно-патриотических организаций. В них хлынули массы рабочих, крестьян, молодежи, стремившихся бороться с врагом, а кроме того, присоединилась часть буржуазных деятелей, ранее под-

¹ М. Торез. Избранные произведения, т. 1, стр. 584.

² «L'Humanité», 11. XII. 1942.

³ Обширная библиография по истории маки собрана в статье: Н. Michel. Bibliographie sur maquis.— «Revue d'histoire de la 2-е guerre mondiale» N 49 janvier 1963.

держивавших Виши. В начале 1943 г. общая численность буржуазно-патриотических организаций Сопротивления, по оценке генерала де Голля, составила около 70 тыс. человек¹, т. е. увеличилась примерно в 2 раза по сравнению с осенью 1942 г.

Подавляющее большинство рядовых членов буржуазно-патриотических организаций теперь составляли трудящиеся. Согласно данным специального исследования, проведенного сотрудниками Комитета по истории второй мировой войны, к началу 1943 г. основная масса рядовых членов «Комба» (которая оставалась самой крупной буржуазно-патриотической организацией Сопротивления) рекрутировалась из рабочих, служащих и крестьян. Ее боевые группы «состояли главным образом из рабочих и студентов». Отряды маки также формировались «главным образом из студентов, рабочих и крестьян»².

Состав руководства значительно отличался от рядовых. Интеллигенция и студенты по-прежнему занимали в нем первое место. Из 516 руководящих работников «Комба» центрального, районного и департаментского масштабов на долю интеллигенции и студентов приходилось 256 человек (т. е. примерно 50%). В центральном руководстве их доля была еще выше, достигая почти 60%. На второе место (оттеснив офицеров) вышли служащие. Их насчитывалось 77 человек (или 14,9%), офицеров — 52 человека (примерно 10%). Новым явлением было повышение роли рабочих и ремесленников в руководстве (63 человека, или 12,2%), в том числе в составе центрального руководства — 8 человек (22%). Крестьян в руководстве «Комба» не было вовсе, зато среди руководящих работников районов и департаментов насчитывалось 50 промышленников и торговцев (9,7%), 7 священников, 7 бывших полицейских и жандармов, 4 земельных собственника³. Эти данные подтверждают свидетельство А. Френэ, который говорил, что руководящие кадры «Комба» рекрутировались главным образом из буржуазии, а массовая база — из рабочих, крестьян и ремесленников⁴.

В руководящих органах некоторых буржуазно-пат-

¹ См. *Ш. де Голль*. Указ. соч., т. 2, стр. 295.

² *M. Granet et H. Michel*. *Combat*, p. 229—230.

³ *Ibid.*, p. 229.

⁴ «*Témoignage d'H. Frenay*».

риотических организаций появились люди прогрессивных убеждений, а иногда даже коммунисты. Так, коммунист А. Маллере (Жуанвиль) участвовал в руководстве боевыми группами «Либерасьон-Сюд». Коммунист М. Деглям возглавил службу «рабочего действия» в «Комба».

Поворот широких масс населения к движению Сопротивления и переориентация французской крупной буржуазии способствовали появлению новых нелегальных организаций. После роспуска «армии перемирия» часть ее солдат и офицеров основала Организацию Сопротивления армии (ОРА или ОМА). Руководители ОРА (бывший военный советник Петэна генерал Фрер, а после его ареста бывший начальник штаба «армии перемирия» генерал Ревер) стремились подготовить кадры для возобновления военных действий против оккупантов в момент освобождения Франции. Они установили связи с патриотически настроенными солдатами и офицерами, разрабатывали планы будущей мобилизации, собирали разведывательные данные. По своим политическим взглядам руководители ОРА были близки к Жиро. Они выступали против немецко-фашистской оккупации, но первоначально не осуждали вишистский режим¹.

В северной зоне к двум сравнительно крупным буржуазно-патриотическим организациям (ОСМ и «Либерасьон-Нор») прибавились еще две, ранее пребывавшие в эмбриональном состоянии. Осенью 1942 г. бывшие члены филиала «Комба» в северной зоне, уцелевшие после его разгрома немецкой полицией, основали группу «Сторонники Сопротивления» («Сэ де ля Резистанс»), Руководителями группы стали бывший офицер, видный работник финансовой службы Парижа Ж. Леконт-Буане; адвокаты Поль и Пьер Арриги (отец и сын); морской офицер, владелец сахарного завода граф Ж. де Вогюэ; адвокат, докладчик Государственного Совета М. Дебре. Будучи в основном людьми правых политических взглядов, руководители «Сэ де ля Резистанс» долгое время не вели агитации в массах, не издавали ни газет, ни листовок². Группа имела военно-

¹ Краткий и весьма апологетический очерк истории ОРА, написанный генералом Ревером, опубликован в кн.: «La France et son Empire dans la guerre», t. II. Paris, 1948.

² J. Lecompte-Boinet. Origines du C.D.L.R. — «Volonté», 20. XII. 1944.

разведывательные ячейки в Нормандии, Шампани, Франш-Конте, Лотарингии, в департаментах Нор и Шер. В начале 1943 г. она приступила к организации «гражданских служб»: службы «рабочего действия» и службы проникновения в администрацию¹.

Резко увеличила свое влияние группа «Сторонники освобождения» («Сэ де ля Либерасьон»), зародыш которой был создан инженером Рипош еще в 1940 г. После объединения в конце 1942 г. с группой «Ванжанс» («Мщение») она стала быстро расти, приобретая влияние в Парижском районе и в департаментах северной зоны. Ее руководители (Кокуэн, Медерик, Мюттер), как и руководители «Сэ де ля Резистанс», занимались в основном военно-разведывательной деятельностью.

Новая обстановка, сложившаяся во Франции после оккупации южной зоны, способствовала быстрому росту вооруженной борьбы. Если в 1942 г. французские партизаны организовали 276 диверсий на железных дорогах, то в 1943 г. их число возросло до 2009, т. е. увеличилось за один год более чем в 7 раз². Активно развивалось партизанское движение в южной зоне, где ранее оно было очень слабым. В департаменте Пюи-де-Дом (с центром в г. Клермон-Ферране) с ноября 1942 по декабрь 1943 г. было зарегистрировано 217 актов Сопротивления, тогда как за предшествующие два года отмечено только пять подобных действий³.

Ведущую роль в организации боевых операций, как и раньше, играли коммунисты, призывавшие всех патриотов «повседневной борьбой готовить национальное восстание»⁴. В апреле 1943 г. «Юманите» опубликовала «Генеральные директивы по подготовке вооруженного восстания»⁵. Исходя из предположения, что восстание «произойдет одновременно с высадкой союзников на континенте» (которая теперь ожидалась летом 1943 г.),

¹ История «Сэ де ля Резистанс» изложена в работах: *M. Granet. Ceux de la Résistance.* — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», juillet 1962; *M. Granet. Ceux de la Résistance.* Paris, 1964.

² *B. Nardain. Les Francs-Tireurs et Partisans Français et l'insurrection nationale.* Paris, 1947, p. 47—48.

³ «D'après le fichier de M. Mandry, correspondant du Comité d'histoire de la deuxième guerre mondiale pour le département du Puy de Dôme».

⁴ «L'Humanité», 27. XI. 1942.

⁵ «L'Humanité», 15. IV. 1943.

Компартия предлагала заранее готовить массовое народное восстание. «Генеральные директивы» советовали всем организациям Сопротивления при известии о высадке союзников во Франции, не ожидая дополнительных указаний от центральных органов, немедленно мобилизовать своих членов, объявить всеобщую стачку, вооружить население, освободить арестованных патриотов, арестовать или уничтожить жандармов и полицейских, «занять общественные здания: префектуры, мэрии, почту, радио и т. п., сместить представителей вишистских властей и заменить их делегациями патриотических группировок, которые возьмут в руки руководство администрацией и снабжением».

Под влиянием новой военно-политической обстановки многие руководители буржуазно-патриотических организаций пересмотрели свое отношение к вооруженной борьбе. Некоторые из них искренне считали, что настал благоприятный момент для перехода к активным боевым действиям с целью ускорить освобождение страны. Другие опасались, что если и впредь только коммунисты будут вести вооруженную борьбу, власть после освобождения Франции может оказаться в руках рабочего класса. В печати некоторых организаций (особенно «Либерасьон-Сюд» и «Комба») стали публиковаться сводки «С фронта Сопротивления», рассказывающие о боевых действиях французских патриотов; появились — сначала еще в очень общей форме — призывы к вооруженной борьбе. «Мы боремся и будем сражаться с оружием в руках»¹, — говорилось, например, в программе действия «Либерасьон-Сюд», опубликованной 10 января 1943 г. «Мы должны быть готовыми открыть путь нашим товарищам из «Сражающейся Франции» и нашим союзникам»², — заявляла «Комба». К началу 1943 г. все основные группировки Сопротивления северной зоны (за исключением «Либерасьон-Нор») имели военные организации и «были готовы немедленно вооружить уже имевшиеся группы и подготовить нападение на те объекты, которые будут выбраны генералом де Голлем по соглашению со штабом союзников»³. Даже организации, которые по существу оставались на атлантических

¹ «Libération» (Z. S.), 10. I. 1943.

² «Combat», novembre 1942.

³ Passy. Op. cit., t. III, p. 104.

позициях, стали готовить вооруженные отряды для борьбы против оккупантов и для захвата власти в момент освобождения Франции.

Подъем национально-освободительного движения и перспективы близкого освобождения создали благоприятные условия для объединения сил Сопротивления. С начала 1943 г. «Юманите» выходила под лозунгом: «Объединиться, вооружиться, сражаться!»¹ Вокруг Коммунистической партии сплотились другие организации Сопротивления: Национальный фронт, ФТП, Союз коммунистической молодежи, прогрессивные профсоюзы. В начале 1943 г. по инициативе коммунистов была создана массовая организация «Союз французских женщин».

191

В апреле 1943 г. удалось восстановить организационное единство Всеобщей конфедерации труда. В результате совещания представителей нелегальных профсоюзов А. Толле и А. Рейно со сторонниками Жуо, членами руководства ВКТ Р. Ботро и Л. Сайяном в местечке Перре (близ Парижа) была достигнута договоренность о воссоединении ВКТ на тех условиях, которые существовали до войны и раскола 1939 г. В первую очередь восстанавливалось единство в центральном руководящем органе — Конфедеральном бюро ВКТ. Из него исключались сторонники Белена. Сторонники Жуо, имевшие до войны большинство в Конфедеральном бюро, сохранили там 5 мест, коммунисты — 3 места². Руководство федерациями, департаментскими объединениями и местными отделениями профсоюзов переходило к тому течению, которое возглавляло их до раскола 1939 г. В частности, А. Толле снова стал секретарем Объединения профсоюзов Парижского района, и коммунисты вернулись к руководству крупнейшими федерациями металлистов и железнодорожников.

На практике слияние местных и департаментских организаций ВКТ потребовало довольно значительного времени и, как видно из интервью Б. Фрашона газете «Ви увриер», затянулось до 1944 г.³ До этого времени представители обоих течений «выступали совместно по

¹ «L'Humanité», 5. II. 1943.

² А. Tollet. Op. cit., p. 163.

³ «La Vie Ouvrière», 5. IV. 1944.

всем вопросам, по которым имелось согласие. В остальных случаях каждое течение сохраняло свободу действий». Главные разногласия касались борьбы против аттантизма. Коммунистам пришлось приложить большие усилия, «чтобы убедить колеблющихся, которых их положение, естественно, толкало к аттантизму»¹, в необходимости немедленных, решительных действий. Только летом 1943 г. воссоединенное руководство ВКТ впервые призвало трудящихся «всеми средствами сопротивляться депортации»². Осенью 1943 г. оно сделало следующий шаг и рекомендовало всем профсоюзным организациям активно участвовать «в освобождении страны, которое мы должны стараться всемерно ускорить»³.

Объединенное руководство ВКТ предложило христианским профсоюзам принять участие в объединении профсоюзного движения, но лидеры христианских профсоюзов отказались от организационного слияния с ВКТ. Они создали «Комитет сопротивления христианских профсоюзов», заложивший основу для возрождения Французской конфедерации христианских профсоюзов, и согласились сотрудничать с ВКТ в Согласительном комитете с целью «изучения текущих проблем и подготовки социальных и экономических преобразований, которые должны последовать по окончании войны»⁴.

В борьбе против оккупантов и вишистов (особенно в ходе борьбы против депортации) произошло сближение ряда организаций Сопротивления с Коммунистической партией и Национальным фронтом. В ноябре 1942 г. Коммунистическая партия, Национальный фронт, «Комба», «Фран-Тирер» и «Либерасьон-Сюд» совместно обратились к французским полицейским с требованием «саботировать приказы гестапо», «всеми силами и средствами мешать мерам, принятым против рабочих»⁵. В феврале 1943 г. Коммунистическая партия, Национальный фронт, франтиреры и партизаны, «Комба», «Либерасьон», «Дефанс де ля Франс» и другие организации Сопротивления подписали обращение, в котором обещали «объединить свои усилия, чтобы поддержать рабочих

¹ A. Tollet. Op. cit., p. 164—165.

² «La Vie Ouvrière», 7. VII. 1943.

³ «La Vie Ouvrière», 2. X. 1943.

⁴ A. Tollet. Op. cit., p. 163, 168.

⁵ Листовка «Policiers, Prenez Garde!» (Archives départementales du Rhône).

в их сопротивлении, какую бы форму оно ни принимало (стачки, демонстрации и т. п.)». Они рекомендовали рабочим «вступать в ряды боевых патриотических организаций, чтобы бороться против захватчиков и готовиться поддерживать действия высадившихся войск, когда будет создан второй фронт в Европе»¹. Летом 1943 г. молодежные организации различных группировок (коммунистическая молодежь, христианская молодежь, молодежные группы ОСМ и организаций Сопротивления южной зоны) слились в единую общенациональную организацию «Объединенные силы патриотической молодежи»².

Желая объединить все силы, способные оказать противодействие оккупантам и предателям, Коммунистическая партия и Национальный фронт обратились с предложениями о сотрудничестве к различным политическим и общественным деятелям, в том числе к генералу де Голлю и генералу Жиро. 25 ноября 1942 г. состоялась встреча представителя Центрального Комитета ФКП и представителя генерала де Голля. Они пришли к соглашению относительно программы действий, основной пункт которой гласил: «Всенародное восстание для освобождения Франции будет подготовлено Французской коммунистической партией и силами Сражающейся Франции в тесном сотрудничестве на основе соглашений, которые будут заключены между генералом де Голлем и представителем Французской компартии, как только обстоятельства позволят им встретиться»³. В январе 1943 г. представитель руководства ФКП Ф. Гренье доставил де Голлю письмо Центрального Комитета Коммунистической партии, информировавшее «Сражающуюся Францию» о деятельности коммунистов в Сопротивлении. В ответном письме от 10 февраля 1943 г. де Голль писал: «Прибытие Фернана Гренье, переданное им заявление о присоединении Коммунистической партии к Национальному комитету, передача в мое распоряжение как верховного командующего французскими вооруженными силами доблестных формирований франтиреров, которые вы создали и во-

¹ «Défense de la France», 20. II. 1943. В результате опечатки отсутствует подпись Коммунистической партии. Ошибка была исправлена в номере от 30 марта 1943 г.

² «Forces Unis de la Jeunesse» N 10, 1-er juillet 1943.

³ М. Торез. Избранные произведения, т. 1, стр. 588.

одушевили, — все это проявления единства французов. Это новое доказательство вашей решимости способствовать освобождению и величю нашей страны». Касаясь политической основы сотрудничества с коммунистами, де Голль отмечал, что цель, «к которой мы совместно стремимся», — это «освобождение Франции возможно быстрее с активным и действенным участием французов»¹. По свидетельству Ж. Дюкло, «соглашение, осуществленное между партией и генералом де Голлем относительно программы совместных действий, содержало два основных пункта: необходимость национального восстания с целью освобождения Франции; полное право народа самому решить свою судьбу после победы»².

194

После прибытия Ф. Гренье в Лондон он был официально назначен советником при комиссариате внутренних дел и труда ФНК. Ф. Гренье получил возможность выступать от имени Компартии по английскому радио (хотя и в условиях двойной цензуры со стороны Англии и БСРА). В своей практической деятельности Гренье встретил много препятствий, вызванных стремлением буржуазии помешать росту влияния коммунистов. Службы БСРА задерживали его корреспонденцию, вместе с английскими властями не пропускали в эфир призывы к вооруженной борьбе и упоминания о боевых операциях франтиреров. Даже в сводках ФТП они заменяли слово «франтиреры» словом «патриоты»³. Тем не менее прибытие в Лондон представителя ЦК ФКП имело большое положительное значение, оформив соглашение о сотрудничестве между Коммунистической партией и «Сражающейся Францией».

Заклучив соглашение со «Сражающейся Францией», Компартия решила установить контакт с другой значительной силой, выступавшей против фашистской Германии, а именно с группировкой Жиро. Считая, что «Коммунистическая партия должна быть представлена повсюду, где существуют французские силы, борющиеся против врага»⁴, ЦК ФКП направил в Алжир депутата

---

¹ Выдержки из письма де Голля опубликованы в воспоминаниях Ж. Дюкло (*J. Duclos. Mémoires, vol. III. Deuxième partie. Annexes, p. 325—326*).

² *J. Duclos. Mémoires, t. III. Première partie, p. 300.*

³ *Ф. Гренье. Указ. соч., стр. 134—137.*

⁴ *J. Duclos. Mémoires, t. III. Première partie, p. 298—299.*

А. Пуртале в качестве своего представителя при генерале Жиро. Видные деятели ФКП, освобожденные из тюрем Алжира, В. Роше, Ф. Бийу, Ф. Бонт, Э. Фажон, Л. Мидоль образовали делегацию ЦК ФКП в Северной Африке. Под руководством делегации ЦК ФКП был налажен выпуск журналов «Франс Нувель» («Новая Франция») и «Либерте» («Свобода»). Французские коммунисты помогли восстановить коммунистические партии и профсоюзы в Алжире, Марокко и Тунисе. Они заключили соглашение о единстве действий с организацией «Комба» в Алжире и развернули активную деятельность, добиваясь ликвидации вишистских порядков, удовлетворения законных требований коренного населения, объединения всех патриотических сил в борьбе за освобождение Франции¹.

Постепенно стали оживать распавшиеся после поражения Социалистическая и буржуазные партии. Одной из причин было приобщение к Сопротивлению буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, ранее следовавших за этими партиями. Другой причиной являлся страх буржуазии перед Коммунистической партией, стремление противопоставить ей свои политические организации, чтобы сохранить власть в момент освобождения Франции. Поскольку Коммунистическая партия была единственной «партией Сопротивления», все остальные партии теперь спешили примкнуть к Сопротивлению или оформить участие в нем, чтобы завоевать авторитет в массах.

Толчком, ускорившим оживление партий, стало совместное обращение Коммунистической партии и организаций Сопротивления южной зоны о борьбе против депортации, которое наглядно показало, что Компартия — единственная политическая партия, принимающая участие в движении Сопротивления. Как вспоминал Пасси, после этого обращения «некоторые старые политики выбрались из нафталина и потребовали своей доли в этом призыве к оружию», а «мелкие подпольные комитеты, которые символизировали прежние партии», выдвинули претензии на участие в руководст-

---

¹ Первые итоги деятельности делегации ЦК ФКП подведены в статье: *F. Billoux. Des représentants du Peuple fidèles à leurs mandats.* — «France Nouvelle» N 3, février 1944.

ве Спротивлением наряду с Коммунистической партией¹.

В конце 1942 — начале 1943 г. руководители Комитета социалистического действия (КАС) по совету Л. Блюма решили официально восстановить Социалистическую партию, которая могла бы претендовать на звание второй (после коммунистов) «партии Спротивления». В апреле — мае 1943 г. Д. Мейер совершил поездку в Лондон, чтобы установить связь с де Голлем и окончательно согласовать политическую линию с социалистами, находившимися в Англии. Мейер составил Манифест Социалистической партии, который был обсужден в Лондоне, а затем одобрен на заседаниях КАС северной и южной зоны. На совещании лидеров социалистов двух зон 17 и 18 июня 1943 г. был сформирован общий секретариат и единый Исполнительный комитет ФСП². В июне — июле 1943 г. Манифест ФСП появился в подпольной печати, которая объявила о создании Исполнительного комитета ФСП³.

Вслед за Социалистической партией начали действовать руководящие группы некоторых буржуазных партий. В течение 1943 г. возродилась небольшая католическая партия «народных демократов», лидерами которой стали видные деятели «Комба» Ф. де Мантон, А. Тетжен, Ж. Бидо и др. После длительного бездействия проявили первые признаки жизни лидеры крупнейших довоенных партий Франции: партии радикал-социалистов, Демократического альянса, Республиканской федерации.

Оживление буржуазных партий и их притязания на участие в руководстве Спротивлением вызвали недовольство участников освободительного движения, которые видели, что лишь Коммунистическая партия да еще отдельные группы социалистов действительно боролись против оккупантов и Виши. Общим для них было убеждение, «что прежние партии, несущие ответственность за поражение, больше никого не представляют и что они так же мертвы, как злое правительство Виши»⁴. Учитывая пожелания рядовых участников Со-

¹ Passy. Op. cit., t. II, p. 269; t. III, p. 4.

² D. Mayer. Op. cit., p. 87, 107, 109.

³ «Le Populaire», juin 1943; 1, 15. VII. 1943.

⁴ «Défense de la France», 8. V. 1943.

противления, руководители буржуазно-патриотических группировок приступили к объединению своих организаций вне системы политических партий.

27 ноября 1942 г. в Лионе впервые собрался Координационный комитет южной зоны, состоявший из Мулена, Френэ, д'Астье и Леви. Комитет, заседавший под председательством Мулена, решил передать боевые группы каждой организации в единую «Тайную армию» (АС), командующим которой назначался генерал Делестрен. Вскоре «Комба», «Фран-Тирер» и «Либерасьон-Сюд» слились в одну организацию: «Объединенное движение Сопротивления» (МЮР).

26 января 1943 г. Координационный комитет южной зоны переименовал себя в Руководящий комитет МЮР. Мулен остался председателем, Френэ стал комиссаром по военным делам, д'Астье — комиссаром по политическим делам, Леви — комиссаром по разведке, безопасности и техническим средствам¹. Руководящий комитет МЮР обратился к своим сторонникам с Манифестом, предлагающим «немедленно осуществить единство командования движением французского Сопротивления» в первую очередь в трех областях: «1) политические повстанческие действия, 2) взятие власти, 3) массовые действия»². Предполагалось, что местные организации трех группировок сначала образуют местные координационные комитеты, а затем выделяют общего руководителя в каждом районе. Газеты и журналы сохраняли прежние названия и прежнее руководство, но считались теперь органами МЮР.

Делестрен и Френэ занялись организацией «Тайной армии», которая в принципе должна была выполнять приказы Руководящего комитета МЮР, но имела свою собственную организацию и командование, подчиненное Лондону. Будучи честным патриотом и горячим сторонником объединения всех патриотических сил, Делестрен установил регулярные контакты с руководством франтиреров и партизан и договорился о координации действий между Национальным военным комитетом ФТП и «Тайной армией» южной зоны.

В северной зоне объединение шло более медленными темпами. Весной 1943 г. де Голль направил в северную

¹ *M. Granet et H. Michel. Combat*, p. 281, 282.

² *Passy. Op. cit.*, t. III, p. 308—309.

зону руководителей БСРА Броссолета и Пасси, которым поручалось сформировать Координационный комитет и штаб «Тайной армии» по образцу южной зоны, а также «изыскать кадры для создания временной администрации северной зоны в день освобождения»¹. После длительных переговоров с руководителями Сопротивления Пасси и Броссолет добились решения об объединении военизированных групп Сопротивления северной зоны в «Тайную армию» с подчинением ее генералу Делестрену. Вся северная зона разделялась на 6 районов; в каждом из них предполагалось создать объединенный штаб «Тайной армии».

Представители ФТП, участвовавшие в этих переговорах, согласились войти в состав «Тайной армии», но категорически возражали против попыток навязать «Тайной армии» тактику атлантизма. В конце концов была достигнута договоренность о том, что вплоть до освобождения каждая организация сохранит прямой и исключительный контроль над своими членами, но что в департаментском и в национальном масштабах их представители войдут в комитеты связи, которые будут способствовать распределению оружия в соответствии с численностью и боевыми действиями каждой организации.

Параллельно с военным объединением в рамках «Тайной армии» шел процесс политического объединения организаций Сопротивления северной зоны. По предложению Пасси и Броссолета представители ОСМ, «Либерасьон-Нор», «Сэ де ля Резистанс», «Сэ де ля Либерасьон» и Национального фронта решили «регулярно проводить встречи руководителей организаций под названием Координационного комитета северной зоны»². В отличие от южной зоны слияния этих организаций не произошло, и каждая из них сохранила свою самостоятельность.

В ходе переговоров о формировании координационных комитетов и «Тайной армии» руководителям «Сражающейся Франции» окончательно стало ясно, что такие организации не могут полностью решить проблему объеди-

¹ Passy. Op. cit., t. III, p. 55, 63.

² J. Lecompte-Boinet. Op. cit. — «Volontés», 3 janvier 1945.

нения и значительно усилить политические позиции ФНК в борьбе с Жиро. Эти органы были недостаточно представительны и авторитетны. За их рамками оставались ФПК и профсоюзы, а также Социалистическая партия и буржуазные партии, пользовавшиеся влиянием в Англии и США. Для того чтобы «иметь возможность говорить от имени всего Сопротивления»¹ в спорах с Жиро и союзниками, надо было опереться на центральный руководящий орган этого движения.

В начале 1943 г. руководители ФНК вернулись к неоднократно высказываемой ранее идее: создать нечто вроде «парламента Сопротивления», который включал бы представителей всех его организаций² и мог поддержать де Голля в борьбе за власть. Горячим сторонником этого плана стал Ж. Мулен, сумевший убедить де Голля в необходимости создания такого руководящего органа. 21 февраля 1943 г. после консультации с вызванными в Лондон Пино, Кавайесом и Симоном (из ОСМ) де Голль подписал инструкцию, поручавшую Ж. Мулену сформировать под своим председательством Национальный Совет Сопротивления (НСС).

Руководители ФНК хотели сделать Национальный Совет Сопротивления достаточно авторитетным и представительным органом, но поставить его под свой контроль. Для придания НСС необходимого авторитета предполагалось включить в него Коммунистическую партию, основные организации Сопротивления и профсоюзы. Кроме того, намечалось ввести в НСС Социалистическую партию и буржуазные партии. Присутствие этих партий в Национальном Совете должно было придать ему вес в глазах Англии и США, обеспечить большинство голосов буржуазным деятелям и ограничить влияние коммунистов. В соответствии с этим в инструкциях де Голля Мулену³ говорилось: «В Совете Сопротивления должны быть представлены организации Сопротивления, политические организации и рабочие профсоюзы. Объединение должно быть произведено на основе следующих принципов:

против немцев, их союзников и пособников, всеми способами, и особенно с оружием в руках;

¹ J. Duclos. Mémoires, vol. III. Deuxième partie, p. 36—37.

² H. Michel. Jean Moulin l'inificateur, p. 163.

³ См. III. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 525—526 (документы). Полный текст опубликован в кн.: Passy. Op. cit., t. III, p. 64—66.

против всех диктатур, особенно против диктатуры Виши, какой бы облик она ни приняла;

за свободу;

вместе с де Голлем в бой, который он ведет за освобождение территории и за восстановление прав французского народа». Совету Сопротивления разрешалось давать директивы входящим в него организациям, но лишь «в соответствии с инструкциями генерала де Голля и Национального комитета». Только в не терпящих отлагательства случаях и при отсутствии связи с ФНК Национальный Совет Сопротивления мог действовать самостоятельно.

Его предполагаемая политическая роль была невелика: «Совет Сопротивления образует эмбрион национального представительства, политического совета генерала де Голля по его прибытии во Францию. К тому времени состав Совета Сопротивления будет расширен за счет введения дополнительных представительных элементов». Ж. Мулен, который уже был председателем Координационного комитета МЮР, назначался дополнительно председателем НСС, членом ФНК и «единственным постоянным представителем генерала де Голля и Национального комитета на всей территории метрополии».

Вернувшись во Францию, Мулен вместе с Пасси и Броссолетом начал консультации с руководителями организаций Сопротивления, партий и профсоюзов, предлагая им объединиться на основе принципов, изложенных в инструкциях де Голля. В основном организации Сопротивления одобрили идею создания НСС и общие политические принципы, которые предусматривали борьбу против оккупантов и вишистов с оружием в руках, а также восстановление прав французского народа после победы. Вместе с тем они высказали немало критических замечаний относительно политической платформы и методов объединения.

Представители Коммунистической партии и Национального фронта не скрывали, что считают наиболее желательным объединение сил Сопротивления на основе Национального фронта. Справедливо считая, что любая форма объединения должна способствовать усилению борьбы против оккупантов и вишистов, коммунисты требовали от представителей «Сражающейся Франции» немедленной и значительной помощи рефрактерам, на-

стаивали, чтобы радиопередачи ФНК призывали патриотов к вооруженной борьбе и уделяли должное внимание операциям франтиреров и партизан. Представитель ЦК ФКП А. Мерсье указал, что содержащиеся в инструкциях де Голля ссылки на борьбу «против всех диктатур» носят слишком неопределенный характер и нуждаются в уточнении. Он заявил, что при объединении «не следует забывать о существовании генерала Жиро»¹.

Многие организации Сопротивления предлагали дополнить и конкретизировать политические принципы объединения. Представители КАС, «Либерасьон-Нор» и ВКТ предложили особо упомянуть о республике и «возвестить о новых законодательных мерах в экономической и социальной областях», которые «ясно выразили бы волю к глубоким конструктивным реформам»². Пасси и Бросолет учли критические замечания и представили переработанный проект на утверждение Координационного комитета северной зоны.

26 марта 1943 г. Координационный комитет (в отсутствие представителя Национального фронта) утвердил этот проект. Затем развернулась дискуссия о составе и распределении мест в Национальном Совете. Наибольшие возражения участников Сопротивления вызвало стремление «Сражающейся Франции» включить в состав НСС представителей фактически не существовавших буржуазных партий. «В первую очередь я должен был преодолеть глубокую враждебность некоторых организаций северной зоны, которые испытывали отвращение к какому-либо сотрудничеству с прежними партиями»³, — доносил Мулен в Лондон. Большинство участников Сопротивления считало, что лишь Коммунистическая партия, делами доказавшая свой патриотизм, и в крайнем случае Социалистическая партия имеют право быть членами НСС наравне с организациями Сопротивления. Лишь после долгих дискуссий Мулен добился присоединения к Национальному Совету главных буржуазно-патриотических организаций Сопротивления «с

¹ Passy. Op. cit., t. III, p. 153—154.

² Ibid., p. 160—161, 172.

³ «Rapport de Rex (Рекс — псевдоним Ж. Мулена) de 4 juin 1943 (à M. André Philip)» (Archives personnelles de G. Oudard). Цитируемые здесь и далее документы из личных архивов участников Сопротивления были любезно предоставлены автору их владельцами.

оговоркой, что их представители составят исполнительный орган Совета»¹.

В конечном итоге в Национальный Совет Сопротивления вошли 16 группировок: среди них насчитывалось 8 организаций Сопротивления («Национальный фронт», ОСМ, «Сэ де ля Резистанс», «Сэ де ля Либерасьон», «Либерасьон-Нор», «Комба», «Фран-Тирер», «Либерасьон-Сюд»); 6 политических партий (Коммунистическая, Социалистическая, народно-демократическая, партия радикал-социалистов, Республиканская федерация, Демократический альянс), а также 2 профсоюзных объединения: Всеобщая конфедерация труда и Французская конфедерация христианских профсоюзов. Каждая группировка независимо от ее влияния имела один голос. Это означало, что Коммунистическая партия и Национальный фронт уравнивались в правах с распавшимися партиями вроде Республиканской федерации или Демократического альянса. Такой способ формирования и функционирования НСС заранее ослаблял его действенность, однако более справедливый принцип распределения голосов в соответствии с реальным весом каждой группировки встретил категорические возражения со стороны Мулена и буржуазных деятелей Сопротивления. Учитывая «необходимость быстро заключить действенный союз в национальной борьбе, Коммунистическая партия согласилась с образованием НСС на основе, предложенной Жаном Муленом»².

27 мая 1943 г. в Париже, в доме № 48 по улице Фур, состоялось первое пленарное заседание Национального Совета Сопротивления. Согласно докладу Ж. Мулена³, заседание открылось его вступительным словом, в котором перечислялись следующие «цели Сражающейся Франции» (а следовательно, с точки зрения деголлерцев, и задачи НСС): «1) вести войну; 2) предоставить французскому народу возможность выразить свое мнение; 3) восстановить республиканские свободы в государстве, которое не откажется от социальной справедливости и в то же время осознает свое величие; 4) добиваться вместе с союзниками восстановления действенного международного сотрудничества в плане экономическом и

¹ «Rapport de Rex de 4 juin 1943 (à M. André Philip)».

² «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 243.

³ «Rapport de Rex de 4 juin 1943 (à M. André Philip)».

духовном в послевоенном мире, когда Франция восстановит свой престиж».

Мулен заявил, что «наличие в составе Совета представителей прежних политических партий не должно рассматриваться как официальное согласие на восстановление названных партий в том виде, в каком они существовали до перемирия». Он высказал мнение, что следует «стремиться к созданию широких идеологических союзов, способных обеспечить прочность и стабильность французской общественной жизни». Затем Мулен зачитал заранее заготовленное послание генерала де Голля Национальному Совету Сопротивления, утверждавшее, что НСС «является составной частью Сражающейся Франции»¹ (и, следовательно, должен подчиняться ее руководству).

203

После выступления Мулена представитель партии «народных демократов» Ж. Бидо внес заранее подготовленную им вместе с Муленом резолюцию, главная цель которой состояла в том, чтобы поддержать де Голля в борьбе против Жиро. Резолюция требовала «создания подлинного правительства, конечно временного, но обладающего всеми прерогативами и властью, правительства, отвергающего раз и навсегда официально и фактически диктатуру Виши, ее людей, ее символы и ее наследие». Национальный Совет настаивал, чтобы руководство правительством «было доверено генералу де Голлю, который был душой Сопротивления в самые мрачные дни». Вместе с тем НСС предлагал, чтобы «генерал Жиро, который вместе с союзниками подготовил и обеспечил победу в Северной Африке, взял на себя командование возрожденной французской армией»². В заключение заседания члены НСС обязались посвятить все свои усилия достижению тесного союза всех группировок, представленных в Совете Сопротивления, на всей территории Франции.

В целом документы первого заседания НСС имели положительное значение, намечая путь к объединению всех французских патриотов для борьбы против оккупантов и Виши. Однако они носили слишком общий характер и в них чувствовалось влияние атлантизма. Ни

---

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 561—562 (документы).

² Резолюция НСС была опубликована в подпольной печати. («Combat», 25. VI. 1943; «Le Populaire» N 13, juin 1943).

послание генерала де Голля, ни выступление Ж. Мулена не содержали прямых призывов к боевым действиям на территории Франции и легко могли быть истолкованы в духе атлантизма. Влияние атлантизма ощущалось и в резолюции, принятой НСС по инициативе Бидо и Мулена. В ней даже не упоминалось о необходимости немедленной вооруженной борьбы и национальном восстании. По свидетельству П. Вийона, присутствовавшего на первом заседании НСС, представители буржуазных группировок, располагавшие большинством голосов, отказались включить в резолюцию какое-либо упоминание о забастовках¹.

Состав Национального Совета далеко не отражал подлинного соотношения сил в Сопротивлении. Коммунистическая партия, Национальный фронт, франтиреры и партизаны, Всеобщая конфедерация труда, игравшие решающую роль в движении Сопротивления, находились в меньшинстве. Представители некоторых других группировок «меньше думали об организации эффективной борьбы против захватчиков, чем о положении, которое создастся во Франции после освобождения»². Представляя собой союз руководителей независимых друг от друга группировок, Национальный Совет Сопротивления являлся в значительной мере верхушечным и недостаточно прочным объединением. Тем не менее сам факт образования центрального руководящего органа, объединившего все основные организации Сопротивления для борьбы против оккупантов и Виши, имел большое положительное значение. Как указывалось в заявлении ФКП, французский народ «осуществил свое единство на родной земле, образовав Национальный Совет Сопротивления»³. С организацией НСС был сделан крупный шаг в объединении внутреннего Сопротивления.

Первоначально руководители ФКНО и многие деятели Сопротивления «почти единодушно считали, что НСС будет призрачным органом, единственное достоинство которого заключается в том, что его существование да-

¹ P. Villon. L'Union de la Résistance à l'occupant. — «L'Humanité», 27. VIII. 1949.

² M. Thorez. Le combat pour la république et pour l'indépendance nationale. — «Cahiers du communisme», 1947, N 11, p. 1119.

³ «L'Humanité», 15. VII. 1943.

ет генералу де Голлю дополнительный козырь в спорах с союзниками»¹. После первого пленарного заседания Национальный Совет Сопротивления долго не собирался и почти не проявлял признаков жизни. Большой ущерб его деятельности, как и работе всех центральных органов Сопротивления, был нанесен гибелью Ж. Мулена и генерала Делестрена. Вследствие измены нескольких участников Сопротивления (в том числе ответственного руководителя «Комба» Р. Арди) немецкая полиция 9 июня 1943 г. арестовала генерала Делестрена, а 21 июня — Жана Мулена и ряд других руководителей Сопротивления, собравшихся в Лионе на нелегальное совещание². Несмотря на зверские пытки, Мулен, знавший все тайны Сопротивления, не выдал своих товарищей и был замучен в гестапо. Достоинно вел себя и генерал Делестрен, погибший в немецком концлагере.

Ослабление деятельности едва родившегося Национального Совета Сопротивления привело к тому, что представители организаций Сопротивления, считавшие себя (в соответствии с обещанием Мулена) исполнительным органом Совета, решили создать новый руководящий центр. Летом 1943 г. руководство МЮР (которое перенесло свою штаб-квартиру из Лиона в Париж) и Координационный комитет северной зоны основали так называемый Центральный комитет Сопротивления. В отличие от Национального Совета Сопротивления Центральный комитет не включил в свой состав ни политических партий, ни профсоюзов. Он состоял из представителей 8 крупных организаций Сопротивления, уже являвшихся членами НСС (Национальный фронт, ОСМ, «Либерасьон-Нор», «Сэ де ля Резистанс», «Сэ де ля Либерасьон», «Комба», «Фран-Тирер» и «Либерасьон-Сюд»). К Центральному комитету примыкали менее значительные организации: «Дефанс де ля Франс», «Резистанс», «Лотарингия», «Буа дю Нор».

На заседании 25 августа 1943 г. Центральный комитет заявил, что он «должен рассматриваться как ис-

¹ *Passy*. Op. cit., t. III, p. 184.

² *H. Michel*. Jean Moulin l'unificateur, p. 178, 181—188. После войны предатель Р. Арди, выдавший Мулена гестапо, дважды был судим и дважды оправдан «за недостатком улик». Лишь в 1972 г. начальник гестапо Лиона, лично пытавший Мулена, а после войны скрывавшийся в Латинской Америке, публично признал, что именно Арди выдал Мулена («Le Monde», 29. VIII. 1972).

полнительный орган Сопrotивления, руководящий всей деятельностью Сопrotивления в метрополии», в том числе «немедленными действиями против врага», «действиями в день икс» и «взятием власти в пользу Временного правительства»¹. При Центральном комитете учреждалось несколько комиссий: военная комиссия, комиссия по проникновению в администрацию (НАП), комиссия немедленных действий, координировавшие соответствующие участки нелегальной работы в национальном масштабе. Учитывая особую важность борьбы против депортации, Центральный комитет создал специальную организацию: Комитет борьбы против депортации. В его состав вошли представители Национального фронта, МЮР, профсоюзов, а затем и других организаций Сопrotивления. Душой комитета стал журналист Ив Фарж, один из руководителей «Фран-Тирер» и член Национального фронта.

Некоторое время Национальный Совет и Центральный комитет Сопrotивления существовали параллельно, но затем первенство перешло к Национальному Совету, который занял самостоятельную политическую позицию и перестал быть придатком «Сражающейся Франции». После трагической гибели Ж. Мулена Национальный Совет Сопrotивления избрал своим председателем не заместителя Мулена, а одного из своих членов. Председателем НСС стал Ж. Бидо, представитель партии «народных демократов», группы «Комба» и одновременно член Национального фронта. Поскольку пленарные заседания в условиях подполья были связаны с огромным риском, Национальный Совет Сопrotивления образовал Постоянное бюро из 5 человек, которое вело всю текущую работу. В бюро вошли председатель НСС Ж. Бидо, генеральный секретарь Национального фронта П. Вийон, делегат Всеобщей конфедерации труда Л. Сайян, представитель ОСМ М. Блок-Маскар и представитель МЮР (в прошлом один из руководителей «Либерасьон-Сюд») П. Копо. Каждый из членов бюро помимо своей собственной организации представлял интересы еще нескольких группировок, причем не обязательно сходного политического направления.

Состав бюро более точно отражал соотношение сил в Сопrotивлении, чем пленарный состав НСС. Хотя в

¹ M. Granet. «Ceux de la Résistance», p. 291, 282—283.

бюро действовало правило единогласия, левые силы имели там большое влияние. П. Вийон был коммунистом и представлял в бюро такие мощные организации, как Коммунистическая партия и Национальный фронт. Л. Сайян и П. Копо придерживались демократических убеждений и нередко поддерживали предложения Коммунистической партии или Национального фронта. Пламенный, энергичный, неутомимый П. Вийон, которого даже буржуазные деятели называли Лазаром Карно французского Сопротивления¹, оказывал сильное влияние на остальных членов бюро НСС. «Кольбер (псевдоним П. Вийона. — В. С.) все более и более выступает как рупор своей прежней организации (т. е. Коммунистической партии. — В. С.). Он является ведущей силой бюро и выполняет свою роль с исключительной ловкостью, присутствием духа и компетентностью»², — докладывал заместитель Мулена в Лондон.

Летом 1943 г. Национальный Совет Сопротивления обратился с «Призывом к нации», в котором заявил, что «требуется всех прав и ответственности руководителя и временного органа национального суверенитета на всей территории» Франции, чтобы совместно с ФКНО «вдохновлять, координировать и направлять борьбу французского народа на его собственной земле». В этом призыве НСС высказался в пользу немедленных действий, способных ускорить и подготовить «восстание всей нации, которое вместе с общим наступлением союзников освободит Родину»³.

Политическая роль Национального Совета Сопротивления стала возрастать. В начале 1944 г. Центральный комитет, желая избежать параллелизма в руководстве, прекратил свое существование⁴. Его руководители, являвшиеся членами НСС, сосредоточились на работе в Национальном Совете, под эгиду которого перешли все комиссии, созданные ранее Центральным комитетом.

После того как Национальный Совет Сопротивления стал единственным общенациональным руководящим центром внутреннего Сопротивления, особенно остро встал вопрос о его местных органах. К этому времени

¹ J. Debu-Bridel. Les partis contre de Gaulle. Paris, 1948, p. 44.

² «Rapport de Février» (Archives personnelles de G. Oudard).

³ «Appel à la Nation». — «L'Humanité», 15. VIII. 1943.

⁴ R. Hostache. Op. cit., p. 219.

в некоторых районах Франции уже существовали местные и департаментские комитеты, объединявшие патриотов различных политических взглядов. Они носили разные названия, но чаще всего именовались комитетами освобождения. В начале 1943 г. по инициативе коммунистов была сделана попытка создать Комитет освобождения в столице. Руководитель Парижского объединения профсоюзов коммунист А. Толле встретился с видным деятелем «Сэ де ля Резистанс» графом де Вогюэ, а затем и представителями других организаций, чтобы предложить им «союз всех профсоюзов, организаций Сопротивления и партий с целью координации их действий»¹.

В сентябре 1943 г. появилось первое обращение Парижского комитета освобождения (ПКО) «К народу Большого Парижа», провозгласившее, что «Парижский комитет освобождения родился»². Обращение подписали 18 организаций Сопротивления, действовавших в Парижском районе. Текущую работу вело бюро ПКО, состоявшее из представителей 6 наиболее крупных организаций: Коммунистической партии, Национального фронта, Объединения профсоюзов Парижского района, ОСМ, «Либерасьон-Нор» и «Сэ де ля Резистанс». Три члена бюро были коммунистами, три других принадлежали к буржуазным группировкам. Председателем Комитета стал руководитель Объединения профсоюзов Парижского района коммунист А. Толле, секретарем — член Национального фронта А. Обадиа.

Местные и департаментские комитеты освобождения обычно формировались по образцу Парижского комитета или Национального Совета Сопротивления из представителей основных партий, профсоюзов и организаций Сопротивления, имевших влияние в данной местности. По свидетельству сотрудника БСРА Ф. Клозона, чаще всего комитеты освобождения формировались на паритетных началах: половина мест Компартии и ее союзникам, половина — другим группировкам³.

Как правило, местные и департаментские комитеты освобождения считали себя органами Национального Совета Сопротивления и выполняли его указания. Объединяя все силы Сопротивления, они постепенно стано-

¹ A. Tollet. Op. cit., p. 170.

² «Paris, les heures glorieuses». Montrouge, 1945, p. 13.

³ Témoignage de F. Closon.

вились опорой НСС и центрами освободительной борьбы на местах.

Рост влияния НСС и других центральных органов Сопротивления серьезно беспокоил руководителей ФКНО. Опасаясь, как бы движение Сопротивления не вышло из-под их контроля, они стали быстрыми темпами создавать специальный аппарат, который должен был контролировать Сопротивление и обеспечить захват власти в момент освобождения Франции. Главным звеном этого аппарата являлась Генеральная делегация де Голля во Франции, которую сначала возглавлял Мулен, затем — Э. Боллаэрт, а после его ареста — А. Пароди. Очень важную роль играли заместители генерального делегата К. Серрейль и Ж. Бенжан, ранее работавшие в БСРА. В отсутствие Мулена и Боллаэрта они являлись главными представителями генерала де Голля во Франции. Генеральный делегат, его заместители и другие посланцы БСРА регулярно встречались с руководителями Сопротивления, присутствовали на заседаниях бюро НСС, держали в своих руках связь с Лондоном.

209

Основным средством воздействия на организации Сопротивления Генеральная делегация считала финансовые субсидии. Уже в ноябре 1943 г. расходы Генеральной делегации составили 95 600 тыс. фр.¹, причем почти вся эта сумма была направлена буржуазным организациям (в первую очередь — МЮР). Через Генеральную делегацию осуществлялось также руководство штабами «Тайной армии» и поставки оружия. Пока вооруженную борьбу вели сравнительно немногочисленные отряды ФТП или «добровольческие группы» МЮР, они пользовались главным образом самодельным или захваченным у врага оружием. В условиях подъема партизанской войны эти источники становились совершенно недостаточными. Вооружение значительных партизанских сил можно было обеспечить только при помощи поставок оружия из Лондона или Алжира.

С момента образования ФКНО Компартия требовала, чтобы Комитет «организовал доставку оружия и

---

¹ «Budget octobre et novembre 1943» (Archives personnelles de G. Oudard).

боеприпасов для групп вооруженных патриотов, обеспечил их деньгами и продовольственными карточками»¹. Однако служба БСРА и Генеральная делегация, ведавшие доставкой оружия во Францию, не хотели вооружать народные массы. Как правило, они снабжали оружием (да и то в недостаточном количестве) только «благонадежные» организации «Тайной армии», которые чаще всего хранили это оружие на складах в ожидании «дня икс».

С начала 1944 г. в составе Генеральной делегации действовала особая Военная делегация. Ее возглавил национальный военный делегат, инспектор финансов Ж. Шабан-Дельмас, ныне известный политический деятель Франции. В северной и южной зоне имелись заместители национального военного делегата, на местах действовали районные и департаментские военные делегаты, прикомандированные к штабам «Тайной армии». В их руки перешло снабжение партизанских отрядов оружием, они передавали инструкции штаба де Голля и нередко сами вмешивались в руководство военными операциями.

Помимо косвенных средств давления путем финансирования или снабжения оружием представители Генеральной делегации или БСРА стремились прямо контролировать работу руководящих органов Сопротивления. Особенно большое внимание они уделяли комитетам освобождения, от которых могла зависеть судьба Франции в момент ее освобождения. Представитель БСРА Ф. Клозон, получивший задание заняться формированием комитетов освобождения, писал в Лондон: «Речь идет не только о создании комитетов по всей Франции, но особенно о том, чтобы направлять и контролировать их деятельность. Надо участвовать в них, если мы не хотим, чтобы в день освобождения комитеты превратились в местные советы, которые будут оспаривать приказы центральной власти, вместо того чтобы повиноваться»².

Большое беспокойство Генеральной делегации вызвал самый главный из комитетов освобождения — Парижский комитет освобождения, инициаторами формирова-

¹ «L'Humanité», 15. VII. 1943.

² «Rapport N 4 de Fouché» (Archives personnelles de F. Clozon). Фуше — псевдоним Ф. Клозона.

ния которого были коммунисты. Первоначально члены Генеральной делегации решили «противостоять этой инициативе, потому что, — писал Клозон, — комитет департамента Сены будет в большинстве состоять из коммунистов, а тот, кто владеет Парижем, владеет Францией»¹. Заместитель Мулена К. Серрейль предлагал отказаться от создания ПКО, а затем при помощи Ж. Бидо пытался не допустить избрания А. Толле на пост председателя. Эти попытки провалились, и Клозон должен был признать: «Мы ничего не можем с этим поделать, ибо Парижский район в большинстве является коммунистическим»².

Не питая полного доверия к организациям внутреннего Сопротивления, руководители ФКНО осенью 1943 г. отправили во Францию представителей БСРА, имевших поручение «назначить чиновников, которые возьмут в руки управление страной»³. При Генеральном комитете исследований была образована особая «комиссия по назначениям», которую возглавил М. Дебре. Как вспоминает сам Дебре, его комиссия подбирала будущих префектов, главным образом из числа бывших префектов, заместителей префектов и других высших чиновников, уволенных правительством Виши по политическим мотивам или оставшихся на службе, но желавших «получить некоторые гарантии и вступивших в связь с Сопротивлением, оказывая ему кое-какие мелкие услуги»⁴. В начале октября 1943 г. первый список будущих префектов, составленный комиссией Дебре и содержавший около сотни имен, был отправлен в Алжир⁵.

ВЫРАБОТКА ОБЩЕЙ ПРОГРАММЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В 1943—1944 гг., когда патриоты почувствовали уверенность в близкой победе над Германией, центром идейно-политической борьбы стали проблемы освобож-

¹ «Rapport N 2 de Fouché. Comités de Libération» (Archives personnelles de F. Clososn).

² Ibidem.

³ R. Hostache. Op. cit., p. 186.

⁴ M. Debré. Un grand mouvement préfectoral (Episode de la Résistance).— «Les Cahiers politiques». Février — mars 1946, p. 3.

⁵ Ibid., p. 4.

дения Франции и послевоенного устройства. В нелегальной печати были опубликованы программные документы Коммунистической и Социалистической партий, манифесты «Комба», «Либерасьон-Сюд», «Сэ де ля Резистанс», «Дефанс де ля Франс» и многих других организаций Сопротивления. К наброску будущей французской конституции, опубликованному в 1942 г. лидерами ОСМ, прибавилось около десятка конституционных проектов, сочиненных организациями Сопротивления или отдельными лицами.

212 Очень важную роль играл в это время Генеральный комитет исследований, руководимый де Мантоном и Тетженом. Он проводил опросы участников Сопротивления, готовил законопроекты и систематически публиковал в журнале «Кайе политик» статьи по различным аспектам политического, экономического и государственного устройства послевоенного мира. Проблемы будущего широко обсуждались в нелегальной печати Сопротивления, в речах генерала де Голля, в выступлениях делегатов Консультативной Ассамблеи.

В основном полемика развернулась вокруг трех главных вопросов:

1) проблемы вооруженной борьбы и национального восстания;

2) меры, необходимые для ликвидации вишистского режима и обеспечения свободы волеизъявления французского народа;

3) проекты послевоенного устройства Франции, Европы и мира.

Большинство буржуазных деятелей Сопротивления и руководителей Социалистической партии, исходя из уверенности в «отныне неизбежной победе англосаксонских демократий и Советской России»¹, уделяло главное внимание вопросам захвата власти и послевоенного устройства. Задачи организации вооруженной борьбы против оккупантов и вишистов они отодвигали на второй план. Типичнейшим примером может служить Социалистическая партия, которая подготовила 5 проектов конституций, опубликовала три программы действий на будущее², но не поместила ни одной статьи, призываю-

---

¹ «Le Populaire», juin 1943.

² «Le Populaire», 16. I — 1. II. 1943; «Le Populaire», juin 1943; «Le Populaire», 1. VII. 1943.

шей к немедленной вооруженной борьбе или к подготовке национального восстания. Коммунистическая партия, Национальный фронт, ФТП и многие другие участники Сопротивления, напротив, считали, что первоочередная задача заключается в том, чтобы всемерно ускорить освобождение Франции и создать условия для ее возрождения. В Манифесте ФКП, распространенном во Франции в конце 1943 г. тиражом 1 млн. экземпляров, говорилось: «Французская коммунистическая партия в настоящий момент ставит превыше всего борьбу всеми средствами за освобождение Родины». Она стремится прежде всего: «1) освободить землю Франции от захватчиков, 2) наказать изменников, 3) обеспечить французскому народу возможность свободно создать правительство по своему выбору»¹.

213

Благодаря усилиям Коммунистической партии и Национального фронта мысль о необходимости немедленной вооруженной борьбы и национального восстания постепенно овладевала участниками Сопротивления. «Под влиянием Национального фронта и его председателя в северной зоне Кольбера (П. Вийона.— В. С.), коммуниста больших способностей и большой ловкости (он несколько напоминает Гренье и, сверх того, является интеллигентом), новое понимание политики Сопротивления, кажется, начинает мало-помалу преобладать в различных советах и комиссиях, которые им руководят»², — сообщал в Лондон заместитель генерального делегата де Голля во Франции Ж. Бенжан. В меморандуме, представленном в бюро НСС делегатом Национального фронта, говорилось: «Мы должны перейти к широким действиям, объединяя все наши силы вокруг подлинного центра французского Сопротивления, а именно вокруг действий массы рабочих. Мы не должны больше пребывать в бесплодном ожидании гипотетической высадки союзников». Сообщая об этом в Лондон, Бенжан откровенно признавал, что программа коммунистов и Национального фронта «очень сильно подействовала на всех руководителей Сопротивления»³.

---

¹ «Le Parti Communiste dans la bataille pour la libération de la France». 4-e éd. Marseille, 1944, p. 26.

² «Rapport de Cléante (Клеант — псевдоним Ж. Бенжана). Décembre 43» (Archives personnelles de G. Oudard).

³ Ibidem.

Глубоко повлияли на участников движения Сопротивления события в Италии и на Корсике, доказавшие возможность массовой партизанской борьбы и вооруженного восстания. После свержения Муссолини и освобождения Корсики многие буржуазно-патриотические организации официально осудили атлантизм. «Теперь нет места атлантизму. Нет места колебаниям»¹, — заявила «Комба» осенью 1943 г. «Друзья «Либерасьон», ваш час пробил! — писала «Либерасьон-Сюд» в октябре 1943 г. — Вы не удовлетворитесь словами и пустыми фразами. Не дожидаясь какого-то «дня икс», вы вступите в борьбу»². Руководство Объединенного движения Сопротивления (МЮР) в листовке, изданной к 11 ноября 1943 г., предложило французам организовать забастовки и демонстрации, чтобы доказать «свою непоколебимую волю не ждать пассивно освобождения от союзников, но вносить свой вклад в войну немедленно и постоянно вплоть до победы»³.

Теперь все участники Сопротивления признавали необходимость национального восстания, хотя понимали его по-разному⁴. Генерал де Голль (как и многие другие буржуазные деятели Сопротивления) имел в виду «национальное восстание, которое ставит своей целью в нужный момент оказать союзным армиям очень важную помощь»⁵. Его сторонники считали, что восстание должно начаться по приказу ФКНО в момент высадки англо-американских войск во Франции, чтобы ликвидировать вишистский режим, отстранить коммунистов и захватить государственную власть. Они не хотели вооружать народные массы и заранее сводили восстание к действиям небольших групп «Тайной армии». Утверждая, что нецелесообразно «преждевременно растрачивать силы» нападениями на оккупантов, они собирались действовать лишь при появлении союзных войск. «Некоторые добавляли даже: после отхода немцев, но до прибытия союзников нужно будет занять

¹ «Combat», 1. IX. 1943.

² «Libération» (Z. S.), 3. X. 1943.

³ Листовка «Le 11 novembre, à midi, tous les Français...» (Archives du Comité de la 2-e guerre mondiale).

⁴ Подробнее см.: Л. М. Видясова. Движение Сопротивления и проблемы национально-освободительного восстания во Франции («Французский ежегодник», 1962. М., 1963).

⁵ Ch. de Gaulle. Discours de guerre, t. 2, p. 102.

общественные учреждения и провозгласить де Голля главой Франции»¹.

Французская коммунистическая партия и примыкавшие к ней организации видели в национальном восстании прежде всего средство борьбы против оккупантов и вишистов. Они стремились заранее подготовить и ускорить восстание, придать ему максимальный размах и организованность. Компартия решительно выступала против «ложной концепции, которая исходит из того, что национальное восстание возникнет в один прекрасный день по приказу каких-то комитетов и что следует спокойно ждать этого дня, ничего не делая, под предлогом сохранения своих сил»².

В ряде статей, опубликованных в подпольной печати³, руководители ФКП указывали, что в момент восстания рабочие должны объявить «всеобщую стачку, которая парализует экономическую жизнь в тылу врага, дезорганизует его транспорт и снабжение»; занять предприятия и обеспечить их охрану; вместе с вооруженными патриотами «овладеть основными железнодорожными узлами и телеграфными станциями»; сформировать массовую патриотическую или рабочую милицию, которая присоединится к организациям Сопротивления. Анализируя корсиканский опыт, Компартия пришла к выводу, что национальное восстание «может развернуться при высадке союзников, но может также возникнуть и без высадки, как это показало национальное восстание, которое бушевало на Корсике»⁴.

Вместе с Национальным фронтом Компартия не без успеха пропагандировала эту точку зрения среди других участников Сопротивления. Ее полностью воспринял Парижский комитет освобождения, который осенью 1943 г. заявил в обращении «К народу Большого Парижа»: «По примеру наших доблестных корсиканских братьев подготовляйте своими действиями национальное восстание, неотделимое от национального освобождения. Не ожидайте только помощи извне. Никогда не забывайте, что свободу и независимость надо заслужить и завоевать»⁵.

¹ P. Villon. Juin — août 44. — «Démocratie nouvelle», 1964, N 9, p. 57.

² «L'Humanité», 15. VIII. 1943.

³ «L'Humanité», 1. 20. VIII, 1, 15. IX. 1943.

⁴ «L'Humanité», 1. X. 1943.

⁵ «Paris, les heures glorieuses», p. 9.

Другие организации Сопротивления (в том числе НСС) в это время не решались на такие определенные заявления. Официально осужденный аттантизм на практике все еще оказывал сильное воздействие на деятельность ряда буржуазных группировок, уклонявшихся от организации немедленной массовой вооруженной борьбы против оккупантов и вишистов.

Чрезвычайно важным вопросом, волновавшим участников Сопротивления, был вопрос, какая власть установится во Франции в момент освобождения. Даже бывшие поклонники Петэна теперь не сомневались, что «режим угнетения, навязанный Франции Виши»¹, должен «исчезнуть вместе с нацистским режимом»², а его сторонники понести заслуженное наказание. Тем не менее методы ликвидации вишистского режима, характер будущего Временного правительства, система управления освобожденной Францией оставались предметом серьезных разногласий. Участники Сопротивления единодушно требовали «наказать всех тех, кто своими действиями или своей позицией благоприятствовал деятельности врага или способствовал установлению режима, вдохновлявшегося гитлеровскими теориями»³. Однако одни хотели наказать предателей для того, чтобы покончить с фашизмом, а другие — для того, чтобы избежать революции.

Обе эти тенденции нашли отражение на страницах нелегальной печати. Часть организаций Сопротивления требовала поставить изменников вне закона и немедленно расправиться с ними. «Установление личности, предшествующее смертному приговору, — это единственная возможная форма правосудия для тех, кто открыто превратился в агентов и вербовщиков врага»⁴, — писал один из близких «Комба» журналов. Коммунисты рекомендовали, по примеру якобинского Конвента, объявить вне закона всех министров Виши, а также

---

¹ «Défense de la France», 20. II. 1943.

² «Les Cahiers politiques» N 3, août 1943, p. 3.

³ «Projet de Manifeste de «Ceux de la Résistance»» (M. Granet. Ceux de la Résistance. Annexe, N 1, p. 271).

⁴ «Résistance», 25. I. 1943 (цит. по: H. Michel et B. Mirkine-Guetzévitch. Les idées politiques et sociales de la Résistance. Paris, 1954, p. 251).

всех лиц, «которые прямо или косвенно, находились они на официальных постах или нет, каким-либо образом восхваляли или помогали измене, именуемой «сотрудничеством»». После установления личности предателя, объявленного вне закона, «он будет немедленно расстрелян, а его имущество конфисковано в пользу нации»¹.

Однако большинство буржуазных деятелей Сопротивления считало, что основным принципом чистки администрации должно быть сохранение буржуазной государственной машины при смене ее руководящей верхушки и наказании некоторых, особо скомпрометированных чиновников. Так, Генеральный комитет исследований предлагал осуществить «решительную замену скомпрометированных или сомнительных чиновников всех степеней», но проводить эту замену осторожно и постепенно, «чтобы не дезориентировать административный аппарат»². Многие организации Сопротивления выступали против самосудов над вишистами и предлагали обеспечить обвиняемым право на защиту. Отчасти их позиция определялась стремлением соблюдать основные правовые принципы, столь часто нарушаемые правительством Виши; отчасти желанием предотвратить народную расправу с вишистами, которая могла бы оказаться опасной для власти буржуазии. «Следует избегать личного мщения, — говорилось в одном из конфиденциальных докладов ГКИ. — Нужно также, чтобы репрессии, которые необходимы, не принимали форму политических преследований и чтобы они осуществлялись с соблюдением правовых гарантий»³.

Главным вопросом, от которого зависела дальнейшая судьба Франции, был вопрос о Временном правительстве. Фактически Французский комитет национального освобождения уже осуществлял функции Временного правительства в эмиграции, однако по договоренности между Жиро и де Голлем, достигнутой при образовании ФКНО, Временное правительство должно было официально сформироваться, в соответствии с законом Тревенека, из представителей генеральных советов департаментов лишь после освобождения Франции.

¹ *F. Billoux*. Un Gouvernement National. — «France nouvelle», N° 1, décembre 1943, p. 14.

² *H. Michel*. Les Courants de pensée de la Résistance, p. 328.

³ *Ibid.*, p. 341.

Ни генерал де Голль, вынужденный в то время пойти на соглашение с Жиро, ни организации Сопротивления не хотели прибегать к закону Тревенека. Они справедливо указывали, что генеральные советы, в которых обычно заседали местные «нотабли» (т. е. представители привилегированных слоев населения), не только никак не проявили себя в борьбе против оккупантов, но даже поддерживали правительство Виши¹.

Большинство участников Сопротивления соглашались «доверить генералу де Голлю руководство Временным правительством, чтобы установить Четвертую республику»². Многие из них даже полагали, что по существу Временное правительство уже «создано в форме Французского комитета национального освобождения»³. Вместе с тем они высказывали немало оговорок и вносили ряд предложений, направленных к дальнейшей демократизации ФКНО.

Французская коммунистическая партия указывала, что «нельзя говорить о подлинно национальном правительстве, когда Всеобщая конфедерация труда и Коммунистическая партия, имеющие глубокие корни в рабочем классе, к которому принадлежит 97% патриотов, расстрелянных гитлеровцами, не представлены в правительстве»⁴. Социалистическая партия, выражавшая «глубокую признательность» генералу де Голлю, рекомендовала включить в состав правительства как прежних политических лидеров, «имя, личность и деятельность которых будут лучшей гарантией солидарности с принципами демократии и существовавшей в прошлом республикой», так и «новых людей, которых выявила нынешняя борьба в Сопротивлении и присутствие которых обеспечит явно требуемое страной омоложение»⁵. Левые группировки Сопротивления («Фран-Тирер», «Либерасьон», а также «Комба», которая все более отчетливо эволюционировала влево), соглашаясь с тем, что генерал де Голль должен возглавить Временное правительство, предостерегали его от установления личной диктатуры и нарушения принципов демокра-

¹ «Bulletin du C.F.L.N.» N 5, p. 281.

² «Combat», 15. V. 1943.

³ «Combat», 3. VII. 1943.

⁴ F. Billoux. Un Gouvernement National.—«France nouvelle» N 1, décembre 1943, p. 17.

⁵ «Le Populaire», juin 1943.

тии. Лишь некоторые правые организации вроде ОСМ безоговорочно поддерживали все действия де Голля, считая, что «опасность для Франции состоит не в диктатуре де Голля, если он ее добьется, а в анархии, если генерал де Голль не установит свою диктатуру»¹.

Большое внимание участников Сопrotивления привлекла проблема легализации власти Временного правительства и перехода к постоянному конституционному порядку. С юридической точки зрения можно было прибегнуть к референдуму, избрать Учредительное собрание или обратиться к конституции Третьей республики.

Основные организации Сопrotивления считали, что самым надежным средством легализации власти Временного правительства является обращение к народу путем выборов или референдума. При этом правые группировки, стремившиеся не допускать народные массы к руководству страной, хотели продлить полномочия правительства и возражали против созыва Учредительного собрания, а левые группировки выступали за полномочное Учредительное собрание, избранное всеобщим голосованием. Так, например, ОСМ, полагая, что «Временное правительство неизбежно будет временной диктатурой»², предлагала поручить ему в течение двух лет управлять при помощи Консультативной Ассамблеи, не прибегая к выборам в парламент.

Напротив, коммунисты заявляли, что Временное правительство — это «переходное правительство, которое действует только в период особых обстоятельств, т. е. несколько недель или в крайнем случае несколько месяцев»³, после чего оно должно уступить место Учредительному собранию. В проекте организации временной государственной власти, представленном в Консультативную Ассамблею, Коммунистическая партия предложила по мере освобождения территории метрополии создавать местные и департаментские «патриотические делегации», которые подготовят выборы в местные органы власти. Вплоть до полного освобождения Франции высшим представительным органом остается Консультативная Ассамблея, которая с момента освобождения

¹ М. *Blocq-Mascart*. *Chroniques de la Résistance*. Paris, 1945, р. 84.

² «Cahiers de l'O.C.M.», septembre 1943.

³ «Cahiers du Communisme», 1944, N 1, р. 44.

Парижа заменяется «Национальной патриотической делегацией». Не позже чем через шесть месяцев после освобождения, должно быть избрано Учредительное собрание, после чего Временное правительство и все «патриотические делегации» подадут в отставку. «Конституция может быть принята только Учредительным собранием, избранным всеобщим голосованием. Именно Учредительное собрание управляет страной вплоть до созыва парламента, избранного в силу новой конституции»¹.

Предлагаемые коммунистами меры отвечали демократическим принципам и обеспечивали волеизъявление французского народа.

220

В проектах социально-экономических преобразований, опубликованных в 1943—1944 гг. в печати Сопrotивления, причудливо сочетались требования трудящихся и взгляды буржуазных реформаторов капитализма, мечтания о «новой цивилизации» и конкретные законопроекты. Во многих проектах отразились ненависть мелкобуржуазных масс к финансовой олигархии, их стремление к новому, более справедливому общественному строю, туманная революционность и в то же время страх перед пролетарской революцией и диктатурой пролетариата.

Почти все участники Сопrotивления (за исключением социалистов, радикал-социалистов, части католиков и франкмасонов) осуждали Третью республику. Слабость и неустойчивость правительств, бесплодность парламентаризма, формальный характер буржуазной демократии, кризисы и нищета масс, засилье капиталистических монополий в экономике и политике вызывали у них глубокое негодование. Многие участники Сопrotивления не покидало ощущение, что произошло «банкротство прежних правящих классов»² и «деятели капитализма предали Францию, установив в ней диктатуру»³. Они видели, что не буржуазия, а «скромные, неизвестные люди, сами не зная этого, спасли честь страны», организовав движение Сопrotивления⁴. Все участники Со-

¹ «France nouvelle» N 2, janvier 1944, p. 75.

² «Le Franc-Tireur», 20. III. 1943.

³ «Combat», janvier 1944.

⁴ «Combat», décembre 1943.

противления желали освободить Францию от гитлеризма, фашизма и «любого тоталитарного режима»¹, создать «Четвертую республику, единственную подлинную республику, по-настоящему современную, сильную и жизнеспособную»², установить в стране «реальную демократию»³, облегчить положение трудящихся.

Характернейшей чертой почти всех проектов была резкая критика монополий, а иногда и капиталистической системы в целом. Не только коммунисты и социалисты, но и буржуазно-патриотические организации Сопrotивления в 1943—1944 гг. клеймили тресты и монополии, поддерживавшие правительство Виши; обещали «уничтожить плутократию как класс, который не должен выполнять функцию руководителя французской экономики»; предлагали осуществить «подлинную социальную революцию»⁴. Особенно решительно высказывались левые организации: «Фран-Тирер», «Либерасьон-Сюд» и сблизившаяся с ними «Комба». В «Манифесте к французской нации», опубликованном в феврале 1943 г., руководители «Комба» заявляли, что «нужно вырвать у могущественной олигархии контроль и пользование экономикой»; «разбить тиранию трестов»; осуществить «социалистическую революцию», которая станет «зарей новой цивилизации»⁵.

221

Даже правые организации публиковали планы постепенного перехода монополий под контроль общества и утверждали, что для возрождения Франции «будет необходима революция»⁶. Правда, при этом они оговаривались, что имеют в виду не «классовую» или «материалистическую революцию», а туманную «революцию Рыцарей и Якобинцев»⁷, противопоставляя ее как «национальной революции» Виши, так и подлинной пролетарской революции.

Практические предложения буржуазно-патриотических организаций Сопrotивления в области социально-

¹ «Défense de la France», 8. V. 1943.

² «Projet de Manifeste de «Ceux de la Résistance»» (M. Granet. Op. cit., p. 272).

³ Ch. de Gaulle. Discours de guerre, t. 2, p. 49.

⁴ «Les Cahiers politiques» N 5, janvier 1944, p. 7; N 1, avril 1943, p. 24; N 3, août 1943, p. 3.

⁵ «Manifeste pour la nation française». Février 1943 (Archives de Comité de la 2-e guerre mondiale).

⁶ «Défense de la France», 5. II. 1943.

⁷ «Les Cahiers politiques» N 2, juillet 1943.

экономической политики сводились к различным вариантам частичной национализации банков и промышленности с предоставлением государству контролирующих или руководящих функций. «Национализация частных монополий не является специфически пролетарским и социалистическим требованием, — писал по этому поводу один из журналов «Фран-Тирер». — В действительности монополии стали невыносимы не только для рабочих, но и для всех классов нации: крестьян, средних классов, капиталистов-предпринимателей, которые прямо не входят в узкий привилегированный круг баронов из крупных трестов. Вот почему все партии и течения движения Сопrotивления единодушно выдвигают это требование или соглашаются с ним»¹.

Организации Сопrotивления считали необходимым не только ввести систему государственного контроля над экономикой, но и привлечь трудящихся к участию в управлении производством. Доказывая важность этих мероприятий, «Дефанс де ля Франс» откровенно писала: «Правосудие и социальный прогресс, гражданское воспитание и повышение благосостояния масс представляют собой единственное средство избежать смертельной борьбы классов... Имущие должны признать, что всякое крупное современное государство должно осуществлять социальные и структурные реформы, обеспечить экономические и социальные права масс»².

В проектах различных организаций Сопrotивления отразились две главные тенденции. Левые группировки видели в частичной национализации прежде всего средство «уничтожить тресты» и дать в руки государства мощное оружие для «подлинной и эффективной финансовой политики и контроля над частными состояниями»³. Они стремились расширить масштабы национализации и передать основные рычаги управления экономикой в руки государственных органов. Правые деятели Сопrotивления усматривали в национализации и вообще в государственном вмешательстве в экономику главным образом средство преодоления кризисов и анархии производства. Признавая, что «режим полной экономической свободы отошел в прошлое»⁴, поскольку

¹ «La Revue libre» N 2, février 1944.

² «Défense de la France», 5. II. 1943.

³ «La Revue libre» N 2, février 1943.

⁴ «Cahiers politiques» N 2, juillet 1943.

кризисы и войны заставляют «волей-неволей принять принцип государственного вмешательства», они решительно возражали против представления, что «достаточно все национализировать, чтобы все пошло хорошо»¹.

Типичным для левых группировок Сопротивления можно считать проект частичной национализации, изложенный в программе действий Социалистической партии². Указывая, что в освобожденной Франции могут быстро возродиться «экономические и финансовые олигархии», социалисты заявляли: «Именно поэтому крупные монополизированные отрасли промышленности, отрасли общественного обслуживания, кредитные и инвестиционные банки, а также страховые компании должны тотчас же быть переданы в руки нации». Социалисты предлагали ввести плановое производство, передать государству право устанавливать цены, привлечь трудящихся к участию в управлении предприятиями, но не ликвидировать капиталистический режим, а только «строго ограничить прибыль на капитал, приспособив производство не к интересам немногих, а к потребностям всех». Вопрос об условиях национализации социалисты не затрагивали, но другие левые группировки высказывались за компенсацию бывшим владельцам и даже советовали привлечь их к участию в управлении национализированными предприятиями³.

Наиболее характерным для правых организаций Сопротивления являлся проект частичной национализации, разработанный группой «Дефанс де ля Франс». Эта организация была озабочена прежде всего тем, чтобы обеспечить права частных собственников и не допустить «излишнего» вмешательства государства в экономику. Руководители «Дефанс де ля Франс» возражали даже против термина «управляемая экономика» и отдавали предпочтение «контролируемой экономике». Согласно их проекту, наряду с частным сектором в экономике должен существовать государственный или «контролируемый сектор», в который войдут, «с одной стороны, монополии, а с другой — предприятия ключевых отраслей промышленности или общественного обслуживания, сам характер которых требует, чтобы они принадлежали об-

¹ «Défense de la France», 25. X. 1943.

² «Le Populaire», juin 1943.

³ «Le Franc-Tireur», 20. II. 1943.

шеству и контролировались им». Формы контроля должны быть максимально гибкими. «Правительство будет осуществлять по отношению к экономике ту же роль, что парламент по отношению к правительству: роль контролера, а не управляющего». Оно будет намечать общий план экономического развития, «устанавливать минимум зарплаты в соответствии с местной стоимостью жизни», в некоторых случаях определять цены, чтобы «не допустить разрыва между оптовыми и розничными ценами, порождающего социальные волнения»¹.

Подводя итоги, можно сказать, что проекты правых организаций Сопротивления выражали государственно-монополистические тенденции буржуазного реформизма. Они вызывались стремлением избежать кризисов, «урегулировать» капиталистическую экономику, предотвратить опасные для буржуазии социальные потрясения путем реформ. Идейным источником этих проектов были теории Кейнса и других сторонников усиления роли государства, особенно активно выступавших в годы мирового экономического кризиса. В целом они отражали настроения части французской буржуазии, убедившейся в непригодности доктрины «экономического либерализма» и желавшей направить Францию по пути государственно-монополистического капитализма. Проекты левых организаций Сопротивления и Социалистической партии в основном носили антимонаполистический характер. Они отражали недовольство средних слоев населения, мелкой буржуазии и близких к ней слоев рабочего класса засильем монополий. По своему идейному содержанию эти проекты были близки к мелкобуржуазной и социал-реформистской критике капитализма, широко распространенной во Франции еще в XIX в.

Глубоко прогрессивную программу возрождения и обновления Франции выдвинула Коммунистическая партия. Коммунисты считали, что «возрождение Франции нельзя серьезно представить без принятия энергичных мер, таких, как окончательное уничтожение трестов, возвращение нации всех основных средств производства, уничтожение эксплуатации человека человеком»². Эти мероприятия в сочетании с восстановлением демократи-

¹ «Défense de la France», 5, II, 25. IX. 1943.

² «Le Parti Communiste Français dans la bataille pour la libération de la France», p. 28—29.

ческих свобод и расширением прав трудящихся дадут возможность коренным образом изменить всю политическую и социально-экономическую систему Франции. Будут созданы «основы новой Франции, в которой не будет больше эксплуатации человека человеком», хотя сохранится «частная собственность массы граждан», нажитая трудом и неиспользуемая как средство эксплуатации. В перспективе возникнет такое общество, где «не будет больше борьбы классов, потому что не будет больше классов. Все граждане будут производителями, и ни один француз не будет эксплуатировать другого француз»¹.

Программа, выдвинутая Коммунистической партией, отвечала чаяниям широчайших масс французского народа, требовавшего освобождения Франции, наказания изменников, установления более широкой демократии. Вместе с тем она намечала ряд переходных мер, которые выходили за рамки обычных буржуазно-демократических преобразований.

Многочисленные проекты конституций, разработанные Спротивлением, можно разделить на две основные группы. Проекты конституций, подготовленные правыми деятелями (проект Генерального комитета исследований, проект «Дефанс де ля Франс», проект М. Дебре и др.), ставили во главу угла создание «сильной власти»². Наиболее типичным в этом отношении был проект М. Дебре (в соавторстве с банкиром Е. Моник). М. Дебре утверждал, что «Франция оставалась расколотой вплоть до окончательного краха», потому что партии занимались гибельной междоусобной борьбой, а «главы государства не существовало»³. На будущее он предлагал учредить пост полновластного президента, «республиканского монарха», избираемого косвенным голосованием сроком на 12 лет и обладающего огромными полномочиями. Права парламента ограничивались обсуждением бюджета один раз в год. Правительство по-

¹ «Le Parti Communiste Français dans la bataille pour la libération de la France», p. 29, 31.

² См. Л. М. Видясова. Движение Спротивления и проблема послевоенного устройства Франции. — «Новая и новейшая история», 1962, № 1.

³ Н. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 383.

лучало право в любой момент распустить парламент, но парламент мог отстранить правительство лишь в том случае, если оно само поставит вопрос о доверии и не соберет большинства голосов. «За исключением непредвиденной случайности, в течение всего срока полномочий парламента будет существовать одно правительство»¹.

Как уже отмечалось в литературе², проект Дебре и сходный с ним проект Генерального комитета исследований, также передававший основные рычаги власти в руки президента республики, соответствовали идеям, защищаемым в период между двумя мировыми войнами лидерами правых и крайне правых группировок А. Тардые и Ж. Барду. Они отражали характерную для периода империализма тягу буржуазии к сильной власти. После окончания войны эти идеи нашли свое частичное воплощение в конституции Пятой республики (1958 г.), одним из авторов которой был тот же М. Дебре.

Конституционные проекты левых группировок Сопротивления принадлежали в основном деятелям Социалистической партии А. Филипу, Ж. Моку, В. Ориолю, Ш. Дюма. Их общей чертой было стремление расширить объем буржуазно-демократических свобод, увеличить права представительных органов, обеспечить контроль парламента над правительством. Проект Ш. Дюма, одобренный Исполнительным комитетом ФСП³, предлагал установить во Франции «парламентский режим», передающий высшую власть однопалатной Национальной Ассамблее. Национальная Ассамблея должна избираться всеобщим голосованием, по системе пропорционального представительства, «которая имеет то преимущество, что предполагает обязательное создание крупных, хорошо организованных и, следовательно, дисциплинированных партий». Чтобы отстранить «пыль мелких партий», вводится «15%-ная оговорка», согласно которой партия, собравшая меньше 15⁰/100 голосов, не получает представительства в парламенте. Национальная Ассамблея избирает председателя Совета министров и «правительство, соответствующее ее облику» (т. е. партийному делению). Председатель Совета министров из-

¹ Н. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 384.

² См. А. Клод. Голлизм и крупный капитал. М., 1961, стр. 39—41.

³ Н. Michel. Les courants de pensée de la Résistance, p. 516—517.

бирается на весь срок полномочия Ассамблеи. Отставка правительства возможна лишь при постановке вопроса о доверии. Проект сохранял должность президента республики, однако его действия требовали обязательного подтверждения со стороны председателя Совета министров. Эти проекты, восходившие к традициям левых республиканцев периода Третьей республики, нашли свое отражение в окончательной редакции конституции Четвертой республики, принятой в 1946 г.

В защиту демократических принципов государственного устройства решительно выступила Французская коммунистическая партия. Анализируя недостатки Третьей республики, Компартия заявила: «Пороки демократии, которые нам известны, могут быть исправлены лишь более широкой и более реальной демократией», предполагающей, в частности, свободу совести, свободу печати, свободу собраний и ассоциаций, уважение к человеческой личности, равенство всех граждан перед законом. «Демократия не может быть полной, если к этим политическим правам не присоединяются некоторые основные социальные права, как, например, право на труд и на отдых; право для всех трудящихся пользоваться социальным обеспечением за счет государства (покрывающим все расходы, связанные с несчастными случаями или болезнью); право на достаточную пенсию престарелым трудящимся; право на образование для всех»¹. В разработанном коммунистами «Политическом статуте новой французской республики»² резко критиковалось стремление «любой ценой усилить исполнительную власть», неустойчивость которой «рассматривается в качестве главного порока довоенного режима». Коммунисты утверждали: «1) что предлагаемое средство очень опасно; 2) что это средство не достигает цели».

Коммунистическая партия предлагала сохранить представительные учреждения, избираемые всеобщим голосованием, и ввести право отзыва депутатов и других ответственных лиц в случае невыполнения ими своих предвыборных обещаний. По мнению коммунистов, законодательная власть должна принадлежать палате

¹ «Le Parti Communiste Français dans la bataille pour la libération de la France», p. 27, 28.

² «Documents. Le statut politique de la nouvelle république française». — «France nouvelle» N 2, janvier 1944, p. 69—74.

депутатов, избранных прямым, всеобщим голосованием всех избирателей, включая женщин, достигших 18 лет. Кроме того, будет создана «палата Великой Франции», состоящая из «равного числа депутатов метрополии и депутатов заморских владений. Эти последние будут избираться не только европейскими колонистами, но также (в соответствии со степенью развития различных владений) туземным населением».

Проект Коммунистической партии, несомненно, был самым демократичным из всех проектов конституций, выдвинутых движением Сопротивления. Он гарантировал сохранение и расширение демократических свобод и прав трудящихся, создавал условия для перехода к более полной и более широкой демократии.

228

Взгляды участников Сопротивления на послевоенное устройство Европы и мира были весьма различны. Правые деятели чаще всего представляли себе послевоенный мир по образцу довоенного: в виде системы независимых и враждующих друг с другом национальных государств. Не сомневаясь, что после окончания войны произойдет новый передел мира, они были озабочены главным образом тем, чтобы обеспечить Франции почетное место в лагере победителей и, возможно, добиться территориальных приращений.

С наибольшей откровенностью эти взгляды были изложены в статьях «Дефанс де ля Франс». Ее руководители предполагали, что после войны Англия получит под свое управление итальянские колонии, а США и Англия — японские колонии. Границы побежденных стран изменятся в пользу победителей. Германия будет разоружена и расчленена на государства, существовавшие до 1870 г. Франция получит левый берег Рейна. «Экономические рынки Северной Германии могли бы контролироваться Англией, тогда как французские войска оккупировали бы Рур и рейнские земли»¹, — писала «Дефанс де ля Франс».

Взгляды других, особенно левых, некоммунистических организаций Сопротивления исходили из иных предпосылок. Они верили, что после победы над фашистской Германией глубоко изменится вся система отношений

---

¹ «Défense de la France», 5. II. 1943.

между государствами, национальный суверенитет утратит прежнее значение, возникнет новая, счастливая, объединенная Европа. Свои главные надежды руководители этих группировок возлагали на новую международную организацию, которая могла бы обеспечить сохранение мира и сотрудничество между народами. В их среде пользовались широким распространением буржуазные и социал-реформистские идеи «интеграции» Европы, «Соединенных Штатов Европы», «Соединенных Штатов Мира».

Так, например, «Комба» предложила создать «Соединенные Штаты Европы — этап к всемирному объединению»¹. Генеральный комитет исследований выступал за «европейскую федерацию» государств, которая будет заниматься «проблемой разоружения стран оси и контролем за этим разоружением», а также «задачей предотвращения войны на континенте»².

Очень большое внимание послевоенному устройству мира уделяла Социалистическая партия, посвятившая вопросам внешней политики несколько разделов своей программы действий. Социалисты высказывались за «Соединенные Штаты Мира» как федерацию всех государств, отказавшихся от части своего национального суверенитета. Конкретный состав будущих «Соединенных Штатов Мира» Социалистическая партия не указывала, оговариваясь лишь, что «не мыслит Международное сообщество без равного, лояльного и искреннего сотрудничества»³ с СССР.

Экономическая основа идей «интеграции» или «федерации» Европы, получивших широкое распространение с начала XX в., коренится в присущей капитализму объективной тенденции к обобществлению производительных сил, к интернационализации условий производства и обмена, к объединению замкнутых государственными границами хозяйственных территорий в межгосударственные комплексы. Политическое содержание планов «объединения Европы» в условиях империализма, как правило, было глубоко реакционным. Выдвинутые организациями Сопротивления проекты «Соединенных Штатов Европы» и «Соединенных Штатов Мира» по своему

¹ «Manifeste pour la nation française». Février 1943 (Archives du Comité de la 2-e guerre mondiale).

² «Les Cahiers politiques» N 1, avril 1943, p. 23.

³ «Le Populaire», juin 1943.

идейно-политическому содержанию во многом напоминали космополитические проекты ликвидации национального суверенитета, осужденные в свое время В. И. Лениным¹. По существу это были утопические проекты, не считавшиеся с наличием независимых национальных государств. Их реальное политическое содержание могло состоять только в подчинении Франции объединению капиталистических государств, объективно направленному против Советского Союза.

Французская коммунистическая партия решительно выступила против планов капиталистической интеграции, означавших угрозу национальному суверенитету. Критикуя проект Социалистической партии, она указывала, что «Соединенные Штаты Мира» «рискуют превратиться в Соединенные Штаты наиболее могущественных трестов мира». Компартия подчеркивала, что Франция должна «отвергнуть всякое иностранное вмешательство в решение ее собственной судьбы», поддерживать дружеские отношения со всеми демократическими государствами, заключить союз с СССР, гарантирующий ее безопасность².

Сближение политических, тактических и программных установок различных патриотических организаций, их объединение под эгидой НСС создали условия для разработки общей программы французского Сопротивления. Осуществление этой задачи взял на себя Национальный Совет Сопротивления. В конце 1943 г. на рассмотрение бюро НСС было представлено три проекта программы: проект Национального фронта, проект Всеобщей конфедерации труда и проект Социалистической партии³.

Проект Национального фронта, представленный в НСС в ноябре 1943 г. под наименованием «Проект Хар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

² Цит. по: H. Michel et B. Mirkine-Guetzévitch. Les idées politiques et sociales de la Résistance. Paris, 1954, p. 233, 234.

³ «Le programme du Conseil National de la Résistance (C.N.R.) au pouvoir. Exposé présenté par Louis Saillant, président du C.N.R. à la conférence nationale des C.D.L. le 26 octobre 1945, à Paris». Paris, 1945, p. 4. Cp. G. Cogniot. Le trentième anniversaire du programme du Conseil national de la Résistance.— «L'Humanité», 12. III. 1974.

тии Сопротивления»¹, был написан П. Вийоном после консультации с руководством ФКП и одобрен Руководящим комитетом Национального фронта². Первая часть проекта излагала конкретный план немедленных действий, необходимых для скорейшего освобождения Франции. Во второй, более краткой, части намечалась программа глубоких демократических и социальных преобразований (включая национализацию основных средств производства), которые должны были подорвать всевластие монополий и обеспечить трудящимся массам более широкое влияние на политическую жизнь страны.

В проекте Хартии говорилось, что «французы не могут больше ограничиваться пассивным сопротивлением в ожидании помощи извне» и должны «своими действиями подготовить условия для национального восстания, которое (как доказывает пример югославских патриотов и наших доблестных братьев на Корсике) не обязательно должно быть обусловлено высадкой союзников». Проект призывал союзников создать «подлинный второй фронт», требовал от ФКНО снабжения патриотов оружием, предлагал немедленно раздать уже имеющееся оружие тем организациям, которые ведут вооруженную борьбу с оккупантами.

В проекте рекомендовалось создавать «повсюду — в масштабе департамента, города, квартала, деревни — патриотические комитеты», которые станут центрами освободительной борьбы на местах. Они будут организовывать саботаж, «способствовать созданию вооруженных отрядов патриотов: групп добровольцев, франтиреров и партизан, в особенности среди лиц, уклоняющихся от депортации; организовывать на предприятиях, в городах и в деревне Патриотическую милицию».

Во второй части проекта провозглашалась решимость всех организаций, представленных в НСС, «сохранить единство после освобождения:

- 1) чтобы обеспечить наказание изменников;
- 2) чтобы обеспечить:

— установление самой широкой демократии в соот-

---

¹ Текст проекта Национального фронта, хранившийся в архиве П. Вийона, впервые опубликован автором в приложении к статье: В. П. Смирнов. К истории программы Национального Совета Сопротивления. — «Французский ежегодник», 1965.

² P. Villon. Souvenirs et réflexions. — «France nouvelle», 25—31. VIII. 1965.

ветствии с решениями Учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием;

- свободу совести для верующих и неверующих;
- свободу печати, ее честь и чистоту;
- свободу организаций, собраний и демонстраций;
- неприкосновенность жилища и тайну переписки;
- уважение человеческой личности;
- абсолютное равенство всех граждан перед законом»;

«3) чтобы установить:

- право на труд и право на отдых;
- социальное обеспечение, включающее болезнь и несчастные случаи, охватывающее всех трудящихся»;

«— пенсии, позволяющие престарелым трудящимся достойно закончить свои дни;

- развитие и поддержку производственных и сбытовых кооперативов в сельском хозяйстве и ремесле;
- право для всех французских детей получать образование и приобщаться к высшей культуре, каковы бы ни были доходы их родителей».

Необходимые для этих целей финансовые ресурсы следовало изыскать путем «конфискации имущества предателей, прогрессивного налога на прибыли, полученные во время войны и оккупации; путем возвращения нации основных средств производства, являющихся плодами общего труда: источников энергии, полезных ископаемых, страховых компаний и крупных банков». Проект Хартии указывал, что одна из целей Национального Совета заключается в том, чтобы «защищать экономическую и политическую независимость нации и восстановить величие Франции». Он провозглашал необходимость «союза всех французов вокруг ФКНО и его председателя генерала де Голля».

Большой интерес представляет проект программы ВКТ, принятый в августе 1943 г. и представленный в бюро НСС в октябре 1943 г.¹ Как и проект Национального фронта, он состоял из двух частей: неотложные меры и меры, которые следует принять после освобождения Франции. К числу неотложных мер ВКТ относи-

---

¹ Проект ВКТ опубликован в приложении к кн.: *A. Tollet. La classe ouvrière dans la Résistance*, p. 285—290. В известном сборнике документов А. Мишеля и Б. Миркин-Гецевича содержится лишь часть этого проекта (*H. Michel et B. Mirkine-Guetzévitch. Op. cit.*, p. 199—202).

ла борьбу за увеличение зарплаты и освобождение военнопленных; борьбу против депортации и обязательной трудовой повинности, против работы на врага, против Хартии труда.

В разделе о мерах, осуществляемых после освобождения, ВКТ подчеркивала необходимость наказать предателей, улучшить положение трудящихся. «Зарплата будет немедленно увеличена на $x\%$. Положение в сентябре 1943 г. требует как минимум увеличения зарплаты на 50% », — говорилось в проекте. Авторы проекта считали, что в дальнейшем правительство по соглашению с профсоюзными организациями должно устанавливать уровень цен и зарплаты. Предусматривалось введение подвижной шкалы заработной платы. Проект требовал увеличения норм снабжения, организации борьбы со спекуляцией и «черным рынком». Предлагалось немедленно отменить все вишистские законы, ограничивавшие свободу деятельности профсоюзов, улучшить законодательство, касающееся платных отпусков, пенсий и социального страхования.

233

К проекту прилагались два дополнения: одно — внесенное коммунистами, но отвергнутое реформистской частью руководства ВКТ; другое — внесенное реформистами, но не получившее одобрения коммунистов — членов руководства ВКТ.

Предложение коммунистов предусматривало «восстановление социальных законов 1936 г.» (т. е. Народного фронта) и «полное уничтожение трестов». Реформисты предлагали лишь установить «контроль» над вишистскими организационными комитетами, устранить из них представителей трестов и принять «закон, регламентирующий наем и увольнение». Они не требовали полной ликвидации монополий, но высказывались за национализацию «банков, электротехнической, химической промышленности, транспорта, страховых компаний, средств распространения информации и т. д.». Оба дополнения предусматривали конфискацию имущества промышленников, банкиров и торговцев, которые вступили в сделку с врагом.

Проект Социалистической партии, представленный в бюро НСС в декабре 1943 г.¹, представлял собой пе-

---

¹ Programme du Parti socialiste clandestin (11 décembre 1943). — H. Michel et B. Mirkine-Guetzévitch. *Op. cit.*, p. 202—208.

переработку программы действий ФСП, которая ранее была опубликована в «Попюлер». В отличие от проектов Национального фронта и ВКТ проект социалистов касался лишь послевоенного устройства Франции. В нем не было никаких предложений относительно организации вооруженной борьбы или подготовки национального восстания. В основе проекта ФСП лежали два главных лозунга: «Политическая демократия и социальная демократия, т. е. политический суверенитет народа и социальная справедливость». В соответствии с этим в первой части проекта рассматривались «политические проблемы», во второй — «социальные и экономические проблемы». В разделе, посвященном политическим проблемам, выдвигалось требование «создать Временное правительство во главе с генералом де Голлем, который начиная с 18 июня 1940 г. один воплощает надежды и чаяния всех истинных французов». Социалисты высказывались за «свободную, сильную и чистую республику», которая заменит вишистский режим «личной власти»; требовали очищения администрации и восстановления демократических свобод. Вопрос об Учредительном собрании они обходили молчанием, ограничиваясь предложением о создании «Временной контрольной ассамблеи» по образцу Консультативной Ассамблеи Алжира. В социально-экономической области социалисты провозглашали своей целью «уничтожение монополий и привилегий, вытекающих из капиталистических форм собственности, а также подчинение индивидуальных интересов общественному благу». В качестве первоочередных мероприятий выдвигались: «национализация общественных служб, страховых компаний (прибыли от которых должны использоваться всем обществом), шахт и крупных предприятий в ключевых отраслях». Предполагалось установить «эффективный контроль за кредитом и капиталовложениями», не допускать бегства капиталов за границу, обеспечить стабилизацию франка и контроль над ценами. Социалисты считали необходимым обеспечить участие трудящихся в прибылях, восстановить систему коллективных договоров, улучшить условия труда и отдыха, перестроить систему социального страхования, бороться с безработицей и т. п.

Вопреки мнению некоторых авторов, утверждающих, будто проект социалистов был воспринят в своих основ-

ных чертах другими членами НСС¹, в действительности он был отвергнут Национальным Советом Сопротивления. «Надо сказать, что его трудно было принять, — сообщал в Лондон делегат ФКНО во Франции Л. Моранда. — Он касался лишь будущего и отличался крайней умеренностью, представляя собой нечто вроде программы левого блока от 11 мая 1924 г.»². Основой для обсуждения стал проект Национального фронта. По свидетельству Л. Моранда, «только социалисты сделали оговорки относительно этой программы, не соглашаясь, в частности, с тем, что она предусматривает немедленную раздачу оружия лицам, которые способны и желают сражаться»³. Однако обсуждение проекта Национального фронта крайне затянулось, захватив ноябрь, декабрь, январь и февраль 1943—1944 гг.

Главная причина столь продолжительных дискуссий заключалась в том, что буржуазное большинство НСС не хотело безоговорочно одобрять проект, который в самой категорической форме призывал к немедленным действиям. «Если понадобилось четыре месяца для того, чтобы добиться этого одобрения, то именно потому, что внутри НСС и в делегации, представлявшей Французский комитет национального освобождения (ФКНО), т. е. Временное правительство в Алжире, существовали разногласия относительно принципов и директив немедленных действий, содержащихся в проекте»⁴, — свидетельствует П. Вийон. Возникали также разногласия, связанные с требованиями национализации промышленности и с организацией патриотических комитетов, которые представители буржуазии называли «дикими комитетами»⁵, давая понять, что они могут оказаться вне контроля ФКНО.

Лишь в январе 1944 г. в бюро НСС было достигнуто единогласие. 15 марта 1944 г. «председатель НСС сообщил своим коллегам, что все партии, группировки

¹ D. Mayer. Origines du C.N.R. — «Evidences» N 8, février 1950, p. 16.

² Письмо комиссару внутренних дел ФКНО от 29. II. 1944 г. (Archives personnelles de G. Oudard).

³ Там же.

⁴ P. Villon. Juin — août 44. — «Démocratie nouvelle», 1964, N 9, p. 57.

⁵ Rapport de janvier (Archives personnelles de G. Oudard) (доклад Ж. Бенжана).

и организации, входившие в НСС, целиком и полностью присоединились к Хартии Сопrotивления»¹. Решающим фактором этого успеха была героическая борьба народных масс Франции под руководством Коммунистической партии. «Без нее, — вспоминал П. Вийон, — мы не смогли бы 15 марта 1944 г. получить подписи 16 членов НСС под программой, первая часть которой содержала все лозунги немедленной борьбы, включая стачку и партизанскую войну, тогда как годом раньше никто из них не соглашался включить слово «стачка» в первый призыв НСС»².

Сравнение программы НСС³ с проектом Национального фронта показывает, что все основные положения проекта (и около 90% его текста) вошли в состав программы, определив ее проблематику, структуру, характер, а во многом и конкретные формулировки.

Первая часть программы НСС включила (с небольшими редакционными изменениями) все положения проекта относительно развертывания немедленной вооруженной борьбы, раздачи неиспользуемого оружия тем организациям, которые готовы сражаться, создания Патриотической милиции. Она требовала «сочетать военные действия с сопротивлением массы нации»: стачками, демонстрациями, борьбой против депортации и т. д. Программа призывала создавать местные патриотические комитеты. Она указывала, что французы «не хотят, да и не могут ограничиться пассивным ожиданием помощи извне», подчеркивала необходимость «вооруженного сопротивления» и национального восстания, требовала, чтобы ФКНО приложил все усилия для снабжения патриотов оружием.

Вместе с тем в программе — и в этом, несомненно, сказалось влияние буржуазных деятелей — были смягчены некоторые формулировки проекта и внесены дополнения, подчеркивавшие, что все боевые действия должны проходить под контролем ФКНО. Из программы исключалось прямое требование открытия второго фронта и указание, что национальное восстание может

---

¹ «Le programme du C.N.R. au pouvoir. Exposé présenté par Louis Saillant...», p. 5.

² P. Villon. L'union de la Résistance à l'occupant. — «L'Humanité», 28. VIII. 1949.

³ «Le Programme du C.N.R. au pouvoir. Exposé présenté par Louis Saillant...»

начаться во Франции, так же как и на Корсике, не ожидая высадки союзников. Тем не менее программа достаточно определенно призывала Англию и США развернуть «военные операции большого масштаба, которые возможно быстрее обеспечат освобождение захваченных территорий», и заявляла, что действия союзников могут быть «ускорены благодаря помощи, оказанной французами в борьбе против общего врага, как показал пример доблестных корсиканских патриотов». Национальное восстание, говорилось в программе, начнется, «как только политическая и военная обстановка позволят обеспечить его успех, даже ценой тяжелых жертв», и «будет направляться НСС под руководством ФКНО».

В окончательном тексте программы несколько суживались полномочия местных патриотических комитетов. Они должны были подчиняться департаментским комитетам освобождения, в которых большинство обычно принадлежало представителям буржуазных организаций. Департаментские комитеты освобождения и командование внутренних сил Сопротивления должны были контролировать действия создаваемой на местах Патриотической милиции.

Вторая часть программы НСС также включала в себя все основные положения проекта Национального фронта, но была значительно расширена. В большинстве случаев внесенные в эту часть программы дополнения развивали предложения, которые в более краткой форме уже содержались в проекте.

Так, например, проект Национального фронта предусматривал в одном и том же разделе конфискацию имущества изменников, установление прогрессивного налога на военные прибыли и национализацию основных средств производства. Программа расчленила этот раздел на две части: о конфискации имущества изменников и о национализации основных средств производства, значительно расширив каждую часть в духе предложений ВКТ и Социалистической партии.

Пункт о национализации основных средств производства, вошедший в программу в формулировке Национального фронта, был дополнен следующими требованиями: «установление подлинной экономической и социальной демократии, предполагающей устранение финансовых и экономических олигархий от руковод-

ства экономикой; рациональная организация экономики, обеспечивающая подчинение частных интересов общим; освобождение экономики от диктатуры, установленной по образцу фашистских государств; развитие национального производства в соответствии с государственным планом, принятым после консультации с представителями всех участников производства». Аналогичным образом были конкретизированы (в основном в духе проекта ВКТ) содержащиеся в проекте Национального фронта положения о праве трудящихся на труд, на отдых, на социальное обеспечение, пенсии и пособия. Программа специально оговаривала «распространение политических, социальных и экономических прав на коренное население колоний». Вслед за проектом Национального фронта в программе НСС признавалась необходимость всеобщего избирательного права, но ничего не говорилось о созыве Учредительного собрания, предусмотренного проектом. Зато в программу было внесено отсутствовавшее в проекте Национального фронта требование «создать Временное правительство республики во главе с генералом де Голлем», причем срок его деятельности ничем не ограничивался.

Различия между проектом Национального фронта и программой НСС, несомненно, отражают разногласия внутри Национального Совета Сопротивления. Они показывают, что программа явилась результатом известного компромисса, причем этот компромисс в основном отвечал тогда национальным интересам Франции. В программу Национального Совета Сопротивления вошли все главные требования передовых сил французского народа, которые в течение длительного времени отстаивали Французская коммунистическая партия и Национальный фронт. Как указывал М. Торез, программа НСС не являлась социалистической, но содержащиеся в ней предложения создавали основу для установления во Франции «подлинной демократии», для «обновления и расширения демократии»¹. Программа НСС не ограничивалась перечислением обычных буржуазно-демократических свобод. Она смело выдвигала новые демократические и антимонополистические требования, которые могли существенно расширить права рабочего класса

¹ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XX, p. 182; t. XXI, p. 194, 96.

и подготовить предпосылки для перехода к социализму. Особенно важным было требование «устранения финансовых и экономических олигархий от руководства экономикой», которое при соответствующих условиях могло стать переходным требованием в борьбе за социализм.

Признание программы НСС всеми главными организациями Сопротивления означало, что в целом французское движение Сопротивления встало на демократическую, антифашистскую и антимонополистическую платформу.

Глава 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

240 В начале 1944 г. сложились благоприятные условия для национального восстания и освобождения Франции. В ходе грандиозных сражений, развернувшихся на советско-германском фронте зимой 1943/44 г., фашистская армия потерпела тяжелое поражение. Советские войска разгромили вражеские группировки под Ленинградом и на Украине, на значительном протяжении вышли на государственную границу СССР, перенесли военные действия на территорию союзника Германии — фашистской Румынии. Становилось все более и более очевидным, что Советская Армия в состоянии собственными силами разгромить гитлеровскую Германию и освободить поработенные народы Европы.

В этой обстановке правящие круги Англии и США не могли больше откладывать организацию второго фронта. Они спешили принять участие в завершающем этапе войны, чтобы укрепить свои позиции и сохранить власть буржуазии в странах Европы. На совещании руководителей трех держав в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. правительства Англии и США дали обязательство открыть второй фронт во Франции в течение мая 1944 г. Через несколько дней они сообщили Советскому правительству, что командовать войсками вторжения будет генерал Эйзенхауэр. Англо-американский план вторжения предусматривал высадку десанта на северном побережье Франции (операция «Оверлорд») и вспомогательный удар на южном побережье между Марселем и Ниццей (операция «Энвил»). Для вторжения (срок которого вскоре был перенесен с мая на июнь 1944 г.) привлекались крупные силы.

Военно-политическая обстановка во Франции была благоприятной для союзников. Численность оккупационных войск во Франции сократилась, их качество было низким. Правительство Виши, превратившееся в придаток немецкой военной администрации, лишившееся армии и флота, уже не контролировало положения и с ужасом ожидало неминуемого возмездия. Оккупанты больше не доверяли Петэну, лишили его постоянной резиденции и под предлогом охраны от покушений перевозили из одного района в другой. Только Лаваль и другие ультраколлаборационисты, цеплявшиеся за надежду, что Германия не будет разбита, еще пользовались благосклонностью гитлеровцев и намеревались оказать содействие оккупантам.

В то время как силы оккупантов и Виши ослабевали, движение Сопротивления росло и ширилось. В течение 1944 г. оно превратилось в значительную силу. Нелегальная печать Сопротивления распространялась по стране шире, чем официальная вишистская пресса. Общий разовый тираж подпольных изданий достиг 2 млн. экземпляров. Участники Сопротивления издавали около сотни центральных газет и 400—500 местных изданий¹. Первое место по праву занимала боевая печать Коммунистической партии, выпустившей за годы оккупации 50,6 млн. номеров подпольной «Юманите», около 12 млн. листовок и 1,5 млн. брошюр².

Своим патриотизмом и самоотверженностью коммунисты завоевывали огромный авторитет в массах. «Если Коммунистическая партия остается предметом постоянных забот со стороны консерваторов, то для патриотов она является символом мужества и отваги»³, — докладывал Ж. Бенжан в Лондон.

Многие честные патриоты, не разделявшие коммунистических убеждений, осудили антикоммунизм. Члены Руководящего комитета Национального фронта, не являвшиеся коммунистами, выпустили специальную листовку: «Последняя карта Гитлера — антикоммунизм», в которой заявили, что отказываться от союза с коммунистами — «это значит предавать Францию, ибо невозможно одновременно вести антикоммунистическую

¹ H. Michel. Histoire de la Résistance, p. 89.

² «Sept ans...», p. 187—189, 190—191.

³ «Rapport de Cléante» (Archives personnelles de G. Oudard).

политику и сражаться против захватчиков»¹. Под влиянием деятельности Компартии, Национального фронта, ФТП и других прогрессивных организаций участники Сопrotивления все более убеждались в бесплодности атлантизма. Характеризуя их настроения, представитель ФКНО писал в Лондон весной 1944 г.: «Больше не верят в национальное восстание, приуроченное к «дню икс». Верят в немедленные широкие действия»².

В течение 1944 г. вооруженная борьба приобрела небывалый размах. За 6 месяцев 1944 г. партизаны совершили 2731 диверсию на железных дорогах, тогда как за весь 1943 г. было организовано 2009 таких операций³.

242

Плечом к плечу с французскими патриотами сражались антифашисты других стран. Согласно данным, приведенным в книге активного деятеля ФТП и Коммунистической партии Г. Ляроша, в партизанской борьбе и национальном восстании во Франции участвовали представители 17 различных национальностей общей численностью 40 тыс. человек⁴.

Активное участие в партизанской борьбе приняли русские люди и советские граждане, оказавшиеся во Франции. Русские эмигранты организовали несколько военных, пропагандистских и разведывательных групп, действовавших в контакте с французскими организациями Сопrotивления. Осенью 1943 г. они основали организацию «Союз русских патриотов», издавали газету «Русский патриот», выпускали листовки. Многие советские военнопленные, бежавшие из немецких концентрационных лагерей, расположенных на территории Франции, вступали во французское Сопrotивление или создавали собственные партизанские отряды. В конце 1943 г. при братской помощи ФКП они организовали Центральный комитет советских военнопленных во Франции, возглавивший борьбу советских граждан. На русском и французском языках издавалась газета «Советский патриот», которая ставила перед советскими

---

¹ Листовка «La dernière carte d'Hitler: l'anticommunisme» (Archives personnelles de J. Debu-Bridel).

² «Suite du Rapport général sur la situation de la Résistance» (Archives personnelles de G. Oudard).

³ B. Nardain. Op. cit., p. 47—48.

⁴ G. Laroche. On les nommait des étrangers. Paris, 1965, p. 18.

военнопленными, «вопрос прямой: «Если ты патриот своей Родины, то докажи это борьбой»»¹.

К весне 1944 г. во Франции действовало 35 советских партизанских отрядов: отряды «За Родину», «Ленинград», «Чапаев», «Максим Горький» и др. Ими руководили отважные патриоты В. Порик², Н. Скрипай, В. Таскин, Н. Самарин и многие другие. В результате действий советских партизанских отрядов было уничтожено 3500 гитлеровцев, пущено под откос 65 воинских эшелонов, взорвано 3 моста, взято в плен 650 немецких солдат и офицеров³.

К лету 1944 г. партизанская борьба приобрела широкий размах, и главным фактором, сдерживавшим ее дальнейшее развитие, стал недостаток оружия. По свидетельству генерала де Голля, «фактически контингенты бойцов внутренних сил находились в прямой зависимости от вооружения, которое им давали»⁴. Поскольку монополия на поставку оружия находилась в руках Англии и руководства ФКНО, они могли, задерживая вооружение партизанских отрядов, руководимых Компартией, создавать благоприятные условия для увеличения численности и влияния буржуазных группировок.

В 1944 г. силам Сопротивления требовалось 60 т оружия и боеприпасов в месяц. Максимальное их количество, переброшенное английскими и французскими самолетами (в марте 1944 г.), составило 20 т⁵. Из нескольких сот парашютов с оружием лишь 6 предназначались для франтиреров и партизан⁶. Даже в том случае, когда оружие попадало во Францию, оно нередко оставалось без употребления. Отряды «Тайной

¹ «Советский патриот». Информационный орган советских пленных во Франции. Специальный выпуск. Январь 1944 г.

² В 1964 г. В. Порик посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

³ Участие советских людей во французском движении Сопротивления является предметом специального изучения во многих работах. Например: М. А. Кокорин, А. А. Стручков. О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах. — «Вопросы истории», 1960, № 3; Г. Нецаев. Участие советских граждан в движении Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 6; коллективная монография «Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления». М., 1972.

⁴ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 295.

⁵ Н. Michel. Histoire de la Résistance, p. 108.

⁶ В. Nardain. Op. cit., p. 20.

армии» или ОРА, получив оружие, хранили его на тайных складах, попадавших порой в руки полиции или гестапо. Такая практика вызывала возмущение многих честных патриотов. «Тот факт, что АС («Тайная армия». — В. С.) хранит взрывчатку, не используя ее, и что из-за этого нельзя было осуществить очень важные диверсии, вызывает вполне законное негодование, особенно в низах»¹, — докладывал Ж. Бенжан в Лондон. В марте 1944 г. секретарь ЦК ФКП Ж. Дюкло выступил в «Юманите» со статьей «Страх перед народом и измена родине», в которой показал, что «страх перед народом ведет к аттантизму». Ж. Дюкло прямо заявил: «Именно из страха перед народом некоторые элементы, роль которых должна быть выяснена, предпочитают, чтобы тонны оружия попали в руки врага, вместо того чтобы раздать это оружие ФТП, которые борются за освобождение родины»².

В целом проблема вооружения патриотов не была решена, и это серьезно препятствовало расширению освободительной борьбы.

Характерной особенностью французского движения Сопротивления в 1944 г. был быстрый рост вооруженных лагерей маки. К лету 1944 г. они насчитывались многими десятками. Иногда в одном лагере объединялось 5—10 макизаров, а иногда и несколько сот. Общая численность вооруженных макизаров в начале 1944 г. составляла, по оценке Э. д'Астье, около 5 тыс. человек³, но их количество могло быстро увеличиться в случае получения оружия.

Обычно лагеря макизаров располагались в наиболее приспособленных для партизанской войны горных и лесистых местностях. Многочисленные лагеря существовали в Центральном массиве: вокруг городов Лимож и Клермон-Ферран, в том числе в районах Лимузена, Корреза, Морвана, Оверни. Крупным очагом маки были альпийские районы, в частности департаменты Высокие Альпы, Дром, Изер. Среди них наиболее известны лагерь на плоскогорье Глиер в Савойе и на плоскогорье

¹ «Suite du Rapport général sur la situation de la Résistance» (Archives personnelles de G. Oudard).

² «L'Humanité», 15. III. 1944.

³ См. Э. д'Астье. Боги и люди. М., 1962, стр. 69.

Веркор, недалеко от Гренобля. Немало лагерей существовало в восточных районах Франции: в Бургундии, Франш-Конте, отчасти в Лотарингии. Испытанным убежищем макизаров являлись Пиренейские горы и примыкающие к ним департаменты Дордонь, Лот, Тарн, Арьеж. Кроме того, в ряде районов, например в Бретани, макизары не создавали крупных постоянных лагерей, а действовали мелкими подвижными группами.

Иногда лагеря макизаров основывались организациями Сопротивления, но нередко возникали стихийно и лишь впоследствии примыкали к какой-либо организации. Состав лагерей постоянно менялся. Макизары часто переходили из одной группы в другую, рассеивались после неудачных сражений и снова собирались в ином составе и в другом месте.

245

Среди макизаров встречались люди различных национальностей, социального происхождения, политических и религиозных взглядов, однако большинство, как правило, состояло из рабочих, крестьян и средних слоев населения. Так, в лагере «Треминис» (около плоскогорья Веркор) не было ни одного человека, вышедшего из среды аристократии или крупной буржуазии. Из 40 макизаров «14 принадлежали к средней, 6 — к мелкой буржуазии, 20 — к народной среде». Семь из них были югославскими эмигрантами-антифашистами, остальные — французами из различных городов и районов. Четверо макизаров этого лагеря были коммунистами, 7 человек придерживались левых и двое — правых политических убеждений; остальные не имели ясно выраженной политической ориентации¹.

Из 114 макизаров департамента Коррез 46 человек (40%) были рабочими. Следующие по численности социальные группы составляли крестьяне (12%), ремесленники (12%), учителя, врачи, инженеры (12%), служащие (9%), мелкие торговцы (6%) и студенты (5%). Среди макизаров не было ни одного человека из среды крупной буржуазии². Из 168 макизаров, действовавших летом 1944 г. в районе Клермон-Феррана (зона № 13) 51 были рабочими, 37 — крестьянами, 29 — ремесленниками и

¹ Y. Pérotin. *Origines et tendances d'un groupe de maquisards*. — «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 49, janvier 1963, p. 12—14.

² «Maquis de Corrèze». Par 120 témoins et combattants. Paris, 1971, p. 9—12.

мелкими торговцами. Кроме того, в лагере имелось 39 служащих, учителей, инженеров, студентов и 12 бывших военных и жандармов¹.

В районах наибольшего распространения лагерей маки администрация Виши фактически утратила контроль над населением. Макизары нередко действовали там как параллельная власть: собирали налоги, устанавливали цены, следили за поддержанием порядка, за снабжением населения мукой и другими предметами первой необходимости; отбивали продовольствие, реквизированное немецкими и вишистскими закупочными командами, распределяли его среди трудящихся².

В Бургундии макизары ввели специальный налог на местное население, собирали пожертвования, налагали штрафы на коллаборационистов и тех, кто разглашал военные тайны. Население исправно платило налоги и лишь в случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств обращалось к «господину командующему Сопротивлением» с просьбой временно отложить взимание налога или уменьшить его размеры³. В деревнях крестьяне и молодежь собирали деньги и продукты для макизаров. Со своей стороны макизары помогали крестьянам в полевых работах.

Почти все лагеря маки тяготели к какой-либо из трех главных военных организаций Сопротивления: ФТП, «Тайной армии» или ОРА. Так, например, маки Лимузена находились под преобладающим влиянием ФТП; маки Бургундии примыкали к «Тайной армии» или ФТП; в Альпах имелись маки ОРА, «Тайной армии» и ФТП.

Макизары различных лагерей обычно чувствовали себя солидарными друг с другом в борьбе против оккупантов и Виши. Тем не менее среди них встречались и реакционеры, готовые сговориться с вишистами. В статье Ж. Дюкло указывалось, что некоторые руководители макизаров «организовывали антикоммунистическую пропаганду в своих лагерях» и даже «были склонны договориться с Виши о ненападении на их лагеря маки»⁴.

¹ *Témoignage de J. Juliat.*

² «Documents sur le Maquis Limousin». Limoges, 1946, s. p.

³ *M. Lombard. Notes sur quelques aspects financiers de la vie d'un maquis bourguignon.* — «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 49, janvier 1963, p. 25.

⁴ «L'Humanité», 15. III. 1944.

Тактика макизаров разных группировок отличалась друг от друга. Макизары ФТП действовали мелкими подвижными группами. Они беспрерывно атаковали противника и быстро исчезали, часто меняли свое месторасположение. Макизары «Тайной армии» и ОРА, в основном придерживавшиеся политики атлантизма, обычно создавали крупные стационарные лагеря, где тренировались к предстоящим боям. Иногда макизары таких лагерей выражали протест против бесплодного атлантизма и даже присоединялись к макизарам ФТП, что, однако, случалось редко.

Атлантистские настроения, свойственные руководству некоторых лагерей маки, поддерживались службами ФКНО. Плохо представляя условия партизанской борьбы и не желая вооружать народные массы, офицеры БСРА разработали план создания так называемых мобилизующих маки¹. По этому плану предполагалось создать несколько постоянных базовых лагерей маки, которые в момент высадки союзников превратятся в укрепленные районы и центры мобилизации местного населения. План организации «мобилизующих маки», продиктованный не только военными, но и политическими соображениями, должен был обеспечить БСРА контроль над народным восстанием, но он обрекал макизаров на длительное бездействие и лишал их главного преимущества в борьбе с врагом — маневренности. В случае нападения оккупантов «мобилизующие маки» могли оказаться ловушкой для патриотов, потому что огромное техническое и численное превосходство регулярной немецкой армии делало невозможным эффективную оборону стационарных лагерей. Трагическим подтверждением этой истины могут служить первые крупные бои между макизарами и оккупантами на плоскогорье Глиер, в горах Савойи². В марте 1944 г. защитники этого лагеря, лишённые помощи извне и не имевшие возможности оторваться от противника, потерпели серьезное поражение.

¹ R. Aron. Histoire de la Libération de la France, p. 146.

² События на плоскогорье Глиер описаны в ряде работ: L. Jourdan, J. Helfgott, P. Golliet. Clières, Haute-Savoie, première bataille de la Résistance. Annecy, 1946; P. Robert. Le plateau des Glières. Paris, 1945; P. Cluzel. Révélations. Le drame héroïque des Glières. Paris, 1947.

В 1944 г. окончательно сложилась система руководящих органов внутреннего Сопротивления. Ее центром являлся Национальный Совет Сопротивления, фактически превратившийся в своеобразное нелегальное правительство. Национальный Совет имел в своем распоряжении вооруженные силы, финансовые средства, нелегальную печать. Он опирался на сеть подпольных организаций, покрывавших всю Францию и пользовавшихся поддержкой населения, руководил работой специализированных комитетов и комиссий. Кроме уже упоминавшихся Комитета борьбы против депортации, Генерального комитета исследований и службы НАП под руководством Национального Совета Сопротивления действовали агентство печати, служба помощи участникам Сопротивления, финансовый комитет, медицинский комитет, юридический комитет, комиссия по назначению руководящего персонала освобожденной Франции, комиссии снабжения, общественных работ, промышленного производства и др.

Важную роль играл финансовый комитет, председателем которого был директор Парижско-Нидерландского банка А. Дебре, а членами буржуазные деятели Сопротивления Ж. Шабан-Дельмас, М. Дебре, Р. Куртэн и др.¹ Финансовый комитет распределял поступающие от ФКНО субсидии и размещал среди финансистов и промышленников займы Сопротивления. Первоначально успех таких займов был невелик, но по мере приближения момента освобождения жертвователи из буржуазных кругов становились щедрее. Как откровенно писал один из членов финансового комитета, «некоторые стремились запастись «удостоверением в гражданственности» на послевоенный период; другие видели в этом хорошее средство для помещения не слишком законных прибылей»². Менее чем за год деятельности финансовый комитет собрал во Франции около 600 млн. фр. и получил от ФКНО свыше 4 млрд. фр.³

Активную деятельность развернула служба печати НСС. Она снабжала материалами подпольные газеты,

¹ F. Bloch-Lainé. Financement de la Résistance intérieure.— «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale», novembre 1950, p. 12—13.

² Ibid., p. 13.

³ Ibid., p. 8.

публиковала резолюции и решения НСС, регулярно издавала 4 информационных бюллетеня и документальный сборник с обзорами французской и зарубежной прессы. Медицинский комитет НСС объединял врачей, оказывавших помощь участникам Сопротивления. Благодаря содействию медицинского персонала он мог использовать ряд больниц и клиник, имел запасы медикаментов, обеспечивал лечение, питание и убежище для больных и раненых, посылал врачей в партизанские отряды. Служба помощи участникам Сопротивления занималась сбором средств среди населения, помогала семьям погибших и арестованных патриотов, организовывала передачи для заключенных.

Опорой Национального Совета Сопротивления на местах служили районные и департаментские комитеты освобождения, формировавшиеся с осени 1943 г. Согласно докладу Ф. Клозона, весной 1944 г. они действовали во всех главных городах южной зоны (Тулузе, Лиможе, Монпелье, Марселе, Лионе, Клермон-Ферране). В северной зоне работало 13 городских и департаментских комитетов освобождения во главе с Парижским комитетом. Еще 12 комитетов северной зоны находилось в стадии формирования¹. К моменту высадки союзников во Франции они существовали почти во всех департаментах и в крупнейших городах. Как и Национальный Совет Сопротивления, «эти комитеты не были избраны борющимся народом; подобно комитетам Народного фронта в прошлом, они были образованы из представителей, выделенных различными организациями»². Благодаря паритетному принципу формирования департаментских комитетов освобождения буржуазные организации обычно имели там большинство.

Болеё демократический характер имели местные комитеты освобождения (МКО), создававшиеся по месту жительства или работы участников Сопротивления. Особенно активными и многочисленными были МКО Парижского района, которые, как докладывал Ф. Клозон в Лондон, «формируются в крупных центрах Парижского района и на предприятиях по инициативе коммунистов»³. К лету 1944 г. под руководством Париж-

¹ «Rapport N 4 de Fouché» (Archives personnelles de F. Closon).

² М. Торез. Сын народа, стр. 177.

³ «Rapport de Fouché N 4. Annexe N 3. Note sur le comité parisien de libération» (Archives personnelles de F. Closon).

ского комитета освобождения действовало свыше 40 местных комитетов¹.

В начале 1944 г. три главные военные организации Сопrotивления: ФТП, «Тайная армия» и ОРА — объединились в единые Французские внутренние силы (ФФИ). 1 февраля 1944 г. Центральный комитет Сопrotивления, действовавший тогда наряду с НСС, постановил «создать Национальный штаб ФФИ, действия которого будут контролироваться узкой делегацией из 3 членов, назначенных Центральным комитетом»². В решении Центрального комитета указывалось, что «вооруженные силы Сопrotивления находятся под руководством НСС»³, а Национальный штаб «несет ответственность за общую организацию ФФИ и управление ими, за подготовку планов действия и их осуществление, за распределение оружия и снаряжения, за контроль над распределением денежных средств»⁴.

250

Согласно решению Центрального комитета, организации, вступившие в состав ФФИ, сохраняли свою политическую и организационную самостоятельность, но подчинялись директивам единого Национального штаба. Начальник штаба назначался Центральным комитетом по представлению штаба, а руководство основными отделами (бюро) штаба распределялось между главными группировками — членами ФФИ. В районах и департаментах «в соответствии с директивами Национального штаба, одобренными делегацией ЦК»⁵, должны были создаваться местные штабы ФФИ.

В феврале 1944 г. «узкая делегация» Центрального комитета приступила к формированию Национального штаба ФФИ. На учредительное собрание были приглашены военные руководители 6 группировок: ФТП, МЮР, ОСМ, «Либерасьон-Нор», «Сэ де ля Резистанс»

---

¹ «Procès — verbal de la 32-e séance du Comité Parisien de la Libération». Все документы Парижского комитета освобождения приводятся по материалам личных архивов председателя ПКО А. Толле и секретаря ПКО А. Обадиа.

² «Le Comité Central à Tous Mouvements», 16/2/44 (Archives personnelles de Pierre Villon).

³ «Décision du C. C. du 1-er février 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

⁴ «Le Comité Central à Tous Mouvements», 16/2/44 (Archives personnelles de P. Villon).

⁵ Ibidem.

и «Сэ де ля Либерасьон». Большинство голосов (в отсутствие представителя ФТП) начальником Национального штаба был избран делегат МЮР полковник де Жюсье, кадровый офицер и один из руководителей «Тайной армии». Общее руководство боевыми действиями ФФИ и контроль за деятельностью Национального штаба взяла на себя «узкая делегация» Центрального комитета, получившая наименование сначала Военного комитета действия (КОМИДАК), а затем Комитета военных действий (КОМАК).

В состав КОМАК вошли представители трех группировок: Национального фронта, МЮР и буржуазно-патриотических организаций Сопротивления северной зоны. Председателем КОМАК и его «докладчиком» в Национальном Совете Сопротивления стал генеральный секретарь Национального фронта, член Центрального комитета и Национального Совета Сопротивления, коммунист П. Вийон. Представителем организаций северной зоны являлся военный руководитель «Сэ де ля Резистанс» Ж. де Вогюз. Представителем МЮР был сначала один из руководителей «Комба» — М. Шеванс-Бертэн, а после его отъезда в Алжир — член руководства МЮР М. Крижель-Вальримон¹. После его вступления в КОМИДАК (1 мая 1944 г.) большинство голосов там принадлежало коммунистам².

В марте 1944 г. окончательно решился вопрос об участии «Организации Сопротивления армии» (ОРА или ОМА) в объединенном командовании ФФИ. В директиве КОМИДАК № 2 от 19 марта 1944 г. указывалось, что «все силы ОМА подчиняются приказам штабов ФФИ», а командующий ОМА генерал Ревер присутствует на заседаниях КОМИДАК в качестве технического советника³.

Центральные органы внутреннего Сопротивления признавали общее руководство ФКНО и поддерживали

¹ В годы войны М. Крижель-Вальримон состоял членом Коммунистической партии. В 1961 г. он был исключен из ФКП за оппортунизм и антипартийную, фракционную деятельность.

² Подробнее см. В. П. Смирнов. Комитет военных действий и национальное восстание во Франции. — «Французский ежегодник», 1966. М., 1967.

³ «COMIDAC. Directive N 2». 19 mars 1944 (Archives de la Bibliothèque de Documentation internationale contemporaine. Далее — Archives de la B.D.J.C.).

его стремление отстаивать независимость Франции не только от немецко-фашистских оккупантов, но и от возможного вмешательства со стороны Англии и США.

В то же время руководящие органы внутреннего Сопротивления проводили самостоятельную политическую линию и нередко критиковали отдельные аспекты политики ФКНО. В частности, Национальный Совет Сопротивления, Парижский комитет освобождения и КОМАК гораздо решительнее осуждали атлантизм, чем это делали руководители ФКНО.

Национальный Совет Сопротивления внес в свою программу подробный «План немедленных действий», осуществление которого исключало политику атлантизма. Парижский комитет освобождения считал своей главной задачей «подготовить, вдохновить и провести великое национальное восстание»¹. КОМАК требовал «любой ценой покончить с идеей, что боевые действия приводят к обнаружению организаций Сопротивления»; приказывал отстранить от командования «всех неспособных или стоящих на атлантистских позициях руководителей» и «немедленно организовать все войска ФФИ для боевых действий»².

Эти меры имели своей целью ускорить национальное восстание и превратить его в массовое народное движение.

С приближением срока высадки англо-американских войск все большую актуальность приобретал вопрос о том, кто будет управлять освобожденной Францией. Правительства Англии и США все еще не хотели передавать управление страной в руки ФКНО и тем более движения Сопротивления. Наилучшим выходом они считали применение уже использовавшейся ими в Италии системы Союзного военного правительства на оккупированных территориях (АМГОТ) с привлечением деятелей ФКНО или других французских политических группировок.

На конференции министров иностранных дел трех держав в Москве 19—30 октября 1943 г. представители Англии и США внесли на обсуждение «Основную схе-

---

¹ «Le patriote parisien». — «Organe officiel du Comité Parisien de la Libération» N 2, mai 1944.

² «COMIDAC. Directive N 1». 19 mars 1944 (Archives de la V.D.J.C.).

му управления освобожденной Францией», в которой говорилось, что власть в освобожденных районах должна осуществляться верховным союзным главнокомандующим при помощи назначенной им гражданской администрации¹.

Весной 1944 г. Рузвельт и Черчилль предоставили главнокомандующему силами вторжения генералу Эйзенхауэру право решать вопрос, «где, когда и как гражданская администрация во Франции будет осуществляться французскими гражданами»². В проекте директив Эйзенхауэру говорилось: «Вы можете консультироваться с Французским комитетом национального освобождения и можете уполномочить его по вашему усмотрению отбирать и назначать персонал, необходимый для такой администрации. Однако вы не ограничены тем, чтобы иметь дело для этой цели исключительно с упомянутым Комитетом». Особым пунктом директивы оговаривалось, что привлечение к консультации и управлению «Французского комитета национального освобождения или какой-либо другой группы или организации не будет представлять собой признания упомянутого Комитета или группы в качестве правительства Франции даже на временной основе»³.

Эйзенхауэр обещал де Голлю сотрудничать с ФКНО⁴, но его обещания не означали окончательного решения проблемы, так как связывали лишь самого Эйзенхауэра и вовсе не исключали перспективы появления АМГОТ. Сознывая эту опасность, де Голль принял меры для максимально быстрого овладения властью в освобожденной Франции. 10 января 1944 г. ФКНО утвердил ордонанс о назначении специальных комиссаров во все освобожденные районы Франции. Они получали право смещать и назначать всех французских должностных лиц, использовать людские и материальные ресурсы, осуществлять или приостанавливать репрессивные меры, короче, пользоваться всей полнотой власти в пределах своего района⁵.

14 марта 1944 г. ФКНО издал ордонанс «об организации гражданской и военной власти на территории

¹ См. «Советско-французские отношения...», стр. 222—224.

² Там же, стр. 258.

³ Там же.

⁴ См. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 251.

⁵ См. там же, стр. 661 (документы).

Франции в период ее освобождения». На театры военных действий, связанные с освобождением метрополии, назначался «делегат ФКНО, уполномоченный осуществлять на освобожденной территории всю совокупность распорядительной и административной власти, которой обладают ФКНО и комиссары»¹.

Де Голль добился согласия Англии и США на участие войск ФКНО в освобождении Франции и получил возможность ввести своих представителей в состав межсоюзного командования. Генерал Кениг был назначен помощником союзного главнокомандующего на северном театре военных действий, а генерал Коше — на средиземноморском театре.

Выступая против системы АМГОТ и вмешательства англо-американцев во внутренние дела Франции, де Голль в то же время не хотел допускать к руководству страной организации 'внутреннего Спротивления. 10 марта 1944 г. ФКНО принял схему организации гражданского и военного руководства, предназначенную, по откровенному признанию Сустеля, для того, чтобы «затормозить присвоение прав со стороны НСС, КОМАК и департаментских комитетов освобождения»². Возлагая руководство гражданской администрацией на генеральных комиссаров, делегатов и префектов, назначенных де Голлем, эта схема предлагала ликвидировать КОМИДАК и сосредоточить командование вооруженными силами Спротивления в руках представителей ФКНО.

Командующим войсками ФФИ де Голль назначил генерала Кенига, штаб которого находился в Лондоне. Представители Кенига во Франции потребовали «децентрализации», а по существу упразднения Национального штаба ФФИ, замены КОМИДАК Национальным военным комитетом, в котором преобладали бы буржуазные деятели, и подчинения отрядов ФФИ непосредственно Лондону³. Не выступая против разумной децентрализации командования, КОМИДАК решительно возражал против попыток непосредственно руководить вооруженными силами ФФИ из Лондона. На заседании 1 мая 1944 г. представитель Национального фронта,

¹ «Советско-французские отношения...», стр. 247—248.

² *J. Soustelle*. Op. cit., t. 2, p. 353—354.

³ *La libération*. Les archives du COMAC (mai — août 1944). Paris, 1964, p. 16.

поддержанный всеми членами КОМИДАК, доказал, что необходим центральный штаб и единое командование во Франции, ибо «никто не может претендовать на руководство национальным восстанием из Лондона или Алжира»¹.

Вопрос о полномочиях КОМИДАК и Национального штаба ФФИ был перенесен на рассмотрение Национального Совета Сопротивления, который в присутствии представителей де Голля официально утвердил КОМИДАК в правах верховного командования ФФИ во Франции. В директиве КОМАК № 9, излагающей решение НСС, говорилось: «На заседании 13 мая 1944 г. Национальный Совет Сопротивления (НСС) в полном согласии с Временным правительством республики (ФКНО) решил:

1. Что Комитет действия (КОМИДАК) подчиняется непосредственно НСС.

2. Он становится органом верховного командования ФФИ во Франции.

3. Он принимает наименование Комитета военных действий при НСС (КОМАК)». В этой же директиве КОМАК подчеркнул, что все части ФФИ и Патриотической милиции «должны впредь выполнять, соблюдая железную дисциплину, директивы и оперативные приказы, которые им направит КОМАК». Национальному и районным военным делегатам де Голля отводилась роль офицеров связи между командованием ФФИ и штабами Кенига и Коше².

Наряду с неудавшейся попыткой ликвидировать центральное командование ФФИ во Франции руководители ФКНО постарались ограничить полномочия департаментских комитетов освобождения. 21 апреля 1944 г. ФКНО принял декрет об организации власти на освобожденной территории, согласно которому за департаментскими комитетами освобождения признавались лишь консультативные функции. По декрету 21 апреля, департаментский комитет освобождения лишь «помогает префекту, представляя при нем мнение всех участников Сопротивления», и «прекращает свои функции после то-

¹ «Compte-rendu de la Réunion du COMIDAC du 1-er mai 1944» (Archives personnelles de P. Villon). Далее все протоколы заседаний КОМИДАК и КОМАК цитируются по документам, хранящимся в личном архиве председателя КОМАК П. Вийона.

² «Comité d'action militaire du C.N.R. (COMAC). Directive N 9» (Archives de la B.D.I.C.).

го, как муниципальные и генеральные советы займут свое место»¹. Фактически вплоть до освобождения Франции ФКНО не имел возможности провести в жизнь свое решение. В период национального восстания департаментские комитеты освобождения подчинялись инструкциям НСС и действовали как руководящие центры Сопrotивления в своих департаментах.

Предметом серьезных разногласий между ФКНО и силами внутреннего Сопrotивления были вопросы военной подготовки восстания. Офицеры БСРА разработали планы ударов по транспорту и средствам связи противника, которые должны были осуществляться силами Сопrotивления в момент высадки англо-американских войск (план «Черепаха», «Зеленый план», «Фиолетовый план», «Голубой план») ². 16 мая 1944 г. де Голль подписал план «Кайман», определявший основные направления действий вооруженных сил Сопrotивления и их взаимоотношения с англо-американскими войсками ³. Силы ФФИ должны были прокладывать путь союзным войскам, наносить удары по коммуникациям противника, захватывать аэродромы и порты в районах вторжения и вообще «непосредственно участвовать в сражении, предпринимая боевые действия в целях освобождения целых районов французской территории». Военные действия в каждом районе предполагалось начать лишь при подходе союзных войск. Особо указывалось, что «вооруженное вторжение сил Сопrotивления в Парижский район может быть начато лишь в случае явной деморализации противника либо в случае поспешного отступления противника под натиском высадившихся войск союзников» ⁴.

В мае 1944 г. национальный военный делегат де Голля Ж. Шабан-Дельмас вручил КОМАК инструкции генерала Кенига «относительно действий Сопrotивления в момент высадки союзников» ⁵, датированные 31 марта 1944 г. В них предусматривались главным образом операции по саботажу путей сообщения и отдельные парти-

¹ R. Hostache. Op. cit., Annexe IV, p. 470.

² R. Aron. Histoire de la Libération de la France, p. 145.

³ См. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 834—835 (документы).

⁴ Там же.

⁵ Заседание КОМАК 22 мая 1944 г.

занские действия в районах продвижения англо-американских войск.

Познакомившись с инструкциями Кенига, члены КОМАК были вынуждены заявить, что они «совершенно недостаточно учитывают необходимость связи между действиями ФФИ и действиями масс»¹, и поэтому при разработке оперативных приказов КОМАК будет исходить, «с одной стороны, из идей КОМАК относительно национального восстания, с другой стороны — из инструкций генерала К. (Кенига.— В. С.) от 31 марта 1944 г.»². Приказом по войскам 22 мая 1944 г. и директивой № 9 КОМАК предписал вооруженным силам Сопротивления немедленно готовиться к битвам, «которые должны позволить французскому народу при всемерном содействии ФФИ принять широкое участие в освобождении территории, прибегая к национальному восстанию всякий раз, когда оно станет возможным, и тотчас же, как только оно станет возможным»³.

257

Директива № 9 требовала выполнять в первую очередь: «а) задания, предусмотренные штабом союзников для обеспечения операций по высадке; б) конкретные задания военного характера», переданные представителями де Голля из Лондона и Алжира. Эти задания не должны были служить предлогом для того, чтобы «отказаться от выполнения неотложных боевых действий в соответствии с приказами, уже отданными КОМАК (директива № 1) в рамках программы действий НСС»⁴. Генералу Кенигу была послана телеграмма: «1) весь французский народ единодушно желает участвовать в освобождении своей страны. Необходимо уже сейчас учитывать не только действия ФФИ, но и стремление к действию всего народа, доказанное увеличением числа вооруженных операций и отступлением немца Деа (министра Виши.— В. С.) перед патриотическими стачками 1 мая; 2) вследствие этого нынешний недостаток оружия у ФФИ является нетерпимым; 3) настоятельно просим вас добиться от союзников массового снабжения оружием на всей территории Франции, а не только в зоне действий маки»⁵.

¹ La libération. Les archives du COMAC, p. 24.

² Заседание КОМАК 29 мая 1944 г.

³ «Comité d'action militaire du C.N.R. (COMAC). Directive N 9» (Archives de la B.D.I.C.).

⁴ Ibidem.

⁵ Заседание КОМИДАК 21 мая 1944 г.

Директива № 9 и другие приказы КОМАК отвечали интересам скорейшего освобождения Франции, однако их осуществление наталкивалось на серьезные трудности. Военная делегация де Голля отказалась передать Национальному штабу ФФИ контроль над распределением денег, оружия и снаряжения, поступавших из Лондона. Национальный штаб не имел связи с районами и, как видно из выступления де Вогюз, не хотел признавать руководство КОМАК¹. Формирование штабов ФФИ в районах и департаментах еще не было завершено, а прикомандированные к ним районные и департаментские военные делегаты не обеспечивали бойцов оружием и материальными средствами. Командующий войсками ФФИ Парижа полковник Лефосе (член ОСМ) 17 мая 1944 г. докладывал в КОМАК, что бойцам остро не хватает денег, а «оружие почти полностью отсутствует». Из 25 тыс. членов ФФИ Парижского района лишь 2 тыс. имели боевой опыт. К тому же если штаб Лефосе готовился к выполнению заданий союзного командования, то, «напротив, никаких мер не было принято для поддержки восстания народа Парижа частями ФФИ»².

Эти трудности усугублялись разногласиями внутри движения Сопротивления. Несмотря на официальное осуждение атлантизма руководящими органами Сопротивления, многие буржуазные деятели боялись вооружения народа и «преждевременного» массового восстания. Они стремились овладеть решающими постами в военном и политическом руководстве для использования их в интересах буржуазии. Споры о назначениях в органы командования ФФИ, скрывавшие за собой споры о руководстве восстанием, особенно обострились в мае — июне 1944 г., после ареста оккупантами начальника Национального штаба ФФИ полковника де Жюсье, командующего ФФИ Парижского района, основателя «Сэ де ля Либерасьон» Кокуэна и командующего ФФИ Парижа Лефосе (члена ОСМ).

На заседании КОМАК 22 мая 1944 г. де Вогюз предложил назначить начальником штаба ФФИ члена ОСМ Клебера, бывшего руководителя 4-го бюро Националь-

¹ «Intervention de Z. N. (Léonard) à la séance du COMAC du 26 juin 1944».

² Заседание КОМАК 17 мая 1944 г.

ного штаба. Вийон выразил протест, заявив, что «не может выбрать начальника штаба среди членов той организации, которая не доказала своего желания предпринять немедленные действия». Он высказался за назначение одного из руководителей ФТП, полковника Жозефа. В свою очередь представитель МЮР выдвинул кандидатуру Маллере-Жуанвиля, коммуниста, работавшего в штабе «Тайной армии». После длительных споров де Вогюэ, проконсультировавшись с руководством организаций Сопротивления северной зоны, согласился на кандидатуру Жуанвиля при условии, что Клебер будет его заместителем. Остальные члены КОМАК приняли это предложение¹. 29 мая Жуанвиль был назначен начальником Национального штаба ФФИ, а Клебер — его заместителем².

Аналогичные разногласия возникли в КОМАК в связи с назначением нового командующего войсками ФФИ Парижского района. Де Вогюэ отстаивал кандидатуру районного военного делегата, Вийон — руководителя ФТП Парижского района полковника Роль-Танги. Были запрошены руководители военных группировок Сопротивления, действовавших в Париже. Три из них (ФТП, «Либерасьон» и «Сэ де ля Резистанс») на совместном совещании поддержали кандидатуру Роль-Танги, три других, отсутствовавшие на совещании, выступили против³. Поскольку Роль-Танги был единственным руководителем ФТП, выдвинутым на пост командующего силами ФФИ в масштабе целого района (состоявшего из нескольких департаментов), Вийон заявил решительный протест против попыток его отстранения. После долгих споров 5 июня 1944 г. (за день до высадки союзников во Франции) КОМАК утвердил Роль-Танги командующим войсками ФФИ Парижского района. Командующим ФФИ Парижа был назначен представитель «Либерасьон-Нор» полковник Лизе.

Таким образом, к моменту высадки англо-американских войск во Франции командование ФФИ в основном было реорганизовано, но противоречия внутри движения Сопротивления продолжали существовать.

¹ Заседание КОМАК 22 и 24 мая 1944 г.

² Заседание КОМАК 29 мая 1944 г.

³ Заседание КОМАК 5 июня 1944 г.

**НАЧАЛО ВОССТАНИЯ
И ОБОСТРЕНИЕ
КЛАССОВЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ
ВНУТРИ ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

260

Рано утром 6 июня 1944 г. англо-американские войска начали высадку во Францию. Второй фронт, которого так долго ждали, был наконец открыт. На французское побережье высаживались 4 армии в составе 37 пехотных и 10 танковых дивизий. С моря их поддерживало свыше 6 тыс. кораблей. Невиданная в истории концентрация военно-воздушных сил (11 тыс. самолетов) должна была обеспечить союзникам господство в воздухе. Немецкое командование, вынужденное бросить свои главные силы на советско-германский фронт, имело в Северной Франции, Бельгии и Голландии 36 не полностью укомплектованных дивизий, в том числе лишь 3 танковые дивизии. Для прикрытия с воздуха оно могло выделить только 500 самолетов¹. Начало операции «Оверлорд» оказалось неожиданным для гитлеровцев. Они думали, что ненастная погода, стоявшая в начале июня, исключает возможность высадки морского десанта. Наиболее вероятным местом высадки немецкое командование считало пролив Па-де-Кале, самое узкое место пролива Ла-Манш, тогда как союзники высадились значительно западнее, на побережье Нормандии между городами Шербур и Гавр. За несколько часов до начала вторжения англо-американская авиация нанесла массированный удар по основным узлам транспорта и связи, а французские патриоты по сигналу из Лондона осуществили несколько тысяч диверсий на железных и шоссейных дорогах, серьезно затруднив немецкому командованию маневрирование резервами.

Все это дало возможность передовым частям англо-американской армии сравнительно легко закрепиться на побережье. В течение недели они создали довольно крупный плацдарм (80 км по фронту и 15 км в глубину), а затем, накопив силы, стали постепенно продвигаться в глубь Франции. Первоначально продвижение

---

¹ См. «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1967, стр. 422—423.

было довольно медленным: почти два месяца союзники топтались на месте. Однако начавшееся в июле 1944 г. грандиозное наступление советских армий в Карелии и Белоруссии создало благоприятные условия для действий англо-американских войск. 27 июля 1944 г. им удалось прорвать немецкую оборону около города Авранш, на границе между Нормандией и Бретанью. Танковые части союзников стремительно двинулись в прорыв и в середине августа создали угрозу окружения крупной немецкой группировки в районе города Фалез. Основные силы немецких войск сумели выйти из окружения, но были вынуждены быстро отступить.

15 августа 1944 г. англо-американское командование приступило к осуществлению операции «Энвил», второй части плана вторжения. На южном побережье Франции между Тулоном и Ниццей был высажен крупный десант в составе 7-й американской и 1-й французской армий. Немецко-фашистские войска не смогли помешать высадке и начали отступление. Поскольку продвижение южного десанта на север грозило отрезать все войска оккупантов, расположенные в западной и юго-западной части Франции, гитлеровское командование 19 августа дало им приказ об отступлении к границам Германии. Только в главных портах западного побережья: Бордо, Нанте, Ля-Рошели, Лориане и др.—оставались немецкие гарнизоны, которые должны были помешать использованию этих портов союзным флотом.

Открытие второго фронта во Франции и успешное наступление Советской Армии, громившей главные силы гитлеровской Германии на Восточном фронте, глубоко потрясли систему фашистского господства в Европе. Союзники Германии стали зондировать возможности сепаратного мира с победителями. В правящих кругах самой Германии возник заговор, завершившийся 20 июля 1944 г. неудачным покушением на Гитлера. В критическом положении оказалось правительство Виши, руководители которого понимали, что теперь их дни сочтены. Они уже не решались (как Петэн в ноябре 1942 г.) призывать к отпору «англо-саксонским агрессорам» и даже были не прочь представить себя «нейтральной» стороной.

В день высадки союзных войск во Франции 6 июня 1944 г. по радио было передано заранее подготовленное (и одобренное оккупантами) обращение Петэна к на-

селению. Подчеркнув, что Франция «становится полем битвы», он заявил: «Обстоятельства могут вынудить немецкую армию принять специальные меры в зоне сражения. Я вам настоятельно рекомендую примириться с этой необходимостью... Французы, не увеличивайте ваших несчастий действиями, которые могут навлечь на вас трагические репрессии»¹. Петэн уклонился от осуждения Англии и США и воздержался от призыва к солидарности с оккупантами. Однако он сделал главное, чего желали гитлеровцы, — призвал население выполнять распоряжение оккупационных властей, оставаться на местах и подчиняться правительству Виши. В тот же день по радио выступил Лаваль, осудивший действия союзников («тех, кто говорит, что хочет освободить Францию, но на деле ее разрушает»). Как и Петэн, он делал вид, будто правительство Виши сохраняет нейтралитет, и рекомендовал французам «не предпринимать никаких враждебных действий» против Германии. «Те, кто требует от вас прекратить работу или зовет вас к мятежу, являются врагами нашей родины, — говорил Лаваль. — Вы не захотите усугублять бедствия войны, которую ведут иностранцы, ужасами гражданской войны»².

Вишистская «милиция» и «французские отряды СС» вместе с оккупантами развернули военные действия против Сопrotивления, а тем временем Петэн и Лаваль тайно искали путей к спасению. Каждый из них еще надеялся, запугав союзников перспективой народного восстания и гражданской войны, заключить с ними (или с де Голлем) полюбовное соглашение о передаче власти, чтобы избежать заслуженного наказания.

22 июля 1944 г. Петэн вызвал к себе отставного адмирала Офана (который еще в ноябре 1942 г. высказался за присоединение к союзникам) и поручил ему установить связь с англо-американским командованием или с генералом де Голлем, чтобы обсудить вопрос о передаче власти³. Затем Петэн послал своего агента к правым деятелям Сопrotивления с предложением «отдать себя под защиту Французских внутренних сил и опубликовать заявление о своем уходе, посоветовав францу-

¹ «L'Appel du centre», 7 juin 1944.

² Ibidem.

³ R. Aron. Histoire de Vichy, p. 688.

зам следовать за генералом де Голлем»¹. Обе эти попытки окончились провалом.

Со своей стороны Лаваль попытался созвать распущенный вишистами парламент Третьей республики, чтобы с его помощью перейти на сторону союзников и спастись от возмездия. С согласия Абеца он освободил из-под ареста председателя палаты депутатов Э. Эррио и 18 августа привез его в Париж, где, по планам Лавалья, должен был собраться парламент. «Он (Лаваль. — В. С.) хочет созвать Национальное собрание, сложить свои полномочия и дать мне тем самым возможность заменить его на посту главы правительства, что соответствует желанию американцев»², — вспоминал Э. Эррио. Однако Эррио отказался от такого предложения, был вновь отправлен под арест, а затем депортирован в Германию, где впоследствии его освободила Советская Армия. Планы Лавалья провалились, тем более что оккупационные власти не видели никакой выгоды в созыве французского парламента.

263

Предвидя отступление с территории Франции, оккупанты решили захватить с собой и правительство Виши, которое еще могло оказать им услуги. В течение 18—20 августа они вывезли Петэна, Лавалья и других министров Виши сначала на восточную границу Франции, в Бельфор, а затем на территорию Германии, в городок Зигмаринген. Петэн и Лаваль, понимавшие, что бегство в Германию означает их полное саморазоблачение, объявили себя пленниками и отказались осуществлять правительственные функции. Их примеру последовала часть министров, желавших хотя бы в последний момент отмежеваться от гитлеровцев. Правительство Виши перестало существовать. Вишистский режим рухнул вместе с изгнанием немецко-фашистских войск.

Открытие второго фронта с особой остротой поставило вопрос о вооруженной борьбе и национальном восстании. Это усилило противоречия между США, Англией и ФКНО (переименовавшим себя во Временное правительство), а также между руководителями Временного правительства и участниками Сопrotивления.

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 848 (документы).

² Э. Эррио. Эпизоды. 1940—1944. М., 1961, стр. 115.

Правящие круги Англии и США рассчитывали на помощь Сопrotивления, но не хотели его превращения в самостоятельную политическую силу. Англо-американское командование рассматривало бойцов Сопrotивления как «парашютистов, уже находящихся на земле» и способных серьезно помочь регулярным войскам диверсионными и разведывательными операциями. Вместе с тем англо-американских империалистов страшило развитие массового народного освободительного движения, и особенно его перерастание в вооруженное восстание, чреватое опасностью для власти буржуазии. По свидетельству де Голля, англо-американское командование «не без опасения относилось к расширению партизанских действий». Оно «хотело, чтобы силы Сопrotивления не торопились и активизировались лишь на подступах к боям за предместное укрепление»¹.

Для руководства действиями Сопrotивления в нужном для себя направлении союзное командование организовало 87 групп связи (известных по месту их формирования под названием групп «Жедбург»). Они должны были выбраться на парашютах в тылу немецких войск, установить связь с участниками Сопrotивления и привлечь их для выполнения заданий союзного командования. Каждая группа брала с собой оружие, взрывчатку и радиостанцию, благодаря которой могла связаться с Лондоном и получить по воздуху необходимое вооружение².

Участникам Сопrotивления, не связанным с выполнением заданий союзного командования, как и всем остальным патриотам, предлагалось спокойно ждать освобождения. «Каждый из вас должен продолжать свою обычную работу, если он не получит другого приказа»,— говорилось в обращении Эйзенхауэра к населению Франции, переданном по радио утром 6 июня. В этом обращении не было никаких призывов к борьбе против оккупантов. Эйзенхауэр требовал от французов лишь «немедленного выполнения» своих приказов, и особенно «поддержания закона и порядка». Он не упоминал ни о генерале де Голле, ни о ФКНО, ни тем более о Временном правительстве, но заявлял: «Когда

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 328.

² А. Calmette. Les équipes Jedburg dans la bataille de France.— «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 61, janvier 1966.

война будет выиграна и Франция освободится от своих угнетателей, французский народ получит возможность свободно избрать — так быстро, как только возможно, и в соответствии с демократическими методами — форму правительства, при котором он желает жить»¹. Обращение Эйзенхауэра соответствовало общей политике США. Оно преследовало цель удержать французский народ от массовой вооруженной борьбы и сохранить возможность установления системы АМГОТ во Франции. Отстранив де Голля от руководства подготовкой вторжения, Англия и США заранее подготовили кадры гражданских администраторов, которые должны были осуществлять управление освобожденной Францией. Союзники приступили даже к выпуску французских денег, намереваясь пустить их в оборот на освобожденных территориях.

Прибыв в Англию за 2 дня до вторжения и ознакомившись с планами союзников, де Голль выразил решительный протест. Не без труда добившись разрешения посетить первый клочок освобожденной французской территории (город Байе), он выступил там в роли главы правительства: назначил комиссара республики на освобожденной территории, принял должностных лиц, произнес речь перед населением². Делая эту заявку на управление освобожденной Францией, де Голль понимал, что его действия могут увенчаться успехом только в случае поддержки со стороны движения Сопротивления, а также признания на международной арене. В отличие от правительств Англии и США он не хотел и не мог публично призывать французский народ воздержаться от борьбы против оккупантов, а, напротив, был заинтересован в том, чтобы движение Сопротивления показало свою силу, ликвидировало вишистский режим, подкрепило бы авторитет Временного правительства и предотвратило появление системы АМГОТ во Франции.

6 июня 1944 г. де Голль выступил по английскому радио с речью, которая прямо противоречила советам сохранять спокойствие и порядок, содержавшимся в обращении Эйзенхауэра. «Для сынов Франции, где бы они ни находились, кем бы они ни были, простой и святой долг состоит в том, чтобы сражаться всеми силами,

¹ R. Aron. Histoire de la Libération de la France, p. 70.

² См. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 260—262, 268—270.

которыми они располагают»¹, — заявил он. Это заявление, воспроизведенное всей подпольной прессой, было одобрено французскими патриотами, расценившими его как сигнал к немедленной и беспощадной борьбе против врага.

266 Вместе с тем секретные инструкции генерала де Голля его представителям во Франции показывают, что, призывая к борьбе с оккупантами, де Голль все же хотел ограничить ее довольно узкими рамками. В этих инструкциях указывалось, что действия Сопротивления во Франции должны развиваться «лишь поочередно, одно за другим, район за районом по приказам из Лондона. Они ни в коем случае не должны приобретать характер всеобщего восстания, но, напротив, должны ограничиваться местными операциями саботажа и партизанских действий, предусмотренных союзными властями»². Секретные инструкции коренным образом расходились с требованиями основной массы участников Сопротивления, которые стремились к расширению вооруженной борьбы и хотели внести свой вклад в освобождение Франции.

Их настроения с наибольшей ясностью выразила Французская коммунистическая партия. При первых известиях о высадке союзных войск она призвала народ к вооруженному восстанию. В обращении ЦК ФКП от 6 июня 1944 г. говорилось: «Французы и француженки! Каковы бы ни были ваше социальное происхождение и политические взгляды, Родина требует от нас Объединиться, Вооружиться и Сражаться, так чтобы национальное восстание, т. е. вооруженное восстание нашего народа, стало бы грандиозным актом участия нашей страны в совместной борьбе союзников против общего врага и дало Франции неотъемлемое право на восстановление ее свободы, независимости и величия». Компартия предлагала резко усилить саботаж и диверсии, активизировать выступления трудящихся в защиту своих ближайших требований, «самым срочным образом создать Патриотическую милицию, чтобы иметь возможность поддержать требования трудящихся и как можно шире участвовать в национальном восстании, к которому следует готовиться»³.

¹ *Ch. de Gaulle. Discours de guerre, t. III, p. 10.*

² *R. Aron. Op. cit., p. 140.*

³ «*L'Humanité*», 9. VI. 1944.

В соответствии с предложениями Коммунистической партии, Национальный фронт, франтиреры и партизаны, прогрессивные профсоюзы, «Объединенные силы патриотической молодежи» и «Союз французских женщин» взяли на себя инициативу создания Центрального совета Патриотической милиции. Центральный совет приступил к организации местных и департаментских советов Патриотической милиции, чтобы совместно с отрядами ФФИ «создать повсюду народную организацию вооруженной борьбы против захватчиков»¹.

Курс на всемерное развитие массовой вооруженной борьбы и восстание поддержала крупнейшая буржуазно-патриотическая организация Сопrotивления — МЮР, принявшая после присоединения к ней группы «Дефанс де ля Франс» наименование «Движение национального освобождения» (МЛН). В директивах Руководящего комитета МЛН, опубликованных в подпольной печати, говорилось: «Речь идет не о том, чтобы ожидать проблематичного «дня икс». Все должно быть пущено в ход, чтобы превратить нашу борьбу в борьбу всего французского народа и привлечь большинство французов к прямому или косвенному участию в сражении с врагом... Все должно быть подчинено действию. Все должно быть направлено на национальное восстание»².

Патриотический подъем, охвативший Францию после открытия второго фронта, был настолько силен, что даже наиболее склонные к политике атлантизма организации стали высказываться за вооруженную борьбу и восстание. «К оружию, граждане! Это последний, решительный бой!»³ — говорилось, например, в передовой статье июньского номера «Попюлер». Орган «Либерасьон-Нор», приветствуя высадку союзников, заявил, что освобождение Франции не должно быть только делом англо-американских войск. «Внутренние силы должны присоединиться к ним и вступить в новую битву за родину»⁴.

Впрочем, позиции различных организаций Сопrotивления не были вполне идентичными. Если Коммунисти-

¹ «Le Conseil Central de la Milice patriotique. Directives pour la formation des milices patriotiques» (Archives de la Bibliothèque Marxiste).

² «Défense de la France» N 46, juin 1944.

³ «Le Populaire», juin 1944.

⁴ «Libération» (Z. N.), 6. VI. 1944.

ческая партия, Национальный фронт и МЛН настаивали на немедленных действиях, указывая, что национальное восстание «не может начаться по мановению волшебной палочки, в заранее назначенный час, который совпадает с военными операциями извне»¹, то представители некоторых других организаций утверждали, что национальное восстание «обусловливается военными действиями союзников»² и сигнал к нему «будет дан генералом де Голлем»³.

Исключительно важное значение приобрела в этот момент позиция центральных руководящих органов Сопротивления: Национального Совета Сопротивления, Парижского комитета освобождения, КОМАК и Национального штаба ФФИ. В основном они поддержали линию Коммунистической партии и Национального фронта. 8 июня 1944 г. Парижский комитет освобождения единогласно принял воззвание к населению, в котором рекомендовал «сражаться, чтобы изгнать захватчика; сражаться, чтобы вернуть Франции ее свободу, независимость и величие»; создавать отряды Патриотической милиции, готовить «всеобщую повстанческую забастовку»⁴. 10 июня 1944 г. Парижский комитет направил детальные «инструкции и приказы» местным комитетам освобождения, требуя от них «активного участия в подготовке всеобщей стачки и национального восстания». Местные комитеты должны были срочно завершить формирование отрядов Патриотической милиции, развернуть саботаж, подготовить забастовки, наметить конкретный план восстания: захвата мэрий, общественных зданий и т. п.⁵

Энергично повели подготовку к восстанию КОМАК и Национальный штаб ФФИ. Собравшись 12 июня 1944 г. на первое после высадки союзников заседание, КОМАК издал приказ «всеми средствами поддерживать союзников, особенно в зоне непосредственных боевых действий»; «повсюду расширять партизанскую войну»;

---

¹ Директивы Руководящего комитета МЛН.— «Défense de la France» N 46, juin 1944.

² «Libération» (Z. N.), 14. VIII. 1944.

³ «Défense de la France» N 46, juin 1944.

⁴ «Paris, les heures glorieuses», p. 56—57.

⁵ «Instructions et consignes aux Comités Locaux de la Libération». — H. Denis. Le Comité Parisien de la Libération. Paris, 1964, Annexe II.

саботировать производство, всемерно поддерживать патриотические стачки и демонстрации, а там, где позволяют условия, приступать совместно с комитетами освобождения «к немедленному освобождению территории, опираясь на действия народа (стачки, Патриотическую милицию, демонстрации против захватчиков и предателей)». На освобожденных территориях КОМАК приказывал «устанавливать временные власти, назначенные комитетами освобождения с согласия правительства под председательством генерала де Голля», которые мобилизуют все силы освобожденных районов «с целью освобождения соседних территорий»¹.

18 июня к населению обратился Национальный Совет Сопротивления. Как видно из переписки между членами бюро НСС², главной причиной, задержавшей появление его воззвания, были разногласия по вопросу о руководстве восстанием. Выступая как «орган и единственный вождь Сопротивления на национальной территории», Национальный Совет Сопротивления призывал всех французов «включиться в борьбу с сегодняшнего дня и бороться вплоть до победы». Далее в воззвании говорилось: «Национальное восстание возникнет, когда сложатся благоприятные обстоятельства, которых мы ждем. Вся Франция примет в нем участие *в соответствии с директивами Национального Совета Сопротивления под руководством генерала де Голля и Временного правительства республики*». Комитетам освобождения на местах поручалось «создать в каждой деревне, в каждом квартале, на каждом предприятии массовую Патриотическую милицию, поставив перед ней в соответствии с программой действий Сопротивления задачу вооружаться за счет врага, противодействовать депортации, охранять демонстрации и забастовки, поддерживать вооруженных патриотов». Комитеты освобождения должны были, в частности, поддержать «борьбу рефрактеров и забастовки, подготовляющие всеобщую стачку — решающий элемент национального восстания»³.

¹ Заседание КОМАК 12 июня 1944 г.

² Jean-Jacques à Oct. Duval. 18/6/44 (Archives personnelles de J. Debu-Bridel). Жан-Жак — псевдоним Ж. Бидо; Окт. Дюваль — псевдоним Ж. Дебю-Бриделя.

³ «Proclamation du Conseil National de la Résistance à la Nation française», 18. 6. 44. В дальнейшем, за исключением особо ого-

В целом воззвание НСС отвечало требованиям обстановки. Хотя в его тексте (явно по настоянию буржуазных элементов) подчеркивалось стремление проводить восстание «под руководством генерала де Голля и Временного правительства республики», воззвание НСС, как и обращение Компартии, Парижского комитета освобождения и КОМАК, намечало курс на немедленную вооруженную борьбу и массовое национальное восстание.

270

Директивы руководящих органов Сопротивления, соответствовавшие призывам Коммунистической партии, вызвали большое беспокойство в штабе де Голля. Руководители Временного правительства боялись, как бы массовая вооруженная борьба и национальное восстание не вышли за намеченные ими рамки и не привели к власти коммунистов. Представители ФКНО во Франции попытались ограничить масштабы вооруженной борьбы и подчинить ее руководству Лондона. Их главным аргументом было утверждение, что надо ждать прибытия англо-американских войск, ибо в противном случае восстание неизбежно потерпит поражение и приведет к бесполезным жертвам. На заседании КОМАК 14 июня и заседании Постоянного бюро НСС 15 июня 1944 г. делегаты ФКНО заявили, что военные действия во Франции продолжатся не менее 10—12 месяцев и поэтому восстание надо отложить. «Восстание может возникнуть лишь тогда, когда Франция получит от союзников достаточно оружия и когда враг будет уже достаточно дезорганизован; всякое значительное выступление было бы сейчас преждевременным», — утверждал генеральный делегат де Голля А. Пароди. Большинство участников Сопротивления не согласилось с этой точкой зрения. Представитель Национального фронта прямо заявил: «Каковы бы ни были мотивы, выдвигаемые в оправдание позиции делегации, мы думаем, что она является выражением определенных настроений, в силу которых не хотят приводить в движение народные массы и питают (фактически, если не на сло-

---

воренных случаев, архивные документы НСС цитируются по материалам личных архивов члена НСС Ж. Дебю-Бриделя и секретаря НСС П. Менье.

вах) явное предубеждение по отношению к народной сущности Сопrotивления»¹.

Особенно остро конфликт между Генеральной делегацией и руководящими органами внутреннего Сопrotивления проявился на заседаниях КОМАК, который непосредственно руководил вооруженной борьбой французских патриотов. Точку зрения руководителей Временного правительства отстаивал на заседаниях КОМАК национальный военный делегат Ж. Шабан-Дельмас. «Он полагает, — записано в протоколе заседания КОМАК от 21 июня 1944 г., — что основными являются действия извне и что борьба внутри страны должна быть им подчинена. Он считает, что национальное восстание должно начаться только тогда, когда дезорганизация вражеской армии зайдет достаточно далеко, чтобы помешать ей использовать еще имеющиеся у нее средства. Их применение привело бы к репрессиям, за которые, — как он думает, — Сопrotивление не должно брать на себя ответственность».

271

Вопреки директиве № 9, разработанной при его участии, национальный военный делегат утверждал, что КОМАК, занимающийся «операциями смешанного характера: военными и повстанческими», не должен руководить боевыми действиями внутри страны². По его мнению, КОМАК следовало прежде всего «соблюдать строгую военную дисциплину, подчиняясь генералу Кенигу и исполняя его приказы». Такой образ действий не только облегчит руководство боевыми действиями, но и поднимет авторитет генерала де Голля, который «ведет трудные переговоры с союзниками» и встречает «серьезные препятствия» со стороны США³. Заявляя, что США и Англия не хотят, чтобы во Франции существовало внутреннее центральное командование, он предлагал считаться с их пожеланиями, поскольку «сейчас, в 1944 г., невозможно проводить независимую политику в некоторых вопросах, особенно в области военных действий и вооружения: мы ничего не можем без наших союзников»⁴.

---

¹ «Mémoire du Comité Directeur du F. N. sur les problèmes actuels de la politique de la Résistance Française» (Archives personnelles de P. Villon).

² Заседание КОМАК 26 июня 1944 г.

³ Заседание КОМАК 14 июня 1944 г.

⁴ Заседание КОМАК 26 июля 1944 г.

Подчеркивая готовность «выполнять все, что требуют от нас союзники»¹, члены КОМАК тем не менее решительно опровергали аргументы представителей ФКНО. «Авторитет Временного правительства коренится в деятельности Сопrotивления,— говорил председатель КОМАК П. Вийон.— Правительство будет признано англо-американцами благодаря действиям Сопrotивления, но этого нельзя добиться, принуждая Сопrotивление к молчанию»². Отвечая на предложение следовать за пожеланиями Англии и США, П. Вийон сказал: «Французской политике хотели навязать категорический императив: подчинение любого политического акта предварительному согласию англичан и американцев. Такая позиция придает Франции характер неполноправной нации»³.

272

Генерал Жуанвиль показал, что даже с чисто военной точки зрения невозможно изолировать ФФИ от действий народных масс, являющихся их резервом. Освобождение какой-либо территории силами ФФИ «может быть предусмотрено лишь в том случае, когда резервы готовы сражаться. Чтобы уловить этот момент, необходимо обратиться к ДКО (департаментским комитетам освобождения.— В. С.). Кениг не в состоянии этого сделать, потому что для этого надо иметь связь с местными силами, например с профсоюзами, которые могут организовать стачки»⁴.

Не сумев подчинить КОМАК своему влиянию, представители де Голля попытались помешать ему руководить боевыми действиями. Военная делегация не разрешила КОМАК и Национальному штабу ФФИ использовать имевшиеся у нее радиостанции. Национальный военный делегат и районные военные делегаты передавали инструкции генерала Кенига, деньги и оружие наиболее «благонадежным» отрядам ФФИ (в частности, отрядам ОРА), минуя КОМАК⁵. В результате создалась угроза превращения Военной делегации в параллельное командование. Начальник Национального штаба ФФИ генерал Жуанвиль вынужден был заявить в КОМАК, что «организация сети ДМР (военных делегатов. —

---

¹ Заседание КОМАК 28 июня 1944 г.

² Заседание КОМАК 3 июля 1944 г.

³ Заседание КОМАК 26 июля 1944 г.

⁴ Заседание КОМАК 26 июня 1944 г.

⁵ Заседание КОМАК 12 июня 1944 г.

В. С.) ведет к катастрофе и завершится расколом ФФИ, если будет сохраняться параллельное командование, которое имеет место во всех районах благодаря существованию наряду с командиром ФФИ районного военного делегата, действия которого не способствуют успеху командования»¹.

Попытки Военной делегации вырвать руководство из рук КОМАК и Национального штаба внесли дезорганизацию в деятельность ФФИ. Из-за отсутствия радиосвязи приказы КОМАК запаздывали, а иногда и совсем не попадали в местные штабы, которые в свою очередь часто еще не имели контактов с различными группировками ФФИ. Де Вогюэ, совершивший в июне 1944 г. поездку по северной зоне, говорил, что «отсутствие приказов, исходящих из КОМАК и Национального штаба, остро ощущается в низах, где жалуются на отсутствие инструкций»². Трудным было и положение в южной зоне, где, по словам инспектора КОМАК, «контакты между тремя организациями, составляющими ФФИ южной зоны, или не существовали, или в лучшем случае осуществлялись таким образом, что всякое реальное единство действий и всякая конструктивная работа становились трудными, если не невозможными»³. Отряды ОРА в ряде мест приступили к самостоятельным операциям, не считаясь ни с Национальным штабом, ни с другими группировками ФФИ. Командующий ОРА генерал Ревер перестал посещать заседания КОМАК, выехал из Парижа и приступил к организации сепаратного командования в районе Центрального массива. В телеграмме генералу Кенигу он заявил, что «только ОРА имеет право руководить военными операциями; другие организации, входящие в ФФИ, должны ограничиться политической деятельностью»⁴.

Затруднения, вызванные попытками создания параллельного командования ФФИ, отразились в приказах, издаваемых, с одной стороны, КОМАК и Национальным штабом, с другой — штабом генерала Кенига. Получив 12 июня 1944 г. приказ КОМАК по войскам с просьбой немедленно распространить его по радио, националь-

¹ Заседание КОМАК 19 июля 1944 г.

² Заседание КОМАК 19 июня 1944 г.

³ «Rapport Mercier (ex-Fouché)» (Archives personnelles de P. Villon).

⁴ Ibidem.

ный военный делегат, как выяснилось позднее¹, даже не передал эту просьбу в Лондон. Тем временем Кениг издал свой «категорический приказ», оглашенный военной делегацией на заседании КОМАК 14 июня 1944 г. В нем говорилось: «Учитывая невозможность осуществить в настоящее время снабжение оружием и боеприпасами, максимально сокращайте, повторяю, максимально сокращайте партизанские действия. Создавайте мелкие изолированные группы, а не крупные отряды; повсюду, где это возможно, выходите из соприкосновения с врагом, пока мы не будем в состоянии обеспечить многочисленные поставки по воздуху». Военная делегация заявила, что поставки оружия будут прерваны до августа 1944 г.

274

КОМАК выразил решительный протест против этих действий, наносивших тяжелый удар движению Сопротивления. Он распорядился немедленно разослать всем организациям Сопротивления и всем штабам ФФИ свой специальный оперативный приказ, подчеркивающий необходимость национального восстания. Приказ выделял 3 зоны военных операций и указывал задачи ФФИ в каждой из них. В зоне, занятой союзниками, ФФИ должны были помогать комитетам освобождения в создании новой армии. В зоне непосредственных боевых действий и в тыловой зоне отрядам ФФИ следовало выполнять поручения союзников, сковывать действия врага и в тесной связи с массовыми организациями готовить национальное восстание. В районах, «где в ходе военных операций силы оккупантов станут относительно слабыми», КОМАК приказывал «освободить с помощью резервов и Патриотической милиции участки территории, способные жить и сопротивляться. В освобожденных районах нужно немедленно устанавливать комитеты национального освобождения, которые возьмут в руки управление общественными делами. ФФИ должны организовать оборону территории и приложить все усилия, чтобы помочь постепенному освобождению соседних, еще оккупированных территорий»².

Решительная позиция КОМАК заставила штаб Кенига отступить. 19 июня национальный военный делегат

¹ На заседании КОМАК 19 июня 1944 г.

² «Ordre d'opération concernant la participation des F.F.I. aux opérations alliées, à la préparation et à la conduite de l'insurrection nationale» (Archives personnelles de P. Villon).

заявил, что поставки оружия будут прекращены лишь в наиболее удаленные от Англии и Алжира районы. Он огласил новый приказ Кенига, частично отменявший предыдущий приказ о сокращении боевых действий. В новом приказе предписывалось избегать скопления невооруженных бойцов, но «продолжать в максимальных размерах партизанские действия вооруженных частей против вражеских коммуникаций»¹.

Придавая особо важное значение борьбе против КОМАК, являвшейся по существу борьбой за руководство вооруженными силами Сопrotивления, Генеральная делегация стремилась опереться на буржуазных деятелей внутреннего Сопrotивления, которые хотя и подписали вместе с коммунистами призывы к восстанию, но боялись народа и предпочли бы ограничить масштабы вооруженной борьбы. Заручившись их поддержкой, генеральный делегат де Голля 21 июня 1944 г. поставил в Национальном Совете Сопrotивления вопрос об ограничении полномочий КОМАК. «Либерасьон-Нор», ОСМ и другие организации северной зоны, тесно связанные с Генеральной делегацией, потребовали отзыва де Вогюэ, энергично отстаивавшего позиции КОМАК. Затем они предложили Национальному Совету Сопrotивления вообще ликвидировать КОМАК².

Желая избежать раскола сил Сопrotивления, члены КОМАК выдвинули проект компромиссного решения, которое признавало бы полномочия генерала Кенига и вместе с тем обеспечивало КОМАК действенное руководство национальным восстанием. Согласно этому проекту, изложенному в меморандуме КОМАК от 5 июля 1944 г., «КОМАК осуществляет командование по уполномочию генерала Кенига»; войска ФФИ в первую очередь выполняют приказы Кенига, связанные с осуществлением планов союзников; все средства, которыми располагает Военная делегация, передаются в распоряжение КОМАК; военные делегаты, как и прежде, осуществляют функции офицеров связи³. Представители Временного правительства отвергли эти предложения. Роль КОМАК «состоит в том, чтобы распространять

¹ Заседание КОМАК 19 июня 1944 г.

² См. протокол заседания КОМАК 7 августа 1944 г.

³ Меморандум КОМАК от 5 июля 1944 г. (заглавия не имеет) (Archives personnelles de P. Villon).

и исполнять мои директивы»¹, — ответил генерал Кениг.

Параллельно с обсуждением вопроса о КОМАК в НСС развернулась борьба за контроль над другой составной частью вооруженных сил Сопротивления: Патриотической милицией. Буржуазные деятели были встревожены инициативой Компартии и Национального фронта, организовавших самостоятельное командование Патриотической милиции во главе с Центральным советом. Они усматривали в этом факте попытку создать автономную военную организацию, не зависящую от НСС и находящуюся под контролем коммунистов. В письме к П. Вийону от 26 июня 1944 г. председатель НСС Ж. Бидо утверждал, что в результате формирования Центрального совета Патриотической милиции «власть НСС может оказаться под угрозой»; департаментские комитеты освобождения «окажутся перед лицом организации, созданной без их ведома и независимо от них»; единство военного руководства нарушится «благодаря существованию помимо ФФИ организации, могущей выступать как независимое руководство Патриотической милиции»².

Несмотря на обязательство Центрального совета «избегать любого покушения на власть Временного правительства республики и НСС», работать в самом тесном контакте с комитетами освобождения и командованием ФФИ³, большинство членов Постоянного бюро НСС при поддержке генерального делегата требовали подчинения Патриотической милиции департаментским штабам ФФИ. Вийон отклонил это предложение, поскольку еще не был окончательно решен вопрос о командовании и политической линии ФФИ. «В момент, когда НСС колеблется перед проблемой руководства ФФИ, когда существует опасность, что их вынудят осуществлять политику, которая не соответствует программе действий НСС (немедленные действия, национальное восстание), прежде всего необходимо знать, не хочет ли НСС заставить и милицию следовать такой же по-

---

¹ См. протокол заседания КОМАК 24 июля 1944 г.

² *Jean-Jacques à Pascaud*. 26/6/44. Жан-Жак — псевдоним Ж. Бидо; Пако — псевдоним П. Вийона.

³ «Le Conseil Central des milices patriotiques (C.C.M.P.) au Conseil National de la Résistance (C.N.R.)», le 20/7/44.

литике»¹, — говорил он на заседании бюро НСС 27 июля 1944 г. Указав, что «ныне некоторые организации, кажется, намерены отнять у внутреннего Сопротивления руководство ФФИ», Вийон заявил, что «в этих условиях формула строгого подчинения (Патриотической милиции.— В. С.) командованию ФФИ не кажется ему приемлемой»².

Члены бюро НСС не смогли прийти к общему мнению, и конфликт продолжался вплоть до середины августа 1944 г., когда он был разрешен самим ходом событий.

Исход борьбы за руководство восстанием зависел прежде всего от реального соотношения сил. Летом 1944 г. это соотношение складывалось не в пользу сторонников атлантизма. Патриотический подъем, вызванный общим ходом военных действий, открытием второго фронта и надеждами на быстрое освобождение Франции, был исключительно велик. При первых известиях о высадке союзников, нередко даже не ожидая специальных приказов, патриоты брались за оружие и атаковали оккупантов. Десятки и сотни тысяч французов, ранее стоявших в стороне от Сопротивления, стремились принять посильное участие в освобождении страны. По свидетельству инспектора КОМАК, вернувшегося в июле 1944 г. из поездки в южную зону, «люди, ранее не принадлежавшие ни к каким формированиям, идут в любые организации Сопротивления, и массовый наплыв новых элементов создает ФФИ буквально повсюду. Учитывая настроения страны, можно сказать, что миллион человек готов действовать и сражаться»³. Численность отрядов ФТП за несколько дней возросла в 10 раз: с 25 тыс. до 250 тыс. человек. Стремительно росла численность и других группировок ФФИ, которые летом 1944 г. насчитывали 500 тыс. бойцов⁴.

Противники немедленного вооруженного восстания не могли не считаться с обстановкой. На заседании бю-

---

¹ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 27 juillet 1944».

² «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 3 août 1944».

³ Заседание КОМАК 3 июля 1944 г.

⁴ «Histoire du Parti Communiste français (manuel)», p. 433.

ро НСС 27 июля 1944 г. Ж. Бидо напомнил, что, «сколько бы ни были широки полномочия НСС, он может их осуществлять лишь в той мере, в какой с ними согласны его члены»¹. Еще более сложным было положение представителей Временного правительства, которое пока не осуществляло власти на территории Франции и могло обеспечить осуществление своих решений только при содействии Сопrotивления. Поэтому попытки ограничить размах вооруженной борьбы и затормозить национальное восстание не имели успеха. После высадки союзных войск во Франции масштабы партизанских действий резко возросли. Характер партизанских операций существенно изменился. Наряду с актами саботажа, диверсий и покушений на отдельных немецких солдат и офицеров патриоты стали вступать в схватки с целыми отрядами оккупантов, задерживать или даже останавливать продвижение вражеских колонн.

В ходе партизанских действий явственно обнаружилась порочность тактики, проповедуемой штабом генерала Кенига. В момент высадки союзных войск органы БСРА передали по радио директиву «направляться в маки, чтобы не мешать военным операциям»². Многие патриоты, особенно в южной зоне, последовали этому приказу. «Там и сям происходили настоящие небольшие мобилизации молодежи,— вспоминал один из руководителей коммунистической молодежи, Л. Фигер.—Молодые люди собирались и отправлялись на грузовиках с развернутыми знаменами к центрам маки, где их зачисляли в воинские части классического типа»³. Не имея необходимого оружия и снаряжения, эти части нередко становились жертвами карательных отрядов оккупантов и вишистов, в то время как силы Сопrotивления в городах вследствие такой «мобилизации» оказались серьезно ослабленными. Крупные скопления невооруженных патриотов в лагерях маки затрудняли действия партизан, тем более что макизары этих лагерей, ранее придерживавшиеся политики атлантизма, совершали немало ошибок. Считая, что 6 июня наступил долгожданный «день икс», они начали активные военные операции, но «без опыта партизанской борьбы, без связей с массами

¹ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 27 juillet 1944».

² «Le Parti Communiste français dans le Résistance», p. 287.

³ L. Figuères. La jeunesse militante. Paris, 1970, p. 155.

действовали слишком поспешно и часто были вынуждены отступать перед врагом»¹. Приказ штаба Кенига максимально сокращать партизанские действия внес дополнительное замешательство в их ряды, а иногда (например, в Бургундии и Лангедоке) приводил даже к частичной демобилизации макизаров². Не удивительно, что в такой обстановке участники Сопротивления предпочитали выполнять приказы КОМАК, а не противоречащие им распоряжения Кенига.

Убедившись, что большинство участников Сопротивления признает авторитет КОМАК, а «значение приказов, отданных через голову Сопротивления без учета его мнений, было крайне невелико»³, Генеральная делегация пошла на уступки и дала районным военным делегатам инструкции не подменять командование ФФИ. Инструкторы КОМАК навели порядок на местах, отстранив или наказав нескольких офицеров ОРА, настроенных сепаратистски⁴. Специальным циркуляром КОМАК напомнил местному руководству, что «кроме командиров районов, назначенных КОМАК, никто не может командовать ФФИ, и в особенности господин Тенар (Ревер.— В. С.) из ОРА»⁵. Генерал Ревер был вызван в Париж, где он заявил о своем подчинении КОМАК⁶ и вернулся к своим обязанностям. На заседаниях Постоянного бюро НСС П. Вийон выступил с решительным протестом против попыток ликвидировать КОМАК. Он подчеркнул, что «всякое изменение в составе КОМАК означает порицание его политики и, следовательно, политики НСС»⁷.

КОМАК поддержали крупнейшие организации Сопротивления: Коммунистическая партия, Национальный фронт, франтиреры и партизаны, МЛН (в прошлом МЮР). 8 августа Руководящий комитет Национального

¹ «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 287.

² G. Bouladou. Les maquis du Languedoc.— «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 55, juillet 1964, p. 61; M. Lombard. Les maquis de Bourgogne. — Ibid., p. 37.

³ Меморандум КОМАК от 5 июля 1944 г. (Archives personnelles de P. Villon).

⁴ «Rapport Mercier (ex-Fouché)» (Archives personnelles de P. Villon).

⁵ Заседание КОМАК 16 июля 1944 г.

⁶ Заседание КОМАК 24 июля 1944 г.

⁷ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 27 juillet 1944».

фронта принял специальную резолюцию, заявив в ней, что «полностью одобряет деятельность своего представителя в КОМАК (П. Вийона.— В. С.) и поддерживает позицию, которую он защищал в Постоянном бюро НСС»¹. Руководство МЛН также единогласно высказалось в поддержку КОМАК². На заседании руководящего комитета МЛН с участием представителей Генеральной делегации «дело дошло до рассмотрения вопроса о разрыве, который привел бы к тому, что основная часть бойцов МЛН стала бы продолжать борьбу вместе с ФТП»³. Правда, против КОМАК выступили четыре буржуазно-патриотические организации северной зоны, но все они были сравнительно невелики, причем некоторые члены их руководства, не говоря уже о рядовых бойцах, одобряли деятельность КОМАК.

Делегатам генерала де Голля стало ясно, что в случае разрыва с КОМАК они останутся в изоляции. На заседании НСС 17 августа 1944 г. генеральный делегат огласил проект соглашения, который в основном соответствовал предложениям КОМАК и был утвержден Национальным Советом. Национальный Совет Сопротивления «в согласии с делегацией Временного правительства» заявлял, что он «подтверждает категорическим образом решение НСС от 11 мая 1944 г.⁴ и полномочия КОМАК, определенные директивой № 9 от 22 мая 1944 г.». В решении НСС уточнялось:

«1) что верховное командование ФФИ на территории метрополии, доверенное Национальным Советом КОМАК, будет осуществляться по уполномочию генерала Кенига;

2) что приказы генерала Кенига по применению стратегических планов союзников будут выполняться ФФИ в первую очередь;

3) что военные делегаты, действуя в качестве офицеров связи, предоставят в полное распоряжение командиров ФФИ все оружие, снаряжение, деньги и средства внутренней связи».

¹ «Résolution du Comité directeur du Front National de lutte pour la libération et l'indépendance de la France sur le COMAC» (Archives personnelles de P. Villon).

² См. письмо «Les membres du COMAC à Monsieur le Président du C.N.R. 7 août 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

³ R. Hostache. Op. cit., p. 397.

⁴ В директиве № 9 решение НСС датировано 13 мая 1944 г.

Генеральная делегация получила право задерживать выполнение некоторых директив КОМАК. В решении НСС было сказано: «Условлено, что в исключительных и крайних случаях, когда решение КОМАК может решающим образом повлиять на будущее страны, если возникнут разногласия между членами КОМАК или между КОМАК и национальным военным делегатом, применение этого решения может быть отсрочено (не препятствуя при этом обычной деятельности КОМАК)»¹. В таком случае конфликт передается на рассмотрение Национального Совета Сопротивления. В заключение Генеральная делегация и Национальный Совет Сопротивления выражали доверие и благодарность КОМАК.

Почти одновременно был решен вопрос о Патриотической милиции. 11 августа 1944 г. Постоянное бюро НСС приняло компромиссное предложение Ж. Бидо, согласно которому отряды Патриотической милиции переходили в двойное подчинение: командования ФФИ («в той мере, в какой они участвуют в повседневной вооруженной борьбе») и департаментских комитетов освобождения («в той мере, в какой они принимают участие в общих действиях массы населения»). Общий контроль над действиями Патриотической милиции в национальном масштабе брал на себя Национальный Совет Сопротивления².

Таким образом, борьба за руководство вооруженными силами Сопротивления завершилась победой демократических сил. Курс на массовое вооруженное восстание был окончательно признан всеми руководящими органами Сопротивления.

С первых дней высадки союзных войск во Франции вооруженная борьба французских патриотов стала перерастать в национальное восстание. Различная степень концентрации немецко-фашистских войск и неодинаковое развитие сил Сопротивления в разных районах исключали возможность одновременного восстания по всей территории Франции. В районах высокой концентрации немецко-фашистских войск, например в Норман-

¹ «Décision du C.N.R. en accord avec la délégation générale du G.P.R.F. concernant le COMAC. 17 août 1944».

² Резолюция НСС не имеет ни заголовка, ни подписи, ни даты. Ср. R. Hostache. Op. cit., Annexe VI.

дии (в непосредственной близости к фронту) или в департаментах Нор и Па-де-Кале, через которые проходили основные коммуникации оккупантов, массовое вооруженное восстание было невозможным. В этих районах участники Сопротивления старались максимально расширить саботаж, диверсии, действия мелких боевых групп. Там, где соотношение сил было благоприятным для Сопротивления, боевые действия могли завершиться восстанием и освобождением территории¹. На освобожденных территориях силы Сопротивления немедленно ликвидировали вишистский режим и брали управление на себя. Нередко, овладев каким-либо населенным пунктом, партизаны вынуждены были покинуть его при появлении крупных подразделений немецко-фашистских войск. Затем, собравшись с силами и улучив благоприятный момент, они вновь переходили в атаку и снова освобождали эту местность². Уже 19 июня 1944 г. КОМАК сообщил Кенигу, что в Юго-Восточной Франции освобождена «часть территории (целые департаменты)»³. Почти одновременно началось восстание в Бретани, на юго-западе и в Центральном массиве. В начале июля партизаны вели бои в районе Лиона, Гренобля, Лиможа, Тулузы. К этому времени 40 из 90 департаментов Франции были охвачены восстанием⁴. В августе 1944 г., когда фронт немецких войск был прорван и они стали поспешно отступать к границам Германии, национальное восстание охватило всю Францию. Наибольший размах оно приобрело в трех главных районах: в Бретани, в Юго-Восточной Франции, в Центральном массиве и прилегающих департаментах Юго-Западной Франции. Важнейшим очагом восстания стал и Парижский район. В каждом из районов национальное восстание имело свои отличительные черты и особенности.

В Бретани восстание развивалось во взаимодействии с союзными армиями⁵. Осуществляя прорыв немецкой обороны в районе Авранша, на границе с Бретанью,

¹ *Le Parti Communiste français dans la Résistance*, p. 295—296.

² Подробнее см.: «*Les maquis dans la libération de la France*». — «*Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale*» N 55, juillet 1964.

³ Заседание КОМАК 19 июня 1944 г.

⁴ См. *Ш. де Голль*. Указ. соч., т. 2, стр. 331.

⁵ Роль ФФИ в освобождении Бретани подробно рассмотрена в кн.: *R. Le Nyaric, Les Patriotes de Bretagne*. Paris, 1965.

англо-американское командование было заинтересовано в максимальном использовании помощи Сопротивления. С 6 по 18 июня в Бретани высадилось несколько групп «Жедбург», которые «были встречены восторженной толпой», состоявшей «не только из макизаров, но и из женщин и детей»¹. Несмотря на все еще недостаточное снабжение оружием, к началу августа удалось вооружить свыше 50 тыс. добровольцев², значительная часть которых вступила в ряды ФТП. Со своей стороны КОМАК разработал специальные инструкции для ФФИ Бретани, предусматривающие максимальное расширение партизанских действий и вовлечение в борьбу широких народных масс: рабочих, крестьян, ремесленников, средних слоев города и деревни³. Совместные действия англо-американских войск и сил Сопротивления дали блестящие результаты. После прорыва немецкой обороны отряды Сопротивления, взаимодействуя с войсками союзников, освободили почти всю Бретань и взяли в плен 60 тыс. немецких солдат и офицеров. Собственными силами бойцы Сопротивления освободили свыше 20 городов Бретани, в том числе Кампер, Конкарно, Ванв. Они очистили Бретань от остатков немецких войск, изолировали фашистские гарнизоны, укрывшиеся в портах Бретани, взяли на себя их блокаду⁴.

Характерной чертой национального восстания в центре и на юго-западе Франции было отсутствие прямой связи с действиями союзных войск. К югу от линии Нант — Орлеан — Дижон и к западу от линии Дижон — Авиньон англо-американские войска вообще не появлялись. Вся тяжесть борьбы против оккупантов и вишистов легла на плечи Сопротивления. Начав в июне 1944 г. активные боевые действия, патриоты нанесли тяжелые потери оккупантам и вынудили их собрать силы в нескольких крупных центрах, оставив сельские местности под контролем Сопротивления. Прибывшие туда офицеры групп «Жедбург» с изумлением обнаружили «обширные районы, в том числе даже деревни и

¹ A. Calmette. Les équipes Jedburgh dans la bataille de France.— «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 61, janvier 1966, p. 39, 43, 44.

² R. Le Hyaric. Op. cit., p. 159.

³ «Instruction particulière du COMAC. Opération B. Le 17 juillet 1944 (Archives personnelles de P. Villon).

⁴ «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 298—299.

небольшие города, под контролем маки»¹. Партизанские отряды были хорошо организованы, нередко располагали автотранспортом, телефонной связью, благоустроенными госпиталями. Высадка союзных войск на юге Франции и последующее поспешное отступление оккупантов создали благоприятные условия для полной победы Сопротивления в этих районах. В августе 1944 г. бойцы Сопротивления Юго-Западной Франции собственными силами освободили 28 департаментов и нанесли тяжелые потери оккупантам. Лишь четверть немецких войск, расположенных на юго-западе Франции, сумела пробиться сквозь партизанские заслоны и соединиться со своими главными силами².

Национальное восстание в юго-восточных районах Франции во многом напоминало события в центре и на юго-западе, но на завершающем этапе протекало во взаимодействии с союзными войсками. Еще в июне—июле 1944 г. макизары взяли под контроль часть территории в департаментах Эн, Ардеш, Верхняя Савойя³. После высадки союзных армий на юге Франции партизаны с удвоенной силой обрушились на тылы немецких войск. 18 августа 1944 г. началась всеобщая забастовка, а 19 августа — уличные бои в Марселе. 23 августа части 1-й французской армии вступили в Марсель, и 28 августа немецкий гарнизон капитулировал.

В конце августа в Ницце, Сент-Этьенне, в рабочих пригородах Лиона Виллербане и Уллене началась всеобщая забастовка, постепенно перераставшая в восстание. 21 августа партизаны освободили Сент-Этьенн, 25 августа — Ним, а 29 августа — Ниццу.

Плечом к плечу с французскими патриотами сражались антифашисты других национальностей, в том числе советские люди. Они участвовали в освобождении Тулузы, Монпелье, Нима, Лиможа, Клермон-Феррана и других городов.

Боевые действия французских партизан сказали огромную помощь англо-американским войскам. Парализовав средства транспорта и связи, они задержали подход немецких резервов и дали возможность передовым

¹ A. Calmette. Op. cit., p. 45.

² H. Michel. Histoire de la Résistance, p. 115.

³ «Rapport Mercier (ex-Fouchè) 10 juillet 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

частям союзников закрепиться на побережье¹. Из 4 резервных дивизий, которыми располагала 19-я немецкая армия, 3 дивизии не смогли принять участие в военных действиях против союзников, так как были вынуждены вести бой с партизанами. Продвижение 17-й немецкой бронетанковой дивизии было задержано партизанами на 10 дней; 2-й бронетанковой дивизии — на 12 дней; 11-я бронетанковая дивизия потратила 23 дня, чтобы от восточных границ Франции добраться до места сражения. В момент прорыва немецкой обороны в Нормандии партизаны блокировали от 10 до 15 немецких дивизий².

Благодаря поддержке партизан 1-я французская армия, высадившаяся на юге, шла вперед, почти не встречая противодействия. С 15 августа по 15 сентября 1944 г. она подвинулась на 700 км и потеряла за это время всего лишь 180 человек. Основную работу по ликвидации немецко-фашистских войск проделали бойцы Сопротивления, которые взяли в плен свыше 40 тыс. немецких солдат и офицеров³. Генерал Эйзенхауэр считал, что Французские внутренние силы оказали союзникам помощь, равноценную помощи 15 регулярных дивизий⁴. На самом деле помощь была гораздо больше, ибо в борьбе принимали участие широчайшие массы французского народа.

Вопреки усилиям сторонников атлантизма национальное восстание пошло по пути, указанному коммунистами. Оно превратилось в массовое народное движение и нанесло тяжелый удар оккупантам, значительно ускорив освобождение Франции.

ПАРИЖСКОЕ ВОССТАНИЕ

Важнейшим этапом национального восстания 1944 г. было Парижское вооруженное восстание. Оно привлекло к себе пристальное внимание современников и до

¹ H. Michel. L'aide apportée aux Alliés par la Résistance clandestine française.— «Revue politique et parlementaire», janvier 1963, p. 39—47.

² «Le Parti communiste français dans la Résistance», p. 301.

³ Ibid., p. 304.

⁴ «Histoire du Parti Communiste français (manuel)», p. 438.

сих пор вызывает живейший интерес¹. В обширной литературе по истории освобождения Парижа давно кипит полемика относительно роли и значения Парижского восстания. В то время как историки-марксисты подчеркивают его огромное значение и решающую роль народных масс², некоторые историки отводят главную роль в освобождении Парижа действиям буржуазных группировок или парижской полиции. На лавры освободителей или спасителей Парижа претендуют не только участники Сопrotивления, но и бывшие вишисты и даже командующий немецким гарнизоном Парижа генерал Хольтиц. Председатель вишистского муниципального совета Парижа П. Теттенже уверяет, что он убедил Хольтица не разрушать Париж и тем самым предотвратил гибель города³. В свою очередь Хольтиц утверждает, будто он по собственной инициативе отказался выполнить приказ Гитлера об уничтожении Парижа и, следовательно, «спас» столицу Франции⁴.

Поскольку история освобождения Парижа достаточно известна⁵, мы ограничимся главным образом изучением классовых противоречий внутри движения

¹ Истории освобождения Парижа посвящено более 50 книг и сотни статей. Их перечень содержится в работах: А. Dansette. Histoire de la libération de Paris. 51-e éd. Paris, 1958; R. Villate. La bataille de Paris vue du P. C. Ile-de-France. — «Revue d'histoire de la 2-e guerre mondiale» N 30, avril 1958.

² См., например, «Le Parti Communiste français dans la Résistance».

³ P. Taittinger. Et Paris ne fut pas détruit. Paris, 1948.

⁴ Выдержки из воспоминаний Хольтица под сенсационным заголовком «Горит ли Париж?» были впервые опубликованы в правой французской газете «Фигаро» в разгар «холодной войны» в октябре 1949 г.

⁵ История Парижского вооруженного восстания изложена в трудах советских и французских историков-марксистов: И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников. Указ. соч., гл. VIII; Н. Г. Цырульников. Парижское вооруженное восстание 1944 года. — «Новая и новейшая история», 1959, № 1; «L'insurrection parisienne. 19—26 août 1944». Paris, 1946; Le Parti Communiste français dans la Résistance». Paris, 1967; A. Ouzoulias. Les bataillons de la jeunesse. Paris, 1967; A. Tollet. La classe ouvrière dans la Résistance. Paris, 1969 и др.

К числу наиболее основательных исследований французских историков относится уже упоминавшаяся монография А. Дансетта, а также работы: R. Massiet. La préparation de l'insurrection et la bataille de Paris. Paris, 1945; H. Denis. Le Comité Parisien de la Libération. Paris, 1963.

Сопротивления, обнаружившихся в связи с подготовкой и проведением Парижского вооруженного восстания.

С момента высадки англо-американских войск, и особенно после прорыва немецкой обороны в Нормандии, «французская столица сразу очутилась в центре стратегических замыслов, в самом сердце политики. Планы главнокомандующих, расчеты правительств, маневры честолюбцев, взволнованные чувства людей — все сосредоточилось на этом городе»¹.

Англо-американское командование не считало нужным спешить с освобождением Парижа. Оно намеревалось сначала осуществить глубокий обход французской столицы и лишь затем — к осени 1944 г. — приступить к ее освобождению. Официально этот план мотивировался желанием не разрушать Париж и не брать на себя снабжение его многомиллионного населения². На деле империалисты Англии и США, по-видимому, считали, что такой образ действий позволит им избежать народного восстания в Париже. Кроме того, задержка с освобождением Парижа позволяла откладывать признание Временного правительства и открывала возможности для различных политических комбинаций, например для передачи власти от Лавалля к Эррио. Хотя правительство США 12 июля 1944 г. признало, что «Французский комитет национального освобождения имеет право осуществлять административное управление Францией»³, и, следовательно, отказалось от системы АМГОТ, оно не считало вопрос о французском правительстве полностью решенным. Американские агенты поддерживали тайные контакты с Лавалем. По мнению де Голля, у военного командования союзников были «в известной мере связаны руки политическими происками Лавалля, на которые благосклонно смотрел Рузвельт и для успеха которых необходимо было уберечь Париж от потрясений»⁴.

Планы генерала де Голля были иными. Он «считал, что силы Франции должны с оружием в руках проявить себя в Париже до того, как туда вступят союзники»⁵, и таким образом утвердить власть Временного правительства.

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 336.

² См. О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 416—417.

³ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 285.

⁴ Там же, стр. 345.

⁵ Там же, стр. 339—340.

Поскольку главной вооруженной силой, способной принять участие в освобождении Парижа до подхода союзных войск, были отряды ФФИ и Патриотической милиции, которые не пользовались полным доверием руководителей Временного правительства, Генеральная делегация установила контакт с вишистской полицией и жандармерией Парижа, желавшими перейти на сторону победителей. Предполагалось, что в момент восстания полицейские и жандармы, связанные с Генеральной делегацией, захватят основные правительственные центры, а верные правительству войска (прежде всего 2-я бронетанковая дивизия генерала Леклерка) стремительно двинутся на Париж и обеспечат сохранение власти в руках буржуазии.

288

Учитывая, что численность полицейских и жандармов, готовых поддержать Временное правительство (и названных поэтому «правительственными силами»), невелика, Генеральная делегация стремилась установить контроль над гораздо более значительными силами ФФИ Парижского района. Назначение командующим ФФИ Парижского района коммуниста полковника Роль-Танги вызвало яростное противодействие с ее стороны. Военный делегат Временного правительства в Парижском районе отказался сотрудничать с Роль-Танги. Инструкции Кенига, деньги, оружие и снаряжение он передавал буржуазно-патриотическим организациям, которые отказались подчиняться Роль-Танги и намеревались выполнять приказы военного делегата. Первоначально военного делегата поддержал член КОМАК де Вогюз, заявивший, «что, по его сведениям, командующий районом (т. е. Роль-Танги. — В. С.) намерен скорее осуществлять диктатуру, чем командовать, и что он обнаруживает полную несостоятельность в руководстве операциями»¹. Явившись на заседание КОМАК, Роль-Танги убедительно опроверг эти обвинения. Он заявил, что «встретил проявления враждебности по отношению к НСС, КОМАК и Национальному штабу» и поэтому должен был проявлять твердость «лишь для того, чтобы гарантировать нормальную работу штабов». Роль-Танги сообщил, что не получает от районного военного делегата ни денег, ни оружия, ни средств связи, вследствие чего из 80 тыс. человек, которых могли бы мобилизо-

---

¹ Заседание КОМАК 26 июня 1944 г.

вать организации Сопротивления, лишь 1700 имеют оружие. Заслушав доклад Роль-Танги, КОМАК полностью одобрил его действия и выразил ему благодарность. Буржуазно-патриотические организации Парижского района признали полномочия Роль-Танги, а районный военный делегат обещал передать в его распоряжение оружие и деньги¹.

Не сумев отстранить Роль-Танги, Генеральная делегация стала добиваться, чтобы только «правительственные силы» (а не войска ФФИ) принимали участие в овладении министерствами, префектурой полиции и другими центральными государственными учреждениями. Тем временем де Голль заранее назначил своих людей префектами департаментов и генеральными секретарями министерств. Первоначально среди них не было ни одного коммуниста. Лишь после решительных протестов Коммунистической партии ей предоставили посты двух генеральных секретарей (в министерствах просвещения и юстиции) и двух префектов (в департаментах Луары и Верхней Вьенны)². Тем не менее все ключевые посты в будущем государственном аппарате, в том числе и в администрации Парижа, оставались в руках буржуазных деятелей.

Особенно острые споры вызвало решение Временного правительства назначить префекта парижской полиции и префекта департамента Сены без консультации с движением Сопротивления. Оба кандидата на эти важнейшие посты не были участниками Сопротивления, а будущий префект полиции — Ш. Люизе уже успел показать себя на Корсике, где он руководил отстранением Национального фронта от руководства освобожденным островом. Когда представитель Генеральной делегации сообщил об этих назначениях Парижскому комитету освобождения, коммунисты — члены бюро ПКО немедленно выразили протест против «антидемократической практики» назначения на посты префектов столицы лиц, неизвестных Сопротивлению³. Однако буржуазные деятели бюро ПКО хотя и сожалели о том, что правительство предварительно не проконсультировалось

¹ Заседание КОМАК 3 июля 1944 г.

² «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 258.

³ «Comité Parisien de la Libération. Procès-verbal de la 26-e séance».

с Парижским комитетом, но тем не менее предлагали примириться с создавшимся положением, ибо «назначение префектов, вообще говоря, является делом правительства»¹. Когда коммунисты предложили назначить префектом Парижского района видного руководителя Сопротивления, одного из организаторов Национального фронта, члена бюро ПКО и мэра Парижского пригорода Иври Ж. Маррана, представители буржуазно-патриотических организаций отказались поддержать его кандидатуру². Развернувшаяся в связи с этим дискуссия заняла 6 заседаний бюро, но из-за противодействия буржуазных делегатов не дала положительных результатов. Назначенные де Голлем префекты остались на своих постах, а единство сил Сопротивления было серьезно ослаблено.

Глубокие разногласия возникли в руководящих органах Сопротивления по вопросу о сроках восстания в Париже. Выражая взгляды патриотов, стремившихся к скорейшему освобождению Франции, председатель Парижского комитета освобождения А. Толле говорил: «Надо любой ценой деморализовать немцев, вовлечь в борьбу основную массу парижского населения. Надо сражаться, чтобы покончить с бошами и вишистами и как можно быстрее освободить от них территорию»³. Представители буржуазно-патриотических организаций формально не возражали, но, ссылаясь на крайнюю медлительность англо-американских войск, на то, что «в целом население аморфно», а патриоты почти безоружны, ставили под вопрос целесообразность боевых действий в Париже. Делегат «Либерасьон-Нор» прямо заявил, что «он не верит, чтобы изолированные действия чем-либо помогли ходу военных действий»⁴. Больше всего он беспокоился, как бы не дать сигнал к восстанию «слишком рано»⁵.

Аналогичные споры, отражавшие классовые противоречия среди участников Сопротивления, развернулись в Национальном Совете Сопротивления. Когда бюро НСС подготовило проект воззвания к празднику 14 июля с призывами к вооруженной борьбе и восстанию,

¹ «Procès-verbal de la 26-ème séance»

² «Procès-verbal de la 31-ème séance. 18 juillet 1944».

³ «Procès-verbal de la 34-ème séance. Août 1944».

⁴ «Procès-verbal de la 30-ème séance. 7 juillet 1944».

⁵ «Procès-verbal de la 34-ème séance. Août 1944».

против него выступила Генеральная делегация. Ссылаясь на то, что «война будет еще долгой и что невозможно быстро вооружить патриотов», генеральный делегат А. Пароди потребовал исключить из воззвания лозунг: «Атакуйте врага повсюду!»¹ Его поддержал представитель Социалистической партии Д. Мейер, утверждавший, что политические и военные условия восстания еще не созрели и что во всяком случае восстание должно быть начато только по согласованию с Временным правительством и англо-американским командованием². В ответ бюро НСС предложило превратить 14 июля в «день подготовки национального восстания». Исключив из проекта воззвания фразу «атакуйте врага повсюду!», оно заменило ее еще более определенными рекомендациями: «Пришел час ускорить нашу победу, нападая на врага, пуская под откос поезда, нарушая его коммуникации, разрушая дороги, устраивая засады, саботируя военную продукцию, прекращая снабжение»³. Сторонники атлантизма потерпели поражение.

Если буржуазные деятели Сопротивления хотели задержать восстание и ограничить его только действиями вооруженных отрядов, то Компартия, Национальный фронт и примыкавшие к ним организации стремились сочетать операции ФФИ со стачками и демонстрациями. В конце июня — начале июля 1944 г. Компартия и Национальный фронт организовали в Париже и его предместьях ряд демонстраций. Отряды ФТП, охранявшие демонстрантов, впервые открыто вышли на улицы с оружием. С огромным успехом прошло празднование Дня 14 июля. По самым осторожным подсчетам, 14 июля в Парижском районе участвовало в демонстрациях 110—150 тыс. человек⁴. На многих предприятиях были вывешены трехцветные флаги, начались забастовки, усилился саботаж. Морально-политическая обстановка в столице резко изменилась в пользу Сопротивления. Виши-

¹ «Mémoire du Comité Directeur du F. N. sur les problèmes actuels de la politique de la Résistance française» (Archives personnelles de P. Villon).

² «Villiers à Jean-Jacques», 7 juillet 1944. Вилье — псевдоним Д. Мейера; Жан-Жак — псевдоним Ж. Бидо.

³ «Appel du Comité national de la Résistance pour le 14 juillet 1944».

⁴ A. Dansette. Op. cit., p. 119.

стская полиция и жандармерия, в среде которых действовали организации Сопротивления, стали избегать столкновений с демонстрантами, а народные массы прониклись ощущением своей силы. Начавшееся 14 июля стачечное движение уже не прекращалось вплоть до освобождения Парижа. «Численность Патриотической милиции стала стремительно расти. Вступление в боевые группы приняло массовый характер»¹. К августу 1944 г. Патриотическая милиция Парижского района насчитывала (по разным оценкам) 50—100 тыс. человек². В отрядах ФФИ действовало более 35 тыс. человек³. Однако большинство бойцов ФФИ и Патриотической милиции было слабо вооружено.

ФФИ Парижского района, несмотря на обещания военного делегата, по-прежнему, как писал Роль-Танги, не получали «ни денег, ни оружия»⁴. Неоднократные обращения КОМАК к Кенигу «о немедленном увеличении поставок оружия парашютами в районы П-1 и П-2»⁵ (т. е. в Парижский район.—В. С.) не давали положительных результатов. Представитель Военной делегации заявил в КОМАК, что «он более тридцати раз требовал оружия», но, несмотря на наличие сети заранее подготовленных аэродромов, ни разу не получил его⁶.

С особенной остротой вопрос об оружии встал в начале августа 1944 г., когда в Париже стало известно, что союзные войска прорвали немецкую оборону и движутся к столице. 7 августа 1944 г. КОМАК рассмотрел «ситуацию, которая вытекает из продвижения союзников в Бретани и по направлению к Парижу». Начальнику штаба ФФИ было поручено направить в соответствующие районы приказы «усилить партизанские действия», вооружаясь за счет врага⁷. В тот же день Роль-Танги издал приказ № 3, предписывавший частям ФФИ «мобилизовать все свои силы» и максимально развернуть боевые действия. В соответствии с установками

¹ J. Duclos. Op. cit., vol. III, part II, p. 197.

² A. Tollet. Op. cit., p. 210; R. Massiet. Op. cit., p. 72.

³ R. Massiet. Op. cit., p. 83.

⁴ «Rol à Joinville, le 3 août 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

⁵ Заседание КОМАК 7 августа 1944 г.

⁶ Заседание КОМАК 9 августа 1944 г.

⁷ Заседание КОМАК 7 августа 1944 г.

КОМАК Роль-Танги предупреждал: «Возможно, что возникнут народные движения повстанческого характера. В принципе ФФИ должны их поддержать всеми силами»¹.

В ночь на 10 августа организации ФТП и Национального фронта расклеили в Париже 5 тыс. афиш с объявлением о всеобщей мобилизации. Французы охотно откликнулись на этот призыв. По свидетельству А. Узульяс, «начиная с 10 августа каждый день тысячами являлись новые бойцы»².

Огромное значение приобрела начавшаяся 10 августа всеобщая забастовка железнодорожников, ставшая предлюдией к вооруженному восстанию. Железнодорожники добивались освобождения своих товарищей, арестованных за участие в патриотических демонстрациях 14 июля, требовали увеличения зарплаты на 50% и выдачи жалованья на месяц вперед. Внешне на первый план выдвигались экономические требования, но фактически стачка «быстро приобрела патриотический и повстанческий характер: железнодорожные пути были разрушены на протяжении сотен метров, гитлеровские железнодорожники подвергались нападениям, ширился саботаж»³. Как вспоминал А. Толле, «это была исключительно трудная, исключительно суровая стачка»⁴. Железнодорожники рисковали жизнью, но не отступали. Несмотря на угрозы и репрессии оккупантов, они остановили движение поездов как раз в тот момент, когда гитлеровцы перебрасывали подкрепления в Нормандию.

Стачка железнодорожников нанесла большой ущерб оккупантам и всколыхнула все население столицы, создав условия для всеобщей повстанческой забастовки. 14 августа Парижский комитет освобождения, энергично поддерживавший железнодорожников, призвал всех трудящихся «прекратить работу, присоединиться к Патриотической милиции, вооружиться и сражаться, чтобы всеобщая стачка стала отправным пунктом национального восстания, которое освободит Париж»⁵. В тот же день Парижский комитет направил местным комите-

¹ «Paris, les heures glorieuses», p. 90.

² A. Ouzoulias. Op. cit., p. 415.

³ J. Duclos. Mémoires, vol. III, part II, p. 198.

⁴ A. Tollet. Op. cit., p. 230.

⁵ «Paris, les heures glorieuses», p. 85.

там инструкции по проведению восстания с перечнем объектов, которые следует завоевать, уничтожить или сохранить¹. 15 августа по призыву Комитета Национального фронта и других групп Сопротивления, действовавших в парижской полиции, началась забастовка полицейских, которые покинули свои посты, сохранив оружие, а частично присоединились к бойцам ФФИ².

Забастовка полиции, как и вспыхнувшая на следующий день забастовка почтовых работников и служащих метро, показала, что восстание в Париже назрело. 16 августа КОМАК в последний раз проверил готовность патриотов. Жуанвиль доложил, что члены Национального штаба и военные руководители организаций Сопротивления «все согласны с необходимостью что-то сделать в Париже». Несмотря на то что «некоторые организации опасаются репрессий», уже «отданы приказы приступить к действиям» и «созданы группы добровольцев, которые должны атаковать вражеские части»³. А. Толле информировал КОМАК, что «когда Парижский комитет даст приказ повсюду прекратить работу, остановка заводов не вызовет затруднений»⁴. Подготовлены команды подрывников, и «единственное препятствие для их деятельности состоит в недостаточном снабжении взрывчаткой, которое рассматривается массой рабочих, особенно в Парижском районе, как результат определенной политической позиции».

Противником восстания оказался присутствовавший на заседании военный делегат де Голля. Не возражая прямо против идеи восстания, он всячески подчеркивал, что боевые операции «нужно строго контролировать, чтобы избежать кровавых репрессий». Члены КОМАК осудили эту тактику. «В интересах самих союзников следует развернуть борьбу,— заявил де Вогюэ.— В некоторых пунктах имеется небольшое количество вооружения; необходимо немедленно начать действия, чтобы успешно вести их в тот момент, когда сражение приблизится к Парижу»⁵.

В ночь на 17 августа отряды ФФИ и Патриотиче-

¹ «Paris, les heures glorieuses», p. 79—81.

² A. Dansette. Op. cit., p. 121—122.

³ Заседание КОМАК 16 августа 1944 г.

⁴ La liberation. Les archives du COMAC, p. 186.

⁵ Заседание КОМАК 16 августа 1944 г.

ской милиции перешли в наступление. К утру они заняли ряд важных объектов: заводы, водокачки, гаражи.

Днем 17 августа вопрос о начале восстания обсуждался на заседании Парижского комитета освобождения и Национального Совета Сопротивления. Представители «Либерасьон-Нор» и «Сэ де ля Резистанс» в Парижском комитете освобождения потребовали отложить публикацию призыва к восстанию до согласования с НСС, где буржуазные деятели имели большинство. «Представитель «Либерасьон», констатируя, что количество оружия в Парижском районе очень невелико, опасается, что публикация этого текста произойдет слишком рано. Лозунг (восстания.— В. С.) должен совпасть с отступлением немецких войск в районе. Представитель «Сэ де ля Резистанс» согласен с ним»¹,— говорится в протоколе заседания бюро ПКО от 17 августа 1944 г.

295

На состоявшемся в тот же день заседании Постоянного бюро НСС представитель ВКТ Л. Сайян информировал собравшихся о ходе забастовочного движения и потребовал поддержать стачечников. Присутствовавший на заседании А. Пароди возразил, что «действия, начатые Сопротивлением слишком рано, могут навлечь на парижское население кровавые репрессии», а поэтому нужно «действовать постепенно и упорядоченно, и особенно сохранять контроль за стачечным движением». Против предложений генерального делегата решительно выступил Вийон. Он предложил «создать вокруг Парижа опасную для врага зону, атаковать его транспорт и изолированные вражеские группы в самом Париже», добывая оружие нападениями на мелкие группы немцев. Вийона поддержал Сайян, считавший, что «НСС не имеет права отставать от возможностей к действию, которые могут существовать в массах», и отчасти представитель ОСМ Блок-Маскар. Даже председатель НСС Ж. Бидо, обычно действовавший совместно с Генеральной делегацией, заявил: «Невозможно сдержать уже начавшееся движение, такой приказ не будет выполнен. НСС не должен отрываться от масс». Бидо предложил выразить солидарность со стачечниками, но все же

---

¹ «Comité Parisien de la Libération. Procès-verbal de la 36-e séance. Août 1944».

не принимать официального решения о начале восстания¹.

Поскольку ни Национальный Совет Сопротивления, ни Парижский комитет, освобождения не достигли единогласия, патриоты приступили к решительным действиям. 18 августа появилось обращение Коммунистической партии, призывавшее «народ Парижа и предместьев к освободительному восстанию»². Одновременно профсоюзные центры (Всеобщая конфедерация труда и Французская конфедерация христианских трудящихся) объявили всеобщую забастовку, а Роль-Танги отдал приказ о переходе в наступление, чтобы «открыть победоносным союзным армиям дорогу на Париж и принять их там»³. В тот же день состоялось новое заседание Парижского комитета освобождения в присутствии Роль-Танги. «Надо начать восстание», — заявил А. Толле, поддержанный Роль-Танги, представителями Коммунистической партии и Национального фронта. Делегаты «Либерасьон» и «Сэ де ля Резистанс», ссылаясь на недостаток вооружения вновь потребовали отложить восстание. «Не согласен начать сегодня», — говорил Л. Амон. «Если не будет согласия, НФ (Национальный фронт.— В. С.) сам даст сигнал»⁴, — ответил ему представитель Национального фронта А. Каррель.

Убедившись, что остановить восстание невозможно, буржуазные лидеры Сопротивления решили присоединиться к нему. Утром 19 августа на совместном заседании Постоянного бюро НСС и Парижского комитета освобождения было принято официальное решение о начале восстания. В протоколе заседания записано: «Бюро одобряет призыв к всеобщей стачке, провозглашенный 18 августа профсоюзными организациями, и декретирует национальное восстание»⁵. Вечером это решение было одобрено на пленарном заседании бюро НСС⁶. Затем НСС, Парижский комитет освобождения,

---

¹ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 17 août 1944».

² «L'Humanité». Numéro spécial, août 1944.

³ «Paris, les heures glorieuses», p. 93.

⁴ Рукопись 37-го заседания ПКО «37-e séance».

⁵ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 19 août 1944 (Matin)».

⁶ «Procès-verbal de la séance plénière tenue par le C.N.R. du 19 août 1944 (17 h. 30)».

командование ФФИ и даже Генеральная делегация обратились к населению с особыми призывами к восстанию¹. Отряды ФФИ и Патриотической милиции при содействии «правительственных сил» заняли префектуру полиции, несколько мэрий, редакции ряда газет. Немецкий гарнизон фактически оказался блокированным, и свободное передвижение оккупантов по городу стало невозможным.

297

Когда началось восстание, командующий немецким гарнизоном генерал Хольтиц имел на руках два приказа верховного командования вооруженных сил Германии, предписывающих разрушение парижской промышленности и взрыв мостов через Сену. Однако в распоряжении Хольтица находилось всего 20 тыс. солдат, 80 танков, 60 пушек и 60 самолетов². С такими небольшими силами, осаждаемыми со всех сторон бойцами ФФИ и Патриотической милиции, невозможно было разрушить Париж. К тому же после окружения немецко-фашистских войск в районе г. Фалез главной задачей Хольтица стало обеспечение отхода отступавших из Нормандии фашистских армий, а для этого нужно было сохранить в неприкосновенности мосты через Сену и по возможности избежать уличных боев в Париже.

К военным соображениям примешивались политические расчеты. После разгрома немецких войск на Восточном фронте и прорыва в Нормандии Хольтиц и его окружение не могли не сознавать, что война проиграна и вскоре придется держать ответ за свои преступления. Попытка разрушить Париж, невыполнимая с военной точки зрения, вполне могла привести ее авторов на скамью подсудимых. Учитывая все эти соображения, Хольтиц установил контакт со шведским консулом Нордлингом и при его посредничестве распорядился освободить из тюрем часть политических заключенных³. Вслед за этим жестом, явно рассчитанным на то, чтобы заручиться симпатиями будущих победителей, по-

---

¹ A. Dansette. Op. cit., Annexes XIX, XXI, XXII.

² Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 350. Сам Хольтиц позднее утверждал, что в его распоряжении имелось не более 2 полков пехоты и 34 танка (A. Dansette. Op. cit., p. 104).

³ A. Dansette. Op. cit., p. 115—117.

следовали новые шаги. 19 августа 1944 г., когда Париж уже был охвачен восстанием, Нордлинг, имевший связи с Генеральной делегацией, предложил Хольтицу вступить в переговоры с руководителями Сопrotивления, чтобы заключить перемирие, избежать «смут» и обеспечить безопасный отход немецких войск¹. Сначала Хольтиц отказался разговаривать «с оборванцами, террористами, коммунистами», но Нордлинг объяснил ему, что предполагаемые собеседники — «это не оборванцы, террористы, коммунисты, что это люди из Алжира»², с которыми вполне можно столкнуться.

Члены Генеральной делегации и некоторые буржуазные деятели Сопrotивления были готовы вступить в переговоры с немецким командованием. Они мотивировали свои действия желанием избежать лишних потерь и спасти Париж от разрушений, но фактически стремились устранить мерещившуюся им «угрозу» захвата власти коммунистами. Не предупредив руководящие органы Сопrotивления, префект полиции Люизе, член Генеральной делегации Р. Пре, член бюро ПКО Л. Амон и другие в захваченной повстанцами префектуре при посредничестве Нордлинга начали переговоры с Хольтицем. Вечером 19 августа они заключили соглашение о перемирии, согласно которому обе стороны остаются на своих позициях и не атакуют друг друга, отступающие немецкие войска беспрепятственно пройдут через Париж, а находящиеся в руках оккупантов бойцы ФФИ перейдут на положение военнопленных (т. е. не будут расстреливаться)³.

На собрании части членов НСС утром 20 августа генеральный делегат потребовал одобрить перемирие. Против него выступили П. Вийон и присутствовавший на заседании А. Толле. «Будет постыдно для Парижа позволить пройти через свою территорию отступающим немецким дивизиям, которые завтра примутся опустошать другую часть Франции, — заявил П. Вийон. — Цель национального восстания не в удержании общественных зданий, а в уничтожении немецкой армии... Единственно приемлемое соглашение — это капитуляция немецких сил». Поскольку в НСС действовало правило единогласия, заявления П. Вийона было достаточ-

¹ A. Dansette. Op. cit., p. 115—117.

² Ibid., p. 157.

³ Ibid., p. 128.

но для отклонения перемирия. Однако буржуазные деятели устроили голосование. За исключением П. Вийона и А. Толле, все остальные высказались за перемирие при условии, что «немецкие солдаты не будут иметь права свободно передвигаться в Париже» и его предместьях, а отступающие немецкие дивизии пройдут через столицу, «минуя центр и народные кварталы, по внешним бульварам»¹.

Ввиду особой важности этого решения, оно через несколько часов было поставлено на обсуждение пленарного заседания НСС. П. Вийон и представитель ФКП О. Жилло вновь решительно выступили против перемирия. «Для Коммунистической партии, — заявил О. Жилло, — невозможно принять соглашение», и она публично выскажет свое отношение к нему. Перемирие критиковали представитель МЮР, считавший, что «немецкое командование боится восстания всего населения Парижа», и представитель Республиканской федерации Дебю-Бридель, опасавшийся, что перемирие «может быть ловушкой». Однако большинство членов НСС во главе с Ж. Бидо требовали «утвердить решение, принятое утром». Они уверяли, что в противном случае Сопrotивление «не сможет держаться», поэтому перемирие — «огромная победа» и даже «триумф» восстания². В конце концов по предложению Л. Сайяна, желавшего «помешать большинству снова проголосовать за перемирие»³, обсуждение перенесли на следующий день.

Тем временем Коммунистическая партия, Национальный фронт, Объединение профсоюзов Парижского района, франтиреры и партизаны совместно выступили с резким протестом против перемирия, расценив его как «грязную комбинацию» тех, «кем движет ненависть к народу»⁴. Роль-Танги приказал командующему ФФИ Парижа полковнику Лизе продолжать боевые действия⁵. Приказ был выполнен. Если в буржуазных кварталах перемирие соблюдалось, то в рабочих сражение с оккупантами не прекратилось.

¹ «Procès-verbal de la séance du C.N.R. du 20 août 1944 (9h.)».

² «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C.N.R. le 20 août 1944 (14h. 30)».

³ J. Duclos. Mémoires, vol. III, part. II, p. 216.

⁴ «Proclamation commune de l'U.S. du P.C., du F. N. et des F.T.P. 20 août 1944». — A. Dansette. Op. cit., p. 386—387.

⁵ Rol à COMAK 20. VIII. 1944 (Archives personnelles de P. Villon).

Утром 21 августа собралось экстренное заседание бюро Парижского комитета освобождения. На этот раз сторонники перемирия отступили. В коллективно составленном обращении Комитета, главным автором которого был Толле, говорилось: «Борьба продолжается. Она должна продолжаться вплоть до изгнания врага из Парижского района... Срубайте деревья, ройте противотанковые рвы, стройте баррикады»¹.

Вечером 21 августа в лихорадочной атмосфере восстановленного Парижа состоялось пленарное заседание НСС с участием членов КОМАК. Вопрос о перемирии вновь стал предметом ожесточенных споров, острота которых не полностью передается протоколом. Представитель Компартии О. Жилло обвинил инициаторов перемирия в измене и узурпации власти. «Потом, — вспоминает Дебю-Бридель, — была яростная обвинительная речь Вийона. Его громадный лоб, заострившийся нос, сжатые губы, стальной взгляд — все показывало, что он находится в состоянии крайнего напряжения. Превратившись от усталости в сплошной комок нервов, хриплым голосом и решительным тоном председатель КОМАК огласил настоящий обвинительный акт против авторов перемирия»². На заседании были зачитаны резолюции ПКО и Национального фронта, призывавшие к продолжению борьбы. По требованию Вийона НСС заслушал всех членов КОМАК. «Каждый из них, — говорится в протоколе, — излагает свою точку зрения на заключение перемирия, к которому они относятся резко враждебно»³. Де Вогюэ, «не покидавший сражения в течение 48 часов, обросший трехдневной щетиной, с ввалившимися глазами и осунувшимся от бессонницы лицом», говорил, что «желать отказаться от борьбы в Париже 21 августа 1944 г. равносильно тому, чтобы предписывать наводнению вернуться в свои берега». «Лишить народа битвы, которой он желает и готовит в течение четырех лет, — это гнусно! — воскликнул де Вогюэ. — Я пришел от бойцов, я возвращаюсь сражаться вместе с ними»⁴. Де Вогюэ выразил негодова-

¹ «Paris, les heures glorieuses», p. 87.

² «La libération de Paris» (Collection: «La résistance par ceux qui l'ont faite»). Paris, 1964, p. 91.

³ «Procès-verbal de la séance plénière tenue par le Conseil National de la Résistance le 21 août 1944 (17h.)».

⁴ «La libération de Paris», p. 94.

ние подавляющего большинства активных участников Сопrotивления, рвавшихся в бой. По свидетельству Дебю-Бриделя, даже многие члены буржуазно-патриотических организаций осуждали перемирие. «Особенно молодежь, целиком принадлежавшая к буржуазным и националистическим семьям, была готова полностью присоединиться к коммунистам, если они одни будут продолжать борьбу»¹.

По инициативе Вийона и Сайяна НСС решил присоединиться к призыву ПКО строить баррикады и расширять восстание, «пока враг не будет изгнан из Парижского района»². КОМАК вместе с Национальным штабом немедленно отдал приказ: «Все население должно восстать, воздвигнуть баррикады и, перейдя к активным действиям, покончить с захватчиками»³.

Боевые действия возобновились в еще более широких масштабах. Свыше 600 баррикад, построенных главным образом в рабочих кварталах, покрыли улицы Парижа. Массовое строительство баррикад оказало огромное влияние на ход восстания. Баррикады не только стеснили действия немецких танков, фактически прервав сообщение между отдельными узлами обороны гитлеровцев, но и придали восстанию невиданный размах и массовость. К вечеру 21 августа повстанцы освободили 61 из 80 кварталов Парижа и три четверти его пригородов. Отряд ФТП занял помещение Центрального Комитета ФКП в центре Парижа и туда немедленно переехало руководство партии во главе с Ж. Дюкло и Б. Фрашоном⁴.

Успех восстания встревожил генерала де Голля. «Я вовсе не хотел, чтобы в результате волнений в столице возникла анархия»⁵, — писал он в своих мемуарах. Де Голль немедленно отправил письмо Эйзенхауэру в котором, опасаясь «серьезных беспорядков», просил «как можно скорее занять Париж французскими и союзными войсками, даже если это будет связано с боями

¹ «La libération de Paris», p. 85.

² «Procès-verbal de la séance plénière tenue par le Conseil National de la Résistance le 21 août 1944 (17h). Annexe 2.

³ «Le Comité d'Action Militaire du C.N.R. et l'Etat Major national des FFI à la Région Parisienne» (Archives personnelles de P. Villon).

⁴ A. Tollet. Op. cit., p. 266.

⁵ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 348.

и некоторыми разрушениями в самом городе»¹. Эйзенхауэр отдал приказ направить в Париж 2-ю бронетанковую дивизию генерала Леклерка.

Бойцы внутреннего Сопротивления также стремились ускорить продвижение союзных войск. 20 августа Роль-Танги поручил своему начальнику штаба капитану Галюа (члену «Сэ де ля Резистанс») установить связь с союзным командованием и добиваться, чтобы оно немедленно оказало помощь Парижу. Галюа сумел добраться до штаба американского генерала Брэдли и передать ему и генералу Леклерку просьбу повстанцев. 23 августа передовые части дивизии Леклерка, почти не встречая противодействия со стороны деморализованных немецких войск, устремились к Парижу. 24 августа первые французские танки, приветствуемые восторженными толпами парижан, вошли в столицу. Утром 25 августа в Париж вступили основные силы дивизии Леклерка. К этому моменту, как признал генерал Эйзенхауэр, «освобождение Парижа было уже почти завершено»². 25 августа Леклерк и Роль-Танги в присутствии членов КОМАК приняли официальную капитуляцию немецкого гарнизона. Парижское вооруженное восстание завершилось полной победой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ФРАНЦИИ

Успех национального восстания в Париже и других районах Франции предвещал быстрое освобождение всей страны. 15 сентября в местечке Шатийон-сюр-Сен союзные войска, прибывшие из Нормандии, соединились с армиями, высадившимися на юге. Они перешли французскую границу и приступили к освобождению Бельгии. К середине сентября почти вся территория Франции была очищена от оккупантов. В их руках оставались лишь Эльзас и часть Лотарингии (освобожденные в ноябре — декабре 1944 г.), а также несколько портов западного побережья (Лориан, Ля-Рошель, Сен-Назер), в которых еще держались отрезанные от своих сил немецкие гарнизоны.

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., стр. 849—850.

² «Paris, les heures glorieuses», p. 105.

Освобождение Франции, осуществленное в значительной мере участниками Сопротивления, вызвало огромный подъем в массах французского народа. Французская буржуазия, поддерживавшая правительство Виши, была полностью дискредитирована. Вишистский государственный аппарат развалился, чиновники прятались, жандармы и полицейские разбежались. Власть в стране перешла в руки Временного правительства. Ведущей морально-политической, а отчасти и военной силой стало движение Сопротивления. Особенно возросло влияние Коммунистической партии, Национального фронта, профсоюзов и других демократических организаций. Однако ореол Сопротивления окружал все группировки, принимавшие участие в освободительной борьбе. Часть буржуазии, связанная с движением Сопротивления, не только не утратила влияния в массах, но, напротив, расширила и укрепила его. Большой популярностью пользовался генерал де Голль, «поддерживаемый теперь всей крупной буржуазией, которая видела в нем и его группе замену дискредитировавшим себя сторонникам Петэна»¹. Миллионы французов, считавшие де Голля главным организатором Сопротивления и «спасителем» Франции, поддерживали его политику.

Тем не менее власть Временного правительства еще не была прочной. Назначенные де Голлем комиссары, префекты, командующие военными округами далеко не всегда располагали реальной силой и были вынуждены считаться с организациями Сопротивления. В ряде районов (особенно там, где не появлялись войска союзников) управление взяли на себя комитеты освобождения. Опираясь на отряды ФФИ и Патриотической милиции, они проводили чистку государственного аппарата, наказывали предателей, обеспечивали снабжение населения, следили за поддержанием порядка. Некоторые историки даже утверждают, что осенью 1944 г. во Франции существовало «двоевластие»², поскольку наряду с государственным аппаратом, подчиненным Временному правительству, действовал военно-политический и административный аппарат, созданный организациями Сопротивления.

¹ «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 332.

² R. Hostache. Op. cit., p. 453.

На самом деле никакого двоевластия не было. Власть осуществляло Временное правительство. Его поддерживали Англия и США, чьи вооруженные силы оставались на территории Франции. Ему подчинялись огромные территории Французской империи, доверяли широкие массы населения метрополии. Если до освобождения Франции Временное правительство могло осуществлять свои решения, касающиеся метрополии, только при помощи организаций Сопротивления, то теперь положение изменилось. Соотношение сил между руководством Временного правительства и Сопротивлением изменилось в пользу правительства. Де Голль и его сторонники немедленно воспользовались этим, чтобы сохранить власть в руках буржуазии¹. Как признает сам де Голль, он был «прежде всего намерен восстановить порядок»², т. е. ликвидировать самостоятельность организаций Сопротивления и «канализировать» порыв народных масс в желательном для буржуазии направлении. Прибыв в освобожденный Париж, де Голль демонстративно решил ехать не в ратушу, где заседали Совет Сопротивления и Парижский комитет освобождения, а в военное министерство. Когда Бидо по решению НСС 25 августа 1944 г. посетил де Голля, вручил ему программу НСС и предложил провозгласить республику, де Голль ответил, что в этом нет необходимости, поскольку республика будто бы «никогда не переставала существовать»³.

26 августа де Голль организовал массовую демонстрацию на Елисейских полях. По его замыслу она должна была явиться доказательством всенародной поддержки Временного правительства. На пути следования демонстрантов стояли танки дивизии Леклерка. Не довольствуясь этим, де Голль просил Эйзенхауэра предоставить в его распоряжение американские дивизии, «чтобы показать силу и укрепить свои позиции». По словам Эйзенхауэра, «картина того, как символ французского освобождения (де Голль. — В. С.) просит союзные силы удержать и подкрепить его позиции в самом центре освобожденной столицы, выглядела злой

¹ «Histoire du Parti communiste Français (manuel)», p. 443.

² Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 367.

³ «Procès-verbal d'une séance commune tenue par le C.N.R. et le bureau du C.P.L. le 25 août 1944». Ср. Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 358.

насмешкой»¹. Тем не менее Эйзенхауэр приказал двум американским танковым дивизиям задержаться в Париже и демонстративно участвовать в военном параде, который принимал де Голль. Одновременно было опубликовано официальное сообщение англо-американского командования о передаче полномочий по управлению Францией Временному правительству.

Заручившись поддержкой англо-американских войск, де Голль поспешил разоружить народные массы и ликвидировать командование ФФИ. 28 августа он объявил, что командные инстанции и штабы внутренних сил распускаются². 19 сентября 1944 г. де Голль подписал декрет об объединении ФФИ с частями регулярной армии³. Все воинские части подчинялись военному министру; Национальный штаб ФФИ во главе с Жуанвилем преобразовывался в управление ФФИ при военном министерстве; КОМАК — в военную комиссию Национального Совета Сопротивления.

Вознося официальную хвалу Национальному Совету Сопротивления и Парижскому комитету освобождения, де Голль постарался превратить их в чисто декоративные учреждения. Он решил объединить Совет Сопротивления с Консультативной Ассамблеей, лишив его тем самым руководящих функций, а Парижский комитет освобождения преобразовать в муниципальный совет при префекте Парижа. На заседаниях НСС указывалось, что «правительство торопит префектов как можно скорее назначить временные генеральные советы, которые заменят департаментские комитеты освобождения», причем вместо того, чтобы устранить генеральных советников, назначенных Виши, «теперь хотят рассматривать их как выборных лиц, мандат которых просто будет продлен»⁴.

28 октября 1944 г. Временное правительство приняло декрет о разоружении Патриотической милиции, последней вооруженной силы Сопротивления. Принимая в январе 1945 г. делегацию НСС, де Голль прямо заявил, что «Сопротивление, вероятно, уже пережило свой срок», и выразил недовольство критическими замеча-

¹ D. Eisenhower. *Crusade in Europe*. New York, 1950, p. 326.

² См. III. *de Gaulle*. Указ, соч., т. 2, стр. 860—861 (документы).

³ *Ch. de Gaulle*. *Mémoires de guerre*, t. III, Paris, 1957, p. 353.

⁴ «C.N.R. Analytique de la séance plénière du 22 décembre 1944».

ниями НСС в адрес правительства¹. Тем не менее де Голль не хотел разрыва с движением Сопротивления. Он понимал, что Временное правительство нуждается в поддержке Сопротивления, в сотрудничестве с ФКП и профсоюзами для того, чтобы успешно завершить войну и вернуть Франции положение великой державы. Со своей стороны Коммунистическая партия и подавляющее большинство участников Сопротивления считали необходимым сохранить единство патриотических сил, чтобы завершить разгром фашизма и провести в жизнь основные мероприятия, зафиксированные в программе Национального Совета Сопротивления.

В ряде важных вопросов внешней и внутренней политики де Голль учитывал требования коммунистов и пожелания широких народных масс. В стране были восстановлены основные демократические свободы; политические партии и профсоюзы получили свободу действий. Под давлением общественного мнения был снят запрет на возвращение М. Тореза во Францию. Временное правительство обещало осуществить ряд мер, записанных в программе НСС, в том числе повысить заработную плату рабочих и служащих, улучшить социальное страхование, провести частичную национализацию промышленности. Объясняя мотивы своих действий, де Голль писал: «Чувство и размышления давно убедили меня, что освобождение страны должно сопровождаться глубокими социальными преобразованиями... Или мы сверху и быстро осуществим заметное изменение положения рабочих и частичное сокращение привилегий денег, или страдающая и разочарованная масса трудящихся вызовет потрясения, в которых Франция может потерять все, что у нее осталось»².

12 сентября 1944 г. де Голль выступил во дворце Шайо с программной речью, в которой дал обязательство применять «республиканские законы» и сложить полномочия Временного правительства перед лицом Национальной Ассамблеи, которая будет избрана «всеобщим голосованием всех наших мужчин и женщин», после того как завершится освобождение Франции, а пленные и депортированные вернутся домой³. Выразив

¹ «C.N.R. Analytique de la séance plénière du 19 janvier 1945».

² *Ch. de Gaulle*. Op. cit., t. III, p. 24.

³ *Ibid.*, p. 347 (documents).

благодарность Англии, СССР и США, де Голль провозгласил намерение правительства довести войну до победного конца, покончить со «своего рода официальным отстранением» Франции от решения важнейших международных проблем, обеспечить «обновление» страны. В области социально-экономической политики де Голль намеревался «способствовать развитию духа предпринимательства», но в то же время «сделать так, чтобы уровень жизни французских трудящихся поднимался в соответствии с подъемом производства». Он обещал передать государству «некоторые отрасли общественно-обслуживания или некоторые предприятия», вернуть нации «плоды преступного обогащения, полученные теми, кто работал на врага», ввести контроль над ценами и валютными операциями¹.

Изложенная де Голлем программа уступала в ясности и конкретности программе НСС. Тем не менее она все же учитывала основные требования народных масс и открывала перспективу осуществления серьезных социально-экономических преобразований, которых желали все участники Сопротивления.

Обстановка, сложившаяся во Франции после освобождения, вновь поставила перед коммунистами вопрос об отношении к Временному правительству. Компартия должна была сделать выбор: продолжать сотрудничать с Временным правительством или порвать с ним и предпринять попытку овладеть государственной властью. Буржуазные деятели считают, что в 1944 г. Коммунистическая партия хотела «захватить власть в провинции, как она пыталась сделать это в Париже»². Р. Арон уверяет, будто в августе 1944 г. командование ФТН «готовилось к восстанию», но де Голль и его сторонники «помешали коммунистическому восстанию»³. Левацкие группировки, напротив, до сих пор обвиняют французских коммунистов в том, что они будто бы могли, но не хотели брать власть; упустили открывавшиеся перед Францией возможности перехода к социализму. В обоснование своих обвинений они ссылаются на то, что от-

¹ *Ch. de Gaulle*. Op. cit., t. III, p. 350—351 (documents).

² *Ibid.*, p. 14.

³ *R. Aron*. Op. cit., p. 634, 637.

ряды ФТП и Патриотической милиции представляли собой решающую военную силу, а коммунисты пользовались преобладающим влиянием в руководящих органах Сопrotивления.

Из документов ФКП ныне известно, что бывший член Политбюро и секретарь ЦК ФКП А. Марти «полагал, что Партия должна была дать приказ взять власть в 1944 г.»¹. Аналогичные взгляды высказывал и командующий ФТП Ш. Тийон. Однако Компартия не пошла на такую авантюру. Руководство ФКП отвергло эти предложения, поскольку, как указывается в резолюции Политбюро ЦК ФКП от 3 октября 1952 г., «в 1944 г. еще не создалось условий для того, чтобы рабочий класс мог взять власть»². В момент освобождения Франции война еще продолжалась. Первоочередная задача всех антифашистских сил заключалась в том, чтобы завершить разгром гитлеризма и добиться капитуляции фашистской Германии. На территории Франции находились англо-американские войска, которые (как показал трагический опыт Греции), несомненно, оказали бы французской буржуазии помощь в подавлении революционного движения масс.

Реальное соотношение сил внутри страны также не оставляло надежд на успех вооруженного восстания. Временное правительство располагало хорошо вооруженной регулярной армией и полицией, а попытка захвата власти привела бы к расколу Сопrotивления и изоляции коммунистов от масс. «Своим авторитетом Партия была обязана своей национальной политике, направленной тогда на освобождение страны», — указывал П. Вийон. Все честные патриоты одобряли борьбу ФКП за национальную независимость, однако к моменту освобождения «большинство французов и рабочего класса не осознали ответственности капиталистического режима за беды, от которых страдает страна»³, и не были готовы к борьбе за победу социализма.

Буржуазно-патриотические группировки Сопrotивления вместе с коммунистами боролись за освобождение Франции, но выступили бы против попытки установле-

¹ «L'Humanité», 10. XII. 1952.

² «Cahiers du Communisme», 1952, N 10, p. 942.

³ P. Villon. 1944: Pourquoi les communistes ne préconisent ils pas l'installation d'un régime socialiste?— «L'Humanité», 19. XII. 1970.

ния власти трудящихся. Отряды ФФИ охотно выполняли приказы КОМАК и Национального штаба, пока речь шла о борьбе против оккупантов и вишистов, но они по всей вероятности не подняли бы оружия против правительства генерала де Голля, в котором подавляющее большинство участников Сопротивления видело своего вождя. Даже отряды ФТП, созданные и руководимые коммунистами, не могли участвовать в борьбе против других организаций Сопротивления. «Если Национальный военный комитет ФТПФ состоял из коммунистов, то это уже не было верным для департаментских штабов». Начиная с 1942 г. большинство бойцов ФТП не являлось коммунистами, а в 1944 г. в их ряды влились еще десятки тысяч беспартийных патриотов. «Если бы в этих условиях Партия совершила безумный шаг, «начав» революцию, даже значительная часть ФТПФ выступила бы против нас»¹, — считает П. Вийон.

Исходя из анализа сложившейся ситуации, ФКП взяла курс на длительное сотрудничество всех патриотических сил с целью окончательного освобождения и возрождения Франции. 31 августа 1944 г. М. Торез, выступая по Московскому радио, заявил, что «закончить освобождение Франции, продолжать войну на стороне наших союзников до разгрома гитлеровской Германии, трудиться для быстрого возрождения Франции, обеспечить нашей родине в будущем мире подобающее ей положение великой нации — все это задачи не для одной партии или нескольких государственных деятелей. Это задача всего народа, охваченного энтузиазмом, готового на усилия и жертвы»².

В речи на Пленуме ЦК ФКП в январе 1945 г. М. Торез подчеркнул, что не все французы являются коммунистами или социалистами, а поэтому «мы, коммунисты, в настоящее время не выдвигаем требований социалистического или коммунистического характера»³, которые могли бы привести к расколу Сопротивления. М. Торез заявил, что Патриотическая милиция «и вообще все нерегулярные вооруженные группы не должны больше сохраняться», поскольку они не участвуют в боях, а «местные и департаментские комитеты освобождения не должны подменять администрацию муниципа-

¹ P. Villon. Op. cit. — «L'Humanité», 19. XII. 1970.

² «Oeuvres de Maurice Thorez», vol. XX, p. 86.

³ Ibid., p. 183.

литетов и департаментов, так же как НСС не подменяет правительство»¹. Единство патриотических сил сохранилось, и это обстоятельство оказало глубокое воздействие на последующую историю Франции.

* * *

В краткий промежуток времени между освобождением Франции и капитуляцией фашистской Германии (сентябрь 1944—май 1945 г.) французский народ добился серьезных успехов. Численность ФКП далеко превзошла довоенный уровень. В марте 1945 г. она составила 500 тыс.², а летом 1945 г. превысила 900 тыс. человек³. На муниципальных выборах весной 1945 г. и на выборах в Учредительное собрание в октябре 1945 г. Компартия вышла на первое место. Исключительно быстро росла численность профсоюзов. В марте 1945 г. Всеобщая конфедерация труда насчитывала 5 млн. членов⁴, а Французская конфедерация христианских трудящихся около 500 тыс. членов.

Стремление к единству охватило массы рабочего класса и других слоев трудящихся. Во Всеобщей конфедерации труда успешно сотрудничали коммунисты, социалисты, беспартийные, причем коммунисты пользовались преобладающим влиянием. Начались переговоры о единстве между ВКТ и христианскими профсоюзами. В декабре 1944 г. был основан Согласительный комитет Коммунистической и Социалистической партий.

Несмотря на сопротивление реакции, постепенно проводились в жизнь важные мероприятия, записанные в программе НСС. Заработная плата рабочих и пенсии увеличились на 45—50%, а семейные пособия — даже на 50—80%⁵; хотя и продолжали отставать от роста цен. Состоялись судебные процессы над Лавалем, Петэном и другими руководителями правительства Виши, приговоренными к смертной казни за измену. Количество смертных приговоров вишистским изменникам превысило 2 тыс. Кроме того, еще 39 тыс. вишистов и дру-

¹ «Oeuvres de Maurice Thorez» p. 182, 187.

² «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 334.

³ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XXI, p. 109.

⁴ «Le Parti Communiste français dans la Résistance», p. 334.

⁵ «Année politique. 1944—1945». Paris, 1946, p. 38.

гих предателей были приговорены к тюремному заключению¹.

Большое значение имело проведение частичной национализации промышленности. В декабре 1944 г. были национализированы угольные шахты, автомобильные заводы Рено, авиамоторный завод «Гном и Рон», часть авиатранспортных компаний. По призыву ВКТ и ФКП трудящиеся развернули «битву за производство», героическими усилиями преодолевая послевоенную разруху.

В области внешней политики наиболее важным актом Временного правительства было заключение франко-советского договора о союзе и взаимной помощи, подписанного в Москве 10 декабря 1944 г. сроком на 20 лет². Франко-советский договор был первым послевоенным договором, который Франция заключила с великой державой. Единодушно одобренный правительством, Консультативной Ассамблеей и всеми организациями Сопротивления, этот договор помог Франции занять достойное место среди других великих держав.

9 мая 1945 г. представитель Франции генерал де Ляттр де Тассиньи присутствовал при подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. 2 сентября 1945 г. Франция участвовала в подписании акта о капитуляции Японии. Ей были предоставлены статус члена — учредителя Организации Объединенных Наций и место постоянного члена Совета Безопасности (наряду с СССР, США, Англией и Китаем). Перед освобожденной Францией открывались пути к лучшему будущему.

Освобождение Франции, явившееся триумфом движения Сопротивления, в то же время было началом его конца. Движение Сопротивления создавалось для борьбы против оккупантов и вишистов, но после освобождения отпала необходимость нелегальной деятельности и вооруженной партизанской борьбы. Исчез общий враг и общая опасность, сплавивавшие разнородные группировки Сопротивления. Перед страной встали новые задачи: завершение войны, восстановление и расширение демократических свобод, подъем экономики, проведение со-

¹ *Ch. de Gaulle. Op. cit., t. III, p. 127.*

² Текст договора и запись переговоров между правительствами СССР и Франции опубликованы в сборнике «Советско-французские отношения...», стр. 332—397.

циально-экономических преобразований, к которым организации Сопротивления не были приспособлены. В военном отношении силы Сопротивления уступали регулярной армии, в политической борьбе — традиционным массовым организациям: партиям и профсоюзам. После окончания войны Сопротивление в его прежних формах лишалось смысла и могло сохраниться только в результате преобразования в какое-то новое общественное движение.

Условия для такого преобразования существовали. В первые месяцы после освобождения Франции движение Сопротивления пользовалось огромным авторитетом. Его участники были окружены почетом. Многие из них (особенно руководители буржуазных группировок) заняли видные посты в правительстве и административном аппарате. Все члены правительства де Голля считали себя участниками Сопротивления, причем половина из них принадлежала к организациям внутреннего Сопротивления. Председатель НСС Ж. Бидо занял пост министра иностранных дел. Стали министрами руководители «Комба» Ф. де Мантон, А. Френэ, П. Тетжен, видный деятель ОСМ А. Леперк, руководители «Либерасьон-Нор» Р. Лакост и О. Лоран. Участники Сопротивления составляли большинство в Консультативной Ассамблее. В руководящем политическом и административном персонале произошли существенные перемены: места вишистов в большинстве случаев заняли деятели буржуазного крыла Сопротивления.

Основные группировки Сопротивления стали легальными массовыми организациями и приняли активное участие в общественно-политической борьбе. Национальный Совет Сопротивления, КОМАК, Парижский комитет освобождения, местные комитеты освобождения вели кампанию за создание крупной французской армии, добивались наказания вишистских преступников, высказывали свое мнение по важнейшим вопросам текущей политики. Численность основных организаций Сопротивления продолжала бурно расти. На 1-м съезде Национального фронта, состоявшемся 30 января — 2 февраля 1945 г., было представлено свыше 2 млн. индивидуальных и коллективных членов¹. На происхо-

¹ «Le Front National, école du civisme et de la démocratie». Rapport présenté par Marcel Mugnier, secrétaire du Front National au 1-er Congrès National du Front National». Paris, 1945, p. 4.

дившем одновременно съезде МЛН присутствовали делегаты от 500 тыс. человек¹.

Тем не менее успехи Сопротивления в качестве массового общественного движения оказались непрочными. В течение 1945—1946 гг. его роль постепенно падала, численность организаций сокращалась, и наконец они фактически перестали действовать. Основные причины раскола Сопротивления коренятся в глубоких классовых сдвигах, происшедших во Франции в послевоенный период. Освобождение Франции и разгром фашистской Германии выдвинули на первый план проблему борьбы за власть и новое общественно-политическое устройство Франции, подорвав основу того «союза французской нации», на который опиралось Сопротивление. Ведущую роль стали играть организации, наиболее ясно и непосредственно выражавшие классовые интересы: политические партии и профсоюзы. Перестав быть силой, борющейся против оккупантов и вишистов, движение Сопротивления в условиях обострившейся классовой борьбы не смогло долго сохранить положение общенационального, массового, демократического антифашистского движения.

В течение 1945 г. по существу прекратилась деятельность руководящих органов Сопротивления. Последний официальный протокол пленарного заседания НСС датирован 19 января 1945 г., хотя формально он существовал до 1947 г.² Парижский комитет освобождения практически перестал действовать с весны 1945 г.³ и в настоящее время занимается лишь организацией юбилейных манифестаций в честь освобождения Парижа. Местные комитеты освобождения постепенно распались.

Участники Сопротивления теперь уделяли главное внимание парламентской или партийно-профсоюзной работе. Многие из них, разочаровавшись в возможности осуществления идеалов Сопротивления, вообще отходили от общественной деятельности. Организации Сопротивления теряли свое прежнее значение, превращаясь в своеобразные объединения бывших фронтовиков, занятых главным образом поддержанием связей солидар-

¹ «Année politique. 1944—1945», p. 94.

² A. Calmette. Op. cit., p. 213.

³ H. Denis. Op. cit., p. 130.

ности и защитой интересов своих членов. С началом «холодной войны», наступлением реакции, устранением коммунистов из правительства они прекратили почти всякую политическую деятельность.

Однако движение Сопротивления не исчезло бесследно. Традиции Сопротивления и поныне живы во Франции. Они вдохновляют передовые силы французского народа во главе с Коммунистической партией на борьбу за светлое будущее страны.

Изучение деятельности основных группировок Сопротивления показывает, что это было сложное и многоплановое движение, в котором переплетались интересы и устремления различных классов. Оно прошло длительный путь и в конце своего существования значительно отличалось от движения, возникшего в 1940—1941 гг.

Первоначально движение Сопротивления представляло лишь незначительное меньшинство французского населения. После того как в войну вступил Советский Союз и французские патриоты увидели реальную перспективу победы над Германией, сторонники Сопротивления стали более многочисленными и активными. Однако массовый характер движение стало приобретать лишь с конца 1942 г., когда наметился коренной перелом в войне, правительство Виши утратило последние признаки национального суверенитета и угроза депортации нависла над широкими слоями населения.

На всех этапах своего развития Сопротивление было общенациональным движением. В нем принимали участие рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая буржуазия, часть средней, а на завершающих этапах и часть крупной буржуазии. Различные классы и слои занимали в движении Сопротивления неодинаковое место. Ведущую роль играл рабочий класс во главе с Коммунистической партией. Рабочие входили в состав почти всех организаций Сопротивления, они составляли костяк партизанских отрядов, организовывали забастовки и демонстрации, были главной силой патриотического движения в городах.

Большое значение для развития французского движения Сопротивления имела позиция крестьянства. Если в первые годы после поражения крестьянство в основном доверяло правительству Виши и даже поддерживало его, то с конца 1942 г. оно все более и более решительно включалось в освободительную борьбу. Крестьяне взяли на себя основную тяжесть помощи рефрактерам и макиزارам. Они снабжали патриотов

продовольствием, укрывали их от преследований полиции, нередко сами вступали в партизанские отряды. В 1943—1944 гг. крестьяне вместе с рабочими, служащими, ремесленниками, интеллигенцией составляли основную массу макизаров, бойцов ФФИ, участников освободительного восстания.

Видное место в движении Соппротивления занимали представители так называемых средних слоев: мелкой буржуазии, служащих, чиновников, офицерства, интеллигенции. Именно они были основателями и руководителями первых буржуазно-патриотических организаций Соппротивления, действовавших на территории Франции и за ее пределами. В первые годы после поражения Франции лишь ничтожное меньшинство средних слоев вступило в ряды Соппротивления. В 1943—1944 гг. обстановка изменилась. Студенты, служащие, офицеры, ремесленники, торговцы в массовом порядке уходили в маки, участвовали в вооруженной борьбе и освободительном восстании.

Как объективное положение средних слоев, так и содержание их деятельности в Соппротивлении были противоречивы. Подвергаясь эксплуатации со стороны крупных монополий, мелкобуржуазные слои населения были проникнуты антимонополистическими настроениями, но в то же время боялись диктатуры пролетариата. Патриотизм толкал их к союзу с рабочим классом и Коммунистической партией, а глубоко укоренившийся антикоммунизм — к соглашению с буржуазией. Если рядовые участники буржуазно-патриотических организаций в ходе совместной борьбы постепенно сближались с рабочим классом и Коммунистической партией, то почти все руководители этих организаций в конце концов примкнули к буржуазии.

Крупная буржуазия, как общественный класс, первоначально не участвовала в Соппротивлении. В подавляющем большинстве она поддерживала правительство Виши. Лишь несколько генералов и адмиралов, а также некоторые руководители французской колониальной администрации приняли участие в движении «Свободная Франция», созданном де Голлем. Только после коренного перелома в ходе войны, когда гитлеровцы были разгромлены под Сталинградом, англо-американские войска высадились в Северной Африке, а режим Виши потерпел крах, часть французской крупной буржуазии

примкнула к Сопротивлению. Наиболее очевидными показателями этого процесса являются переход части вишистской армии и администрации на сторону союзников; создание на основе разоруженной «армии перемирия» отрядов ОРА; присоединение к де Голлю многих видных деятелей буржуазии. Значительная часть крупной буржуазии продолжала политику «национальной измены» и вплоть до освобождения Франции сотрудничала с оккупантами. Как отметил Ж. Дюкло, «во время войны буржуазия создавала себе двойные гарантии. Часть ее шла за Петэном, другая часть — за де Голлем»¹. Таким путем при любом исходе войны буржуазия сохраняла шансы удержаться у власти.

Очень важную роль в размежевании сил между Виши и Сопротивлением сыграли политические убеждения и традиции французского народа. Известно, что в движении Сопротивления участвовали люди самых разных политических и религиозных взглядов: от коммунистов до крайне правых. Картина существенно меняется, если мы проследим судьбу политических течений, а не только отдельных лиц. Тогда обнаруживается, что к Сопротивлению тяготели главным образом левые, демократические группировки, объединившиеся до войны в Народном фронте. Правые и тем более фашистские организации вроде «Боевых крестов» или «Аксьон франсэз» поддерживали правительство Виши. Впрочем, это была лишь общая тенденция, действие которой проявилось далеко не сразу. Среди левых группировок только Коммунистическая партия и примыкающие к ней организации с самого начала вступили в борьбу против оккупантов и вишистов. Все другие левые партии и группировки: Социалистическая партия, партия радикалов, объединения реформистских профсоюзов — после поражения распались, а их сторонники раскололись. Сначала лишь очень немногие социалисты, радикалы, деятели профсоюзов включились в движение Сопротивления, причем в качестве частных лиц, а не представителей своих прежних организаций. По мере развития Сопротивления к нему постепенно присоединилось большинство социалистов, радикалов, активистов реформи-

¹ Ж. Дюкло. Французская коммунистическая партия в борьбе за независимость страны, против американского экспансионизма. — «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года». М., 1948, стр. 168.

стских профсоюзов. Тем не менее организационное воссоздание распавшихся левых группировок заняло много времени. Руководящий центр реформистского крыла ВКТ сложился в 1942—1943 гг.; Социалистическая партия была восстановлена в 1943 г., а партия радикал-социалистов после освобождения Франции.

В лагере правых также произошел глубокий раскол. Основные буржуазно-республиканские партии правого направления: Республиканская федерация и Демократический альянс — распались и более не возродились. Огромное большинство правых одобрило вишистский режим, однако среди них нашлась небольшая группа, которая включилась в движение Сопротивления. По мере превращения Сопротивления в массовое движение его состав менялся. С одной стороны, движение демократизировалось, потому что в него вливались массы рабочих, крестьян, ремесленников, учащихся; с другой стороны, в руководстве ряда организаций усиливалось влияние буржуазии, переходившей на сторону Сопротивления.

Большая разнородность классового и политического состава Сопротивления явилась главной причиной его внутренних противоречий. Наиболее глубокими были классовые противоречия между рабочим классом и буржуазией. Если рабочий класс во главе с Коммунистической партией стремился как можно быстрее освободить Францию, до конца искоренить фашизм, создать условия для глубоких социальных преобразований, то представители буржуазии, охваченные страхом перед народом, хотели ограничить подъем массового движения, оттеснить коммунистов от руководства, любой ценой сохранить капиталистический строй. Исходя из своих классовых интересов, буржуазные деятели Сопротивления проводили политику «атлантизма», препятствовали вооружению народных масс, стремились затормозить национальное восстание, а в конечном счете и освобождение Франции до того момента, когда будет обеспечено сохранение власти в руках буржуазии.

Помимо классовых противоречий внутри движения Сопротивления существовали многие другие противоречия, например противоречия между «Свободной Францией» и внутренним Сопротивлением, противоречия между различными буржуазно-патриотическими организациями и внутри их самих. Среди буржуазно-патри-

отических организаций выделялись две главные группировки: левая — демократическая и правая — националистическая.

Левая группировка, к которой можно отнести «Либерасьон-Сюд», «Либерасьон-Нор», отчасти «Фран-Тирер», считала необходимым сочетать борьбу за освобождение Франции с борьбой за восстановление и расширение демократических свобод. В руководстве этих организаций в той или иной степени преобладали демократы, антифашисты, социалисты; сторонники Народного фронта. К левой группировке примкнула восстановленная в подполье Социалистическая партия.

Правая группировка состояла из таких организаций, как ОСМ, «Комба», «Дефанс де ля Франс». Их руководители тоже добивались освобождения Франции, но особенно подчеркивали желательность сохранения французской колониальной империи и установления «твёрдой власти». Среди них было много правых деятелей, активных противников Народного фронта и Третьей республики. Близкую к правым организациям Сопротивления позицию занимало движение «Свободная Франция» во главе с генералом де Голлем.

Главным содержанием движения Сопротивления на всем протяжении его деятельности была борьба за освобождение Франции. На этой основе объединились все его группировки: от коммунистов до деголлевцев, от рабочих до буржуазии. Несомненно, что французское движение Сопротивления носило прежде всего национально-освободительный характер. Вместе с тем оно существенно отличалось от типичных для XIX в. национально-освободительных движений. Движение Сопротивления развернулось во время второй мировой войны, в условиях общего кризиса капитализма, решающей роли Советского Союза в войне, растущего влияния рабочего класса и коммунистических партий. Оно вело борьбу не просто против иноземных захватчиков, а против фашистских оккупантов и их французских пособников, установивших во Франции по существу фашистские порядки. Задачи национального освобождения, таким образом, сливались с задачами борьбы против фашизма, в которой движение Сопротивления объективно выступало в союзе с социалистическими, антифашистскими и демократическими силами всего мира.

Коммунистическая партия и связанные с ней орга-

низации ставили перед собой задачу не только освободить Францию, но и разгромить внутренний и международный фашизм, провести в освобожденной стране серьезные политические и социально-экономические преобразования. В левых группировках Сопротивления также было много искренних антифашистов, которые видели одну из своих задач в борьбе против фашизма, восстановлении республики и демократических свобод. Тем не менее часть из них не считала правительство Виши фашистским режимом и сначала не вела борьбу против него. Еще более противоречивыми были взгляды правых организаций Сопротивления, которые обычно осуждали нацизм гитлеровской Германии, но одобряли режим Виши и его антидемократические меры. Антифашизм этих группировок был, следовательно, весьма специфичным. Особую позицию заняли руководители «Свободной Франции», которые с первых дней оккупации развернули борьбу против оккупантов и против правительства Виши. Они обвиняли Виши в капитуляции перед Германией, но долгое время не осуждали внутренней политики вишистов и воздерживались от провозглашения демократических принципов.

С течением времени взгляды различных группировок Сопротивления эволюционировали и сближались друг с другом. Антифашистские и демократические настроения усиливались по мере того, как в борьбу вступали широкие народные массы и выявлялся фашистский характер правительства Виши. В течение 1942—1943 гг. даже правые организации Сопротивления осудили вишистский режим, потребовали восстановления республиканского строя и демократических свобод. Руководители «Свободной Франции» высказались в пользу демократических принципов. После образования ФКНО генерал де Голль приступил к отмене вишистского законодательства и восстановил на освобожденных территориях некоторые демократические свободы. В его публичных выступлениях того времени, и особенно в программе НСС, подписанной всеми основными группировками Сопротивления, содержались обещания восстановить и расширить демократические свободы. Все это показывало, что французское Сопротивление как по своим требованиям, так и по своему составу превратилось в антифашистское, демократическое движение.

Демократические требования, выдвинутые участни-

ками Сопротивления, выходили за рамки обычных для довоенного времени буржуазно-демократических свобод. Они требовали «расширения и обновления демократии», новой «экономической и социальной демократии», суть которой состояла в увеличении прав трудящихся и ограничении власти монополий. Задачи борьбы за демократию участники движения Сопротивления тесно связывали с задачами коренной перестройки экономики и политики послевоенной Франции.

В первые годы оккупации социально-экономические требования занимали сравнительно небольшое место в программе Сопротивления. Если ФКП, Национальный фронт, профсоюзы, социалисты и некоторые левые организации типа «Либерасьон-Сюд» систематически вели борьбу за улучшение положения трудящихся, подчеркивали предательскую роль трестов, предлагали осуществить после войны ряд мер в пользу народных масс, то правые организации Сопротивления долгое время обходили молчанием эти вопросы.

Лишь с конца 1942 г. проблемы положения трудящихся и предстоящих социально-экономических преобразований привлекли их пристальное внимание. Национальное предательство французской крупной буржуазии, сотрудничавшей с оккупантами, теснейшая связь трестов и монополий с правительством Виши привели к распространению среди участников Сопротивления антимонополистических, а иногда и антикапиталистических настроений. Особенно широкий размах они получили в 1943—1944 гг., когда мысль об измене крупной буржуазии и необходимости коренных социально-экономических преобразований проникла во все организации Сопротивления. Программа НСС предлагала устранить финансовые и экономические олигархии от руководства экономикой, национализировать основные средства производства, банки и страховые компании, обеспечить трудящимся право на участие в управлении производством, право на труд, на отдых, на социальное обеспечение и на образование. Даже генерал де Голль заявлял, что национальные ресурсы должны использоваться в интересах всей нации, а не отдельных групп, обещал уничтожить «коалиции частных интересов, монополистических объединений и трестов»¹.

¹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2, стр. 674 (документы).

Таким образом французское Сопротивление стало одновременно национально-освободительным, антифашистским, демократическим и в известной мере антимонополистическим движением.

322 Многие участники Сопротивления (прежде всего коммунисты и социалисты) осуждали не только монополии, но и весь капиталистический строй. Некоторые руководители буржуазно-патриотических организаций также говорили о своем стремлении к «социалистической революции». Тем не менее в целом Сопротивление, конечно, не было социалистическим движением. Большинство буржуазных деятелей Сопротивления во главе с генералом де Голлем открыто выступали за сохранение капиталистического строя (правда, в реформированном виде). Те из них, кто высказывался в пользу «социалистической революции», не имели в виду подлинную социалистическую революцию в марксистско-ленинском смысле этого термина. Самые радикальные требования, содержащиеся в программе НСС, не носили социалистического характера и в лучшем случае могли стать переходными мерами. Однако буржуазные деятели Сопротивления рассматривали эти меры только в плане реформирования капитализма. Осуждая монополии, предлагая улучшить положение трудящихся и передать в руки государства руководство экономикой, они исходили из интересов буржуазии, предпочитали пойти на уступки массам, прежде чем эти уступки будут вырваны силой.

Многообразие целей и состава французского движения Сопротивления создавало основу для различных вариантов его последующего развития. Огромная роль рабочего класса и Коммунистической партии, демократические и антимонополистические устремления участников Сопротивления (в том числе требования национализации основных средств производства) могли бы при определенных обстоятельствах стать базой для перехода от капитализма к социализму. Сближение борьбы за демократию с борьбой за социализм, характерное для эпохи общего кризиса капитализма, облегчало такой переход, создавало некоторые предпосылки для перерастания движения Сопротивления в борьбу за социализм. Однако конкретные условия того времени не позволили развиваться этому процессу. Преобладание буржуазии в руководящих органах Сопротивления, ее

стремление ограничить перестройку общественно-политической системы Франции рамками государственно-монополистического капитализма, авторитет генерала де Голля в массах населения, присутствие англо-американских войск позволили буржуазии предотвратить переход государственной власти в руки народа.

Исход борьбы зависел от соотношения классовых сил не только во французском, но и в международном масштабе. Если в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, освобожденных Советской Армией, возникли благоприятные условия для перерастания существовавшего там движения Сопротивления в борьбу за социализм, то во Франции, где находились англо-американские войска, таких условий не было.

В литературе поднимался вопрос: не являлось ли Сопротивление революционным движением? Этот вопрос остается дискуссионным, и ответ на него зависит не только от анализа конкретной ситуации, но и от критериев, определяющих революционность общественного движения. Если относить к революционным движениям все прогрессивные движения, сторонники которых намерены добиваться своих целей не реформистскими, а революционными методами, то французское движение Сопротивления можно назвать революционным. Его участники постоянно прибегали к революционным методам, включая вооруженную борьбу и восстание. Они хотели освободить Францию, свергнуть существовавшее там правительство, создать новый государственный и политический строй.

Вооруженное национальное восстание привело к освобождению Франции и свержению правительства Виши. Был уничтожен фашистский режим, восстановлены и значительно расширены демократические свободы, подготовлены условия для частичной национализации промышленности и введения прогрессивного социального законодательства. Резко возросла политическая роль рабочего класса и Компартии, участвовавшей в правительстве. Таким образом, по существу были решены объективные задачи национально-освободительной, антифашистской, демократической революции. Для более полного освещения этой проблемы было бы полезно сравнить движение Сопротивления с буржуазно-демократическими революциями прошлого и с революционными процессами в колониальных странах, к положению кото-

рых Франция приблизилась в годы оккупации. Однако такая задача выходит за рамки этой книги.

Движение Сопротивления создало условия для обеспечения национальной независимости Франции, для успешной деятельности народных, антифашистских сил. Тем самым оно во многом предопределило пути дальнейшего развития своей страны, способствовало победе сил мира, прогресса и демократии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМГОТ — AMGOT (Allied military government of occupied territory) — Союзное военное правительство на оккупированной территории
- АС — AS (Armée secrète) — «Тайная армия»
- БСРА — BCRA (Bureau central de Renseignements et d'Action) — Центральное бюро осведомления и действия
- ВКТ — CGT (Confédération générale du Travail) — Всеобщая конфедерация труда
- ГКИ — CGE (Comité général d'Etudes) — Генеральный комитет исследований
- КАС — CAS (Comité d'Action socialiste) — Комитет социалистического действия
- КОМАК — COMAC (Comité d'Action Militaire) — Комитет военных действий
- МЮР — MUR (Mouvements Unis de Résistance) — Объединенное движение Сопротивления
- НАП — NAP (Noyautage des Administrations publics) — Служба проникновения в администрацию
- НСС — CNR (Conseil National de la Résistance) — Национальный Совет Сопротивления
- НФ — FN (Front National) — Национальный фронт
- ОРА — ORA (Organisation de Résistance de l'armée) — Организация Сопротивления армии
- ОС — OS (Organisation spéciale) — Специальная организация
- ОСМ — OCM (Organisation civile et militaire) — Гражданская и военная организация
- ПКО — CPL (Comité Parisien de Libération) — Парижский комитет освобождения
- СТО — STO (Service du travail obligatoire) — Служба обязательной трудовой повинности
- ФТП — FTP (Francs-Tireurs et Partisans français) — Французские франтиреры и партизаны
- ФКНО — CFLN (Comité Français de la Libération Nationale) — Французский комитет национального освобождения
- ФФИ — FFI (Forces françaises de l'Intérieur) — Французские внутренние силы
- ФКХТ — CFTC (Confédération française des Travailleurs chrétiens) — Французская конфедерация христианских трудящихся

Введение	5	Introduction	5
Определение, характер и периодизация французского движения Сопротивления	10	Définition, caractère et périodisation de la Résistance française	10
Глава 1.		Chapitre 1.	
Возникновение движения Сопротивления	20	La naissance de la Résistance	20
Оккупация и Виши	—	L'occupation et Vichy	—
Свободная Франция	32	La France libre	32
Французская коммунистическая партия — организатор и вдохновитель движения Сопротивления	51	Le Parti communiste français — organisateur et animateur de la Résistance	51
Первые буржуазно-патриотические организации Сопротивления на территории Франции	68	Les premiers Mouvements de la Résistance en France	68
Глава 2.		Chapitre 2.	
Подъем движения Сопротивления	87	L'essor de la Résistance	87
Начало Великой Отечественной войны и французское движение Сопротивления	—	Le début de la Grande Guerre Patriotique de l'Union Soviétique et la Résistance française	—
На пути к единству	106	Le chemin vers l'unité	106
Развитие вооруженной борьбы и проблема национального восстания	124	La lutte armée et le problème de l'insurrection nationale	124
Осуждение Виши и признание де Голля	140	La condamnation de Vichy et la reconnaissance de De Gaulle	140
Глава 3.		Chapitre 3.	
Объединение сил Сопротивления	166	L'unification de la Résistance	166
Переориентация французской буржуазии. Создание Французского комитета национального освобождения	—	Le changement des positions de la bourgeoisie française. La constitution du Comité Français de la Libération Nationale	—
		La création des organisations unifiées de la Résistance	185

Образование объединенных организаций Сопротивления	185
Выработка общей программы Сопротивления	211
Глава 4.	
Национальное восстание	240
Накануне восстания	—
Начало восстания и обострение классовых противоречий внутри движения Сопротивления	260
Парижское восстание	285
Освобождение Франции	302
Заключение	315

La lutte pour le programme commun de la Résistance	211
Chapitre 4.	
L'insurrection nationale	240
La veille de l'insurrection	—
L'insurrection et les contradictions de classe dans la Résistance	260
L'insurrection parisienne	285
La libération de la France	302
Conclusion	315

Смирнов В. П.

С50 Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., «Мысль», 1974.

327 с.

В книге дана общая картина развития движения Сопротивления во Франции, анализируются основные его проблемы. Широко используя архивные материалы и печать движения Сопротивления, автор подробно рассматривает деятельность главных группировок Сопротивления, исследует вопросы идейно-политической и классовой борьбы внутри этого движения. Большое место уделяется борьбе Французской коммунистической партии и рабочего класса — основной силы французского движения Сопротивления.

С 10603-071
004(01)-74—83-74

9(М)72

**Смирнов,
Владислав
Павлович**

**ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ
во ФРАНЦИИ
в годы
второй
мировой
войны**

Редактор	В. В. Станковская
Младший редактор	З. В. Ратушняк
Оформление художника	А. Кузнецова
Художественный редактор	В. А. Захарченко
Технический редактор	Т. Г. Сергеева
Корректоры	Н. С. Приставко, В. С. Матвеева

Сдано в набор 10 декабря 1973 г. Подписано в печать 4 сентября 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условных печатных листов 17,22.
Учетно-издательских листов 18,29. Тираж 11 000 экз. А 08119. Заказ 4729.
Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, Мало-Московская, 21.

